

Федеральное агентство научных организаций
Российская академия наук
Южный научный центр
Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Таганрогский институт управления и экономики
Ростовская региональная армянская
национально-культурная автономия «Нор-Нахичеван»

АРМЯНЕ ЮГА РОССИИ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ОБЩЕЕ БУДУЩЕЕ

Материалы II Международной научной конференции
Ростов-на-Дону
26–28 мая 2015 г.

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2015

УДК 323.1:94:008(=19)
А839

Редакционная коллегия:
академик **Г.Г. Матишов** (отв. редактор),
к.ю.н. **А.В. Батиев** (зам. отв. редактора), д.и.н. **С.С. Казаров**,
к.ф.н. **Н.А. Власкина**, к.г.н. **Е.Э. Кириллова**,
к.п.н. **Д.Д. Челпанова**, **О.А. Белоусова**, **И.В. Бобякова**

Армяне Юга России: история, культура, общее будущее:
А839 материалы II Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 26–28 мая 2015 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. — 304 с. — ISBN 978-5-4358-0106-4.

Материалы сборника посвящены различным аспектам жизни и деятельности армянской диаспоры южного макрорегиона. Рассматриваются история формирования армянской общины и ее современное состояние, роль армянского населения в социально-экономическом и культурном развитии региона, взаимодействие с другими народами, этническое самосознание и социальная адаптации армян Юга России. Издание адресовано научным работникам, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем заинтересованным читателям.

УДК 323.1:94:008(=19)

ISBN 978-5-4358-0106-4

© ЮНЦ РАН, 2015

© ИСЭГИ ЮНЦ РАН, 2015

Federal Agency for Scientific Organizations
Russian Academy of Sciences
Southern Scientific Centre
Institute of Social-Economic Research and Humanities
Taganrog Institute of Management and Economics
Rostov Regional National-Cultural Armenian Autonomy
“Nor Nakhichevan”

**ARMENIANS OF THE SOUTH OF RUSSIA:
HISTORY, CULTURE, COMMON FUTURE**

Proceedings of the 2nd International Scientific Conference
Rostov-on-Don
26–28 May 2015

Rostov-on-Don
SSC RAS Publishers
2015

Editorial Board:

Academician RAS **G.G. Matishov** (Managing Editor),

PhD **L.V. Batiev** (Deputy Managing Editor),

Dr (History) **S.S. Kazarov**, PhD **N.A. Vlaskina**, PhD **E.E. Kirillova**,

PhD **D.D. Chelpanova**, **O.A. Belousova**, **I.V. Bobyakova**

Matishov, G.G. (Ed.) (2015) Armenians of the South of Russia: history, culture, common future. Proceedings of the 2nd International Scientific Conference (Rostov-on-Don, 26–28 May 2015). — Rostov-on-Don: SSC RAS Publishers. — 304 p. — ISBN 978-5-4358-0106-4 (in Russian).

Proceedings cover various aspects of history, culture, economic and political activity of the Armenians of the southern macro-region. Considered are the history of formation and the current state of the Armenian community, its role in the social-economic and cultural development of the region, its ethno-cultural interactions with other peoples, ethnic consciousness and social adaptation of the Armenians of the South of Russia. The proceedings are intended for researchers, teachers, undergraduate, graduate and postgraduate students, as well as readers interested in the issues.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Матишов Г.Г.</i> Предисловие.....	13
--------------------------------------	----

Раздел I. Формирование и развитие армянской общины на Юге России

<i>Вартумян А.А.</i> История семьи — история народа: опыт исторической реконструкции	16
<i>Женетль Н.Х.</i> Черкесо-гаи: взаимоотношения черкесов и армян на Кубани.....	22
<i>Казаров С.С.</i> Об одном забытом источнике о переселении армян из Крыма на Дон.....	28
<i>Канукова З.В.</i> Армянская церковь Григория Лусаворича и самоорганизация армянской диаспоры в Осетии	32
<i>Касьянов В.В.</i> Армянская диаспора на Кубани: социально- экономическая адаптация на рубеже XX–XXI вв.	38
<i>Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А.</i> Образование армянской диаспоры Дербента и ее роль в развитии торговых контактов города в XVIII в.	43
<i>Минасян С.А.</i> Армяне беженцы на Северном Кавказе: 1918–1920 гг.....	49
<i>Молодов О.Б.</i> Проблемы консолидации армянских диаспор.....	54
<i>Тарасова Т.Т.</i> Численность и современный ареал расселения армян Юга России	60
<i>Серигов А.В., Черноус В.В.</i> Армяне Ростовской области: проблемы идентичности	65
<i>Суций С.Я.</i> Армяне Дона: размеры и география диаспоры (конец XVIII — начало XXI вв.)	69
<i>Хатламаджиян А.С.</i> Генеалогия армян Дона по материалам Государственного архива Ростовской области.....	75
<i>Чухряева М.И., Дибирова Х.Д., Епископосян Л.М., Балановский О.П., Балановская Е.В.</i> Генофонд донских армян: столетия в диаспоре	81

Раздел II. Армяне в социально-экономической и политической жизни макрорегиона

<i>Аваков П.А.</i> Тяжба Аспадура Асканова (из истории социально-экономических отношений на Дону в 1-й четверти XVIII в.).....	85
<i>Акопян В.З.</i> К истории деятельности армянских секций РКП – ВКП(б) на Дону в 1920-е гг.....	92
<i>Багаева Е.М.</i> Армянское предпринимательство на Кубани во 2-й половине XIX в.: на примере промышленной деятельности И.П. Бедросова	99
<i>Братолобова М.В.</i> Армяне в либеральном движении Дона начала XX в.....	104
<i>Гарунова Н.Н.</i> Вклад армянского населения в развитие виноделия на Кизлярщине (XIX — нач. XX вв.).....	109
<i>Гомян А.Д.</i> Евразийский экономический союз: новые перспективы сотрудничества Армении и России.....	115
<i>Иванцов И.Г.</i> Армянский район Северо-Кавказского края в документах районного комитета ВКП(б) (1925 — начало 1930 гг.).....	118
<i>Казарова Н.А.</i> Армянский вопрос на страницах донской прессы в 1914 г.	125
<i>Карпетян Л.А.</i> Концепция национального государства в идеологии партии дашнакцутюн на рубеже XIX–XX вв.	129
<i>Крамаров Н.И., Крамарова Е.Н.</i> Традиции благотворительности и меценатства донских армян в XIX — начале XX вв.	136
<i>Мирзоян С.С.</i> О деятельности общественных организаций Ростова-на-Дону и Ново-Нахичевани по оказанию помощи беженцам (1915–1916 гг.)	141
<i>Самарина Н.В.</i> Нахичевань-на-Дону в конце XIX — начале XX вв.: особенности экономического и социального развития	145
<i>Сень Д.В.</i> Участие армян в пограничных контактах России, Крымского ханства и Османской империи (XVII в. — начало XIX в.).....	152

Сивков С.М. Коллективизация крестьянства Армянского района Майкопского округа в 1930 г.: два взгляда	157
Тикиджьян Р.Г., Мелконян В.В. Донские казаки и армяне в XVIII–XX вв.: из истории взаимоотношений	164
Чекулаев Н.Д. Армянский эскадрон как составная часть кизлярского гарнизона: 1735–1764 гг.	171

Раздел III. Материальная и духовная культура армянского народа

Айларов А.Э. Армянское национальное культурно-благотворительное общество «Эребуни» во Владикавказе: итоги деятельности и перспективы	176
Баева О.В. Особенности архитектурно-планировочной организации поселений армян Нижнего Дона (конец XVIII — начало XIX вв.)	180
Давтян Д.А. Армянская периодическая печать Одессы (начало XX в.)	186
Ктиторов С.Н. Армянские учебные заведения досоветского Армавира	192
Поцешковская И.В. К вопросу формирования культурного ландшафта Нахичевани-на-Дону в последней четверти XVIII — 1-й половине XIX вв.	198
Садым К.Б. Основные направления деятельности армянской секции клуба Нацмен на Кубани	205
Саргсян Т.Э. Армянское архитектурное наследие в Крыму и проблемы его сохранения	210
Саркисян А.Ш. Новонахичеванские анекдоты в контексте юмористических миниатюр армянского народа	214
Тер-Саркисянц А.Е. Этнокультурный облик амшенских армян (по полевым материалам 1990-х гг.)	221
Халпахчьян В.О. Рукопись книги О.Х. Халпахчьяна «Архитектура крымских армян» и ее судьба	228
Чолахян В.А. Из истории строительства армянской церкви Святой Богородицы в Саратове	232

<i>Хамада К.</i> Роль «Исповедания христианской веры Армянской церкви» Иосифа Аргутинского в русской богословской науке	238
<i>Яновский В.С.</i> Воспоминания М.Х. Эльдаровой в серии «История семьи в истории Кисловодска» (об одном библиотечном издательском проекте)	242
 Раздел IV. Выдающиеся представители армянского народа	
<i>Авдулов Н.С.</i> О гражданственности в творчестве М.С. Шагинян ...	247
<i>Асатрян А.Г.</i> Деятельность композитора Александра Спендиарова в Крыму	252
<i>Базиева Г.Д.</i> Межнациональный диалог в театральной культуре (о творчестве династии Каграманян в Кабардино-Балкарии)...	256
<i>Герасимова Ю.Н.</i> Гусар из Лазаревского института: поворот в судьбе М.Т. Лорис-Меликова	259
<i>Герасимова Ю.Н., Любина Т.И.</i> Биографические документы об армянах в составе фондов Центрального государственного архива Московской области	265
<i>Камалян М.А.</i> Константин Аладжалов: жизнь и творчество	270
<i>Манукян С.А.</i> Донской дашнак Погос Чубар	271
<i>Матвеев Г.А.</i> Армяне Юга России в автобиографической книге М.С. Шагинян «Человек и время»	275
<i>Папаян К.А.</i> К вопросу о партийной принадлежности Г.Х. Чалхушьяна	282
<i>Пирумян Ю.Л.</i> Пирумяны в Российской империи и бывшем СССР	286
<i>Саядов С.М. С.Н.</i> Глинка — историк армянского народа: историография вопроса	291
Сведения об авторах	298

TABLE OF CONTENTS

<i>Matishov, G.G.</i> Foreword.....	13
-------------------------------------	----

Section I. Formation and development of the Armenian community of the South of Russia

<i>Vartumyan, A.A.</i> History of a family — history of the nation: experience of a historical reconstruction	16
<i>Zhenetl', N.H.</i> Cherkesosogais: relationship between Cherkess and Armenians on the Kuban.....	22
<i>Kazarov, S.S.</i> One forgotten source about the migration of Armenians from Crimea to the Don Region.....	28
<i>Kanukova, Z.V.</i> Grigory Lusavorich's Armenian church and self-organization of the Armenian diaspora in Ossetia	32
<i>Kas'yanov, V.V.</i> Armenian diaspora on the Kuban: social-economic adaptation at the turn of the century (20 th –21 st centuries)	38
<i>Magomedov, N.A., Magaramov, Sh.A.</i> Education of the Armenian diaspora of Derbent and its role in the development of the trade contacts of the city in the 18 th century	43
<i>Minasyan, S.A.</i> Armenian refugees in the Northern Caucasus: 1918–1920	49
<i>Molodov, O.B.</i> Problems of consolidation of Armenian diasporas.....	54
<i>Tarasova, T.T.</i> Population and current settling area of Armenians of the South of Russia.....	60
<i>Serikov, A.V., Chernous, V.V.</i> Armenians of the Rostov Region: identity problems.....	65
<i>Sushchy, S.Ya.</i> Don Armenians: size and geography of the diaspora (the end of the 18 th — the beginning of the 21 st century)	69
<i>Hatlamadzhiyan, A.S.</i> Genealogy of the Don Armenians on the basis of the State Archive of the Rostov Region	75
<i>Chuhryaeva, M.I., Dibirova, H.D., Episkoposyan, L.M., Balanovsky, O.P., Balanovskaya, E.V.</i> Gene pool of the Don Armenians: centuries in the diaspora	81

**Section II. Armenians in the social-economic
and political life of the macro-region**

<i>Avakov, P.A.</i> Aspadur Askanov's dispute (from the history of the economic relations on Don in the 1 st quarter of the 18 th century)	85
<i>Akopyan, V.Z.</i> On the history of the Armenian section of the R.C.P. – C.P.S.U. (Bolsheviks) on Don in the 1920s.....	92
<i>Bagaeva, E.M.</i> Armenian entrepreneurship on the Kuban in the 2 nd half of the 19 th century: on the example of the industrial work of I.P. Bedrosov	99
<i>Bratolyubova, M.V.</i> Armenians in the Don liberal movement in the beginning of the 20 th century	104
<i>Garunova, N.N.</i> Armenian population's contribution to the development of wine-making in the Kizlyar region in the 19 th century — the beginning of the 20 th century	109
<i>Gomtsyan, A.D.</i> Eurasian economic union: new perspectives of the cooperation between Armenia and Russia	115
<i>Ivantsov, I.G.</i> Armenian region in the North Caucasian Krai in documents of the district committee of C.P.S.U. (B.). 1925 — the beginning of the 1930s.....	118
<i>Kazarova, N.A.</i> Armenian question on the pages of Don press in 1914	125
<i>Karapetyan, L.A.</i> The concept of national state in the ideology of Dashnaktsutyun's party at the turn of the century (19 th –20 th centuries)	129
<i>Kramarov, N.I., Kramarova, E.N.</i> Traditions of charity and patronage of arts of the Don Armenians in the 19 th century — the beginning of the 20 th century	136
<i>Mirzoyan, S.S.</i> On the work of the social organizations of Rostov-on-Don and Novo-Nakhichevan helping refugees (1915–1916)	141
<i>Samarina, N.V.</i> Nakhichevan-on-Don in the end of the 19 th century — the beginning of the 20 th century: peculiarities of the economic and social development	145

<i>Sen', D.V.</i> Armenian participation in the frontier contacts between Russia, Crimean Khanate and the Ottoman Empire (17 th — the beginning of the 19 th centuries)	152
<i>Sivkov, S.M.</i> Collectivization of peasants of the Armenian Region in the Maikop District in 1930: two opinions	157
<i>Tikidzhyan, R.G., Melkonyan, V.V.</i> Don Cossacks and Armenians in the 18 th –20 th centuries: from the history of the relationship.....	164
<i>Chekulaev, N.D.</i> Armenian squadron as a component of the Kizlyar garrison: 1735–1764.....	171

Section III. Material and spiritual culture of the Armenian nation

<i>Ailarov, A.E.</i> The Armenian national cultural-philanthropic society “Erebuni” in Vladikavkaz: the results of the work and the prospects.....	176
<i>Baeva, O.V.</i> Peculiarities of the architectural-planning organization of the Armenian settlements of the Lower Don region (by the 18 th — beginning of the 19 th century).....	180
<i>Davtyan, D.A.</i> Armenian periodicals of Odessa (the beginning of the 20 th century).....	186
<i>Ktitorov, S.N.</i> Armenian educational institutes of the pre-Soviet Armavir.....	192
<i>Potseshkovskaya, I.V.</i> To the question of the formation of the cultural landscape of Nakhichevan-on-Don in the last quarter of the 18 th century — the 1 st half of the 19 th century.....	198
<i>Sadyam, K.B.</i> Main trends in the work of the Armenian section of the Natsmen club on the Kuban	205
<i>Sargsyan, T.E.</i> Armenian architectural heritage in Crimea and problems of preserving it.....	210
<i>Sarkisyan A.Sh.</i> NovoNakhichevan’s jokes in the context of the humor miniatures of the Armenian nation	214
<i>Ter-Sakisyants, A.E.</i> Ethnocultural image of Amshen Armenians (on the basis of the field data of the 1990s).....	221
<i>Halpahch'yan, V.O.</i> Manuscript of O.H. Halpahch'yan's book “Crimean Armenian's Architecture” and its fate	228

<i>Cholahyan, V.A.</i> From the history of the construction of the Armeninan Church of Our Lady in Saratov.....	232
<i>Hamada, K.</i> The role of “Worship of Christianity in the Armenian Church” by Joseph Arguntinsky in Russian theology	238
<i>Yanovsky, V.S. M.H.</i> El'darova’s recollections in the series “Story of a family in the history of Kislovodsk” (about a library publishing project).....	242

Section IV. Prominent figures of the Armenian nation

<i>Avdulov, N.S.</i> On the public spirit in the works of M.S. Shaginyan	247
<i>Asatryan, A.G.</i> Works of the composer Alexander Spendiarov in Crimea.....	252
<i>Bazieva, G.D.</i> International dialogue in the theatrical culture (on the Kagramanyan dynasty’s creative work in Kabardino-Balkaria).....	256
<i>Gerasimova, Yu.N.</i> Hussar from the Lazarev Institute: a turn in M.T. Loris-Melikov’s fate	259
<i>Gerasimova, Yu.N., Lyubina, T.I.</i> Biographic documents on the Armenians in the Central State Archive funds in the Moscow Region	265
<i>Kamalyan, M.A.</i> Konstantin Aladzhhalov: life and work	270
<i>Manukyan, S.A.</i> Don Dashnak Pogos Chubar.....	271
<i>Matveev, G.A.</i> Armenians of the South of Russia in M.S. Shaginyan’s autobiographical book “Man and time”	275
<i>Papazyan, K.L.</i> To the question of party affiliation of G.H. Chalhush’yan.....	282
<i>Pirumyan, Yu.L.</i> Pirumyans on the expanses of the Russian Empire and the ex-USSR.....	286
<i>Sayadov, S.M. S.N.</i> Glinka as the Armenian nation’s historian: the historiography of the question	291
Information about the authors	298

ПРЕДИСЛОВИЕ

Россия изначально была и остается многонациональным государством. Опыт многовекового совместного проживания народов в едином сообществе содержит в себе разные страницы. Сегодня исторически сложившаяся мозаика народов и культур, этнических и конфессиональных групп органично встроена в единое российское сообщество. Конституция России гарантирует равенство всех независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии, а также других обстоятельств. Федеративное устройство России и национально-культурная автономия дают возможность эффективного развития всех народов и этнических групп, сохранения их историко-культурного и конфессионального своеобразия, особенностей быта и хозяйственной деятельности. Однако следует понимать, что решение вопросов национального развития и межнационального взаимодействия — непрерывный процесс, который требует постоянного внимания со стороны общества и государства.

Южный научный центр РАН и Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН на протяжении более 10 лет ведут активную научно-исследовательскую работу по изучению истории и культуры народов Юга России – одного из самых многонациональных и поликонфессиональных регионов нашей страны. Научные проекты реализуются в рамках программ фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук, при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, федеральных целевых программ Министерства образования и науки, в рамках базовых и инициативных проектов. Одной из форм научной деятельности, которая позволяет объединить усилия наших ученых и многих исследователей из России и зарубежья, являются проводимые каждый год в Ростове-на-Дону всероссийские и международные конференции. Они посвящены гуманитарным, социально-экономическим и политическим аспектам жизнедеятельности населения нашего макрорегиона в целом, а также отдельным народам и этнокультурным группам (казачество, народы Северного Кавказа, украинцы и армяне Юга России).

Армянская диаспора сегодня является крупнейшей на юге нашей страны. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., всего в РФ проживает 1 182 388 армян (для сравнения: численность

постоянного населения Армении, согласно результатам переписи 2011 г., составила чуть более 3 млн человек). Более половины из них зарегистрировано на Юге России. При этом 5/6 от общего числа проживает в 3 субъектах в пределах ЮФО и СКФО — в Краснодарском (281,7 тыс. человек) и Ставропольском (161,3 тыс. человек) краях и Ростовской области (110,7 тыс. человек).

Армянское население на Юге России сформировалось за счет нескольких переселенческих волн. Миграции были обусловлены разными причинами и проходили в неодинаковых социально-экономических и политических условиях. В итоге внутри южнороссийской части армянской диаспоры, объединенной общим происхождением, религией и языком, сохраняются особенности диалекта, бытовой культуры, локальной исторической памяти и даже идентичности отдельных групп. Особенности формирования и существования армянских общин в иноязычной и инокультурной среде обусловили специфические стратегии сохранения этнокультурной идентичности при одновременной активной, характерной для армян в целом интеграции в социально-экономическую, культурную и политическую жизнь регионального сообщества. Армяне внесли большой вклад в освоение и развитие южных регионов России, в культурную и научную жизнь южнороссийского сообщества.

Первая всероссийская конференция, посвященная армянам Юга России, была проведена в ЮНЦ РАН в 2012 г. В ее работе приняли участие ученые из стран СНГ, Италии, Франции, Японии. Делегацию из Армении возглавил президент Национальной академии наук. Благодаря поддержке Ростовской региональной армянской национально-культурной автономии «Нор-Нахичеван» и Ростовской-на-Дону городской армянской национально-культурной автономии «Апага», конференция вышла за рамки изначально планируемого статуса и превратилась в международный форум. Мы продолжаем реализацию заявленных ранее планов ЮНЦ РАН и Института социально-экономических и гуманитарных исследований по проведению форумов, посвященных истории и культуре народов, проживающих на Юге России. И в 2015 г. вновь обращаемся к армянскому населению, которое занимает по численности седьмую позицию в России, а в ЮФО составляет первую по численности группу населения.

Тематика II международной конференции по сравнению с первой всероссийской конференцией (2012 г.) изменилась мало.

Научную актуальность сохраняют вопросы формирования армянской общины и ее современного состояния; роль армянского населения в социально-экономической и политической жизни макрорегиона; вклад армянского населения в культуру, науку и образование макрорегиона. Важнейшей проблемой для любой диаспоры является межкультурное взаимодействие, социальная и этнокультурная адаптации, с одной стороны, и, с другой стороны, сохранение национальной идентичности и историко-культурной самобытности: культуры, языка, религии, исторической памяти.

В 2015 г. будет 100 лет геноциду армян, осуществленному в Османской империи по решению младотурецкого правительства. Россия, как и ряд других стран Европы, Америки и Азии, признала геноцид армян. 14 апреля 1995 г. Государственная дума приняла заявление, осуждающее организаторов геноцида армян 1915–1922 гг. и признающее 24 апреля Днем памяти жертв геноцида армян. Запланирован визит президента России В.В. Путина в Ереван в апреле 2015 г. для участия в памятных мероприятиях, посвященных 100-летию геноцида армян. Поэтому одним из направлений конференции стал вопрос о геноциде армян и его влиянии на миграционные и социально-политические процессы на Юге России.

Организация конференции осуществлялась во взаимодействии с Национальной академией наук Армении и Ереванским государственным университетом. Ее проведение стало возможным благодаря поддержке ректора Таганрогского института управления и экономики д.э.н. проф. С.Ю. Авакова, председателя Федерации спортивной борьбы Ростовской области, олимпийского чемпиона к.с.н. В.В. Самургашева, генерального консула Республики Армения в Южном федеральном округе РФ д.э.н. А.Д. Гомцяна, Ростовской региональной армянской национально-культурной автономии «Нор-Нахичеван».

Ждем предложений и приглашаем к сотрудничеству всех, кому не безразличны прошлое, настоящее и будущее нашего макрорегиона.

Академик Г.Г. Матишов

РАЗДЕЛ I. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ АРМЯНСКОЙ ОБЩИНЫ НА ЮГЕ РОССИИ

А.А. Вартумян

История семьи — история народа: опыт исторической реконструкции

*Моей бабушке — Джамгаровой Нине Семеновне,
родившейся в г. Карсе, пережившей геноцид,
посвящается*

Написать настоящую статью побудило чувство признательности, любви к бабушке — Джамгаровой Нине Семеновне, которая пережила геноцид в г. Карсе, вышла замуж в г. Тбилиси, была похоронена в г. Кировабаде, кладбище было уничтожено в 1989 г., могила разграблена. Что осталось? Память. С возрастом начинаю понимать глубокий смысл рассказов бабушки о нашей семье, о предках из Персии (г. Исфахан). В историческое повествование народа вплетены нити семейных преданий, рассказы очевидцев, семейные архивы, дополненные профессиональными знаниями.

С горечью приходится констатировать следующее. Каждое новое поколение нашей семьи начинало жизнь на новом месте, в новой стране, в состоянии «мобилизационного вживания» в структуру общества. Приходилось учить язык страны проживания, строить новый дом, интегрироваться в экономическую, политическую, социокультурную среду — затем очередные репрессии и гонения, очередной исход, отказ от привычного образа жизни, получение статуса беженца и повторение судьбы предыдущих поколений.

Судьба диаспорных народов отличается неопределенностью, нестандартными трактовками, нетривиальными сюжетами, неслучайно, рассуждая о проблемах геноцида, мы часто обращаемся к историческим аналогам из этнической истории евреев, греков, ассирийцев. История армянства в представленном сюжете показана через историю отдельной семьи, которая в тиражируемых пропорциях связана с исто-

рией народа. Строгая научная последовательность и стиль изложения чередуются у автора с отступлениями лирического характера, прошу прощения у читателей за «новаторский симбиоз», но любовь и уважение трудно передать исключительно научными комментариями.

История семьи уходит в далекий 1603 г. — когда персидский шах Аббас, воюя с Османской империей, завоевал Тебриз и территорию Восточной Армении. Весной 1605 г. свыше 250 тыс. армян были вынужденно изгнаны в Персию. Мои далекие предки оказались в Нор-Джуге (г. Исфахан).

Первоначально армяне поселились в 18 деревнях вокруг г. Исфахана и организовали свой армянский квартал города. В период между 1606 и 1655 гг. в Исфахане была построена церковь Вонк — основной собор Армяно-григорианской церкви в Иране. Волею судьбы мне пришлось побывать в Иране и посетить Исфахан, прародину моей семьи. В городе функционируют 13 армянских церквей, хорошо сохранилось старое христианское кладбище. Новое армянское население принимало участие в строительстве столицы Сефевидского Ирана, которую шах Аббас перенес в 1598 г. из Газвина в Исфахан. Умение армянских строителей шах использовал при возведении площади Нахши-Джахан («Карта мира»), которую возвели в 1612 г., каменотес Ованес Джамгаров со своими односельчанами принимал участие в создании архитектурных шедевров в Исфахане. Жизнь армянской общины в Иране отличалась от жизни в соседней Османской империи. Персы — народ более веротерпимый, более цивилизованный, от армянской общины требовалось законопослушание и исправное несение налогового бремени. Разбогатеv, Джамгаровы открыли текстильную мануфактуру, построили большой дом, выучили персидский язык и стали почетным уважаемым семейством в Исфагане. Согласно семейным преданиям, один из братьев Ованеса Джамгарова был назван персидским именем Ровшан (армянская транскрипция — Арушан), имя арамейского происхождения, означающее «солнцеликий». Каждый первый мальчик в роду в честь основателя рода должен называться Арушаном. Мой отец — Арушан, я — Арушан, сын — Арушан, проживающий в Германии в г. Гамбурге, мечтаю взять на руки внука — Арушана.

Историю, связанную с нареканием имен, рассказала бабушка, которая выделяла «персидский» период фамилии как спокойный, созидательный, позитивный.

По мнению Р. Амирбекян, «Армянская диаспора... обладает рядом черт, присущих так называемым новым диаспорам. Одной из таких черт является ассоциированность по пункту исхода с исторической родиной». «Джугаци» или «джигаеци» называли себя «выходцы из города Джуги или Нор-Джуги» [1].

В XVIII в. потомки армян из Исфахана переселились в турецкий город Карс, который с X–XI вв. являлся столицей армянского Ванандского царства. В числе переселившихся были и представители торгового дома братьев Джамгаровых, моего прадеда звали Симон, он основал текстильную мануфактуру в новой части города [2]. Карс всегда был центром ремесла и торговли, через город проходил Великий шелковый путь. Армянские купцы Персии стремились создать в регионе торговую инфраструктуру и в этих целях организовывали переселение части купцов из «Нур-Джуги». Нашей семье в Карсе принадлежал торговый дом «Братьев Джамгаровых» недалеко от армянской церкви святых апостолов.

Неоднократно русские войска брали город штурмом, но всегда возвращали турецкой стороне по результатам мирных договоров.

И лишь в ноябре 1877 г. Карс был взят штурмом и отошел к России по результатам Сан-Стефанского мирного договора. В период с 1878–1917 гг. начинается «русский период» в истории города. Мануфактурный бизнес моего прадеда рос невероятными темпами, окрестности города активно заселяли русские переселенцы-молокане. По переписи Российской империи 1897 г., численность города составляла 20 805 человек, из них примерно 50 % (10 400) — армяне, 17 % (3500) — русские, 9 % (2000) — украинцы, 5,2 % (1100) — поляки, 3,7 % (786) — турки, 3,5 % (733) — греки и т.д. [3]. По рассказам бабушки Нины, в конце XIX в. на улицах города разговаривали исключительно на русском и армянском языках, бабушка закончила русскую школу и русское культурное присутствие в г. Карсе было преобладающим. Новый город отстроили русские архитекторы, город получил прямоугольную пересекающуюся, в стиле питерских улиц, городскую архитектуру. Бабушка рассказывала про большой двухэтажный дом, оставленный в Карсе. Под впечатлением от воспоминаний и из-за обещаний, данных «бабо Нино» о посещении Карса, я предпринял авантюрную автомобильную поездку в г. Карс через Батуми и Ардахан. Доехав до Ардахана, вынужден был повернуть назад, т.к. турецкие полицейские не пропустили в Карс «ввиду проведения

боевых учений». В Ардахане посетил местную армянскую церковь (бывшую), побродил по улицам города, который насчитывал в 1914 г. 4113 армян, уничтоженных 25 декабря 1914 г. вместе с грузинским населением города [4].

25 апреля 1918 г. турки захватывают Карс и учиняют массовую резню армянского населения, бабушка чудом спаслась и в обозе была доставлена в г. Тифлис. Закончился «турецкий» период нашей семьи, а бабушка на вопрос о рождении гордо произносила — «карсеци». У нас хранится несколько семейных реликвий из Карса, из дома Джамгаровых, надеюсь, удастся осуществить мечту Нины Семеновны Джамгаровой — посетить наш дом в Карсе и дотронуться до порога рукой.

Тбилисский период семьи связан с наличием большой и организованной армянской общины. Армяне занимали доминирующее положение не только в численном, но и в социальном отношении как по своему значению, так и по разнообразию. В Тифлисе они почти исключительно образовали особое городское сословие — мокалаков, что буквально означает «горожанин». По данным официальной переписи 1864 г., в Тбилиси числилось 47,4 % армян, 24,7 % грузин, 20,4 % русских и т.д. [5]. В семью мокалака, купца первой гильдии, Т. Авагимова привезли исхудавшую, заплаканную и почерневшую от горя мою бабушку. У Т. Авагимова было две дочери — Воски и Галина, бабушка Нина стала третьей дочерью. В Тбилиси родился мой отец Арушан и тетя Амалия. Бабушка вышла замуж за компаньона Т. Авагимова — Людвиг Вартумяна. В Тбилиси, в Мазутном переулке, 47, находится и по настоящее время огромный трехэтажный дом бабушки и дедушки. Папа вырос в Тбилиси, свободно владел грузинским, армянским, азербайджанским, русским, курдским и ассирийским языками.

Но советская власть, установившаяся в Грузии, национализировала и экспроприировала бизнес и имущество деда. Бабушка с двумя детьми переехала жить в г. Кировабад (ныне — Гянджа). Так в семье начинается «гянджинский» период жизни, и уже я, отвечая на вопрос о рождении, говорю — «гандзакеци».

Письменные источники свидетельствуют, что начиная с XI в. Гандзак был многолюдным городом, а в XII в. — одним из крупнейших городов Закавказья. Основную часть населения Гандзака составляли армяне и мусульмане-шииты. В 1852 г. из общей численности населения

в 10 983 человека, армяне составляли 5244 человека — 47,9 %, татары 4600 человек — 47 % населения [6].

По переписи населения 1897 г. (единственной в Российской империи) в г. Елизаветполе (Кировабад, Гянджа) проживало 33 090 человек, армян — 8325 (33,9 %), татар — 10 000 (54 %). Со второй половины XIX в. в городе появляется русское население в связи со строительством железной дороги Баку — Тифлис — Батуми. В Гяндже функционировали 13 мечетей, 6 армянских церквей, 2 русские православные церкви, 1 лютеранская церковь.

Бабушка с детьми поселилась недалеко от армянской церкви Святого Саркиса в большом дворе, который коренные жители города помнят как «джамгаровский двор». Именно в этом дворе мне и другим детям бабушка рассказывала различные эпизоды из жизни рода, семьи. Рассказы о геноциде в Карсе всегда сопровождали «вкрапления» о турках-соседах, которые помогали армянам в период гонений, прятали детей, подкармливали продуктами. Это были первые уроки локальной истории, истории повседневности, истории гуманизма и человеколюбия. В детстве под влиянием рассказов бабо Нино и пришло желание стать историком, посвятить себя изучению этнической истории армянства на фоне региональных политических потрясений. Мне приходилось неоднократно публиковать материалы по истории своего народа и с годами разделить судьбу и трагедию беженства [7]. В семье свободно владели русским, азербайджанским языками, мы впитали в себя элементы «кировабадского» менталитета. Пышно, по-восточному щедро отмечались христианские и мусульманские праздники (Новруз-байрам).

К сожалению, в Кировабаде пришлось повторить судьбу бабушки, т.к. в августе 1989 г. семья вынуждена была покинуть город, оставить два дома, большой сад (на Востоке это ценность), могилы наших предков (бабушка была похоронена на христианском кладбище г. Кировабада, которого больше не существует) и переехать на Кубань.

В России родились две мои дочери, которые, следуя логике повествования, являются «кубанеци», а в г. Гамбурге (Германия) ведет врачебную деятельность мой сын — Арушан Арушанович Вартумян. В г. Армавире родился внук Лев, который будет гордо именовать себя «армавиреци».

«Эпизодический» формат статьи соткан из отдельных воспоминаний живого свидетеля геноцида в г. Карсе, вкраплений и историче-

ских комментариев автора статьи, философских раздумий о судьбах детей и внуков, которые в конце XX–XXI вв., следуя «традициям», получили «осколочное» геноцидное ранение.

Россия стала Родиной для внуков, правнуков и праправнуков бабушки, ее потомки овладели хорошими специальностями и профессиями, все получили высшее образование, работают на благо России. Но, следуя логике семейной истории, приходится мысленно вопрошать: «Какой следующий язык придется учить моим внукам, какая страна станет объектом нашего проживания? Может быть, Россия?» Хочется в это верить!

Примечания

1. Амирбекян Р. Феномен Новой Джуги // Еркрамас. 2015. 11 марта.
2. Армянский вопрос: энциклопедия / отв. ред. К.С. Худавердян. Ереван, 1991. С. 193–195.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 64: Карская область / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 43.
4. Армянский вопрос: энциклопедия... С. 31.
5. Ангабус Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси. М., 1990. С. 27.
6. Карапетян Б., Карапетян С. Тайны Гандзака (Кировабада) и Северного Арцаха. М., 1998. С. 32.
7. См. Вартумян А.А. Этнический фактор и проблемы становления диаспор в Краснодарском крае // Межнациональные отношения в Краснодаре на современном этапе: перспективы устойчивого развития (подходы к решению общероссийской проблемы): материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2005; его же. Политическая актуальность армянской диаспоры: научно-методологическое осмысление // Армения и армяне в контексте мировой культуры: материалы региональной научной конференции. Краснодар, 2006; его же. Национализм как средство коллективной мобилизации и психологической компенсации в региональных конфликтах // Материалы международного «круглого стола» экспертов «региональных конфликтов» в полиэтническом регионе: методы анализа, прогнозирования и конструктивной деэскалации. М.; Ставрополь, 2006; его же. Россия и Турция: столкновение идентичности и культурная ассимиляция // Российско-турецкие отношения: от Атаатюрка до наших дней: материалы «круглого стола» межд. науч.

семинара. Пятигорск, 2011; его же. Армяне Краснодарского края: утраченная идентичность или приобретенное гражданство? // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая — 2 июня 2012 г., г. Ростов-на-Дону) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2012. С. 146–151; его же. Репрессии в отношении армянского населения СССР: депортация по этническому, конфессиональному и политическому признакам // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства: материалы VIII Международной научной конференции. Краснодар, 2013. С. 385–387; Его же. Демографические потери армянского населения в СССР. Ростов н/Д, 2014.

Н.Х. Женетль

Черкесо-гаи: взаимоотношения черкесов и армян на Кубани

Черкесо-гаи — потомки тех армян, которые в отдаленные времена переселились в черкесские аулы. По мнению В.А. Потто, они переняли обычаи, быт и уклад жизни адыгов, среди которых поселились, но в определенной степени сохранили свой язык, христианскую религию и называли себя «черкесо-гаями». Гаи — это самоназвание армян, по имени древнего легендарного армянского царя Гайка, родоначальника этого народа и основателя великой династии, господствовавшей еще до времен Александра Македонского [1].

Как отмечает армянский источник прошлого века, после совершенного уничтожения армянского царя армяне рассеялись по всему свету, и многие из армян, привлеченные выгодами торговли, поселились между черкесами, приобрели недвижимость, даже крепостных людей, и брачными узами породнились с черкесами. Зачастую адыги наделяли армян даже правами узденей (дворян).

К вопросу о времени появления армян на Северо-Западном Кавказе обращались многие исследователи. Приведем несколько версий относительно даты их переселения к черкесам.

По мнению Иоанна Хазрова, эти армяне — выходцы из Анатолии, Трапезунда, Константинополя, Крыма и Грузии, причем «некоторые

фамилии переселились сюда лет 200 тому назад» (т.е. около середины XVII в.) [2]. Офицер русской армии И. Иванов, основываясь на преданиях закубанских черкесо-гаев, также относит дату их появления на Северо-Западном Кавказе к середине XVII в., однако считает их выходцами из Крыма. «По рассказам армянских стариков, назад лет 200 или более, предки их, недовольные смутами, происходившими в Крыму во время владычества ханов, обремененные налогами и претерпевая сильные гонения за веру, давно задумывали куда-либо удалиться от этих неприятностей; наконец, при одном хане они приняли решительное намерение и, бросив свои жилища и имущество, бежали в Черкесию, знакомую им еще прежде по торговым сношениям. По прибытии в горы черкесы приняли их ласково и дали у себя убежище, обещая защищать от всех стеснений ханских, и в знак дружбы молодым их пришельцам предложили в супружество своих дочерей. Армяне приняли это предложение, но с условием, чтобы жены и дети их исповедовали христианскую религию. Черкесы нисколько в том не противились своим гостям и уверяли даже их, что они останутся навсегда свободными в исповедании христианства и будут дела семейные и гражданские решать по своим обычаям. Убежденные в этом, крымские выходцы расселялись по аулам, женились на горских красавицах» [3].

Переселение армян на Кубань относится к XVI в. Эту же дату встречаем мы и в «Прошении главноначальствующему гражданской частью на Кавказе генерал-адъютанту князю Дондукову-Корсакову», которое обнаружено в национальном армянском хранилище древних рукописей Матенадаране [4]: «Еще в конце XVI в. предки наши вышли из Крыма и поселились между разными племенами горцев, ныне Кубанской области. Заручившись покровительством сильных лиц из горцев, они водворились между ними с торговыми целями и, с течением времени, сохранив только религию предков, всецело приняли в жизни своей обычаи, язык и все условия горской жизни, ничем не отличаясь от коренных обитателей, кроме некоторых различий в отношении своих рабов» [5].

В 1475 г., когда турки-османы захватили Крым, они притесняли знатных армян, в чьих руках была часть Крымского полуострова. Позже к ним присоединились переселенцы из Трапезунда, Ирана, а также из долины р. Куры. О том, что армяне переселились в этот регион в середине XV в., пишет Ф. Щербина в своей «Истории Армавира

и черкесо-гаев». Интересно его сообщение об отношении адыгов к пришельцам: «В пришлых воинах черкесы увидели людей благородной крови и приняли их в свою среду с почетом и уважением. Позже, когда они заняли выгодное положение в горах у черкесов, получили права узденей первой степени, т.е. высших дворян, позволившие им беспрепятственно использовать христианскую религию, иметь крепостных людей или рабов и заниматься всевозможными делами, начиная с военной и кончая хозяйственными занятиями и торговлей, к ним начали присоединяться отдельными семьями выходцы из Крыма и из разных мест Малой Азии...» [6]. Н.И. Бондарь также утверждает, что предки современных черкесо-гаев переселились на Кубань из Крыма в XV в. Во всяком случае, как он пишет, уже в XVIII в. у горцев существовали армянские поселения (Гяурхабль и др.) [7]. Так, в 1796 г. кошевой атаман Черноморского казачьего войска получил донесение о том, что «многие из армян, живущие между закубанскими черкесами, желают перейти к нам на жительство не только фамилиями, но и целыми селениями» [8]. Часть из них отправлялась во внутренние губернии России, а часть осела в с. Гривенском, ст. Новоджерелиевской и Переяславской, некоторых адыгских аулах.

Еще одну новую дату встречаем мы в материалах Кавказской лингвистической экспедиции, участниками которой было записано примечательное предание, согласно которому предки черкесо-гаев «выселились из второго Армянского царства и, пройдя Закавказье, поселились в среде черкесов около 600 лет назад (т.е. в середине XIV в.)» [9]. Критически пересмотрев все имеющиеся по этому вопросу данные, Х. Поркшеян обращает внимание на дату армянской надписи, найденной между ст. Белореченской и Ханской и датируемой 1171 г., что в какой-то степени может свидетельствовать о давнем знакомстве армян с землей адыгов. В интерпретации Х. Кучук-Иоаннисова (1893) эту надпись следует читать следующим образом: «Церковь построена каменщиком (имя неразборчиво)... в 620 г. армянской эры (т.е. 1171 г. н.э.)» [10].

Дальнейшие исследования позволили тому же Х. Поркшеяну предположить еще более раннее «освоение» армянами территории Северо-Западного Кавказа. Об этом, по его словам, свидетельствуют найденные им документы, датируемые XI в., где есть упоминание об армянах, живших среди черкесов. Наряду с этим он привлекает неизвестное до того времени предание, рассказанное жителем Армавира

Гаспаром Арутюняном о том, что армяне впервые пришли к черкесам в первые десятилетия XI в. В частности, в этом предании сообщается: «Черкесо-гаи переселились в Черкессию в первые годы XI в., в эпоху византийского императора Василия II. Первой группой был отряд воинов, хорошо вооруженный для своего времени. Этот отряд со своими семьями по приказу императора обязан был дойти до Балкан и, обосновавшись там, защищать границы Византии от нападения болгар. Однако этот отряд, возмущенный политикой, проводимой Византией по отношению к армянам, изменил маршрут и направился в Тамань, в сторону черкесов. Встретив у последних почетный прием, армянские воины вошли в их воинские дружины и служили там. Впоследствии переселилась к ним и малочисленная группа из Ирана. Армавирские Аджемяны являются их потомками...» [11]. На основании всего этого Х. Поркшеян делает вывод, что предки современных черкесо-гаев должны были появиться в предгорьях Северо-Западного Кавказа в XI в. или же не позднее XII в. Р.Ж. Бетровов также считает, что «первая волна переселений армян в Причерноморье-Прикубанье восходит ко второй половине XI в., после захвата Армении турками-сельджуками» [12].

Таким образом, спектр мнений о времени появления армян среди черкесов довольно-таки широк: от конца X до середины XVII вв. Дальнейшие исследования и привлечение новых материалов должны внести ясность в этот спорный вопрос.

Обращает на себя внимание тот факт, что черкесы, сами бывшие в те времена христианами, никогда не мешали армянам отправлять богослужение по правилам григорианского вероисповедания, поддерживавшегося время от времени приходившими из Турции и Крыма православными священниками. Так, у армян, живших у махошевцев, был отец Григорий Гарифов, у натухайцев — Арутюн Агасиев, у темиргоевцев — священник отец Мартирос. В дальнейшем же, как отмечал Л. Люлье, «потеряв нить родства с братьями, армяне составляют особое христианское племя, достойное сожаления» [13]. Далее Л. Люлье останавливается на торговых занятиях черкесо-гаев. Он пишет, что «многие торгующие основали оседлость в Черкессии — большей частью из армян, поселившихся около своих кунаков. Разбросанные между разными черкесскими племенами, армяне сосредоточили в своих руках все торговые обороты, и вследствие того многие из них достигли высокой степени благосостояния и богатства» [14].

О размахе их торговых операций сообщает Ф. Щербина: «мало-помалу армяне охватили своими торговыми операциями всю Черкессию и самые глухие уголки. Черкесы очень ценили торговые услуги армян и охотно поддерживали их торговые предприятия» [15]. Ф. Щербина также сообщает о достаточно высоком положении, которое занимали армянские переселенцы среди черкесов: «Факт исторический и, безусловно, достоверный, что армяне никогда не занимали у черкесов подневольного сословия. Никогда и ни один армянин не был ни рабом, ни крепостным у черкесов. Напротив, почти все армяне, жившие в горах, имели своих рабов, большинство которых было черкесского происхождения. Во время перехода горских армян в русское подданство и на русские земли все выходцы числились узденями первой степени, т.е. были дворянами, имели право держать крепостных людей. Узденями армяне считались у черкесов с незапамятных времен...» [16]. Как сообщает В.К. Гарданов, «горские армяне женились на дочерях черкесских князей и уорков, а ведь по черкесским адатам в брачных делах князя строго охраняли “чистоту крови”, исходя из социального положения» [17]. Цена крови армянина, по данным того же автора, стояла наравне с ценою крови первостепенных уорков-дворян, а иногда даже и выше.

Представляет интерес попытка Г.С. Аракеляна оценить хотя бы приблизительно общее число черкесо-гаев на Кубани перед началом Кавказской войны. Обобщая сведения, извлеченные из фондов Государственного архива Краснодарского края и материалов Кавказской археологической комиссии, ученый оценивает количество черкесогайских семей, как минимум, в 2700–3000. Если исходить из того, что в 1 семье черкесо-гаев было в среднем 7 человек, то в таком случае армянская диаспора на Кубани в 1-й трети XIX в. была бы представлена, по меньшей мере 16 200–18 000 человек [18].

Дополняют наши представления о жизни армян, проживающих на Кубани, сведения, приведенные в работе этнографа Н.И. Бондаря. По его мнению, армянская ветвь на Кубани представлена не одной, а несколькими этническими группами, каждая из которых обладает своим диалектом и самоназванием. По конфессиональной принадлежности это армяне-григориане, но есть и небольшое число мусульман-суннитов (хемшилы). Своеобразную этническую группу со своей историей, особенностями в хозяйственно-культурном укладе и языке представляют амшенские армяне, делившиеся на ряд

локальных групп: дженекцы, ордуицы, трапезундцы и т.д. В основном «приток» амшен на Кубань относился к концу XIX — началу XX вв. До сих пор существует несколько компактных поселений амшенских армян: Тубы, Терзиян, Гойтх и др. Поразительна, как отмечает Н.И. Бондарь, устойчивость амшенских традиций; у них в памяти сохранились древнейшие обряды, давно исчезнувшие в самой Армении [19]. Другая этническая группа армян на Кубани — хемшилы (самоназвание хумшиаци), основной приток которых в Апшеронский и Белореченский районы приходится на 1870–1880 гг. В культурных традициях хемшила легко уживаются и элементы ислама, и собственные, исконные, порой весьма древние представления.

Примечания

1. Потто В.А. Кавказская война. Т. 1. Ставрополь, 1994. С. 321.
2. Хазров И. Остатки христианства между закубанскими племенами // Живая старина. 1993. № 3. С. 82–87.
3. Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. 249. Оп. 1. Д. 320. Л. 3.
4. Архив католиков. П. № 185. Док. 78.
5. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 11. Л. 5.
6. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесогаев. Краснодар, 2010. С. 19.
7. Бондарь Н.И. Что мы знаем друг о друге? // Кубанский краевед – 90. Краснодар, 1990. С. 87. URL: http://budetinteresno.narod.ru/kraeved/narods_ie.htm (дата обращения 01.04.2015).
8. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 21. Л. 3.
9. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 355. Л. 6.
10. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 728. Л. 2.
11. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 244. Л. 3.
12. Бетров Р.Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991. С. 167.
13. Любе Л.Я. Черкесия // Историко-этнографические очерки. Краснодар, 1927. С. 47.
14. Там же. С. 28.
15. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 57.
16. Там же. С. 57.
17. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов (XVII–первая половина XIX в.). М., 1961. С. 287.

18. Аракелян Г.С. Черкесогаи // Кавказ и Византия. Вып. 4. Ереван, 1984. С. 28.
19. Бондарь Н.И. Указ. соч.

С.С. Казаров

Об одном забытом источнике о переселении армян из Крыма на Дон

Источниковая база о переселении армян из Крыма на Дон в XVIII в. не отличается разнообразием, включая в себя только опубликованные Н.Ф. Дубровиным официальные документы [1]. Поэтому привлечение любого нового источника позволяет не только расширить источниковую базу, но и по-иному взглянуть на сам процесс переселения.

В 1856 г. во «Временнике Императорского общества истории и древностей российских» была опубликована в переводе А.С. Фирковича с еврейского рукопись одного из лидеров крымской общины караимов Рабби Азария, которая несколько иначе позволяет нам взглянуть на характер и причины переселения армян из Крыма на Дон [2]. В рукописи идет речь о событиях, произошедших в Крыму в правление хана Шагин-Гирея в 1777 г. Примечательно, что упомянутый источник остался не востребованным подавляющим большинством исследователей истории донских армян.

К сожалению, о личности автора рукописи практически ничего не известно. Те скудные сведения, которыми мы располагаем, можно извлечь из самой рукописи. Как следует из анализируемого источника, Рабби Азария принадлежал к верхушке караимской общины Крыма. Во всяком случае, он отделяет себя от рядовых караимов-земледельцев и вообще от простого люда. По всей вероятности, он принадлежал к торговому сословию. Именно по коммерческим делам ему приходилось много путешествовать не только по территории Крыма, но и за ее пределами.

Очевидно, что рукопись составлена исключительно на основе личных наблюдений автора. Использование каких-либо письменных источников или официальных документов, во всяком случае, там явно не прослеживается. Автор записывал в свой дневник все события, которые он наблюдал сам или же слышал от надежных осведомителей —

по всей вероятности, узкой группы руководителей караимской общины Крыма. Посещая различные уголки полуострова и регулярно общаясь с местными общинами соотечественников, он был в курсе всех событий, происходивших на протяжении 1777 г. Рабби Азария проявляет удивительную осведомленность. Он поименно знает всех татарских мурз, ему известно о противоречиях между татарами, он в курсе не только открытых военных действий, но и всех мелких стычек, происходивших в Крыму в рассматриваемом году. Но всё же нам надо учитывать одно важное обстоятельство: главным сюжетом данной рукописи было описание смуты в Крыму в 70-е гг. XVIII в., а процесс переселения армян рассматривается лишь в контексте главного сюжета.

Насколько объективным может рассматриваться исследуемый источник? Вопрос довольно сложный, ибо автор порой демонстрирует негативное отношение к армянам Крыма, во всяком случае, к их отдельным представителям. Так, по его словам, армяне оклеветали перед ханом двух караимов из Гезлова, которые были схвачены и, по словам автора, безвинно казнены [3]. В то же время он сочувственно относится к терпящим нужду и бедствия армянским переселенцам.

Что же сообщает нам Рабби Азарья об обстоятельствах, связанных с переселениями армян? В одном месте он пишет, что армяне, платящие дань хану, испытывая разного рода притеснения, написали прошение императрице с просьбой освободить их от власти татар и даже выразили готовность переселиться в Россию. Кроме этих автор выделяет и две другие причины: 1) во время смуты, охватившей Крым в 1777 г., армяне и греки вместе с русскими войсками, грабили и убивали мусульман и в период установления мира стали опасаться ответной мести с их стороны; 2) к переселению они были побуждены армянским епископом по имени Арбем (?), который, по словам Рабби Азарья, вынуждал их переселиться в Россию из-за того, что прежние ханы насильно взяли с него 3 тыс. червонцев [4]. Вот этот пассаж вызывает у нас серьезные вопросы, на которых следует подробнее остановиться.

Прежде всего, какого армянского епископа, именуемого «Арбем», имел в виду автор? Варианта ответа может быть только два: либо речь идет о духовном предводителе армян Крыма архимандрите Петросе Маркосяне, либо о духовном предводителе армян России архиепископе Иосифе Аргутинском. Против личности Петроса Маркосяна может говорить то, что, во-первых, он не имел звания епископа, и, во-вторых, то, что упоминаемое источником имя «Арбем»

никак по созвучию не ассоциируется с именем Петроса Маркосяна. Против личности Иосифа Аргутинского говорит один весьма важный аргумент: он никогда ранее не бывал в Крыму, и, соответственно, крымские татары никогда насильно не отбирали у него 3 тыс. червонцев. К тому же нам, но не Рабби Азарья, известен другой мотив, по которому именно архимандрит Петрос Маркосян был инициатором переселения крымских армян в Россию: ранее он получил от российских властей денежное вознаграждение за агитацию армян в пользу переселения. На основании вышесказанного можно предположить, что некий «епископ Арбем» — духовный предводитель крымских армян архимандрит Петрос Маркосян, что позволяет в несколько ином свете взглянуть на его роль в переселении армян из Крыма.

Рабби Азарья пишет, что противодействие переселению неожиданно возникло с двух сторон: татарские вельможи обратились к хану с предложением не отпускать армян, мотивируя это тем, что они занимаются ремеслом и в случае их ухода Крым поголовно лишится ремесленников. Но более неожиданным было подобное обращение к Шагин-Гирею со стороны части (и надо думать — весьма значительной) самих армян. Рабби Азарья пишет, что армяне, «живущие по деревням, бедные и занимающиеся ремеслом», не хотели переселяться в Россию, не желая оставлять свои поля, огороды и сады, дающие им доходы. Они со своей стороны также обратились к хану с просьбой не отпускать их. Испытывая давление с двух сторон — от татарских вельмож с одной стороны и от простого армянского люда с другой — он направил соответствующее ходатайство императрице. Примечательно, что автор рукописи, не очень-то доверяя Шагин-Гирею, скептически оговаривается: неизвестно, что было написано в этом ходатайстве. Но тем не менее механизм уже был запущен, остановить его хану и его подданным было практически невозможно.

Естественно, что все это стало известно А.В. Суворову и вызвало его открытое недовольство. Он собрал верхушку крымских армян — богачей и духовенство — и стал укорять их в отказе от данных ранее обещаний переселиться в Россию и стать подданными императрицы. И важно заметить, что эти упреки сопровождались открытыми угрозами: грядет новая война с Турцией и в случае истребления армян русская армия не будет их защищать. Без сомнения, А.В. Суворов знал, чего больше всего опасаются крымские армяне. И эта угроза сработала: «национальные лидеры», которые было под влиянием массы

своих соотечественников заколебались, теперь снова поменяли позицию и уже стали выторговывать у А.В. Суворова наиболее выгодные условия переселения. Они выпросили размещения на плодородных землях, а также право носить свою крымскую одежду. А.В. Суворов, желая скорее решить этот вопрос, не только согласился с этими условиями, но и пообещал им выдать подводы для переселенцев и по одному рублю серебром на душу. При этом Рабби Азарья упоминает еще об одном факте, но никак его не комментирует: по его словам, по городам и селам за переселенцами были направлены не только подводы, но и войска. Их отправка, на наш взгляд, могла означать только одно: в случае отказа переселяться будет использована сила. С последним аргументом армянские переселенцы не могли не согласиться! Источник ничего не сообщает нам об отдельных случаях отказа от переселения и последующего затем использования силы против отказников. Он лишь говорит о том, что армяне были вынуждены буквально за бесценок продавать не только свои дома, но и посуду, одежду и зерно [5]. Рабби Азарья приводит и количество переселенцев: их число достигло 50 тыс. человек. Оно было столь велико, что переселенцы, увозя с собой еще и стада своего скота, чтобы не мешать друг другу, были вынуждены двигаться отдельными группами и разными путями.

Сам процесс переселения, по свидетельству нашего источника, продлился с июня по ноябрь 1778 г. Хотя Рабби Азарья старается не высказывать своих эмоций, порой они у него прорываются наружу. Он пишет, что по своим делам (скорее всего по торговым) в июле того же года посетил Россию и лично видел, в каком плачевном положении оказались переселенцы. Они жили в открытом поле, «без крова и пристанища». От непогоды, перемены климата и плохой воды у переселенцев, как армян, так и греков, значительно выросла смертность, в результате которой их потери достигли 12 тыс. человек [6]. Ситуация была настолько тяжелой, что часть переселенцев обратилась к российским властям с просьбой вернуть их обратно в Крым. То положение, которое он описывает, сложилось через месяц после начала переселения. Это может означать лишь то, что за этот месяц переселенцы уже пересекли пределы России, но главный вопрос — получение ими обещанной земли — по вине властей был еще далек от своего разрешения. Рабби Азарья обвиняет А.В. Суворова в том, что он не сдержал своего обещания и не предоставил переселенцам землю, но едва ли это входило в его компетенцию: его задачей было

быстрое, и при необходимости даже с использованием силы, переселение армян из Крыма.

К сожалению, на этом сведения о переселении армян исчерпываются. Тем не менее даже на основе имеющихся фактов можно сформулировать основные идеи автора рукописи. Во-первых, идею переселения из Крыма поддерживало далеко не все армянское население Крыма, а только лишь его верхушка. Те из них, кто отказывался переселяться, прямо были запуганы самим Суворовым возможным турецким нашествием и отказом российской армии в их защите. Во-вторых, переселение было абсолютно не подготовлено российскими властями, итогом чего стали невообразимые страдания и высокая смертность среди переселенцев.

Таким образом, анализируя содержание рукописи Рабби Азарья, можно прийти к выводу, что, несмотря на свою некоторую субъективность и ограниченность, содержащаяся в ней информация может служить добротным коррективным материалом для составления полной картины переселения армян из Крыма.

Примечания

1. Дубровин Н.Ф. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, распоряжения и донесения. Т. 2. СПб., 1885. С. 296 и сл.

2. Рабби Азария. События, случившиеся в Крыму в царствование Шагин-Гирей-хана / пер. с еврейского А.С. Фирковича // Временник Императорского общества истории и древностей российских. 1856. Кн. 26. С. 102–132.

3. Там же. С. 115.

4. Там же. С. 127.

5. Там же. С. 128.

6. Там же. С. 130.

З.В. Канукова

Армянская церковь Григория Лусаворича и самоорганизация армянской диаспоры в Осетии [1]

В полиэтничной структуре Осетии армянская община, формировавшаяся с конца XVIII в., всегда отличалась особой стойкостью этни-

ческих признаков, внутренней консолидацией и высокой степенью адаптации к внешним воздействиям. Как правило, такие состояния объясняются многочисленностью, многократными пополнениями, трагической историей, актуализировавшей национальное самосознание, и т.д.

Но главным фактором, способствовавшим этнокультурной консолидации армянской общины, был конфессиональный. Армяне в Осетии стали не только этнической группой, но и религиозной общиной, а армяно-григорианская вера в данной культурно-исторической ситуации становилась этнодифференцирующим и этноконсолидирующим признаком.

Одним из первых событий в адаптационном процессе армян во Владикавказе было строительство церкви. Свое название церковь получила по имени Григора Лусаворича (Просветителя). Специфика ее догматики определялась принадлежностью армяно-григорианской веры к монофизитской ветви христианства.

Первое упоминание о желании владикавказских армян иметь свою церковь относится к 1839 г. За несколько лет были улажены организационные вопросы и построено небольшое деревянное здание. В 1843 г. армяно-григорианская церковь была освящена. Столь знаменательное событие произошло при его святейшестве Нерсесе V, верховном патриархе и католикосе всех армян. Деревянная церковь просуществовала 21 год. В 1862 г. Астраханская армянская консистория подняла вопрос о строительстве каменного храма. Численность армянского населения неуклонно росла, небольшая по своим размерам церковь с трудом вмещала всех верующих, особенно в дни религиозных праздников. В июне 1897 г. Астраханская епархиальная консистория направила начальнику Терской области генерал-лейтенанту А.М. Смекалову проект детальной реконструкции церкви. После специальной экспертизы и отзыва архитектурной службы было дано разрешение возвести 2 новых боковых входа с колокольней [2]. Тогда же были приглашены строители из святого Эчмиадзина.

Вначале церковь представляла собой крестово-купольную трехнефную базилику с трехъярусной колокольней на западном фасаде. При перестройке колокольню убрали, а церковь превратили в пятинефную базилику. Средства на строительство были выделены не только Астраханской армяно-григорианской епархиальной консисторией по повелению верховного патриарха и католикоса всех армян

Матевоса, но и местными прихожанами. Часть расходов взял на себя Лорис-Меликов — начальник Терской области, человек, оставивший яркий след в истории Владикавказа.

18 августа 1902 г. состоялось торжественное освещение перестроенной церкви. На церемонию прибыл астраханский армяно-григорианский архиепископ Аристакез Сидраканц. Событие было отмечено торжественным обедом в зимнем помещении коммерческого клуба [3].

Известно, что поводом к организации религиозного учреждения для последователей конкретного вероучения является потребность в отправлении религиозного культа. Но деятельность армянской церкви была гораздо шире. В адаптационном процессе армян-беженцев большое значение имела иллюзорно-компенсаторная, или психотерапевтическая, функция религии. Люди, пережившие страшный геноцид, тяжелые потери, хозяйственные, бытовые, языковые и другие сложности, находили утешение в церкви, в своей вере, в молитвах.

В стенах храма решались важные для общины вопросы, священнослужители хорошо знали проблемы своей многочисленной паствы и были готовы оказать помощь, утешить утешение, дать добрый совет, а в необходимых случаях и предоставить материальную поддержку. Состоятельные прихожане часто делали пожертвования, а церковь изыскивала возможности для благотворительной деятельности. Например, в 1903 г. благочинный Владикавказской армяно-григорианской церкви Акоп Сарикянц получил от горожанина Г.И. Евангулова сто-рублевую государственную ренту с процентами (6 купонами) на учреждение в городе бесплатного приюта для бедных армян [4].

В иноэтнической и иноконфессиональной среде особую значимость приобретает коммуникативная функция религии, выполняемая церковью. Она становилась местом удовлетворения потребности людей в национальном, земляческом, родственном общении. После церковных служб прихожане не спешили расходиться по своим домам, они проводили здесь свой досуг. Внутриобщинной коммуникации способствовало и место расположения церкви в районе компактного проживания армян.

Религиозный символизм, обряды и обычаи способствуют социальной сплоченности, а принятие определенной системы верований включает человека в религиозную моральную общность и служит сплачивающей силой. Религиозный комплекс тесно связан с традици-

онной духовной культурой этноса, с обрядовой жизнью. Все армянские религиозные праздники — Рождество и Крещение, Масленица, Вербное воскресенье, Пасха, Вознесение, Преображение — предполагали многолюдность при проведении богослужений. В эти дни в армянской церкви собиралась вся община. После службы во дворе церкви устраивалась церемония жертвоприношения, накрывались праздничные столы, звучала народная музыка. Все праздники предполагали сплоченные действия, усиливавшие внутриобщинную коммуникацию. Коммуникативная роль церкви проявлялась и в семейной обрядности. С этим социальным институтом были связаны все основные события жизненного цикла человека — крещение, заключение брака и другие.

Регулятивная функция проявляется и в заботе о молодом поколении, в воспитании и социализации молодых членов общины. Армянские дети посещали церковь, принимали участие в определенных обрядовых действиях. Особую заботу церковь проявляла об их образовании. В архивах сохранилось множество различных прошений и ходатайств армянского духовенства об открытии школ.

При владикавказской армяно-григорианской церкви было создано «Армянское для всепомоществования учащимся общество» во главе со священником П. Кусалянц (Гусикянц), двухклассная церковно-приходская школа, армяно-григорианское начальное училище, ремесленное училище, церковно-приходское училище для девочек-армянок, одноклассное мужское училище. Все эти заведения существовали в основном на церковные средства и сборы прихожан. Церковь ежегодно выделяла 1 тыс. руб. «Армянскому для всепомоществования обществу» на содержание школ. Закон Божий преподавался настоятелем армянской церкви, он был обязательной дисциплиной [5].

В середине 1870-х гг. во Владикавказе открылось первое церковно-приходское одноклассное училище, для которого недалеко от храма было приобретено и оборудовано на церковные средства специальное здание. Армянские купцы и содержатели духанов не жалели средств на образование. Многие армяне вкладывали личные средства в открытие школ и училищ. Среди них начальник Терской области Лорис-Меликов, вдова офицера российской армии Мария Аветисовна Автандилова, оставившая в своем духовном завещании 5 тыс. руб. золотом, вырученные от продажи ее недвижимого имущества

с торгов и поровну разделенные между церковью и церковно-приходским училищем [6].

В 1885 г. многие национальные школы подверглись гонениям и были закрыты. Однако благодаря стараниям верховного патриарха и католикоса всех армян Макара через 5 лет удалось восстановить эти учебные заведения. Летом 1896 г. армянское общество во Владикавказе обратилось к городским властям с ходатайством об открытии при церкви училища для детей.

С аналогичным ходатайством обратился в сентябре 1898 г. настоятель армянской церкви в Дирекцию народных училищ Терской области. В обращении говорилось о желании армянского общества открыть при церкви одноклассное мужское училище на 60 человек с двумя учителями и законоучителем, а также высказывалась просьба принимать в училище только детей армяно-григорианского вероисповедания. Общество обязывалось ассигновать для этой цели 1500 руб. [7]. В октябре того же года училище было открыто, учащимися стали 25 детей из армянских семей. Это учебное заведение действовало до 1915 г. [8].

Существовавшие церковно-приходские школы были объединены в начальное училище под руководством Давида Ивановича Нониянца. На средства церкви для училища было возведено специальное просторное здание, приобретена богатая по тем временам библиотека из 682 книг на армянском, грузинском и русском языках. Училище содержалось исключительно на церковные средства и сборы прихожан, а руководило им армянское общество города, которое возглавляли Сатаров, А. Кациев, А. Самвянц, М. Тер-Абрамянц. В документах сохранились имена преподавателей: Георгий Автандилов, Влас Власянц, Степан Демуриянц, Тигран Тер-Хачатурян. Попечителем была церковь, которая имела большие полномочия. Например, в 1914 г., когда между преподавателями произошел конфликт, попечительский совет по своему усмотрению уволил весь педагогический состав и пригласил новых учителей [9]. При этом совет не считал нужным посоветоваться с родителями учеников. Очевидно, что попечители имели не только большие права, но и хорошо справлялись с обязанностями.

В городе существовало и частное заведение для детей армян обоего пола. Оно было открыто стараниями Шушаник Арсеновны Дейкарханянц в сентябре 1914 г. Главными предметами в этой школе были Закон Божий, армянский язык, уроки проводил настоятель армянской церкви.

Таким образом, церковь старалась включить религиозную мораль и ценности в образовательный и воспитательный процесс. Религиозные традиции были существенным атрибутом не только семейного, но и общественного воспитания и передавались из поколения в поколение.

Церковная и мирская жизнь армянской общины были тесно переплетены, что позволяло церкви участвовать во многих сферах жизнедеятельности. Церковь проводила широкомасштабные акции по сбору пожертвований пострадавшим от эпидемий и неурожаев в азиатской Турции и селах Эриванской губернии, от военных действий, особенно в годы Первой мировой войны, а также организовывала юбилейные мероприятия, связанные с историей и культурой армянского народа. В октябре 1913 г. отмечалось 1500-летие армянского алфавита и 400-летие книгопечатания. В армянской церкви было проведено торжественное богослужение, крестный ход в школу, подготовлено музыкальное утро с участием детей [10].

Армянская церковь Владикавказа стала единственным религиозным учреждением, которое не закрывалось во время советской власти и стало пристанищем для всего христианского населения города. Немаловажную роль сыграл внешнеполитический аспект и обусловленная им моральная и материальная поддержка церкви извне.

Армянская диаспора отличалась от других этнических групп тем, что в ее инфраструктуре конфессиональная составляющая преобладала над светской. Все светские городские социально-культурные практики, используемые другими диаспорами (культурно-просветительские, благотворительные, образовательные и прочие), были включены в поле деятельности армянской церкви и находились под ее контролем. В современных условиях возрождения диаспорной жизни церковь сохраняет свои ведущие позиции, активно взаимодействуя с национально-культурным обществом, участвуя в установлении контактов с армянскими диаспорами других государств, в миротворческих акциях, в возрождении национальной культуры.

Примечания

1. Статья подготовлена в рамках проекта «Иновационные ресурсы культурного наследия Северной и Южной Осетии», грант РГНФ № 14-21-13001.

2. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее — ЦГА РСО-А). Ф. 56. Д. 848. Л. 7.

3. Терские ведомости. 1902. № 182.
4. Там же. 1903. № 157.
5. ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 2. Д. 594. Л. 13.
6. Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 163. Л. 8.
7. Канукова З.В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ, 2009. С. 36.
8. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 62. Д. 308. Л. 1–3.
9. Там же. Ф. 124. Оп. 1. Д. 25. Л. 6.
10. Терские ведомости. 1913. № 219.

В.В. Касьянов

Армянская диаспора на Кубани: социально-экономическая адаптация на рубеже XX–XXI вв.

Исторически так сложилось, что Краснодарский край (Кубань) был и остается реципиентной территорией. Регион притягивает население из других субъектов России и зарубежных стран. Ежегодно на долю края приходится порядка 4 % от общего числа всех мигрантов, прибывающих из СНГ и стран дальнего зарубежья. За последнее десятилетие на территорию Кубани въехало около миллиона человек [1]. В силу сложившегося положения Краснодарский край входит в число лидеров среди субъектов РФ по численности мигрантов и притоку рабочей силы. В свою очередь, это приводит к существенным изменениям этнического состава региона, возникновению новых или дальнейшему развитию уже сложившихся диаспор, интенсификации межэтнических взаимодействий.

Привлекательность Краснодарского края для мигрантов из различных регионов страны, а также Армении, детерминирована множеством факторов: спокойной общественно-политической обстановкой, развитым аграрно-индустриальным и курортно-рекреационным комплексом, благоприятными климатическими условиями, развитой транспортной инфраструктурой, полиэтническим составом населения, интенсификацией торговой и коммерческой деятельности, лакунами в сельскохозяйственной и строительной отраслях.

Трудовые миграции армянского населения на территорию Кубани достаточно хорошо прослеживаются со 2-й половины XIX в.

Они были вызваны как целенаправленной политикой русских властей, преследовавших задачу заселить и освоить кубанские земли и черноморское побережье, так и весьма тяжелым для армянского населения положением, сложившимся в Закавказье и Османской империи. Переселенцы направлялись главным образом в районы Туапсе, Сочи, Адлера, Анапы, Новороссийска, Майкопа. В 1896 г. в Черноморской губернии из общего числа населения в 215 тыс. человек армяне-переселенцы составляли 22 785 человек. Не менее 3 тыс. человек проживало в Анапе, Екатеринодаре, Майкопе [2].

В последующие годы и десятилетия на Кубань продолжали прибывать армянские переселенцы. В 1926 г. в Майкопском округе был даже образован Армянский национальный район. В 1920–1940-е гг. часть проживавших в регионе армян подвергалась репрессиям и выселениям, что привело к сокращению их численности. Был ликвидирован и созданный ранее Армянский национальный район.

Новый поток армянских мигрантов прибыл в Краснодарский край в 1970–1980-е гг. Наибольшая концентрация армян в крае в конце 1979 г. наблюдалась в районе Сочи, где проживало 35 % от общего числа, в Армавире — 8 %, Отраденском — 6 %, Апшеронском районах — 5 %, в Новороссийске — 4 % [3]. Увеличение армянского населения было зафиксировано по результатам Всесоюзной переписи населения 1979 г., согласно данным которой армяне занимали третье место (после русских и украинцев) в Краснодарском крае по численности.

В период проведения политики «перестройки» в стране обострились многочисленные межэтнические конфликты, усиленные социальными и экономическими потрясениями. Процессы национализации и суверенизации вызвали волны вынужденных миграций. В результате усилился приток мигрантов, в том числе армян в Краснодарский край.

В период распространения идей демократизации и либерализации армянские диаспоры в Краснодарском крае стали создавать свои общественные объединения и транслировать культурные ценности. Уже в апреле 1991 г. в Геленджике была зарегистрирована Геленджикская городская общественная организация «Армянское культурно-просветительское общество “Ани”» [4]. В последующие годы во всех крупных городах и сельских населенных пунктах возникли армянские национальные и общественные объединения. Они выпускали газеты,

помогали быстрее адаптироваться новым переселенцам, участвовали в фестивалях национальных культур и общих празднованиях, способствовали улаживанию межэтнических противоречий и конфликтов. Армянская диаспора стала хорошо организованной общественной структурой и принимала участие не только в экономической, но и политической деятельности.

Весьма показательно, что армянское население в Краснодарском крае за период 1989–2000 гг. увеличилось на 70 207 человек, достигнув 241 964 человек. По этому показателю они заняли второе место после русских, оттеснив на второй план традиционное украинское население. Однако, по оценкам экспертов, реальная численность армянского населения в крае достигала не менее 500 тыс. человек, или 10 % от общего числа жителей края [5]. В этом случае на долю незарегистрированных мигрантов, в том числе трудовых, приходилось не менее 50 % от общего экспертного числа.

Новые потоки мигрантов из Армении направлялись, прежде всего, в места компактного проживания армянского населения в крае. Большая часть армянского населения локализовалась в Сочинском, Краснодарском, Армавирском, Новороссийском, Геленджикском, а также в Апшеронском и Анапском районах края.

По данным экспертов, в среде армян-мигрантов преобладала категория трудовых мигрантов, что стимулировалось сложной экономической ситуацией и безработицей в Армении и нерешенной территориально-государственной проблемой с Азербайджаном. Особенностью трудовой миграции являлась ориентация армянского населения в первую очередь не на производство, а на торговую и коммерческую деятельность.

В структуре трудовой миграции армян выделилось несколько категорий: «челноки», совершавшие поездки в основном нерегулярно — от нескольких раз в год до нескольких раз в месяц; «постоянные» мигранты, работавшие по трудовому договору или лицензии; «сезонники», выезжавшие за границу иногда регулярно, но в основном от случая к случаю [6].

Массовая миграция армянского населения в указанный выше период в край, стремление к определенному доминированию в торговой и коммерческой деятельности, вкуче с культурной замкнутостью и слабым желанием адаптироваться к новым условиям на фоне всеобщих социально-экономических трудностей способствовали росту

напряженности в отношениях между мигрантами и представителями местного населения. Однако своевременные действия представителей властей, национальных и общественных организаций, лидеров диаспор позволили погасить очаги напряженности и снизить накал страстей.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., численность армян, зарегистрированных в Краснодарском крае, составляла более 274 тыс. человек. По экспертным данным, их фактическое количество достигло 600 тыс. Армяне прочно заняли и удерживали за собой второе по численности место среди этнических групп. Менее чем за два года их общая численность, по официальным данным, увеличилась на 32 тыс. человек. Учитывая, что внешняя миграция из Армении в период 2000–2002 гг. составила порядка 2–3 тыс. человек, то можно увидеть, что рост был достигнут преимущественно за счет «местного» армянского населения и миграций из других регионов страны.

В 2010 г. в Краснодарском крае проживало 281 680 армян. По сравнению с данными за 2002 г. их общее число незначительно увеличилось — на семь с небольшим тысяч. Иными словами, в год наблюдалось увеличение официального армянского населения приблизительно на 1 тыс. человек.

Рост численности армян в Краснодарском крае был обусловлен в том числе внешними миграциями. Как показывают данные Управления федеральной миграционной службы по Краснодарскому краю, на протяжении 2000-х гг. Армения, наряду с Украиной, Молдовой, Узбекистаном и пр., была основным поставщиком иностранной рабочей силы. Основными путями для пересечения границы для Армении были: пешеходный переход Псоу (Адлер-Сочи) и аэропорты Краснодара и Сочи.

Прибывавшие в Краснодарский край трудовые мигранты привлекались, прежде всего, в основные сектора материального производства — строительство и сельское хозяйство. Самыми крупными потребителями трудовой миграции из Армении были города Сочи и Краснодар. Из-за сравнительно небольших масштабов трудовая миграция армян в целом не оказывала заметного воздействия на сферу занятости местного населения.

Достаточно большой приток граждан Армении на территорию Краснодарского края в 2011–2013 гг. обусловлен уже сформировавшимися этническими сообществами в приморских и других районах

Краснодарского края (например, в Адлерском районе Сочи, в Армавире), интенсификацией торговой и коммерческой деятельности, масштабным развитием строительной отрасли.

В настоящее время с территории Армении в Краснодарский край в среднем прибывает от 3 до 3,5 тыс. человек в год, а выбывает от 200 до 600 человек. Положительное сальдо миграции с Арменией приводит к оседанию части въезжающего населения в крае на постоянной основе. За счет этого увеличивается контингент трудовых мигрантов и растет численность армянской диаспоры.

Рассматривая перспективы трудовой миграции армян в Краснодарский край, следует учитывать исторические (достаточно большой опыт мирного совместного проживания), религиозные (принадлежность к общей мировой религии), социальные (готовность к межнациональным бракам, позитивная адаптация), культурные (деятельность многочисленных общественных и национальных организаций) и экономические детерминанты (наличие свободных рабочих мест).

На основе их анализа можно утверждать, что в ближайшие годы трудовая миграция армян в Краснодарский край будет одним из миграционных трендов. Она будет обусловлена экономической привлекательностью края и упрощенным режимом пребывания граждан Армении в России. Отсутствие серьезных этнических конфликтов и очагов межнациональной напряженности в крае также будут способствовать увеличению потоков трудовых армян-мигрантов. Кроме того, наблюдаемое на протяжении XX и XXI вв. возрастание численности армянской диаспоры и ее успешная адаптация в крае, несомненно, будут играть роль при выборе для мигрантов региона пребывания и трудовой деятельности.

Примечания

1. Ладан Е.А. Особенности миграции на Юге России // Теория и практика общественного развития. 2008. № 1. С. 41. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2008/1/ladan.pdf (дата обращения 03.04.2015).

2. Минасян М. Переселение амшенских армян на Черноморское побережье Кавказа и первые шаги их хозяйственной деятельности (последняя четверть XIX в.) // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 1977. № 4. С. 64.

3. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х — начало 2000-х гг.). Краснодар, 2003. С. 45.

4. Кубань многонациональная: этнографический словарь-справочник. Краснодар, 2007. С. 222.

5. Миграция и безопасность в России / под ред. Г. Витковской и С. Панарина. М., 2000. С. 173.

6. Арутюнян Л.А. Трудовая миграция населения Армении: средство предотвратить бедность // Трудовая миграция в СНГ: социальные и экономические эффекты. М., 2003. С. 96.

Н.А. Магомедов, Ш.А. Магарамов

Образование армянской диаспоры Дербента и ее роль в развитии торговых контактов города в XVIII в. [1]

Заметные изменения этнической картины Дагестана связаны с переселенческой политикой российских властей. Со времени укрепления позиций Российского государства в Прикаспии приток армянского населения в этот регион принял особый размах. Более благоприятные условия для переселения армян в прикаспийские области сложились после Каспийского похода Петра I.

Христианское население Южного Кавказа активно привлекалось к поселению не только в районы Притеречья, но и Южного Дагестана. Е.И. Козубский, говоря непосредственно об армянах Дербента, отмечал, что «число их с начала XVIII в. значительно увеличивается» [2]. После занятия Дербента 4 октября 1722 г. Петр I писал в инструкции генерал-лейтенанту М. Матюшкину: «Ежели будущим летом станут приходить торговые и ремесленные армяне и поселяне к Дербеню, и оных принимать и будет похотят поселитца, то бы селились, и отводить им земли торговым и ремесленным под дворы и огороды, а земледельцы против крестьян наших, обыкновенно под двор и под пашню земли, по скольку надлежить, а в Дербень пускать их с свидетельством наипаче; также которые армяне будут на войски привозить для продажи провиант и прочее, что солдатам потребно, и оных охранять» [3].

Увеличению численности армян Дагестана способствовало не только особое географическое положение региона, но и успешная политика Российского государства, создавшая благоприятные условия для торгово-промышленной деятельности, в том числе, и возможности для них сохранить свой язык, веру, обычаи и самобытность. В этом плане особый интерес представляет изданная Петром I грамота от 10 ноября 1723 г., которая была адресована патриарху Исаию и юзбашам, «всему армянскому народу об отводе мест для поселения их в Гиляне, Мазандаране, Баку и Дербенте, в которой приводит прошение их “дабы мы вас с фамилиями (семьями. — Авт.) вашими с высокою нашу императорскую протекцию приняли, и для жилища, и для свободного вашего впредь пребывания в новополученных наших персидских провинциях по Каспийскому морю лежащих, удобные места отвести повелели, где бы вы спокойно пребывать и христианскую свою веру без препятя по закону своему отправлять могли...”» [4].

После того как Дербент стал российским городом, значительно увеличилось количество армян, желавших поселиться здесь под покровительством российских властей. В ответ на грамоту императора в ноябре 1724 г. «присланные от армянского воинства» заявили в Коллегию иностранных дел о том, что «поп Антон просит, что он желает из Шемахи со всею своею фамилиею и с пожитками, как может убратца, перейти жить в Дербень, и дабы ему тамо повелено было дати двор. Також может он перезвать с собою и прихожань своих армян, которых будет дворов с 50» [5].

В результате целенаправленной переселенческой политики Петра I в Дербенте сложились крупная армянская община. Так, на карте Дербента 1720-х гг. указано, что в «третьем городе» живут «обитатели армянские и индийские купцы, евреи и прочие». А в городе близ моря была расположена церковь грузинская, а вокруг нее «слобода грузинская» [6]. По свидетельству И. Гербера, в конце царствования Петра Великого армяне в Дербенте населяли целую улицу. В 1727 г. жившие в Польше армяне просили о разрешении поселиться в Дербенте, что было дозволено [7].

Армянская община Дербента пополнялась и за счет беглецов из горского плена. Комендант Дербента А. Юнгер в рапорте М. Матюшкину в 1724 г. сообщал, что бежавшим из плена 164 армянам и грузинам предоставлены земельные участки для строительства домов [8]. Российские власти на Кавказе старались освободить невольников

и устроить их на постоянное место жительства. Так, в июне 1727 г. из губернской канцелярии Астрахани поступил указ к коменданту Дербента, предписывавший беглых грузин и армян не возвращать их прежним хозяевам, а давать им возможность вернуться на свою родину. В случае когда беглые уплачивали хозяевам выкуп, то их рекомендовалось принимать под защиту российского гарнизона [9].

Процесс переселения армянского населения в Дербент продолжался и во 2-й четверти XVIII в. Нельзя согласиться с мнением Е.И. Козубского о том, что «кончина Петра приостановила иммиграцию армян» в Дербент [10]. Наоборот, к концу 1720-х гг. наблюдается новый поток армянских переселенцев из районов Карабаха и Зенгезура на Восточный Кавказ. Это было связано, с одной стороны, с тем, что турки, захватив указанные районы, установили жестокий режим, заставляя жителей силою оружия платить тяжелые налоги [11], а с другой — с организованной на государственном уровне покровительственной политикой российского правительства в отношении христианского населения Закавказья, Турции и Ирана [12]. В одной из секретных инструкций Тайного совета генералу В. Долгорукову от 25 апреля 1726 г. говорилось о том, что нужно принять все меры против османской агрессии, поскольку «те места, где оные армяне обретаются за Портою Османскою, остаться имеют, и тако ежели оным армянам в тех местах остаться, то от турков пропасть могут». Поэтому было дано указание при заключении трактата с шахом Тахмасибом добиться разрешения, «чтоб те места и провинции, которые... ему, шаху, назад уступаются, а именно Мизандаран, Астрабад и Гилян, оным армянам для своего в них поселения отданы были...» [13].

После того как турки захватили Грузию и Армению, «то многие из грузин и армян, оставя отечество, вышли в Гилян» и просили князя Л. Долгорукова организовать перемещение беженцев под защитой российских войск. Несмотря на возражения князя Л. Долгорукова, в 1730 г. армяне и грузины были перемещены в районы Южного Дагестана, где они должны были поселиться по разрешению российских властей [14]. В рапорте графа А. Румянцева от 24 августа 1730 г. сказано, что он предоставил армянским юзбашам и их служителям места в населенных армянами деревнях в районе Мюшкура Дербентского владения и порекомендовал им сообщить своим соотечественникам о переселении, а также обещал сделать все возможное для освобождения их родственников из плена [15].

Таким образом, переселенческий процесс ирано-турецких подданных армян в пределы России осуществлялся с большим размахом. Этому процессу не помешала даже изменившаяся в корне международная обстановка на Кавказе в 30-е гг. XVIII в. Российское правительство в марте 1735 г. заключило с Ираном Гянджинский договор, согласно которому Россия обязалась вывести войска и передать Ирану Баку с уездом в 2 недели, а город Дербент «с уездом и к нему подлежащими местами», до старой его границы, в 2 месяца [16].

В сложившейся обстановке из приморских районов, оставленных российскими властями, т.е. из Дербента, Шемахи, Баку, Тавриза, ирано-подданное армянское население вынуждено было спасаться бегством в зону российского влияния. По условиям Гянджинского договора все ирано-подданные армяне должны были вернуться в Иран, но российские власти не выполнили этот пункт договора [17] и перевели всех желающих под защиту Кизлярской крепости.

В 1806 г. после присоединения Дербента к России в связи со стабилизацией политической обстановки в регионе часть армян, переселившихся из Дербента в Кизляр, вернулась обратно в Дербент. Возвращение армян можно объяснить тем обстоятельством, что город являлся крупным торговым центром на Восточном Кавказе, транзитным пунктом в торгово-экономических отношениях России со странами Южного Кавказа и Востока. Удачное географическое положение Дербента и наличие в конце XVII–XVIII вв. морского порта способствовало огромной его роли в обеспечении крупномасштабного шелкового транзита из Ирана как по морю, так и по суше. Астрахань — «средоточие персидской торговли на Каспии» — вела ее главным образом через Дербент, в котором проживало постоянно или временно восточное купечество, состоявшее в большинстве своем из армянских купцов «компанейщиков», т.е. купцов из Джульфинской торговой компании.

Как видно, армянская диаспора Дербента была одной из многочисленных, большинство ее представителей составляло купечество, активно участвовавшее в региональной и транзитной торговле, играя заметную роль в экономической жизни Дербента. По свидетельству И.-Г. Гербера, «обретаются в Дербенте много купецких людей из... армянов, грузинцов...» [18]. Многие из них жили в городе на постоянной основе со своими семьями и пользовались предоставленными им торговыми льготами и привилегиями. В основном они были выходцами из Южного Кавказа и Персии.

Анализ архивных данных Дербентской таможи показывает, что в Дербент и через Дербент в Россию в 1-й четверти XVIII в. проследовали ширванские, ереванские, нахичеванские, джувльфинские, гянжинские армяне — торговцы шелком. Ассортимент товаров, провозимый ими через Дербент, обширен и показывает значительность торговых операций, проводимых ими. Основной удельный вес приходился на ценнейший по тем временам товар — шелк-сырец, шелк пряженный и изделия из него [19], т.к. армяне пользовались льготными условиями ввоза шелка в Россию.

Велика была роль армянских купцов в развитии торговых контактов Дербента с Астраханью. В 1733 г., по данным Астраханской таможи, из Дербента в Астрахань 17 торговцами было доставлено 19 партий товаров на сумму 3228 руб. Наиболее весомая доля в этом привозе приходилась на купцов из армян. В 1734 г. 7 «дербентскими, шемахинскими и гилянскими бусурманами», 18 армянами, 3 грузинами и др. в Дербент из Астрахани были привезены 43 партии товара на общую сумму 5721 руб. [20].

По неполным данным в Дербент из Астрахани в конце 70-х — начале 80-х гг. XVIII в. были вывезены 1 тыс. пудов железа в полосах и 101 котел [21]. Торговавшие с Дербентом кизлярские и астраханские купцы-армяне и др. вывозили отсюда марены, по сообщению П.Г. Буткова, до 6 тыс. пудов ежегодно [22]. По данным А.И. Ахвердова, в конце XVIII — начале XIX вв. большая часть жителей Дербента была занята «в купеческом промысле... в покупке и продаже из разных мест привозимых к ним персидских товаров, с коими в небольшом количестве продают произведения и своих шелковых и бумажных фабрик...» [23].

Большая часть внутридагестанского товарооборота также находилась в руках армянских купцов. Они играли значимую роль в становлении Дербента как торгового центра общедагестанского масштаба. Их не задерживали ни трудности пути по горным дорогам, ни многочисленные пошлины, взимаемые феодальными владельцами, ни частые разбойные грабежи, случавшиеся в пути. Чтобы обезопасить себя и свои товары от всяких «случайностей», купцы прибегали к покровительству местных феодалов и «торговлю производили... в надежде заведенных конаков или знакомцев» [24]. Знание местных языков и куначеские отношения позволяли армянам в течение долгого времени находиться по торговым делам в горских селениях.

В 1796 г. побывавший в Дагестане Д.И. Тихонов писал: кайтагцы «произведения из своих округ никуда не вывозят, а продают армянам и жидам, которые приезжают к ним всегда с их проводниками и им за проводников платят много денег» [25]. Известно, что во владениях уцмия Кайтага росла «наилучшая марена», которую кайтагцы посредством армян традиционно поставляли в Дербент, а оттуда в Россию. В XVIII в. необходимость этой культуры для нарождавшейся ткацкой промышленности диктовала крупные поставки ее в Россию, что, конечно же, не могло быть организовано без участия деятельного армянского купечества.

Таким образом, исследование данных о коммерческой деятельности армянских купцов и их торговых оборотах в Дербенте показывает, что они проявляли в этой области большую активность, являясь одновременно и поставщиками восточных товаров, и крупными потребителями продукции русского ремесла, стимулируя тем самым его развитие и укрепление связей с всероссийским рынком. В то же время армянское купечество играло роль посредника в торговых взаимоотношениях Дербента с остальными районами Дагестана, с Россией и восточными странами.

Примечания

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-01-00118.

2. Козубский Е.И. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 305.

3. Там же.

4. Там же.

5. Там же. С. 306.

6. Гольденберг Л.А. Рукописные карты и планы XVIII в. как источник по истории города Дербента // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 127.

7. Козубский Е.И. Указ. соч. С. 306.

8. Армяно-русские отношения во втором тридцатилетии XVIII в.: сборник документов. Т. 3. Ереван, 1978. С. 359.

9. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее — ЦГА РД). Ф. 18. Оп. 1. Д. 150. Л. 16.

10. Козубский Е.И. Указ. соч. С. 306.

11. Агаян Ц.П. Роль России в исторических судьбах армянского народа. М., 1978. С. 91.

12. Суздальцева И.А. Восточная политика России и начало массовой миграции армян в прикаспийские районы Дагестана в первой четверти XVIII в. // Кавказ, Ближний и Средний Восток в мировой политике: история и современность. Махачкала, 2006. С. 146.
13. Агаян Ц.П. Указ. соч. С. 92.
14. Архив внешней политики Российской империи. Ф. СРА (Сношения России с Арменией). 1727. Оп. 77/1. Д. 8. Л. 10.
15. Армяно-русские отношения во втором тридцатилетии XVIII в... Док. № 7.
16. История Дагестана. Т. 1. М., 1967. С. 357.
17. Аганесова Д.В., Суздальцева И.А. Армянские общины Дагестана в XVIII–XIX вв. Махачкала, 2007. С. 54–55.
18. Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. (Далее — ИГЭД). М., 1958. С. 63.
19. ЦГА РД, Ф. 18. Оп. 1. Д. 31. Л. 34, 44, 78, 79.
20. Киласов Р.К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII — первой половины XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 100.
21. Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С. 88.
22. Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С. 202–203.
23. Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С. 119.
24. ЦГА РД, Ф. 329. Оп. 1. Д. 590. Л. 19, 20.
25. Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С. 134.

С.А. Минасян

Армяне беженцы на Северном Кавказе: 1918–1920 гг.

На протяжении многовековой истории армянского народа Армения долгое время находилась под властью иноземных завоевателей. Неблагоприятные политические и экономические условия вынудили часть армянского народа покинуть Родину и отправиться в более

безопасные регионы, в том числе и на Северный Кавказ. Поток армян в край начался еще с раннего средневековья, но компактные армянские поселения на Северном Кавказе образовались лишь в 1720-х гг.

Уже накануне Первой мировой войны численность армянского населения на Северном Кавказе достигла 70 тыс. человек [1]. В 1915–1917 гг. Северный Кавказ стал пристанищем для 20–30 тыс. [2] спасшихся от геноцида беженцев из Западной Армении. 30 января 1918 г. турецкая армия, нарушив перемирие, начала полномасштабное наступление по всей линии Кавказского фронта. Захватив Западную Армению, турецкие войска весной 1918 г. вторглись в Восточную Армению. Из-за боязни физического уничтожения около 600–650 тыс. армян покинули свои дома. Из них 400 тыс. нашли пристанище на территории новообразованной Республики Армении, а 200–250 тыс. — в Грузии [3]. В конце мая 1918 г. турецкие войска вторглись в Тифлисскую губернию, вынудив беженцев и местное армянское население бежать на Северный Кавказ [4]. В конце мая и в начале июня 1918 г. из Тифлиса по Военно-грузинской дороге во Владикавказ отправились от 80 до 100 тыс. беженцев, из них армяне — 42–45 тыс. человек, остальные — русские, греки и ассирийцы [5]. Городские власти Владикавказа, опасаясь продовольственного кризиса и распространения болезней среди городского населения, потребовали от беженцев в течение 15–20 дней покинуть город и его окрестности. Благодаря усилиям армянских организаций Северного Кавказа и при помощи местной советской власти десятки тысяч армян эшелонами были отправлены в Екатеринодар, Армавир, Ставрополь, Майкоп, Святой Крест, Георгиевск, Минеральные Воды и Моздок. В июне 1918 г. только в Армавире численность беженцев армян достигала 18 тыс., а в Екатеринодаре — 8 тыс. [6]. Из-за турецкого вторжения 1918 г. около 40 тыс. беженцев армян отправились на Северный Кавказ через Поти на кораблях.

Таким образом, в мае–июне 1918 г. из Грузии на Северный Кавказ перебралось около 82–85 тыс. беженцев армян.

Вторжение турецких войск в Закавказье в 1918 г. вынудило покинуть свои дома и отправиться на Северный Кавказ также десятки тысяч армян Бакинской губернии. В середине сентября, перед захватом турецкими войсками города Баку, корабли с 50 тыс. беженцев отплыли из города. Основная часть беженцев, около 40 тыс., нашла пристанище в Петровске (совр. Махачкала) и Дербенте, остальная часть — в портовых городах Каспийского моря [7].

Из 122–125 тыс. беженцев, нашедших пристанище на Северном Кавказе в 1918 г., 30 тыс. составляли западные армяне, 52–55 тыс. — восточные армяне и 40 тыс. — бакинские армяне. В октябре–ноябре 13 тыс. бакинских армян покинули Северный Кавказ и 2 тыс. из них были убиты турецкими войсками в Дербенте и Петровске, вследствие чего в конце 1918 г. на Северном Кавказе численность беженцев армян сократилась до 107–110 тыс. Если к этой цифре добавить 20–30 тыс. западных армян, которые прибыли на Северный Кавказ в 1915–1917 гг., то в конце 1918 г. численность беженцев армян здесь составляла около 127–140 тыс., а общая численность армянского населения края превышала 200 тыс.

В конце 1918 г. и в начале 1919 г. военные успехи антисоветских государственных образований Юга России заставили советские войска покинуть Северный Кавказ. После ухода большевиков армянские национальные организации постепенно возобновили свою деятельность, но до начала 1919 г. из-за отсутствия центрального органа управления не смогли предоставить беженцам ощутимую помощь [8].

Отношение Добровольческой армии и правительств казаков к беженцам армянам было доброжелательным. Этому способствовали дружественные отношения между Вооруженными силами Юга России и Республики Армении. Несмотря на это правительства казаков пытались освободиться от беженцев, которые заполнили города и стали источником распространения разных болезней. В свою очередь Добровольческая армия пыталась мобилизовать пригодных для военной службы беженцев в ряды своих войск. До начала 1919 г., по причине отсутствия на Северном Кавказе дипломатических представительств и консульских учреждений Республики Армении, тысячи армян были мобилизованы в войска антисоветских государственных образований [9]. Вооруженные силы Юга России организовали отдельные армянские части, используя их в борьбе против Советской России [10].

После окончания Первой мировой войны из-за продолжавшейся Гражданской войны на Северном Кавказе и тяжелого продовольственного положения отдельные семьи армян начали возвращаться на родину [11]. С первых месяцев 1919 г. этим беженцам начали активно помогать армянские организации Дона и Северного Кавказа. В деле организации репатриации и помощи беженцам Северного Кавказа важную роль сыграл Армянский комитет Российского Красного

Креста, который в конце января 1919 г. был признан армянскими организациями края центральным органом, занимающимся помощью беженцам [12]. Благодаря этому армянские организации края стали действовать согласованно, что значительно улучшило положение беженцев. Армянскому комитету Российского Красного Креста удалось также защитить права беженцев, но основную роль в этом деле взяло на себя дипломатическое представительство и консульские учреждения Республики Армения на Северном Кавказе.

18 января 1919 г. парламент Армении назначил представителем при Добровольческой армии члена II и III российской Государственной думы О. Сагатяна [13]. 17 февраля и 11 апреля того же года Сагатян был назначен соответственно представителем Армянской Республики при терском и кубанском правительствах [14]. Из-за трудностей с коммуникациями армянское правительство уполномочило Сагатяна назначать исполняющих обязанности консулов в состоявших в его ведении районах. Находясь в Екатеринодаре, он назначил А. Асрибеяна, а затем П. Ованнесяна в Кисловодск, капитана А. Тонянца — в Новороссийск, А. Калантара — в Ставрополь, А. Акопяна — в Сочи, С. Багряна — в Симферополь и капитана А. Телфеяна — в Севастополь [15]. С помощью местных администраций они пытались обеспечить снабжение и добиться освобождения от воинской повинности и преследований беженцев.

В первые месяцы 1919 г., благодаря усилиям армянских организаций, дипломатического представительства и консульских учреждений Республики Армения на Северном Кавказе, поток возвращающихся на родину беженцев по направлению Новороссийск–Батум увеличился [16]. Но из-за препятствий британского командования и грузинского правительства лишь незначительной части беженцев удавалось попасть в Армению [17].

Весной 1919 г. улучшение ситуации в Армении и расширение границ Республики позволили правительству страны заняться вопросом репатриации беженцев Северного Кавказа. Если содействия в вопросе репатриации беженцев со стороны Вооруженных сил Юга России правительству Армении удалось достичь достаточно легко, то переговоры с британским командованием и грузинским правительством о разрешении отправки беженцев через Батум, а затем по грузинской территории в Армению проходили с трудом. Но благодаря решительности правительства Армении с 20 мая 1919 г. британское командо-

вание разрешило кораблям с беженцами войти в Батум. Что касается грузинских властей, то для отправки беженцев из Батума в Армению они предоставили лишь один поезд с маленьким составом и всячески препятствовали процессу репатриации. Но благодаря усилиям дипломатического представителя Республики Армения в Грузии Л. Евангуляна и консула Армении в Батуме Г. Едигаряна в мае–июле 1919 г. около 50 тыс. беженцев, прибывших из Новороссийска, удалось отправить на родину.

Весной 1920 г. на Северном Кавказе установилась советская власть. Армянские национальные организации, дипломатическое представительство и консульские учреждения, за исключением консульства в Владикавказе, прекратили свою деятельность, что отрицательно повлияло на положение беженцев армян. Летом–осенью 1920 г. усилиями консула г. Владикавказа священника А. Сарикяна и с помощью советской власти по Военно-грузинской дороге и через Новороссийск в Армению было репатрировано 11 тыс. беженцев.

Таким образом, из 122–125 тыс. беженцев армян, прибывших в 1918 г. на Северный Кавказ, в конце 1920 г. осталось не более 40 тыс. Значительная часть из них с помощью советской власти и местных армян смогла найти работу и начать новую жизнь.

Примечания

1. Ходжабекян В.Е. Воспроизводство и перемещения населения Армении в XIX–XX вв. на пороге XXI века. Ереван, 2002. С. 115.

2. Арутюнян А. Первая мировая война и армянские беженцы (1914–1917 гг.): дис. ... к.и.н. Ереван, 1989. С. 56; Ованесов Б. Отношение армянских общин Ставропольской губернии к Первой мировой войне (1914–1917 гг.) // Лрабер асаракакан гитутюннери. 2001. Май–август. № 2 (604). С. 127; Багдасарян Р. История армянской общины Грозного (середина XIX — 1920 г.): дис. ... к.и.н. Ереван, 1999. С. 160.

3. Национальный архив Армении (далее — НАА). Ф. 200. Оп. 1. Д. 150. Л. 142; Ф. 275. Оп. 5. Д. 61. Л. 17.

4. Там же. Ф. 200. Оп. 1. Д. 291. Л. 13; Врацян С. Республика Армения. Ереван, 1993. С. 121–122.

5. НАА. Оп. 1. Д. 143. Л. 187; Ф. 205. Оп. 1. Д. 544. Л. 3.

6. Петросян Г.А. Отношения Республики Армения с несоветскими государственными образованиями России (1918–1920 гг.). Ереван, 2006. С. 62.

7. Степанян Г. Армянство Бакинской губернии во второй половине XIX века и в конце XX века: дис. ... к.и.н. Ереван, 2009. С. 415.
8. НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 143. Л. 204; Ф. 205. Оп. 1. Д. 544. Л. 3.
9. Там же. Ф. 200. Оп. 1. Д. 100. Л. 81; Оп. 2. Д. 44. Л. 4.
10. Там же. Ф. 200. Оп. 1. Д. 73. Л. 129; Д. 158, Л. 91.
11. Кавказское слово. 1918. 21 ноября. № 252; НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 143. Л. 204; Ф. 275. Оп. 5. Д. 12. Л. 17.
12. НАА. Ф. 200. Оп. 1. Д. 73. Л. 102.
13. Вестник архивов Армении. 2007. № 1–2 (109–110). С. 188.
14. Вращян С. Указ. соч. С. 266.
15. Ованнисян Р.Г. Международные отношения Республики Армения: 1918–1920 гг. / пер. с англ. Г.Г. Махмуриян. Ереван, 2007. С. 619.
16. НАА. Ф. 275. Оп. 5. Д. 125. Л. 5.
17. Там же. Ф. 200. Оп. 1. Д. 151, Л. 8, Л. 11.

О.Б. Молодов

Проблемы консолидации армянских диаспор

В настоящее время в Российской Федерации сформировалась крупнейшая в мире армянская диаспора, достигающая, по экспертным оценкам, 2 млн человек. В южных регионах страны, примыкающих к Северному Кавказу, армянские общины были традиционно многочисленны. Диаспоры выходцев из Закавказья стали появляться на северных территориях СССР только в 1960–1970-е гг., когда на учебу или на работу стали приезжать армяне, грузины, абхазы и азербайджанцы. Многие из них окончательно закрепились на Русском Севере и обзавелись семьями.

Интенсивная миграция армян началась в конце 1980-х гг. и была связана с конфликтом в Нагорном Карабахе и землетрясением в Ленинкане и Спитаке. До этих событий армянская община на территории, например, Вологодской области включала 10–15 семей, проживающих в основном в областном центре. После распада СССР количество выходцев из Армении значительно увеличилось, а местом их постоянного проживания стали города и сельские поселения. Большинство переселенцев получили гражданство РФ (в порядке признания или в упрощенном порядке как соотечественники) и окончательно укоренились на территории страны.

В последние годы доля армян от общего числа жителей даже несколько увеличилась, отчасти из-за отрицательного прироста населения в областях и республиках европейского Севера. В частности, если по результатам переписи населения 2002 г. армяне составили 0,17 % населения Вологодчины, то в 2010 г. — 0,21 %. Удельный вес лиц, идентифицировавших себя с армянской нацией, в северных субъектах РФ представлен в таблице 1. Как видно из таблицы, абсолютные показатели численности армян и их доля в большинстве регионов Русского Севера вполне сопоставимы. Естественно, при проведении переписи не учитывалось количество трудовых мигрантов из Армении, поэтому реальная численность армян, проживающих на их территории, превосходит официальные данные переписи.

Таблица 1. Численность армян в регионах европейского Севера России по итогам переписи 2010 г.

Регион	Численность населения (чел.)	Из них армян (чел.)	Доля армян от общего числа жителей (%)
Архангельская область	1 227 626	1042	0,09
Вологодская область	1 202 444	2469	0,21
Мурманская область	795 409	1618	0,20
Республика Карелия	643 548	1606	0,25
Республика Коми	901 789	1717	0,19
ВСЕГО	4 770 816	8452	0,18

Идентичность российских армян, проживающих в различных регионах страны, находится на стадии формирования. Значительная часть из них говорит в первую очередь о принадлежности к армянству (спюрку — армянской диаспоре мира), а россиянами осознают себя далеко не все [1]. В данном случае этническая идентичность армян превалирует над гражданской.

В этническом самосознании армян типичным является представление о себе как народе с древнейшей культурой, столетиями живущем во враждебном окружении и сумевшем сохранить себя как народ, свою государственность и культурное наследие [2]. Всё это происходит благодаря языку, вере и особому иммунитету, представляющему собой внутреннее противостояние ассимиляции. Культурными кодами армянского народа называются хачкары (крест-камни), армянский алфавит, плодородная Араратская долина.

Религиозная идентичность является одним из древнейших и важнейших видов человеческого самосознания. Несмотря на масштабную социальную трансформацию, во всех европейских странах религия продолжает играть важную роль в личной жизни людей и в обществе в целом. В идентичности каждого отдельного европейца как индивида христианство продолжает играть одну из определяющих ролей [3]. В 1990-е гг. в мире произошло усиление религиозной идентичности, что некоторые исследователи объясняют ответной реакцией на проявления глобализма [4].

Таблица 2. Конфессиональная и национальная самоидентификация населения России (в % от числа опрошенных) [5]

Варианты ответов, выбранные из предложенных	В целом по РФ	Национальная самоидентификация респондентов					
		Русские	Татары	Украинцы	Белорусы	Армяне	Евреи
Исповедую православие и принадлежу к РПЦ	41	46	5	45	46	35	13
Исповедую православие, но не принадлежу РПЦ и не являюсь старообрядцем	1,5	1,5	< 1	2	4,6	7	0
Исповедую православие и являюсь старообрядцем	< 0,5	< 1	0	< 1	1,4	0	0
Верю в Бога (в высшую силу), но конкретную религию не исповедую	25	27	17	26	20	25	25
Не верю в Бога	13	14	9	12	15	7	27
Исповедую ислам, но не являюсь ни суннитом, ни шиитом	5	0	55	< 1	1	1	0
Исповедую христианство, но не считаю себя ни православным, ни католиком, ни протестантом	4,1	4,3	1	7	3	13	4
Исповедую католицизм	< 0,5	0	0	< 1	1,3	1,8	0
Исповедую иудаизм	< 0,5	0	0	0	0	0	13

По данным опроса 2012 г., среди назвавших себя православными преобладает славянское население (русские, украинцы и белорусы), показатели которых выше средних по стране (45–46 % от числа опрошенных) (табл. 2).

Примечательно, что 35 % армян, проживающих в России, также обозначили себя «православными». Это может быть обусловлено следующими причинами. Во-первых, расширенное название Армянской апостольской (армяно-григорианской) церкви (ААЦ) — Святая армянская апостольская православная церковь. Поэтому при опросе лица, принадлежащие этой древневосточной национальной церкви, именуют себя православными в собственном понимании этого термина [6].

Во-вторых, дефицит храмов ААЦ на территории России привел к ситуации, когда этнические армяне крестят детей в православных церквях и являются прихожанами Русской православной церкви (РПЦ). Кроме того, «просто православными», не принадлежащими конкретной церкви, считают себя 7 % армян. Около 2 % из них отнесли себя к католицизму, поскольку с XVIII в. появилась Армянская католическая церковь (АКЦ), имеющая определенное влияние среди жителей диаспоры в России. Среди армян наименьшая доля опрошенных имеет атеистические убеждения (7 %), поскольку национальная идентификация этого народа тесно связана с собственной церковью и богослужениями на армянском и древнеармянском языках.

Примечательно, что в 2000-е гг. рядом с православными соборами Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Сыктывкарской епархий появились хачкары как символы российско-армянской дружбы. Религиозные общины ААЦ получили официальную регистрацию, но ни в одном северном регионе по-прежнему нет приходов с храмами и священнослужителями. Ближайшие армянские церкви действуют в г. Москве, Санкт-Петербурге и Кирове, расстояние до которых измеряется многими сотнями километров.

Полноценным межконфессиональным контактам, а также участию армян, крещенных в ААЦ, в приходской жизни православных приходов препятствует сложившееся в РПЦ представление об Армянской церкви как о монофизитской (то есть еретической). В последние годы в публикациях богословов ААЦ постоянно опровергается ее монофизитский выбор, якобы сделанный в V в., толкуются особенности решения важнейшего вопроса христологии, говорится об анафеме

несторианской ереси [7]. Еще в 2000 г. патриарх московский и всея Руси Алексей II на освящении армянской церкви святой Екатерины в г. Санкт-Петербурге отметил: «различия между нами (РПЦ и ААЦ. — О.М.) носят не столько догматический, сколько текстологический характер». Однако позитивных сдвигов в практике участия в таинствах верующих армян в храмах РПЦ до последнего времени не произошло. Поэтому этническая идентичность армян в настоящее время преобладает над религиозной.

Достаточно сложно решается проблема сохранения языковой идентичности в условиях русскоязычного окружения, особенно в ситуации со смешанными браками. Родившиеся на территории России дети, как правило, не владеют языком родителя-армянина (армянки). Отсутствие практики повседневного устного общения, а тем более — владения письменной речью, приводит к утрате языковой идентичности молодого поколения армян. Это подтверждается личным опытом общения автора со школьниками и студентами армянского происхождения, проживающими на территории Вологодской области. Восполнить данный пробел стремятся в представительствах «Союза армян России» (САР). В частности, Армянский культурно-образовательный центр «Союза армян Вологодской области» в г. Череповце проводит обучение армянскому языку, истории и народным танцам [8]. В воскресной школе г. Вологды детей и молодежь также обучают армянской грамоте, истории и культуре. Интересно, что наряду с армянами и потомками смешанных браков в этих мероприятиях принимают участие ассирийцы. Представители немногочисленных групп ассирийцев, потомков древней нации, частично проживавших на территории Армении, обычно тесно связаны с армянской диаспорой в России.

Консолидирующим началом является и армянская народная музыка, во многом известная благодаря древнейшему духовому инструменту дудуку, изготавливаемому из абрикосового дерева. Наиболее масштабным культурным событием, объединившим армян Вологодчины, стал концерт легендарного музыканта Дживана Гаспаряна, состоявшийся 14 ноября 2012 г.

В год столетия геноцида армян важно отметить, что трагические события 1915 г. и борьба за их всемирное признание и сохранение исторической памяти о них стали еще одной объединяющей идеей для армянских диаспор.

В отличие от Юга России относительно малочисленные общины армян на Русском Севере более склонны к ассимиляции из-за постепенного размывания языковой и конфессиональной идентичности. Отсутствие храмов Армянской церкви, а также системного изучения национального языка и алфавита приводят к постепенной утрате и этнической идентичности. Не случайно Тигран II Великий говорил: «Потеряв родной язык, ты потеряешь и себя, и великих людей твоей страны, и будущих потомков нашей Армении».

Для укрепления идентичности российских армян и консолидации армянских диаспор представляется важным обеспечение культурно-образовательных центров и школ учебно-методической литературой для изучения национального языка, а также использование альтернативных вариантов обучения с привлечением современных технологий и методик. Наиболее значимым событием для армян Русского Севера стало бы открытие храма Армянской церкви, играющей ведущую роль в единении представителей этой уникальной нации.

Примечания

1. Шевцова А.А. О региональной идентичности армян Мордовии // Региональные социогуманитарные исследования. История и современность: материалы междунар. науч. конф. Прага, 2011. С. 50–53.

2. Мелик-Шахназарян Л. Характер армянского народа. Ереван, 1999. С. 91.

3. Крылов А.Н. Религиозная идентичность. Индивидуальное и коллективное самосознание в постиндустриальном пространстве. М., 2012. С. 5.

4. Казьмина О.Е. Русская православная церковь и новая религиозная ситуация в России: этноконфессиональная составляющая проблемы. М., 2009. С. 120.

5. Опросы проводились Фондом «Общественное мнение» в 2012 г., выборка 56 900 респондентов от 18 лет и старше в 79 субъектах РФ. Арена: Атлас религий и национальностей Российской Федерации. URL: <http://sreda.org/arena> (дата обращения 11.03.2015).

6. «Труд духовный»: интервью с о. Месропом Арамяном. URL: <http://www.aniv.ru/archive/14/trud-duhovnyj-intervju-s-omesropom-aramjanom/> (дата обращения 9.03.2015).

7. Оганесян Г. Размышления на тему Халкидона. Армянское достояние на святой земле. Иерусалим, 2010; Истоки христианства.

Армянская Апостольская Святая Церковь (I–IV вв.) / сост. А.В. Мурадян. Эчмиадзин, 2010; Гуайта Дж. 1700 лет верности (История Армянской Апостольской Церкви). М., 2002; Гуайта Дж. Жизнь человека: встреча неба и земли: беседы с Католикосом всех Армян Гарегином I. М., 1999.

8. Региональная общественная организация «Союз армян Вологодской области». URL: <http://savo35.ru/news/13/> (дата обращения 06.04.2015).

Т.Т. Тарасова

Численность и современный ареал расселения армян Юга России

Важнейшими показателями состояния и перспектив развития каждого народа являются его численность и особенности расселения. Армяне принадлежат к числу самых крупных народов, населяющих Российскую Федерацию, численность которых превышает 1 млн человек (это русские, татары, украинцы, башкиры, чувашы, чеченцы и армяне).

Юг России справедливо считают традиционным ареалом расселения армян. К настоящему времени здесь проживает более половины всего армянского населения Российской Федерации. Целью данного исследования является анализ динамики численности и расселения армян южного макрорегиона (Южного, Северо-Кавказского и Крымского федеральных округов) на основе материалов всероссийских переписей населения и Всеукраинской переписи 2001 г., пока еще остающейся единственным источником данных о национальном составе Крымского федерального округа.

По данным последней Всероссийской переписи населения, численность армян в Российской Федерации достигла 1 182 388 человек, или 0,83 % всего населения страны [1], причем от переписи к переписи она увеличивалась: в межпереписной период 1989–2002 гг. — в 2,1 раза, с 2002 по 2010 гг. — в 1,04 раза. С 2002 г. число армянского населения России впервые превысило 1 млн человек, и они заняли по численности 7-е место среди наиболее многочисленных российских национальностей.

Несмотря на замедление темпов прироста, численность армян в 2010 г. увеличилась на 51 897 человек или на 4,6 % (табл. 1), в то же время население страны сократилось, как и численность подавляющего большинства составляющих его национальностей.

Причина сложившейся долговременной тенденции увеличения армянского населения заключается в достаточно благоприятном сочетании 3 основных компонентов формирования численности населения: 1) более благоприятный по сравнению с другими народами режим естественного воспроизводства, 2) наличие положительного миграционного прироста и 3) успешная, как правило, адаптация вновь прибывающих армян в российскую среду. При этом чаще всего, принимая ценности российского социума, армяне сохраняют свою этнокультурную идентичность. Кроме того, для армян России характерна более сбалансированная, по сравнению с другими народами, возрастно-половая структура. В частности, по данным последней Всероссийской переписи, на 1000 мужчин армян приходилось 852 женщины, в то время как соответствующий среднероссийский показатель составлял 1163, т.е. армяне принадлежат к тем немногочисленным российским народам, среди которых наблюдается превышение численности мужчин над численностью женщин. Нельзя отнести армян и к «старым» в демографическом отношении народам, их медианный возраст составлял в 2010 г. 34,9 лет против 38 лет в целом для населения России [2].

На Юге России, согласно данным переписей населения, также наблюдалась тенденция роста численности армянского населения (табл. 1).

В целом в южном макрорегионе (в ЮФО и СКФО) Всероссийской переписью 2010 г. было зафиксировано 633 330 армян, и по сравнению с предыдущей переписью 2002 г. их число возросло на 18 207 человек или на 3,0 %.

Увеличилась и их доля в составе всего населения территории — с 2,68 % до 2,72 %, что в 3,3 раза выше удельного веса армян в общей численности населения страны.

Однако в субъектах Южного и Северо-Кавказского округов динамика численности армянского населения в рассматриваемый период развивалась неоднозначно (рис. 1, табл. 1). В ЮФО в нынешних границах увеличение численности армянского населения произошло в 4 субъектах из 6 и составило 9012 человек, сокращение произошло

в двух субъектах — Калмыкии и Астраханской области — в целом на 505 человек, общий прирост в округе составил 8507 человек (табл. 1).

Таблица 1. Динамика численности армянского населения по данным всероссийских переписей населения (человек)

Субъекты Федерации	2002 г.	2010 г.	+/- 2002– 2010 гг.
РФ	1 130 491	1 182 388	+51 897
ЮФО	615 123	442 505	
Республика Адыгея	15 268	15 561	+293
Республика Калмыкия	887	867	-20
Краснодарский край	274 566	281 680	+7114
Астраханская область	6309	5824	-485
Волгоградская область	26 974	27 846	+872
Ростовская область	109 994	110 727	+733
СКФО		190 825	
Республика Дагестан	5702	4997	-705
Республика Ингушетия	64	16	-48
Кабардино-Балкарская Республика	5342	5002	-340
Карачаево-Черкесская Республика	3197	2737	-460
Республика Северная Осетия – Алания	17 147	16 235	-912
Чеченская Республика	424	514	+90
Ставропольский край	149 249	161 324	+12 075
Южный макрорегион	615 123	633 330	+18 207

В субъектах СКФО численность армян увеличилась за это же время только в 2 субъектах из 7 — на Ставрополье и в Чечне — в целом на 12 165 человек, во всех остальных субъектах численность армян уменьшилась, и это сокращение составило 2465 человек, а общий прирост в округе достиг 9700 человек. Таким образом, в подавляющем большинстве республик южного макрорегиона численность армян в период между переписями населения 2002 г. и 2010 г. сокращалась, а в подавляющем большинстве краев и областей — увеличивалась. Лидерами по приросту численности армянского населения стали в анализируемый период Ставрополье (12 075 человек) и Краснодарский край (7114 человек). К настоящему времени основная часть армянского населения Юга России проживает в 3 субъектах:

в Краснодарском (281 680 человек) и Ставропольском (161 324 человек) краях, а также в Ростовской области (110 727 человек) (рис. 1), что в целом составляет 553 731 человек, или 87,4 % всех армян ЮФО и СКФО. Во всех названных регионах армяне являются вторыми по численности после русских.

Наименьшее количество армян проживает в Ингушетии (16 человек), Чеченской Республике (514 человек) и в Калмыкии (867 человек). Во всех субъектах Южного и Северо-Кавказского округов численность армянского населения в 2010 г. составила 633 330 человек или 53,6 % армян России.

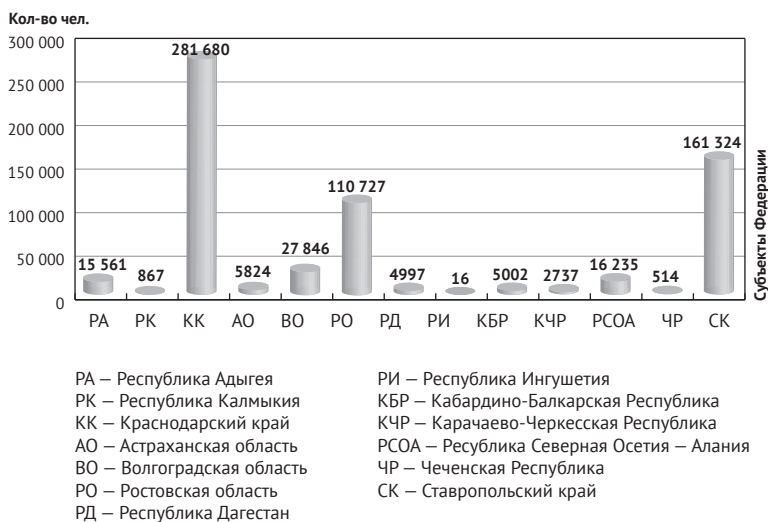

Рисунок 1. Численность армянского населения в субъектах ЮФО и СКФО по данным переписи 2010 г.

С вхождением Крыма в состав Российской Федерации и образованием Крымского федерального округа (КФО) численность армянского населения Юга России пополнилась. Об изменении численности армян в КФО можно судить по материалам Всесоюзной переписи населения 1989 г. и Всеукраинской переписи населения 2001 г. (табл. 2). Согласно их данным, численность армянского населения Республики Крым с 1989 по 2001 гг. увеличилась с 2375 человек до 8769 человек, или в 3,6 раза. В г. Севастополе за этот же период число армян возросло

с 419 человек до 1319 человек, или в 3,1 раза [3]. В целом по нынешнему Крымскому федеральному округу численность армян увеличилась с 2794 человек в 1989 г. до 10 088 человек, или в 3,6 раза, а их удельный вес в общей численности населения округа достиг 0,42 %. Армяне Крыма составляли 10,1 % всех армян, проживавших на Украине, причем темпы роста их численности здесь превышали среднеукраинские (по Украине число армян увеличилось с 54 200 человек в 1989 г. до 99 894 человек, или в 1,8 раза).

Таблица 2. Динамика численности армянского населения в субъектах Крымского федерального округа (человек)

	1989 г.	2001 г.
Республика Крым	2375	8769
Г. Севастополь	419	1319

Таким образом, с учетом Крымского федерального округа численность армян Юга России составляет не менее 643 418 человек или 54 % всех армян, проживающих в Российской Федерации.

Проведенный анализ показал, что на Юге России, как и в стране в целом, в период между переписями 2002 г. и 2010 г. наблюдался рост численности армянского населения, однако темпы его прироста были ниже общероссийских. Последнее связано, в частности, с тем, что из 13 субъектов, входящих в состав Южного и Северо-Кавказского округов, увеличение численности армян произошло только в 6, а в остальных наблюдалось ее сокращение. Наибольший прирост произошел в Краснодарском и Ставропольском краях, объемы которого не только компенсировали численные потери армянского населения в 7 субъектах Юга России, но и обеспечили положительную динамику численности армян в целом по ЮФО и СКФО. Несмотря на то что в той или иной степени армяне представлены во всех субъектах южного макрорегиона, основным современным ареалом их расселения являются Краснодарский край, Ставрополье и Ростовская область, в которых проживает 87,4 % всех армян ЮФО и СКФО и где они являются вторыми по численности после русских.

Примечания

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2012. С. 11.

2. О демографических и социально-экономических характеристиках населения отдельных национальностей Российской Федерации (по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года). М., 2013. С. 3–4.

3. Національний склад населення України та його мовні ознаки за даними Всеукраїнського перепису населення 2001 року / за ред. О.Г. Осауленка; відповід. за вип. Н.С. Власенко, Л.М. Стельмах. К., 2003. С. 14, 126, 151.

А.В. Сериков, В.В. Черноус

Армяне Ростовской области: проблемы идентичности

В настоящее время за пределами Армении проживает больше армян, чем в ней самой (6 млн против 3,5 млн). Наиболее многочисленные диаспоры находятся в России, США, Грузии, Франции, Иране, Аргентине, есть и во многих других странах, число которых приближается к 90 (почти половина всех стран-членов ООН). Большинство диаспор проживает на территории этих стран на протяжении 90 лет и более. Армянский народ, оказавшийся разбросанным по всему свету, до сих пор сохраняет свою «самость», то, что, собственно, и позволяет нам называть этих людей армянами. Безусловно, существуют примеры полной ассимиляции армян, оказавшихся за пределами своей исторической Родины, так же как существуют примеры изоляционизма (армянские кварталы в Лос-Анджелесе, своего рода «гетто»), но это скорее исключение, чем правило. Напротив, имеется огромное количество примеров, когда процесс аккультурации способствовал проявлению в армянах сформировавшегося на стыке культур творческого и интеллектуального таланта мирового значения.

Взаимопроникновение культур, сочетание двух различных комплексов этнокультурных характеристик в одном человеке — это сложное и противоречивое явление. Принимая новые модели поведения, выучивая чужой язык, при помощи чего постепенно приобщаясь к другой культуре, человек, конечно же, утрачивает некоторые характеристики, присущие его этносу. Приобретая двойную или даже мультиидентичность, человек неизбежно трансформирует прежнюю, исконную идентичность.

Как полагают некоторые ученые, именно сегодня, в условиях существования независимого Армянского государства, армянская идентичность находится под угрозой. А. Айвазян называет среди угроз утраты идентичности армян, проживающих непосредственно в пределах Армении, следующие: 1) утрата значительных пластов армянской идентичности в советский период (отсутствие национальной государственности, массовые репрессии); 2) постепенная инволюция коллективной системы ценностей армян в сторону ценностных критериев диаспоры (можно быть армянином, не зная родного языка; 3) восприятие эмигрантской стратегии как наиболее успешной модели жизненной самореализации; 4) определенная социальная напряженность в Армении (разрыв между богатыми и бедными, противопоставление айстанцев и карабахцев); отсутствие последовательной языковой политики в СМИ [1].

Существенную роль в «споре за идентичность» играют лидеры движений, этнические предприниматели, оспаривающие официальные позиции и официальные идентификации. Под воздействием лидеров движений, являющихся социально и ценностно-значимыми фигурами в его жизненном пространстве, индивид начинает позиционировать себя определенным образом по отношению к окружающим и по отношению к государству, приписывающему ему определенные категории, при этом члены групп начинают воспринимать себя как сходные между собой по этому основанию идентификации, и эта идентификация осознана и эмоциональна.

Среди множества свойств и характеристик общин диаспор основной является этничность. Этничность диаспоры как этничность переселенческого меньшинства имеет собственные формы выражения. Она опирается на целостный этнокультурный комплекс, который заменяет диаспоре исторические территории проживания, государственные формы этнической жизни. В то же время усиление или ослабление этничности диаспоры, как равно и ресурсы ее этнокультурной толерантности, зависят от конкретной этнополитической ситуации. Применительно к ней справедливы следующие тезисы Дж. Комароффа [3]: этничность обязана своим происхождением отношениям неравенства (неравенства демографического, профессионально-социального, политического, которое выражается борьбой за ресурсы); этническое самосознание (тем более относительно изолированной общины) формируется в ходе контактов между теми, кто этнизирует, и теми, кого этнизируют.

Необходимо отметить, что многие исследователи указывают на факт множественной идентичности членов диаспоры. Диаспора предполагает смесь из различных культурных, социальных, политических, экономических и других черт, характерных одновременно как для страны проживания, так и для страны происхождения. Диаспорная идентичность, как отмечает М. Аствацатурова, является более динамичной, ситуативной и масштабной по сравнению с идентичностью коренных (автохтонных) меньшинств [3]. По ее мнению, переселенческое этническое меньшинство способно в большей степени варьировать этнокультурные характеристики, чем материнский этнос.

Армянская диаспора — традиционная для Ростовской области — структурно изменилась и численно возросла в период кризиса и распада СССР, особенно интенсивно данный процесс проходил в 1990-е гг. [4]. Это вызвало определенную нестабильность в отношениях донских армян и армян-мигрантов из Армении и Нагорного Карабаха, а также рост напряженности в отношениях последних с остальными этническими группами принимающего населения. В настоящее время, как свидетельствуют эксперты и социологические опросы, ситуация в целом стабилизировалась, противоречия ослабли и армянская диаспора развивается в общероссийском и региональном политическом, социально-экономическом и культурном процессах. Основываясь на результатах исследования Южнороссийского филиала Института социологии РАН «Армянские диаспоры Ростовской области и Краснодарского края», можно сделать вывод, что этническая идентичность рассматривается армянами как часть сложной полиэтнической российской идентичности [5]. Армяне появились на Дону во времена Екатерины II, и 52,4 % донских армян считают себя их преемниками полностью. Постсоветские мигранты, естественно, не считают себя продолжателями первых армянских поселенцев, а 40 % армян рассматривают армянскую диаспору в Российской Федерации как единое целое, но в то же время видят разделение их на старожилов и мигрантов новой волны. По мнению донских армян, самоидентификация определяется знаниями армянских традиций — 67,1 % и самоощущением — 57,3 %. Далее идут позитивные черты национального характера — трудолюбие, целеустремленность — 53,7 %, щедрость и гостеприимство — 48,8 %. Лишь на 5-м месте стоит знание армянского языка — 43,9 %, приверженность традициям Армянской апостольской церкви — 28 %. Данная

иерархия идентификационных признаков вполне характерна для традиционных диаспор, интегрированных в местные сообщества на протяжении нескольких поколений, когда сфера проявления этничности объективно уменьшается, что не мешает ее воспроизводству и трансформациям [6]. Так, сфера соблюдения армянских традиций ограничивается в значительной мере сферой семейных (земляческих) праздников и ритуалов и в повседневном общении у 17,1 %.

Большинство донских армян используют армянский и русский языки в качестве родного, причем знание русского языка несколько лучше. Так, 34,1 % армян (19 % в городе и 50 % в селе) владеют литературным армянским языком, могут читать и писать. 9,8 % умеют читать, и 25,6 % владеют только устной речью, причем местными диалектами. Сфера использования армянского языка ограничена общением с родственниками, друзьями и другими армянами. 13,4 % донских армян читают книги, обращаются к СМИ, в том числе электронным, на армянском языке. 65,9 % армян свободно владеют письменно и устно русским языком, а еще 25,6 % считают себя знатоками русского языка. Большинство донских армян думают на русском языке — 41,5 % (66,7 % в городах), на русском или армянском — 31,7 %, только на армянском — 20,7 % (27,5 % в селах). Таким образом, у донских армян, особенно представителей традиционной диаспоры, сложилась двойная языковая идентичность с приоритетом использования русского языка и владения им. Кроме того, нужно иметь в виду, что донские армяне признают особенности в языке у различных по происхождению армян — 74,6 %. Сохраняются также субэтнические различия в особенностях обрядов и традициях (50,7 %), особенностях повседневного поведения (41,8 %). Несмотря на различия между субэтническими группами донских армян, что (в той или иной мере) признает более 80 % респондентов, внутридиаспорная конфликтогенность в настоящее время незначительна, противоположную оценку дает лишь 13,4 %.

Донские армяне проявляют большую заинтересованность в сохранении армянской культуры. При этом оценка состояния армянской культуры разнополюсна. Почти 33 % считает, что она развивается или стабильна — 18,3 %, 34,1 % опасаются, что армянская культура утрачивается, а 11 % сталкиваются с определенными проблемами. Основная угроза для этнической культуры, как полагают 62,2 % респондентов, исходит со стороны массовой культуры. Более 64,6 % армян стремятся узнать больше о традициях и культуре армянского народа.

Оптимизация положения армян в Ростовской области может предусматривать два магистральных направления. Первое — достижение высокого уровня национально-культурной самоорганизации и этнокультурного комфорта, благополучного этнокультурного самочувствия. Второе — упрочение и укоренение среди других этнических сообществ. Это важно не только для этнической реабилитации, для формирования благополучного автостереотипа — «армяне — россияне (ростовчане, краснодарцы, ставропольцы)», но и для профилактики межэтнических противоречий, национализма и ксенофобии.

Примечания

1. Айвазян А. Еще Тацит писал об армянской идентичности. URL: <http://www.miasin.ru/news/arm/item1782.html> (дата обращения 19.03.2015).

2. Комаров Дж. Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // Этничность и власть в полиэтничных государствах / отв. ред. В.А. Тишков. М., 1994. С. 40–43.

3. Аствацатурова М. Диаспоры: этнокультурная идентичность (возможные теоретические) модели // Диаспора. 2003. № 2. С. 185.

4. Денисова Г.С., Дмитриев А.В., Клименко Л.В. Южно-российская идентичность: факторы и ресурсы. М., 2010. С. 77.

5. Барков Ф.А., Мирзоян Г.В., Нагапетян А.Р., Садко Д.О., Сериков А.В., Черноус В.В. Армяне Юга России: опыт социологического исследования / отв. редактор Ю.Г. Волков. Ростов н/Д; М., 2011. 176 с.

6. Сериков А.В., Черноус В.В. Донские армяне в контексте укрепления российской идентичности // Армяне юга России: история, культура и общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая — 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2012. С. 273–279.

С.Я. Суций

Армяне Дона: размеры и география диаспоры (конец XVIII — начало XXI вв.)

Значительные группы армянского населения появились в Нижнем Подонье в последней четверти XVIII в. После присоединения

к Российской империи Крыма указом Екатерины II (ноябрь 1779 г.) армянское население полуострова должно было переселиться в пределы Азовской губернии: в окрестностях крепости Дмитрия Ростовского мигрантам выделялось более 12 тыс. десятин земли. На данной территории и была заложена Нахичевань-на-Дону, а также основано несколько сельских поселений (Чалтырь, Топты, Большие и Малые Салы, Несветай, Катеринован). В общей сложности в пределах Нижнего Подонья оказалось порядка 13 тыс. армянского населения [1]. И если в масштабах всей области Войска Донского (в границах начала XX в.) новая диаспора составляла в конце XVIII в. 3,6 % его жителей, то в пределах Нижнего Подонья армяне с этого времени становятся одним из регионообразующих национальных сообществ (около 35 % местного населения).

XIX столетие мало изменяет географию диаспоры — она по-прежнему сосредоточена в Нахичевани-на-Дону и окрестных селах. Численность ее демонстрирует поступательный рост, который, впрочем, был достаточно медленным. Первая всеобщая перепись населения империи 1897 г. обнаружила в пределах области Войска Донского 27,2 тыс. армян (1,1 % всего населения). Диаспора, занимавшая пятую позицию среди национальных сообществ региона (после русских, украинцев, немцев и калмыков), характеризовалась повышенным уровнем урбанизации. Более 56 % ее представителей проживало в городских центрах — прежде всего в Нахичевани (8,3 тыс. человек) и Ростове (2,2 тыс. человек). И в целом на Ростовский уезд приходилось 25,4 тыс. представителей диаспоры (более 94 % ее численности).

Количественный рост диаспоры заметно ускоряется в 1-й четверти XX в. К 1926 г. ее размеры превысили 47 тыс. человек и она вышла на 3-е место в демографическом рейтинге народов региона, уступая по численности только русским и украинцам. Крупнейшим средоточием армянского населения становится Ростов (17,6 тыс. человек), в состав которого к этому времени вошла и Нахичевань.

В 1930-е гг. демографический рост диаспоры снова замедляется. Перепись 1939 г. обнаруживает в регионе чуть более 49 тыс. армян, лишь на 5 % больше, чем в середине 1920-х гг. Однако на этот период приходится ощутимая перецентрировка общины, связанная с ее ускоренной урбанизацией и, прежде всего, с ростом «столичного» армянского населения — в конце 1930-х гг. в Ростове оказывается сосредоточено 24,5 тыс. представителей областной диаспоры (почти

половина против 37 % в 1926 г.). Основная масса сельских армян по-прежнему проживала в окрестностях областного центра, где был создан национальный Мясниковский район, в котором диаспора количественно доминировала (17,5 тыс. человек — более 70 % местного населения).

Таблица 1. Количественная динамика двух крупнейших диаспор Ростовской области, 1939–2010 гг. (тыс. человек)

Диаспоры/ годы	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Армяне	49,3	49,3	53,6	56,9	62,6	110	110,7
Украинцы	110,7	137,6	149,0	156,8	178,8	118,5	77,8

Продолжала демонстрировать поступательный демографический рост армянская диаспора области и в послевоенные десятилетия, увеличившись за 1959–1989 гг. с 49,3 тыс. до 62,6 тыс. человек. При этом в отличие от украинской общины, растущей, прежде всего, за счет миграционного притока, центральную роль в расширении армянского этнического присутствия на Дону играл естественный прирост старожильческого населения. Социокультурная и психоментальная дистанция между русскими и армянами оставалась более широкой, чем в русско-украинской этноконтактной связке, что позволяло армянской общине минимизировать свои ассимиляционные потери и сохранять мощное, устойчивое этнокультурное ядро. Достаточно сказать, что в конце советского периода (1989 г.) 69 % представителей диаспоры удерживало армянский язык в качестве родного. Тем самым на этнокультурную периферию общины, заключающую людей с размытой / сложной национальной самоидентификацией, в региональной армянской диаспоре приходилось менее трети ее представителей (рис. 1).

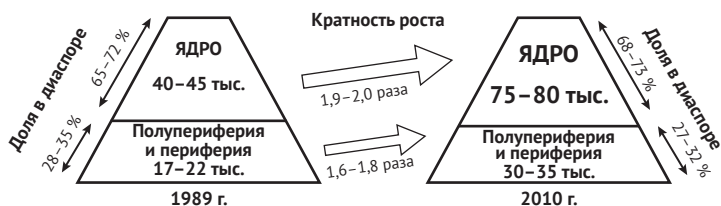

Рисунок 1. Динамика этнокультурной структуры областной армянской диаспоры, 1989–2010 гг.

Отсутствие значительного миграционного притока в последние десятилетия советского периода определяло и достаточно высокую устойчивость системы расселения диаспоры в пределах области. Армяне продолжали концентрироваться в Ростове и на прилегающих к донской столице сельских территориях (прежде всего в Мясниковском районе). На высокую территориальную укорененность общины указывала стабильность уровня урбанизации (доля горожан с 1950-х гг. колебалась в пределах 63–66 %), а также сбалансированный гендерный состав (доля мужчин составляла 49–51 %).

Демографическая динамика диаспоры в постсоветский период характеризовалась быстрым количественным ростом, связанным с массовой миграцией армянского населения в пределы Российской Федерации. При этом Ростовская область (как и ряд других южнороссийских регионов) оказалась в числе эпицентров данной миграционной волны. Только по официальной статистике приток титульных мигрантов из Армении в область составил в 1993–1994 гг. 7,6 тыс. человек, в 1995–1996 гг. — 3,6 тыс., в 1997–2000 гг. — 3,9 тыс. человек. Между тем значительное число армян-переселенцев прибывало из других республик бывшего СССР, не говоря уже о нелегальной миграции, масштабы которой в первое постсоветское десятилетие как минимум не уступали фиксируемой компоненте миграционной активности. Как результат — за 1989–2002 гг. размеры армянской диаспоры в области выросли в 1,75 раз (с 62 тыс. до 110 тыс. человек). В пространственном отношении армянская миграция 1990-х гг. была в значительной степени ориентирована на ведущие города области (Ростов-на-Дону, Новочеркасск, Шахты), хотя наличие в системе расселения диаспоры сельского ареала (Мясниковский район) способствовало быстрому количественному росту и ее сельской компоненты. В 1990-е гг. в некоторых из них армянское население количественно выросло в 4–6 раз. Как результат — такие общины превратились в крупнейшие этнические группы своих территориальных сообществ (табл. 2).

Первое десятилетие XXI в., согласно данным Всероссийской переписи 2010 г., было связано с определенной количественной стабилизацией диаспоры (за 2002–2010 гг. армянское население области увеличилось только на 700 человек). Но очевидно, что реальные размеры общины выросли существенно больше. Прямым доказательством демографического роста общины может служить фиксируемый региональными структурами Федеральной миграционной службы приток

армянского населения. Масштабы его заметно сократились (особенно в середине 2000-х гг.). Тем не менее только по официальным данным армянская диаспора области в 2002–2010 гг. за счет миграции выросла на 6 тыс. человек (с учетом же нелегалов пополнение могло быть в 1,5–2 раза больше).

Таблица 2. Демографическая позиция армянских общин среди диаспор городов и районов Ростовской области (по переписи 2010 г.)

Первая	Вторая	Третья
Районы		
Азовский, Аксайский, Егорлыкский, Кагальницкий, Константиновский, Матвеево-Курганский, Мясниковский, Октябрьский, Песчанокопский, Родионово-Несветайский	Белокалитвинский, Зерноградский, Каменский, Красносулинский, Куйбышевский, Неклиновский, Орловский, Тарасовский, Усть-Донецкий, Целинский	Багаевский, Мартыновский, Миллеровский, Милютинский, Морозовский, Сальский, Семикаракорский, Тагинский, Цимлянский, Чертковский
Города		
Ростов, Батайск, Шахты	Азов, Волгодонск, Гуково, Каменск-Шахтинский, Новочеркасск, Новошахтинск, Таганрог	Донецк, Зверев

Необходимо учесть и естественный прирост, составлявший у представителей общины 0,4–0,6 ‰ в год. Тем самым реальная численность областной диаспоры может быть на 10–20 тыс. человек выше цифры, зафиксированной переписью 2010 г., и составлять до 125–130 тыс. человек. Но даже если исходить из данных переписи, армянское население Ростовской области в начале второго десятилетия XXI в. уже в 1,5 раза количественно превосходило украинскую общину (соответственно 110,7 тыс. и 77,8 тыс. человек). При этом украинцы по-прежнему были представлены практически повсеместно, а армяне максимально тяготели к Ростову и его окрестностям, включавшим Мясниковский район. Однако расселенческий ареал данных двух общин эволюционировал в противоположном направлении. Если украинское этническое присутствие в области постепенно сокращалось, то армянская диаспора,

наоборот, наращивала свою территориальную широту. Причем в первую очередь, за счет появления в поселениях области малых групп своих представителей (4–10 человек). Общее число таких локальных средоточий армянского населения в области за 2002–2010 гг. выросло с 253 до 430. Несколько расширилась и региональная география диаспоры (табл. 3).

Таблица 3. Представленность украинцев и армян в населенных пунктах Ростовской области (число поселений)

Размер общины (чел.)	Украинцы		Армяне	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Более 10 тыс.	2	1	2	2
5–10 тыс.	2	1		
1001–5000	9	9	9	10
501–1000	7	7	9	8
301–500	11	5	10	17
101–300	61	42	34	39
51–100	105	68	53	76
31–50	163	104	73	70
11–30	583	444	268	213
4–10	555	581	253	430
Всего населенных пунктов	1498	1262	711	755

В целом же исторически сформированный ареал расселения армянской диаспоры по-прежнему определяет сверхконцентрацию ее представителей в пределах Ростова и Мясниковского района. Хотя масштабы таковой постепенно сокращаются: если в 1989 г. на долю данного территориального ядра приходилось 78,3 % всего армянского населения области, то в 2002 г. уже только 59,6 %. Однако в первом десятилетии XXI в. процесс пространственной расконцентрации общины сократился до минимума. И к 2010 г. в пределах областной столицы и Мясниковского района по-прежнему проживало 57,5 % ее представителей. Кроме того, количественная динамика локальных групп армянского населения в первом десятилетии XXI в. обнаруживала значительные ареалы более или менее ощутимого демографического сокращения региональной диаспоры. Если исходить из данных двух последних переписей, то в «нулевые» община сохраняла демографический рост только на юго-западе области — в пределах своего

центрального расселенческого ядра и сопредельных с ним территорий. Но даже здесь имелось немало населенных пунктов, в которых численность представителей диаспоры в межпереписный период сократилось. Среди них оказался и сам Ростов, армянская община которого за 2002–2010 гг. потеряла более 2,5 тыс. человек («ужавшись» с 43,9 до 41,3 тыс. человек). Хотя в данном случае мы, скорее всего, имеем дело с неполным учетом, несомненно, и то, что областная диаспора от стадии быстрого количественного роста перешла к этапу количественной стабилизации и оптимизации системы своего расселения, закрепляясь в наиболее благоприятных для жизни и трудовой деятельности территориальных сообществах. Таковых за пределами традиционного ареала расселения армян в области оказалось достаточно немного — Егорлыкский, Песчанокопский и Веселовский районы на юго-востоке и востоке; Тарасовский на севере. Можно также предположить, что возможности дальнейшего территориального расширения расселенческого ареала общины в пределах региона в настоящее время ограничены. Причем основным препятствием является сама пространственная стратегия диаспоры, традиционно ориентированной на крупные города и городскую систему в целом. И потому разреженная сельская система расселения северных, северо-восточных и восточных районов, становится серьезным фактором, сдерживающим дальнейшее пространственное расширение армянской общины. А значит, урбанистический юго-запад области на всю обозримую перспективу сохранится в качестве основного территориального средоточия местного армянского населения.

Примечания

1. Энциклопедия культуры народов Юга России. Ростов н/Д, 2005. С. 57.

А.С. Хатламаджиян

Генеалогия армян Дона по материалам Государственного архива Ростовской области

По разным причинам генеалогия армян Дона до недавнего времени оставалась малоизученной. К основным генеалогическим источ-

никам — метрическим книгам — обращались, как правило, в сугубо прагматических целях: для уточнения даты рождения, для установления родства, при переезде в другой регион или страну, при поступлении на учебу и т.д. Об этом свидетельствуют начиная с 1920 г. пометы на полях метрических книг с датами выдачи архивных справок.

Интерес к генеалогии в течение длительного времени проявлялся не в поиске и изучении архивных сведений, а в собирании устных, реже письменных, историй-легенд, хранимых в семьях и передаваемых из поколения в поколение. Долгое время у армянского населения наибольший интерес вызывали рассказы о тех, «кто из нашего рода был переселен из Крыма и кто первым родился на Дону». На основании этих историй составлялись весьма приблизительные родословные, одна из которых имеет трогательную надпись: «Потомкам продолжить, 1939 г.» [1], другая — рода Хатламаджиянов — была изображена в 1921 г. знаменитым художником М.С. Сарьяном — уроженцем Нахичевани-на-Дону [2]. Эти пожелтевшие от времени листки с родовыми древами свидетельствуют о давнем интересе армянских семей к своим родословным.

Введение в оборот архивных материалов способствует более глубокому, достоверному и серьезному изучению генеалогии армян Дона, к которым мы относим население города Нахичевани-на-Дону, существовавшего до 1928 г., и 5 сел: Чалтыря, Крыма, Больших Салов, Султан Салов и Несветая. О монолитности колонии свидетельствует то обстоятельство, что находившийся в Нахичевани-на-Дону магистрат управлял не только городом, но и названными селами, население которых почти на 100 % было армянским вплоть до начала XX в.

Генеалогию армян Дона можно изучать на материалах, хранящихся в разных архивах не только России и, в частности, Ростова и Ростовской области, но и Армении. Некоторые документы по генеалогии армян хранятся в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), в Архивном отделе управления ЗАГСа Ростовской области, в архиве ЗАГСа Мясниковского района. Мы же сосредоточимся на источниках, выявленных в Государственном архиве Ростовской области (далее — ГАРО). В советское время значительная часть документов на армянском языке была передана из ГАРО в Армению, что, естественно, отрицательно сказалось на документной базе ростовского архива, осложнив не только изучение истории региона и, в частности, истории донских армян, но и составление родословных.

Начать обзор источников по генеалогии, пожалуй, нужно с ревизских сказок (народных переписей) как наиболее ранних из имеющих в нашем распоряжении источников. Ревизские сказки хранятся в фонде Ростовского уездного казначейства (Ф. 376) ГАРО и содержат информацию, относящуюся как к г. Нахичевани-на-Дону, так и к армянским селам (с 1807 по 1888 гг. Нахичевань-на-Дону и армянские села относились к Ростовскому уезду). Как известно, в Российской империи было проведено 10 переписей, или ревизий, к сожалению, в ГАРО представлены не все ревизские сказки, а те, что имеются, сохранились не в полном объеме. Самая ранняя ревизская сказка относится к 1811 г. (Д. 643). Несмотря на то что 6-я ревизия 1811 г. не учитывала женское население, имеющаяся ревизская сказка является довольно полной, включая в себя мужское население 5 армянских сел, а также купцов и мещан г. Нахичевани-на-Дону. Таким образом, она дает представление о сословной принадлежности людей.

Приведем пример из этого дела: «Купцы первой гильдии: Агоп Халаджов — 57 лет, сыновья его Бедрос — 22 л., Степан — 18 л.» [3].

Проводившаяся в 1816 г. очередная ревизия нашла отражение в двух делах фонда Ростовского уездного казначейства, касающихся армян: Д. 33 — «о купцах и мещанах» и Д. 34 — «о цеховых». Надо сказать, что перепись 1835 г. представлена в ГАРО полнее, нежели другие переписи. В частности, в ревизской сказке за 1835 г. (Д. 674), содержащей сведения о жителях армянских сел, указаны нахичеванцы, ставшие «землепашцами сабанчи». Впоследствии эти землепашцы основали армянское поселение Екатериновку. Полностью сохранилась ревизская сказка «о купцах и мещанах» Нахичевани-на-Дону за 1835 г. (Д. 665). Документы 9-й и 10-й ревизий отложились в нескольких делах. В частности, 9-я ревизия представлена делами за 1850 и 1851 г. (Д. 276, 277, 686, 687). По 10-й ревизии выявлены дела за 1858, 1860, 1864 гг. Работая с ревизскими сказками, надо иметь в виду, что по прошествии некоторого времени после очередной ревизии составлялись добавочные ревизские сказки, куда вносились пропущенные или неучтенные по тем или иным причинам лица.

Зачастую, начав генеалогическое исследование, люди хотят «копнуть поглубже», узнать, кто из армян родился в Крыму и был переселен на Дон. Помимо недостатка источников эта работа осложняется еще и тем, что в большинстве ревизских сказок за раннее время отсутствуют фамилии. Приходится опираться лишь на имя, отчество,

а иногда прозвище людей, которое не всегда переходило в фамилию. Подобная картина имеет место и в метрических книгах.

В 130 делах, находящихся в описи № 2 фонда № 803 ГАРО, содержатся метрические книги армянских церквей. Эти документы охватывают период с 1831 по 1924 гг. и представлены как оригиналами, так и консисторскими копиями. Еще совсем недавно эти материалы были недоступны для исследователей. Это связано с тем, что часть документов — 27 метрических книг — хранилась в архиве ЗАГСа Мясниковского района и была передана в ГАРО в 2003 и 2004 гг. Другая часть — более 100 метрических книг — находилась в Архивном отделе областного ЗАГСа и поступила в ГАРО лишь в 2007 г. Имеющиеся в архиве метрические книги написаны на армянском языке, не отличаясь от книг православных церквей, составленных на русском языке, ни по структуре, ни по специфике информации. К сожалению, до нашего времени сохранились не все метрические книги: по всем армянским церквям имеются лакуны. Чаще всего это объясняется историческими событиями, которые переживала страна: революция и войны не способствовали сохранению документов. Из 6 церквей наиболее полно сохранились метрические книги Соборной церкви (за 67 лет), а меньше всего — Вознесенской церкви (за 45 лет). Надо сказать, что метрические книги 1830-х гг. несколько отличаются от книг за другие периоды. Так, в них содержится более подробная информация о «веровосприимниках» (крестных) и свидетелях. Скорее всего, это связано с тем, что стандартная форма метрических книг была утверждена в 1838 г. [4]. Что касается консисторских копий, то в них имеется значительное количество неточностей и ошибок. Таким образом, необходимо использовать генеалогические источники в комплексе, чтобы информация дополнялась, опровергалась или уточнялась разными свидетельствами.

Приведем стандартную запись из метрической книги за 1859 г. [5]: «№1 родился 5, крестился 9 января Мелкон — сын мещанина г. Нахичевани Микаел Карапетян (Карапетович) и его законной жены Такуги Арутюнян (Арутюновны). Крестный отец Гаспар Дзеронян (Дзеронович) Миганаджиян».

Помимо метрических книг в фонде № 803 хранится очень интересное в информативном плане дело за 1845 г. со списком жителей 5 армянских сел без указания их фамилий. В это же дело внесены и семьи священников [6].

Кроме метрических книг на армянском языке в ГАРО хранятся и переводы этих книг в количестве 86 дел, сделанные на бланках ЗАГСа в 1936 г. Эти документы лишь отчасти восполняют имеющиеся лакуны, поскольку переводы сделаны примитивно, а потому имеют массу неточностей и ошибок. Возможно, их появление связано с сокращением количества людей, владевших армянским языком.

Обязательным для генеалогов источником являются брачные обыски. К сожалению, в ГАРО хранится лишь одно дело в фонде № 803 с брачными обысками, составившимися незадолго до венчания и содержащими сведения о женихе и невесте. Эти брачные обыски за 1904–1910 гг. составлены на армянском языке, как и метрические книги армянских церквей. Структурно они ничем не отличаются от брачных обысков русских православных церквей. Возможно, документов подобного типа сохранилось немного из-за того, что с них не снимались копии, как это практиковалось в отношении метрических книг. Приведем пример из этого дела, куда вошли брачные обыски и селян, и горожан: «19.Х.1904 г. Землепашец Самбека Абраам Хачатурян (Хачатурович) Абраамян 25 л. намеревается жениться на Маркрит — дочери нахичеванского мещанина Аствацатура Карапетяна (Карапетовича) Саакяна, прихожанки церкви Сурб Аствацацин, родившейся 8 июля 1887 г.» [7].

Помимо метрических книг значительный интерес представляют выписки из метрических книг, посемейных списков и брачных свидетельств. Два тома с подобными документами сохранились в фонде Нахичеванской городской управы [8]. Эти два дела охватывают период с 1851 по 1909 гг. и интересны не только генеалогам, но и специалистам, изучающим историю города. Фонд Нахичеванской городской управы является кладезем как прямой, так и косвенной информации на русском языке для исследователей и собирателей генеалогических данных. В нем имеются различного рода прошения и заявления разных людей, содержащие биографические данные. Также в фонде находятся посемейные списки купцов и мещан Нахичевани-на-Дону [9].

К косвенным источникам надо отнести архивные фонды нахичеванских учебных заведений, содержащие экзаменационные ведомости, журналы, списки учеников. Это такие фонды, как Нахичеванское приходское училище (Ф. 11), Екатерининская женская гимназия (Ф. 254), Нахичеванская мужская гимназия (Ф. 255). В связи с тем что Нахичевань-на-Дону и армянские села с 1807 по 1888 гг. входили

в состав Таганрогского градоначальства, фонд этого учреждения (Ф. 579) также представляет интерес для составителей генеалогий. Источниками информации являются коллективные прошения армян-поселян по разным, главным образом земельным, вопросам. Иногда эти коллективные прошения заканчиваются списком домохозяев того или иного села [10].

Генеалогические данные содержатся также в фондах Ростовского уездного по крестьянским делам присутствия (Ф. 810) и Ростовского окружного по крестьянским делам присутствия (Ф. 98). Во 2-м находятся более 9 тыс. дел, из них более чем в 500 выявлена информация, касающаяся армянской части населения округа. Во многих делах есть протоколы сельских сходов с подписями домохозяев. В этом же фонде можно найти сведения о должностных лицах, об их возрасте, уровне образования и т.п. Важными источниками, находящимися в 98-м фонде, являются списки ратников Первой мировой войны и их семей, нуждавшихся в пособиях. Помимо имени, отчества, фамилии ратников в документах приведены сведения о составе их семей с указанием возраста членов семей, а также сведения об изменениях в семьях за время нахождения ратников в армии. По некоторым селам сохранились податные тетради, в которых перечислены домохозяева с указанием имеющейся у них земли, количества недоимок и т.п.

Среди фондов ГАРО, имеющих документы по интересующей нас проблематике, надо назвать и фонд Областного Войска Донского распорядительного по земским делам комитета (Ф. 52). В нем имеются списки лиц, которым выделялось зерно для обсеменения за 1892 и 1899 гг. [11].

Завершая обзор источников по генеалогии, хранящихся в ГАРО, можно сказать, что в совокупности они предоставляют как прямую, так и косвенную информацию генеалогического характера. Естественно, что архивные и библиотечные данные не могут быть исчерпывающими, поэтому нельзя отказываться ни от устных и письменных рассказов, ни от данных некрополистики, применяя к ним, как и к любым другим документам, критический метод изучения. Таким образом, очевидно, что комплекс источников должен быть разнообразным.

Свидетельством неиссякаемого интереса к истории армян Дона и, в частности, к их генеалогии, является то, что люди, живущие в других регионах и странах, пытаются создать или дополнить свое семейное

древо. Параллельно с составлением своих родословных, сохраняя связь с ушедшими и ныне живущими поколениями родственников, люди неизбежно расширяют свои представления не только об истории армянского народа, но о том месте, где когда-то проживали их предки.

Примечания

1. Личный архив Г.А. Бабияна.
2. Коммунар. 1958. 25 мая. № 63 (2967). С. 3.
3. ГАРО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 643. Л. 248, 288об.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XIII. СПб., 1839. № 10 956.
5. ГАРО. Ф. 803. Оп. 2. Д. 1860. Л. 1об.–2.
6. Там же. Ф. 803. Оп. 2. Д. 1913.
7. Там же. Ф. 803. Оп. 2. Д. 1894. Л. 82, 183об.
8. Там же. Ф. 91. Оп. 4. Д. 13, 14.
9. Там же. Ф. 91. Оп. 4. Д. 27.
10. Там же. Ф. 579. Оп. 1. Д. 219, 235, 226.
11. Там же. Ф. 52. Оп. 1. Д. 245.

*М.И. Чухряева, Х.Д. Дибирова, А.М. Епископосян,
О.П. Балановский, Е.В. Балановская*

Генофонд донских армян: столетия в диаспоре [1]

Донские армяне — один из ярких примеров длительного, более 200 лет, проживания армян в диаспоре. В XVIII в. решением русского правительства начинается переселение крымских армян на донские земли: в 1778–1779 гг. из Крыма на Дон выехало около 12 тыс. армян, которые основали город Нахичевань и 5 селений (Чалтырь, Крым, Большие Салы, Малые Салы и Несветай) близ крепости святого Дмитрия Ростовского. За достаточно короткий срок популяция донских армян существенно возросла, и современная численность донских армян составляет около 110 тыс. человек.

Несмотря на то что образование армянских поселений на Дону датируется лишь концом XVIII в., их предки покинули Армению

значительно раньше. Предполагается, что основная часть предков донских армян проживала в городе Ани (территория современной Турции) — столице средневековой Армении, откуда в середине XIII в. часть армян переселилась в Южное Поволжье, а оттуда в начале XIV в. — в Крым. Спустя полвека в Крым переселилась вторая волна анийских беженцев — киликийцев, которые после ухода из Ани проживали в Киликии — армянском государстве на берегу Средиземного моря.

Таким образом, миграция, завершившаяся на Дону, была сложной, долгой и до конца не проясненной. Генофонд донских армян никогда ранее не исследовался, поэтому остается открытым вопрос, повлияли ли на их генофонд столь частые миграции, прослеживаются ли в нем следы влияния окружающих популяций.

Для отслеживания древних миграций удобным инструментом являются маркеры Y-хромосомы. Это обусловлено тем, что часть Y-хромосомы передается практически неизменной из поколения в поколение, и таким образом становится возможным отследить прямые генеалогические линии, увидеть в современном генофонде следы древних влияний. Другим важным современным генетическим инструментом является анализ полногеномных панелей ДНК-маркеров, включающих аутосомные гены (полученных как по отцовской, так и по материнской линиям).

Нами было проведено исследование генофонда донских армян: были собраны биологические образцы от 92 представителей донских армян, уроженцев сел Крым и Чалтырь Ростовской области. Для каждого индивидуума составлялась родословная, на основе которой в выборку были включены только те доноры, чья принадлежность к донским армянам подтверждена как минимум до 3-го поколения предков. В связи с высоким уровнем метисации сбор такой обширной выборки из лиц, не имевших других предков, кроме армян, оказался затруднительным. Поэтому выборка по таким строгим правилам собиралась для образцов, проанализированных по аутосомным маркерам, а в выборку для анализа Y-хромосомы включались и индивиды, имевшие русских предков — но только по материнской линии, которая не имеет значения при анализе Y-хромосомы.

Из собранных образцов слюны проведено выделение ДНК методом фенол-хлороформной экстракции. Для всех 92 образцов проведено генотипирование 40 SNP маркеров Y-хромосомы (методом ПЦР

в реальном времени с набором из Taqman зондов) и фрагментный анализ полиморфизма 17 STR локусов Y-хромосомы (методом капиллярного электрофореза с использованием коммерчески доступного набора Y-filer). Кроме того, 20 образцов от армян были генотипированы по полногеномной панели маркеров Genochip.

Результаты, полученные при анализе данных полногеномной аутосомной панели Genochip, показали близость донских армян ко всем остальным изученным группам армян и популяциям Юго-Западной Азии.

Однако при анализе маркеров Y-хромосомы получены несколько иные результаты: у донских армян обнаружен широкий спектр гаплогрупп, причем ни одна из них не является доминантной. Наиболее распространенными среди донских армян являются гаплогруппы J-P58, E-M35 и R-M458. Сравнение с уже изученными группами армян как Армении, так и диаспоры (Краснодарского края, Адыгеи) показало, что донские армяне по отцовской линии сильно отличны от других изученных групп армян. У донских армян гораздо реже встречаются такие «типично армянские» варианты Y-хромосомы, как R-L23 и различные субварианты гаплогруппы J-M172. Но при этом филогенетический анализ показал, что гаплотипы донских армян, относящиеся к гаплогруппе J-M67 (одного из вариантов J-M172), входят в «армянский» кластер гаплотипов на филогенетической сети данной гаплогруппы, что показывает их общее происхождение.

Для выяснения появления в армянском генофонде гаплогрупп J-P58, E-M35 и R-M458 нами был проведен анализ их гаплотипов. Филогенетический анализ R-M458 (гаплогруппы, широко распространенной среди славянских популяций) подтвердил, что ее появление в генофонде донских армян объясняется влиянием соседних славянских популяций, пусть и произошедшим достаточно давно.

Анализ же гаплогруппы J-P58 выявил, что данный вариант мог быть характерен еще для исходной армянской популяции — близкие гаплотипы были обнаружены среди армян Армении и некоторых других популяций Юго-Западной Азии. В настоящее время J-P58 наиболее распространена среди населения стран Аравийского полуострова. Но в генофонде армян она могла появиться еще раньше и дошла до наших времен.

Субварианты гаплогруппы E-M35 стабильно обнаруживаются во всех исследуемых группах армян с небольшой частотой (2–5 %),

но у донских армян частота заметно повышается. Анализ гаплотипов гаплогруппы E-M78 показал ее невысокое гаплотипическое разнообразие у донских армян. Таким образом, ее повышенные частоты можно объяснить эффектом дрейфа генов, т.к. на протяжении истории формирования донских армян были моменты, когда эта популяция становилась достаточно немногочисленной, и поэтому частота какой-то гаплогруппы могла случайным образом возрасти.

В результате проведенного генетического исследования популяции донских армян можно сделать следующие выводы. Проживание в диаспоре, несомненно, повлияло на их генофонд: в настоящее время в нем прослеживается влияние соседнего славянского населения. В то же время в генофонде армян сохранились и типичные для армян гаплогруппы Y-хромосомы, но под действием дрейфа генов из-за колебаний численности населения донских армян на протяжении их формирования появились своеобразные генетические черты. Генофонд армян по аутосомным маркерам показывает их большую близость к остальным армянским популяциям.

Примечания

1. Статья подготовлена в рамках проекта «Генофонд индоевропейских популяций Евразии: реконструкция структуры и происхождения по данным о Y-хромосомных и полногеномных панелях маркеров», грант РФФИ № 13-04-01711.

РАЗДЕЛ II. АРМЯНЕ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ МАКРОРЕГИОНА

П.А. Аваков

Тяжба Аспадура Асканова (из истории социально-экономических отношений на Дону в 1-й четверти XVIII в.)

Во втором десятилетии XVIII в. десятки армян, подданных Османской империи и Сефевидского Ирана, были достаточно плотно интегрированы в социально-экономическую жизнь Войска Донского, занимаясь коммерческой деятельностью в войсковом городе Черкасске — важнейшем центре внешней и внутренней торговли на русско-турецкой границе. Многие из них проживали в Черкасске постоянно, выполняли казачьи повинности, принимали повторное крещение по православному обряду и женились на местных казачках, что во многом способствовало смене их национально-культурной идентичности [1]. К числу таких армян принадлежал Аспадур Асканов, выступивший истцом, а затем ответчиком в длительном судебном деле, которое поэтапно рассматривалось Войсковым кругом Войска Донского, государственным Посольским приказом и Правительствующим сенатом с 1716 по 1720 г. Основные перипетии этой тяжбы изложены в документах, составивших дело Посольского приказа «по челобитью армянина Аспадура Асканова...» 1720 г. [2], которые дополняют отложившиеся в канцелярии адмирала графа Ф.М. Апраксина челобитные войскового атамана М.Ф. Кумшацкого, вдовы бывшего войскового атамана П.Е. Рамазана и старшины В.Ф. Фролова от 1716 г. [3].

А. Асканов был уроженцем «Персицкой земли города Нахчвана», сыном местного купца. После смерти отца он перебрался в Крым, где успешно торговал около семи лет. Приехав однажды с караваном в Черкасск, купец решил обосноваться там и арендовал лавку у войскового атамана Петра Емельянова сына по прозвищу Рамазан,

или Турчанин. Личность этого атамана турецкого происхождения, совершенно случайно ставшего первым пожизненным лидером Войска Донского, заслуживает особого внимания (в том числе потому, что его биография до сих пор не изучена [4]). П.Е. Рамазан с конца XVII в. активно занимался коммерческой деятельностью, боевых заслуг не имел, но на исходе Булавинского восстания проявил себя как истинный верноподданный, что позволило ему временно возглавить Войско Донское в августе 1708 г., когда войсковой атаман И.Г. Зерншиков отправился из Черкаска в «Донецкий поход» с корпусом гвардии майора В.В. Долгорукого. После неожиданного ареста и низложения И.Г. Зерншикова П.Е. Рамазан по-прежнему оставался и.о. атамана, пока посетивший Черкасск весной 1709 г. царь Петр I не запретил казакам переизбирать его.

А. Асканов не только держал лавку в Черкасске, но и совершал длительные поездки в Астрахань, Чернигов и другие города, где торговал от имени П.Е. Рамазана. В течение года в поездках купца сопровождал человек атамана — турок Яхья, его бывший невольник, освободившийся в результате «окупа». В сентябре 1715 г. армянин потерял компаньона: П.Е. Рамазан умер, а на его место Войсковой круг до выхода царского указа избрал авторитетного старшину Максима Фролова сына Кумшацкого [5].

В июле 1716 г., почти год спустя, А. Асканов подал новому войсковому атаману челобитную, в которой обвинял покойного партнера в ограблении и требовал взыскать свое имущество с его вдовы Анны Васильевны. Суть обвинения заключалась в следующем: в 1712 г., когда истец вместе с казачьей зимовой станицей, возглавляемой П.Е. Рамазаном, ехал в Москву «для промены червонцов на денги и для продажи товаров», в Калитвенском городке на р. Северский Донец атаман прислал к нему своих людей, «и воз ево развезав, и пожиток ево — червонцы и всякой товар, руж[ь]я и плат[ь]е, — все к себе забрал, что при нем пожитку было», а самого купца «сослал» назад в Черкасск. В качестве свидетелей армянин назвал шестерых войсковых старшин. К челобитной на имя Войска Донского он приложил «имянную роспись» отобранного имущества общей стоимостью 2000 руб. с полтиной (солидная по тем временам сумма).

Иск А. Асканова был рассмотрен Войском Донским на нескольких войсковых кругах, в соответствии с нормами войскового права. Допрошенные свидетели подтвердили, что в 1712 г. прежний атаман по доро-

ге в Москву действительно отобрал у купца вещи и деньги, а самого его под арестом отправил Черкасск. Однако они не запомнили, что именно присвоил себе П.Е. Рамазан, и не знали, почему он совершил этот поступок. Войско вынесло решение, обязывающее вдову покойного атамана Анну Васильевну возместить А. Асканову ущерб, нанесенный ее мужем. Для исполнения судебного решения Войско неоднократно посылало к ней старшин, но она, будучи «войсковому суду противна», отказала потерпевшему в компенсации. Руководство Войска, в свою очередь, не осмеливалось силой принудить ослушницу к расчету, в связи с тем что ее покойный муж был «наставлен войсковым атаманом по имянному Его величества указу». Произошла коллизия войскового и самодержавного права. Стремясь осуществить правосудие, в августе 1716 г. атаман М.Ф. Кумшацкий отправил А. Асканова в Москву, снабдив его двумя войсковыми отписками, адресованными государственному Посольскому приказу и генерал-губернатору Азовской губернии графу Ф.М. Апраксину, в которых излагались все обстоятельства дела. Характерно, что отписки были выполнены атаманом самостоятельно, в нарушение норм войскового права.

На допросе в Посольском приказе в октябре 1716 г. армянин сообщил дополнительные подробности событий четырехлетней давности. По возвращении в 1712 г. из столицы П.Е. Рамазан освободил его из-под ареста, но многократные просьбы купца о возврате отобранного имущества удовлетворить отказался. А. Асканову пришлось искать правды на Войсковом круге, который, рассмотрев его челобитье и допросив свидетелей, обязал атамана вернуть похищенное. Однако П.Е. Рамазан «суда войскового не послушал, и денег, и золотых, и ефимков, и товаров ево, Асподуровых, ничего ему, Асподуру, не отдал, а обещал в том с ним учинить розделку». Вместо этого атаман вручил купцу под расписку 400 руб. и «велел ему ехать с теми денгами для торгового промыслу, куда он похочет» под охраной трех казаков. Армянин отправился в Нежин, где, добавив к атаманским деньгам собственные 50 руб., купил товаров на 450 руб. и отправил их в Черкасск со своими провожатыми. Но казаки П.Е. Рамазана «жива не застали» — он скончался до их приезда. Тогда армянин повторно обратился к Войску Донскому с иском о взыскании своего имущества уже с вдовы атамана.

В Посольском приказе А. Асканов бил челом, «чтоб великий государь пожаловал ево, указал по... войсковому донских казаков суду

отобранные у него насильно товары и денги и золотые и ефимки на ... атаманской Петра Емельянова жене Анне Васильевой дочери из оставшихся пожитков мужа ее доправить, и отдать ему, и о том из государственного Посольского приказу на Дон послать свой государев указ». Вскоре армянин узнал, что в приказе «без главных судей дел решать не повелено», и в ответ на свое ходатайство получил разрешение проехать для челобитья в Санкт-Петербург, где в Посольской канцелярии находились государственный канцлер граф Г.И. Головкин и вице-канцлер барон П.П. Шафиров.

Дело А. Асканова имело более глубокую подоплеку, являясь лишь одним из векторов конфликта, разгоревшегося между новым войсковым атаманом М.Ф. Кумшацким и вдовой его предшественника. М.Ф. Кумшацкий, опираясь не только на нормы войскового права, но и прибегая к интригам, отстаивал права ее падчерицы Домны Петровны (дочери П.Е. Рамазана от первого брака) на часть наследства покойного атамана. Надеясь на покровительство графа Ф.М. Апраксина, Анна Васильевна писала ему 15 октября 1716 г.: «Нонешний войсковоу атаман Максим Кумшацкой во всем меня, вдову бедную, безвинно и безвременно изобижает, нелюбя и ненавидя того, что муж мой по имянному указу царского величества пожалован был войсковым атаманом». По словам вдовы, М.Ф. Кумшацкий «не токмо сам, но и других на то ж немилосердие подучает», в том числе — подстрекает ее зятя Петра Перфильева (мужа падчерицы) добиваться раздела имущества П.Е. Рамазана, завещанного жене и младшей дочери Аксиные. Причем П. Перфильев бил об этом челом не только на Войсковом круге, но и в Москве, куда атаман отправил его с отпиской, состряпанной «без повеленья войсковаго». Иск А. Асканова Анна Васильевна тоже связывала с кознями М.Ф. Кумшацкого. По ее утверждению, в Войске, а также среди приезжих греков, армян и турок многие знали, что А. Асканов «подлинно нашими денгами торговал, а своих денег... в том промыслу никаких не имел». Следует отметить, что у нового войскового атамана, избранного Войсковым кругом и известного своими военными заслугами, вполне мог быть повод для личной неприязни к покойному П.Е. Рамазану — выскочке и нуворишу, ставшему руководителем Войска случайно.

Анна Васильевна была не одинока в своей борьбе с М.Ф. Кумшацким. Ее активно поддерживал известный старшина Василий Фролов — сын покойного войскового атамана Фрола Минаева, имевший

большой кредит доверия в правительственных кругах России (при жизни П.Е. Рамазана он конфликтовал с ним и писал на него доносы [6]). Заступаясь за вдову, старшина уверял графа Ф.М. Апраксина в письме от 15 октября 1716 г., что М.Ф. Кумшацкий «научает всяких чинов людей торговых и других бить челом на ее, атаманскую жену, неправдою, будто они своими денгами торговали», и покойный П.Е. Рамазан был их должником. «А при Войске, государь, — писал В.Ф. Фролов, — все знают, что он, атаман, по милости великого государя и без займы сыт бывал...» Судя по имеющимся документам, граф Ф.М. Апраксин не стал вмешиваться в дело А. Асканова и никак не повлиял на его исход.

Посольская канцелярия передала челобитную А. Асканова на рассмотрение в Правительствующий сенат, который решил дело в его пользу. Согласно сенатскому указу от 17 декабря 1716 г., Посольская канцелярия отправила в Черкасск грамоту с распоряжением «доправить» иск армянина на вдове П.Е. Рамазана и компенсировать истцу ущерб под расписку. Вскоре указ был выполнен и купец наконец получил от Анны Васильевны компенсацию в размере 2 тыс. руб.

В последующие два года в жизни А. Асканова произошли серьезные перемены: он сменил конфессию, имя и женился на иностранке. При крещении в 1717 г. Аспадур был наречен Федором, а его приемником стал старшина молдавского происхождения Аксен Фролов сын Волошин (Волошанин). Приехав в конце года по делам торговли в Москву, «донской казак новокрещеной армянин Федор Аксенов» присмотрел себе невесту. Ему приглянулась крещеная пленная «девка шведка Пелагея Иванова дочь», привезенная в столицу из взятого российскими войсками в 1710 г. Выборга и принадлежавшая капралу бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка Ивану Михайловичу Казимерову. Купив у него пленницу и оформив сделку соответствующей купчей в марте 1718 г., армянин добился от Посольского приказа официального разрешения вывезти ее на Дон «для женитьбы». При этом находившийся в столице крестный отец жениха А.Ф. Волошин дал письменную гарантию того, что его крестник, вернувшись в Черкасск, Пелагею «в Азов, и в Крым, и на Кубань, и в другие ни в какие басурманские руки не продаст, и женитца на ней... сам». В случае нарушения этого обязательства купцу грозило «жестокое наказание», а поручителю — штраф в пользу казны.

За это время власть на Дону сменилась: в феврале 1717 г. умер М.Ф. Кумшацкий и на его место Войсковой круг избрал В.Ф. Фролова, которого царь в январе 1718 г. утвердил в должности войскового атамана «беспеременно» [7].

В 1719 г. вдова П.Е. Рамазана вышла замуж за старшину Петра Васильева сына Луковкина, который вскоре выехал в Санкт-Петербург, чтобы инициировать возбуждение дела против А. Асканова. 14 сентября 1720 г. П.В. Луковкин подал в недавно учрежденную государственную Коллегию иностранных дел челобитную с обвинением его в мошенничестве с целью неуплаты долга. По утверждению истца, армянин с 1711 по 1715 г. неоднократно брал деньги и товар взаймы у бывшего атамана П.Е. Рамазана, что отражено в «записных книгах», хранящихся у старшины Петра Егорова. Поэтому событие, произошедшее с купцом в Калитвенском городке в 1712 г. (П.В. Луковкин указал другую дату — 1711 г.), никак нельзя квалифицировать как ограбление: тогда П.Е. Рамазан забрал у А. Асканова имущество «в счет своих истинных приторгованных денег из общего их торгу с турчанином Ягьею». После этого атаман не раз ссужал армянина деньгами и товаром, чему в Черкасске было немало свидетелей. Как уверял П.В. Луковкин, после смерти П.Е. Рамазана в 1716 г. А. Асканов решил воспользоваться ситуацией и не только не вернул атаманской вдове долг, но и обвинил ее покойного мужа в ограблении, «затаяв ложно». В то время «спорить ей, вдове беззаступной и не знающей поведения, было невозможно», но теперь ее новый супруг взялся восстановить справедливость. Его челобитная заканчивалась просьбой прислать на Дон грамоту с распоряжением о пересмотре дела А. Асканова с учетом вновь открывшихся обстоятельств. В качестве свидетелей П.В. Луковкин предлагал допросить бывшего наказного атамана Лариона Леонтьева, походных полковников, с отрядом которых армянин совершил в 1715 г. поездку в Малороссию, и старшину П. Егорова. Для доказательства в суде своей правоты истцом было предусмотрено использование документов: бухгалтерских книг, письма А. Асканова П.Е. Рамазану из Нежина 1715 г. и письма, полученного П.В. Луковкиным в 1719 г., их бывшего компаньона турка Яхьи из османского Азова.

7 октября 1720 г. П.В. Луковкин доставил в Черкасск грамоту из Коллегии иностранных дел, предписывающую войсковому атаману принять его иск и «учинить суд и рассмотрение в правду по нашему великого государя указу, и по вашим войсковым правам». Казалось

бы, В.Ф. Фролов, недавний защитник бывшей жены П.Е. Рамазана и антагонист ее гонителя — прежнего атамана, должен был ускорить решение дела в ее пользу, но этого не произошло.

Ко времени возвращения П.В. Луковкина домой В.Ф. Фролов покинул Черкасск, а потом еще неоднократно отлучался в походы. В 1723 г. он умер, и в атаманской должности его сменил сначала избранный казаками И.М. Краснощеков, а затем назначенный царем А.И. Лопатин. 15 апреля 1724 г. П.В. Луковкин, на протяжении четырех лет хранивший запечатанную грамоту из Коллегии иностранных дел у себя, пожаловался в Военную коллегию, в ведение которой в 1721 г. перешло Войско Донское, что «по той грамоте его дело и поныне не решено», а ответчик А. Асканов (он же Ф. Аксенов) «пожитками его корытуется напрасно». В ответ на челобитье Военная коллегия 27 апреля направила атаману А.И. Лопатину грамоту с приказом без проволочек вынести «надлежащее решение» по этому делу, в соответствии с указом 1720 г. [8]. Чем закончилась эта многолетняя тяжба для А. Асканова, пока выяснить не удалось. Известно лишь, что вплоть до выхода последнего распоряжения армянин благополучно проживал в Черкасске.

Примечания

1. См.: Аваков П.А. Армяне на Дону в XVII–XVIII вв. (до 1779 г.) // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая — 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. акад. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2012. С. 121–122, 124.

2. Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 111. Оп. 1. 1720 г. Д. 15. Л. 1–34.

3. Российский государственный архив Военно-морского флота (далее — РГАВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 139. Л. 21–24, 27–30.

4. О П.Е. Рамазане см.: Boeck B.J. Imperial Boundaries: Cossack Communities and Empire-Building in the Age of Peter the Great. Cambridge, 2009. Pp. 189–193.

5. РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 103. Л. 197; там же. Д. 139. Л. 19об., 25об.

6. Там же. Д. 24. Л. 63–64об.

7. РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1717 г. Д. 2. Л. 8об.; Акты, относящиеся к истории Войска Донского: Высочайшие грамоты, рескрипты и друг. Новочеркасск, 1903. № 1. С. 1.

8. Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишиным. Т. 1. Новочеркасск, 1891. № 202. С. 311–312; Аваков П.А. Жизнь и смерть бригадира И.М. Краснощекова // Слава и забвение: парадоксы биографики: сборник научных статей / отв. ред. А.П. Репина. СПб., 2014. С. 396.

В.З. Акопян

К истории деятельности армянских секций РКП – ВКП(б) на Дону в 1920-е гг.

Сразу же после установления советской власти для работы с этнодисперсными группами (национальными меньшинствами) при партийных и советских органах Юга России создавались специальные институты: национальные партийные секции, нацменотделы и комиссии со штатом уполномоченных, советы нацменьшинств при отделах народного образования и др. В этой иерархии органов по делам национальных меньшинств высшую строчку занимали партийные подразделения, решения которых подлежали исполнению всеми советскими органами государственной власти и управления.

Однако в начальный период советизации региона ведущую роль в работе с национальными меньшинствами, в частности с армянским населением, занимали подразделения Народного комиссариата по национальным делам (Наркомнац). В структуре Наркомнаца создавались национальные комиссариаты или отделы, в том числе и армянский [1].

С целью вызвать симпатии армян к большевикам 29 декабря 1917 г. Совнарком РСФСР принял декрет о «Турецкой Армении», в составлении проекта которого принимали участие В. Терьян и В.А. Аванесов — руководители Комиссариата по армянским делам. В соответствии с документом правительство РСФСР провозглашало право населения Западной Армении на самоопределение вплоть до полной независимости. Декрет носил декларативный характер и остался на бумаге.

Армянским комиссариатом за период 1918–1920 гг. были созданы отделения или секции в некоторых городах Юга России. Они действовали там, где власть принадлежала Советам. С установлением советской власти в южнороссийском регионе центр тяжести в работе с армянским населением перемещается в национальные секции РКП(б).

В 1921 г. из Кавказского бюро ЦК РКП(б) выделилось Юго-Восточное бюро, которое с июля 1922 г. возглавил А.И. Микоян. Возглавляемое им Бюро на II Юго-Восточной краевой партконференции (5–8 мая 1924 г.) было преобразовано в Северо-Кавказский крайком РКП(б) [2]. Юго-Восточное бюро, выполняя директивы ЦК, приступило к созданию национальных партийных секций. Раньше, чем в других районах Юга России, армянская секция образовалась при Донкоме (Донском комитете) РКП(б).

Местные газеты регулярно публиковали объявления о необходимости армянским коммунистам зарегистрироваться в подотделе нацменьшинств Донкома. Это было непросто, так как некоторые армяне — члены партии — предпочитали найти себе применение на политическом поприще вне секции, считая, что работа в ней сузит сферу их деятельности на более широком «интернациональном» уровне. В извещении за подписью секретаря Кавбюро А.М. Назаретяна читаем: «В среду, 26 сего января в 6 часов вечера, в помещении армянского рабочего клуба им. Шаумяна, 1-я Соборная, д. 20, назначено общее собрание коммунистов-армян. Всем коммунистам-армянам, проживающим в Ростове и Нахичевани, предложено в порядке партийной дисциплины явиться» [3]. Летом собрание партийных сил завершилось, и 14 августа в армянском клубе Нахичевани-на-Дону состоялась областная партийная конференция армянских коммунистов Донской области [4].

Армянская секция должна была заменить мощные общинные структуры и «остатки» национальных партий в самой многочисленной армянской общине России (50 тыс. человек), основанной в 1779 г. Свою работу секция в основном вела в Нахичевани, где, несмотря на разрушительные последствия Гражданской войны, сохранились элементы национальной жизни. Секция издавала газету «Банвори крив» («Борьба рабочего») [5], курировала национальный клуб им. Шаумяна (по ул. 1-й Соборной, 20), школы и другие просветительные учреждения. По ее инициативе на предприятиях были созданы ячейки, регулярно проводились собрания членов партии и беспартийных [6]. В то же время мало внимания уделялось работе с населением сел Чалтырь, Крым (Топты), Большие Салы (Мец-Сала), Султан Салы, Несветай и др.

В середине 1921 г. при Юго-Восточном бюро ЦК был создан агитационно-пропагандистский отдел с подотделом национальных меньшинств. При подотделе были организованы 8 секций, в т.ч.

армянская [7]. На деятельности армянской секции Донкома не могло не сказаться нахождение по соседству с ним в одном городе (Нахичевани) руководства армсекции Юго-Восточного бюро. В этой связи донская армсекция имела де факто более высокий статус по сравнению с армянскими секциями других регионов, а Ростов и Нахичевань являлись главными «поставщиками» руководящих кадров для всего Юга России и Армянской ССР. В частности, многие члены армянской секции Донкома были направлены в Советскую Армению, где донские армяне составляли влиятельную прослойку в руководстве республики. В немалой степени этому способствовали А.Ф. Мясников (Мясникян) и С.Л. Лукашин (Срабионян). Последний до своего отъезда в Армению короткое время возглавлял Донком РКП(б).

В республику по их приглашению, а больше по своей инициативе, выехало также немало деятелей культуры, научных работников, инженеров и других специалистов. Власти пытались упорядочить это движение. Вот типичное объявление в донской прессе: «Приказ № 19 Отдела управления Донисполкома. На основании соглашения между НКВД и полномочным представительством Армянской ССР (11 мая), Отдел управления ДИК предлагает всем лицам армянского происхождения, кои сами или их родители являются уроженцами Кавказа, зарегистрироваться в Комиссариате по делам армян, находящемся в Нахичевани по ул. Соборная, д. № 31» [8].

Укрепление партийных ячеек в самых крупных селах Крым и Чалтырь позволило усилить партийное влияние на население этих и соседних армянских сел. Вместе с тем наметились противоречия во взаимоотношениях между этими партиячейками, которые непосредственно подчинялись Ростовскому парткому, и армсекцией Донкома РКП(б), которой вменялось в обязанность определение форм и методов работы применительно ко всему армянскому населению области. Возникшие противоречия стали причиной их рассмотрения на заседаниях секретариата Донкома осенью 1921 г. На заседании 16 сентября сообщалось, что для выяснения причин конфликта и подготовки предложений по совершенствованию взаимоотношений между армсекцией и ячейками в села посылались независимые инструкторы. По итогам обсуждения этого вопроса было решено Крымскую и Чалтырскую партиячейки временно выделить из ведения армсекции [9].

Сложное экономическое положение и голод привели к резкому сокращению и даже упразднению штатов нацсекций. Ситуация измени-

лась после объединения региона в рамках Северо-Кавказского края (1924 г.). По Всесоюзной переписи населения 17 декабря 1926 г., в округах армянское население по численности занимало 4-е место (официально 162,2 тыс. человек, а по данным армянской секции — 220 тыс.) после русских — 3,8 млн, украинцев — 3,1 млн и чеченцев — 296,3 тыс. [10].

При подотделе нацменьшинств Северо-Кавказского крайкома РКП(б) на новой основе были восстановлены краевые национальные секции, которые должны были координировать деятельность окружных секций. В феврале 1925 г. в Ростове состоялось I Краевое совещание секретарей армянских секций. На нем было принято решение организовать краевую армянскую секцию. 10 марта крайком утвердил бюро армсекции в составе: Мурадяна, Чубаря, Меликовой, Достьяна, Тонянца, Папазяна и Гадзиева [11]. Печатным органом краевой секции являлась газета «Мурч-Мангах» («Серп и молот»).

В обширной резолюции краевого совещания секретарей армянских секций определялись основные направления их деятельности. В документе отмечалось, что «работа среди армянских масс затрудняется ее тяжелым экономическим положением, в особенности той части, которая была выброшена на территорию Северного Кавказа волной империалистической и межнациональных войн из Турции и других районов...» [12]. Указывалось на необходимость «произвести учет всех армян-коммунистов края, поставив вопрос о разгрузке от общей парторботы актива для более целесообразного использования по работе среди армянской массы. Ввиду скопления армянских коммунистов в некоторых городских центрах края произвести более рациональное перераспределение их, в части ростовских, пополняя ими более или менее маломощные районы» [13].

Отмечалось, что «ввиду недостаточного обслуживания соворганами на местах армянского населения, составляющего зачастую в районах большинство, просить Крайком РКП(б): 1) перераспределить утвержденный бюджет соворганов на местах, чтобы он охватывал нужды нацменьшинств, в том числе и армян, пропорциональное их количеству. 2) Ввести в аппарат исполкомов штаты инструкторов нацмен. 3) При перевыборах и довыборах сельсоветов вводить в их аппараты представителей нацмен, приближая аппараты к тем национальностям, которые составляют большинство...» [14].

Краевому управлению народного образования рекомендовалось произвести обследование армянских просветительных учреждений

края, обеспечить в округах «штатными инспекторами армянские учреждения образования», ввести армянский язык как обязательный предмет в те общие школы, где армяне составляли не менее 10 % от общего количества учащихся. Подчеркивалась недопустимость «преподавания предметов в армянских школах на смешанных языках (на русско-армянском, с оставлением армянского языка только как предмета, что калечит детей, и в результате которого дети после 6–7 лет прохождения школы не знают ни по-русски, ни по-армянски, как это имеет место в Чалтырском районе» [15].

Отмечалась недостаточная сеть просветительных учреждений на армянском языке. По сообщению армянского инспектора крайоно Достяна, на 1 января 1926 г. по краю имелось 111 армянских школ I ступени (в Донском округе — 11), в которых обучалось более 10 тыс. учащихся и работало 277 учителей. В 6 школах II ступени (2 в Донском округе) обучалось 1705 учащихся и работало 88 учителей [16]. В Нахичевани функционировал Армянский педагогический техникум, в котором в 1925/26 учебном году обучалось 100 курсантов из многих регионов Юга России. Кроме того, в Донском округе имелось три Народных дома, Дом просвещения и театр в Нахичевани.

В резолюции указывалось, что достижение успеха всех мероприятий среди многочисленного армянского населения края во многом зависело от состояния издательского дела. Бюро армсекции поручалось обратиться к крайкому с просьбой «весь имеющийся армянский шрифт в крае сосредоточить в Ростове, оставив местам необходимое количество для экстренных выпусков листовок, воззваний». Также ставилась задача «разработать вопрос издания детской литературы и приступить к изданию учебников...» [17].

Оформление краевой армсекции способствовало восстановлению деятельности национальных секций в округах края. Центральным офисом армянской секции на Дону, возобновившей свою деятельность 1 октября 1924 г., стала школа II ступени в Нахичевани (ул. 27-я линия, 4). Армянская секция приняла самое активное участие в становлении двух национальных районов на Кубани и Дону. Так, например, Донком ВКП(б) в марте 1926 г. поручил секретарю секции Чубарю в кратчайший срок «наметить ряд товарищей из беспартийного актива для выдвижения на ответственную работу» в Мясниковском армянском районе. Одновременно Донком обязал другого члена секции М.М. Гигояна приступить к работе в комиссии в качестве секретаря

Армянского района Майкопского округа [18]. Многие члены донской армсекции были направлены на работу в другие районы края.

Впрочем, с целью «рационализации расходов» произошло объединение краевой и окружной армянских секций.

С конца 1920-х гг. вновь возник конфликт между армянской секцией (Гигоян) и руководством Мясниковского национального района (первые секретари райкома — Хачатурян и сменивший его Яковлев; председатели райисполкома — Аваков, Шагинян). В прежние годы вышестоящие власти пытались сгладить подобные конфликты, однако в период «обострения классовой борьбы» их углублению способствовало краевое и окружное руководство. Недовольство районных властей завышенными «планами» по раскулачиванию, коллективизации, «чистками» местных кадров, переносом центра района из Нахичевани в Чалтырь, было канализировано в русло конфронтации с армянской секцией. Причем этот конфликт постоянно подогревался свыше и был использован в качестве повода для дискредитации как армянской партсекции, так и национально ориентированного руководства района [19].

В начале 1930 г. армянские (и все остальные) секции были ликвидированы. Оргбюро ЦК ВКП(б) 26 января 1930 г. в соответствии с постановлением Политбюро ЦК от 15 января, предусматривавшим «упрощение» организационной структуры партии ради «укрепления ее единства и преодоления различных проявлений оппозиции», признало «возможным ликвидацию сектора нацменьшинств и бюро по нацменьшинствам». В феврале Северо-Кавказский крайком утвердил предложения «О реорганизации аппаратов обл. и окркомов ВКП(б)», согласно которым в окружках «ликвидировались инструктора по работе среди национальных меньшинств» и национальные секции [20].

Чтобы успокоить «национальных работников», в соответствии с постановлением Секретариата ЦК ВКП(б) «Об усилении обслуживания нацмен СССР по советской линии» от 21 февраля 1930 г. [21] решено было бывших работников национальных секций ВКП(б) направить в советские органы для их «усиления» [22]. В реальности советские органы неукоснительно проводили в жизнь партийные директивы в области национальной политики. Другое дело, что раньше национальные партийные структуры для советских органов по делам нацменьшинств являлись «покровителями» и «охранителями»

от ретивых чиновников, считавших, что работа с национальными меньшинствами является «нерациональным использованием» средств, времени и сил. Но после ликвидации национальных секций ВКП(б) все остальные структуры по национальным делам при советских органах потеряли свою значимость.

Таким образом, при всех издержках, связанных с господствовавшей в стране идеологией, само присутствие национальных подразделений в системе властных структур побуждало краевые и местные органы власти учитывать проблемы этнодисперсных групп. В настоящее время не стоит вопрос о полном копировании деятельности национальных подразделений во властных структурах рассматриваемого времени. Но эти обстоятельства не исключают возможности использования таких форм (например институт уполномоченного по делам национальных меньшинств, национальная инспектура в органах народного образования и т. д.), которые способны обеспечить реализацию, например, «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.» [23].

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 4. Л. 29.
2. Вторая Юго-Восточная конференция РКП(б). Стенографический отчет. Ростов н/Д, 1924. С. 180.
3. Советский Юг. 1921. 25 янв.
4. Советский Юг. 1921. 12 авг.
5. Акопян В.З. Армянская периодическая печать Юга России в советский период // Вестник Адыгейского государственного университета. 2013. № 1. С. 21–27.
6. Советский Юг. 1921. 14 мая.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 65. Оп. 3. Д. 3. Л. 18–21.
8. Советский Юг. 1921. 24 авг.
9. Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее — ЦДНИРО). Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 85. Л. 19.
10. ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 161. Л. 12; Акопян В.З. Национально-государственное и административно-территориальное строительство на Северном Кавказе в 20–30-е гг. XX в. Пятигорск, 2009.
11. ЦДНИРО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 161. Л. 5.

12. ЦДНИРО. Ф. Р.-7. Оп. 1. Д. 165. Л. 7.
13. Там же. Л. 8.
14. Там же.
15. Там же.
16. Государственный архив Ростовской области. Ф. Р-64. Оп. 1. Ед. хр. 234. Л. 1–6.
17. ЦДНИРО. Ф. Р.-7. Оп. 1. Д. 165. Л. 12.
18. ЦДНИРО. Ф. Р.-5. Оп. 1. Д. 58. Л. 26, 28об.
19. ЦДНИРО. Ф. Р.-73. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–3; Д. 13. Л. 158–159; Д. 14. Л. 3–5.
20. ЦДНИРО. Ф. Р.-7. Оп. 1. Д. 1038. Л. 26–27; Д. 1059. Л. 48.
21. См.: Постановление Секретариата ЦК ВКП(б), 21 февраля 1930 г. // ЦК РКП(б) – ВКП(б) и национальный вопрос. Кн. 1. М., 2005. С. 636.
22. О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б) // Партийное строительство. 1930. № 2 (4). С. 70–72.
23. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://www.minnation.senat.org/Strategiya-2025.html> (дата обращения 02.04.2015).

Е.М. Багаева

Армянское предпринимательство на Кубани во 2-й половине XIX в.: на примере промышленной деятельности И.П. Бедросова

Вторая половина XIX в. является периодом становления кубанской промышленности. Данный процесс происходил в общем русле модернизации экономической сферы жизни российского общества, вызванной либерально-буржуазными преобразованиями 1860–1870-х гг. Окончание Кавказской войны в 1864 г., начало широкой гражданской колонизации Кубани, чему в немалой степени способствовала законодательная деятельность местной администрации [1], а также железнодорожное строительство, развернувшееся в 1870–1880-х гг. — все это способствовало развитию предпринимательства в Кубанской области, образованной в 1860 г. в составе Кавказского края.

Широкое распространение на Кубани получили отрасли, связанные с сельским хозяйством, что объяснялось аграрной специализацией региона. В частности, одной из сфер приложения капитала здесь стало табачное производство, которое характеризовалось высокой степенью проникновения рыночных отношений, что, в свою очередь, способствовало возникновению промышленных заведений фабричного типа.

На территории Кубанского казачьего войска выращивали главным образом высшие сорта турецкого табака. Но его урожайность была невысокой по сравнению с низшими сортами (махоркой и др.), разводимыми тогда в России. Одна из основных причин такого положения заключалась в том, что табаководы в основной своей массе были арендаторы, стремившиеся выжать из земли как можно больше при наименьших затратах.

Впервые табак на Кубани стали культивировать в ст. Таманской и ее окрестностях в 1864 г., хотя отдельные попытки наблюдались и раньше. Уже в 1870-х гг. табаководство из южной части Темрюкского уезда проникло в Екатеринодарский и Майкопский уезды [2].

Начиная с 1871 г. спрос на кубанский табак со стороны русских табачных фабрик стал расти, что привело к повышению цен на него. В результате в 1877 г. табаководы получили огромные прибыли. В следующем году, затратив большие средства, они расширили площади плантаций, следствием чего явился кризис перепроизводства, в результате которого многие мелкие табаководы разорились. Соответственно, табаководство оказалось весьма рискованным занятием.

Протекционистская экономическая политика царского правительства, в частности, введение в 1876 г. нового порядка уплаты таможенных пошлин золотом на ввозимый из-за границы товар [3], строительство портов и железных дорог — все это способствовало дальнейшему расширению табачного производства на Кубани.

Огромный вклад в становление и развитие табачной промышленности в исследуемом регионе внесли армянские переселенцы, по большей части выходцы из Анатолии, переселившиеся с разрешения царского правительства на Черноморское побережье Кубани в поисках лучших, чем в Османской империи, условий для жизни и ведения хозяйства.

Наличие хорошей сырьевой базы в Кубанской области создало возможность для появления предприятий, перерабатывающих табак. Первая табачная фабрика здесь начала функционировать в 1866 г.

Ее открыл неграмотный, но предприимчивый новороссийский купец первой гильдии Исаак Петрович Бедросов в ст. Крымской Таманского округа [4]. Он приобрел турлачную постройку, которая вначале принадлежала есаулу Гукову, а потом сотнику Кулику, «имевшую 5 комнат» и «отдельный флигель для жилья крошильщиков». Предприниматель на старом месте возвел одноэтажный каменный дом «под черепичную крышей», состоявший из 7 жилых комнат и галереи, а «под домом во весь дом подвал, где находился склад турецкого табака». Весной 1871 г., после завершения строительных работ, фабрика переехала в новое помещение. На своем предприятии Бедросов использовал как иностранное, так и отечественное сырье: турецкий табак закупался за границей (в Османской империи) и поступал к заказчику через Новороссийский порт, а местный (кавказский) приобретался в юртах станиц второго участка Темрюкского уезда. Реализация фабричной продукции производилась в городах не только Кубанской области, но и за ее пределами. Станки с ножами для крошки табака купец приобрел в Одессе [5].

В 1871 г. производительность фабрики, оборудованной 10 ручными крошильными станками, составила 2 300 пудов крошильного табака на сумму 65 тыс. рублей. Здесь работали 6 крошильщиков (из них 4 — иностранцы, турецкоподанные), 5 сортировщиков, 3 набойщика в пачки табака [6].

Однако в 1870-х гг. предприятие И.П. Бедросова развивалось нестабильно, о чем наглядно свидетельствуют цифровые показатели его промышленной деятельности: если в 1873 г. на фабрике вырабатывалось 1000 пудов крошильного табака на сумму 25 тыс. руб. [7], в 1875 г. — 1725 фунтов табака на сумму 57 700 руб. [8], в 1876 г. — 1500 пудов табака и 250 тыс. папирос на сумму 52 465 руб. [9], в 1877 г. — 1400 пудов табака на сумму 40 тыс. руб. [10], в 1878 г. — 983 фунта табака и 218 300 шт. папирос на сумму 30 тыс. руб. [11], то в 1879 г. общие показатели уменьшились до 4 тыс. руб. [12]. Постепенное сокращение объемов годового оборота, а также перенос производства в г. Екатеринодар, где предприниматель приобрел дом (ул. Рашилевская, 51), — все это привело к закрытию табачной фабрики в ст. Крымской в начале 1880-х гг.

Новое табачное предприятие, открытое Исааком Петровичем Бедросовым в столице Кубанской области, располагалось по адресу ул. Гимназическая, 20 (1-я часть города). В 1880 г. на нем производилось

2800 пудов табака и 1 млн штук сигарет на общую сумму 80 тыс. руб. На 7 ручных станках здесь работали 40 человек (10 мастеров и 30 рабочих). Сбыт продукции происходил не только в Кубанской области (Екатеринодаре, Армавире, Темрюке, Новороссийске), но и за ее пределами: в Москве, Ставрополе, Георгиевске, Владикавказе [13].

В 1881 г. на табачной фабрике Бедросова вырабатывалось 3100 пудов табака, 550 тыс. папирос на сумму 130 тыс. руб. [14]. Через два года ее производительность уже составила 3600 пудов табака и 2 млн 800 тыс. папирос на сумму до 140 тыс. руб. (примерно). При этом количество служащих увеличилось до 60 человек (10 мастеровых и 50 рабочих). Кроме того, хозяин несколько усовершенствовал фабричное оборудование: приобрел один механический станок с конным приводом, при этом сократив число ручных до трех [15].

В 1897 г. с целью расширения семейного дела сыновья Исаака Петровича Бедросова создали торговый дом «И.П. Бедросов с сыновьями», правление которого находилось в г. Екатеринодаре на ул. Гимназической, 20. В 1911 г. на его фабрике 100 рабочих производили 5 тыс. пудов табака на сумму 200 тыс. руб. Следует отметить, что в 1914 г. оборот предприятия составил уже 250 тыс. руб. Это промышленное объединение осуществляло значительные торговые операции, самостоятельно организуя сбыт продукции во многих городах России. Помимо табачной фабрики, торговому дому «И.П. Бедросов с сыновьями» принадлежали еще и табачные магазины Екатеринодара, расположенные на ул. Красной (д. Кравченко, д. Башмакова) [16].

В целом, во второй половине XIX в. на Кубани происходил непрерывный рост площадей под посадку табака (если в 1865–1869 гг. ежегодно табачными плантациями было занято в среднем до 72 десятин земли, то в 1875–1879 гг. — уже 2279 десятин, а в 1895–1899 гг. — более 11 тыс. десятин [17]), что позволило кубанскому табаководству в 1890-е гг. занять одно из ведущих мест среди известных «табачных» губерний России. Однако, исходя из статистических данных, поступавших в Акцизное управление [18], количество табачных фабрик в Кубанской области было невелико: если в 1871 г. действовало 7 таких предприятий, то в 1879 г. — 4, а в 1892 г. — только 3 [19]. Их владельцами являлись представители невойскового сословия — купцы, в основном бывшие переселенцы, которые не боялись вкладывать немалые финансовые средства в развитие и усовершенствование табачного производства. Благодаря предприимчивости и умению чув-

ствовать направление рыночной конъюнктуры им удавалось не только отстаивать свои права, но и выдерживать нелегкую конкуренцию, причем как на региональном, так и на общероссийском рынке.

Безусловно, И.П. Бедросов являлся одним из выдающихся предпринимателей кубанского предпринимательства 2-й половины XIX в. Будучи неграмотным, но обладая уникальными организаторскими способностями и энергией, он смог не только создать, но и расширить свое предприятие, продукция которого получила известность как в Кубанской области, так и за ее пределами.

Примечания

1. Положение «О заселении казаками и другими переселенцами предгорий западной части Северного Кавказа» от 10 мая 1862 г., согласно которому для добровольных переселенцев выделялись в потомственную собственность участки земли по 25–50 десятин каждому офицерскому семейству и по 5–10 десятин урядникам, казакам и лицам других сословий; Указ «О дозволении русским подданным невойскового сословия приобретать собственность в казачьих землях» от 29 апреля 1868 г., разрешавший лицам невойскового сословия селиться и приобретать недвижимую собственность на казачьих землях, что открывало широкие возможности для заселения Кубани переселенцами из других губерний России.

2. Трехбратов Б.А. К истории возникновения торгового табаководства на Северном Кавказе // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. 1982. № 1.

3. Указы от 10.11, 8.12, 22.12 вступали в силу с 1 января 1877 г. // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Отд. II. Собр. II. Т. 51. № 56573, 56691, 56752. СПб., 1878.

4. 30 декабря 1869 г. все округа в Кубанской области были упразднены, а вместо них образованы 5 уездов, один из них Темрюкский (бывший Таманский округ).

5. Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. 668. Оп. 1. Д. 138. Л. 14об.; ГАКК. Ф. 668. Оп. 1. Д. 327. Л. 4, 36об.

6. ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 9. Л. 92; ГАКК. Ф. 668. Оп. 1. Д. 138. Л. 14–14об.

7. ГАКК Ф. 460. Оп. 1. Д. 17. Л. 173, 221; ГАКК. Ф. 668. Оп. 1. Д. 327. Л. 36–36об.

8. ГАКК Ф. 454. Оп. 7. Д. 627. Л. 12, 307, 308.

9. ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 30. Л. 48, 50; Памятная книжка Кубанской области на 1878 г. / Кубанское областное правление. Екатеринодар, 1878. С. 38.

10. ГАКК. Ф. 460. Оп. 1. Д. 34. Л. 39, 41.

11. Там же. Д. 43. Л. 34, 36, 273.

12. Там же. Д. 58. Л. 65аоб.–66.

13. Там же. Д. 125. Л. 175, 210.

14. Там же.

15. Там же. Д. 165. Л. 189.

16. Кубанский календарь на 1898 г. Екатеринодар, 1898. С. XII.

17. Отрыганьев А.Л. Табаководство в Кубанском крае. Статистический обзор. Екатеринодар; Армавир, 1919. С. 4–5.

18. В Российской империи Акцизное управление по табачному сбору было учреждено согласно Уставу об акцизе с табаку от 4 июля 1861 г. // ПСЗРИ. Отд. II. Собр. II. Т. 36. № 37196. СПб., 1863.

19. Багаева Е.М. Торгово-промышленная деятельность на Кубани в эпоху рыночных преобразований в России (1861–1914 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. С. 200, 217 (Приложения 3, 12).

М.В. Братолобова

Армяне в либеральном движении Дона начала XX в.

История русского либерализма продолжает быть дискуссионной как в отечественной, так и зарубежной историографии. Весьма важным представляется обращение к опыту деятельности дореволюционных либеральных партий на региональном уровне, что позволяет как достичь понимания политической жизни провинции тех лет, так наиболее полно воссоздать историю всего либерального движения в России.

Наиболее влиятельной и популярной из либеральных партий в области Войска Донского (далее — ОВД) являлась конституционно-демократическая партия. Ее местные партийные организации отличались большей сплоченностью, нежели партийные организации умеренно-либеральных партий. Социальной базой, общей для всех либеральных партий, действовавших на территории ОВД, были средние городские слои, буржуазия, деятели городского самоуправления, часть чиновничества и дворянства. Кадетов особенно активно под-

держивали представители интеллигенции, городской средней и мелкой буржуазии, служащие. Программные установки конституционных демократов на Дону нашли отклик у представителей армянской демократической интеллигенции. Кадетский вариант решения национального вопроса с равноправием национальностей, осуждением националистических тенденций более всего отвечал интересам меньшинств, проживающих в ОВД. Для них особое значение имели представления кадетов о правах народностей, населявших Российскую империю. Анализ программных требований местных либералов по этому вопросу показывает, что они не отличались принципиально от общепартийных, предусматривая свободное культурное самоопределение. Разногласий не было и в понимании сути этой формулы как гарантии полной свободы употребления различных языков в публичной жизни, свободы основания и содержания учебных заведений и всякого рода учреждений, имеющих целью сохранение и развитие языка, литературы и культуры каждой народности и т.п.

Многие армянские деятели составили интеллектуальный и организационный базис развития кадетской партии на Дону. В основу ростово-нахичеванского кадетского «ядра» входили присяжный поверенный А.С. Дерезанов, помощник присяжного поверенного М.С. Аджемов, Г.Х. Чалхушьян, потомственный почетный гражданин Д.Е. Ходжаев и др. В Ростове и Нахичевани армяне-кадеты активно осуществляли организационную связь между ЦК кадетской партии и местной организацией, вели текущую переписку. Согласно отчетам Московского центрального комитета конституционно-демократической партии, в 1906–1907 гг. А.С. Дерезанов поддерживал переписку со столичными партийными функционерами [1]. Ответы из Ростова и Нахичевани содержали оценки наиболее ярких событий и фактов, происходивших в политической жизни местного общества, информацию о состоянии организаций, итогах выборов в органы местного самоуправления, сведения о политических симпатиях населения, положение местной прессы и т.д.

В ходе предвыборных кампаний в парламент начала XX в. конституционные демократы четко определили свои программные лозунги, отработали формы, средства и методы воздействия на избирателя, разработали тактические приемы ведения предвыборной борьбы, выделили свой устойчивый электорат и базовые районы влияния. В I и II Государственных думах представителем от Ростова и Нахичевани был

лидер ростовских кадетов М.С. Аджемов. В соответствии с законом 3 июня 1907 г. число городов, непосредственно избравших депутатов Государственной думы, значительно уменьшилось. Лишались прямого представительства в парламенте и Ростов с Нахичеванью. Это стало серьезным ударом для либералов, ибо именно на городских выборах они действовали наиболее активно и добивались наибольших результатов. На выборах в Государственную думу 3-го и 4-го созывов жители Ростова и Нахичевани могли участвовать только в выборах своих представителей на окружном съезде городских избирателей совместно с представителями других городов (Азова, Ейского посада) в одной городской курии [2]. Теперь выборщикам от Ростова и Нахичевани и Ростовского округа было отведено 8 мест в областном избирательном собрании, и на исход выборов они существенного влияния оказывать не могли.

В целом представительство городской курии в областном избирательном собрании уменьшилось, притом сама система выборов по ней изменилась в неблагоприятную для кадетов сторону. Городские избиратели в зависимости от своего имущественного положения были разделены на 2 съезда. Но распределены они были неравномерно. Учитывая многонациональный состав Ростова и Нахичевани, новый избирательный закон предусматривал деление 2 городских ценовых разрядов еще и по национальному признаку [3]. Первый городской съезд Ростовского округа делился на два отделения по национальностям — с отнесением к первому разряду избирателей русского происхождения, с предоставлением этому отделению избирать 4 выборщиков, а второе отделение инородцев (к последнему причисляли армян и евреев) получило право избирать 2 выборщиков [4]. Российские подданные других национальностей были отнесены к русским отделениям. Такое деление городских съездов Ростовского округа ослабляло позиции конституционных демократов и усиливало позиции правых партий. Кадеты в Ростове и Нахичевани имели значительную поддержку среди нерусского населения, особенно среди армянской интеллигенции [5]. Газета «Приазовский край» писала, что «постановление о делении выборов по национальностям произвело сенсацию среди либеральной части ростовцев и нахичеванцев», т.к. число избирателей армян составляло ничтожный процент по отношению к числу избирателей коренного русского населения. «Цель такого деления очевидна, — делала вывод газета, — уменьшение числа прогрессивных (в первую очередь кадетских) выборщиков» [6]. На выборах в III Государственную думу в Ро-

стве состоялось 3 внепартийных предвыборных собрания городских избирателей. Так, на собрание, которое состоялось 19 января 1907 г., явилось более 1400 человек, ораторами были кадеты А.С. Дерезанов и М.С. Аджемов. Именно на нем было заявлено, что на выборы кадеты и левые силы идут единым «прогрессивным» блоком [7].

Наиболее ярким представителем донской армянской интеллигенции был кадет Моисей Сергеевич Аджемов. Он являлся депутатом Государственной думы II–IV созывов, уполномоченным от Нахичевани по разным городским делам перед правительственными учреждениями, был ярким кадетским лидером не только регионального, но и общероссийского масштаба. На VI и VIII съездах конституционно-демократической партии он был избран в состав Центрального комитета. Аджемов был активным членом фракции народной свободы в парламенте, членом бюджетной, судебной комиссий и комиссий по запросам и о неприкосновенности личности. В качестве депутата Государственной думы в 1914 г. ходатайствовал о переводе Варшавского императорского университета в Ростов-на-Дону. М.С. Аджемов печатался в «Южном телеграфе», «Утре Юга», «Приазовском крае». На IX съезде кадетской партии М.С. Аджемов был избран кандидатом в депутаты Учредительного собрания. Лидер кадетов П.Н. Милюков называл его одним из наиболее видных представителей армянской интеллигенции [8].

Под довольно сильным идейным влиянием кадетов армянского происхождения находились национальные благотворительные, культурные общества и разного рода попечительства в ОВД. Так, во главе «Армянского благотворительного общества» стояли Г.Х. Чалхушьян, А.С. Дерезанов, М.И. Берберов, Д.Е. Ходжаев. А.С. Дерезанов возглавлял нахичеванское «Попечительство о бедных армянах» [9]. Роль общественных организаций на Дону была велика. Если в европейской части России своеобразной ареной политической консолидации либерально настроенных деятелей были земства, то в области Войска Донского деятельность земских учреждений была приостановлена в марте 1882 г., а в 1888 г. эта же судьба постигла и земскую организацию Ростовского уезда, присоединенного к войску. В этих условиях общественные организации выступали неким «суррогатом земств» [10].

Кадетская и прокадетская либеральная периодика преобладала в массе политической прессы различных партий того времени на Дону. Из армянских газет наибольшую популярность имели либерально

настроенные: «Нор Кянк» («Новая жизнь»), «XX век» и «Мер Дзайн». «Нор Кянк» выходила ежедневно в Ростове и Нахичевани с мая 1906 г. Редактировали ее прапорщик запаса Г.Я. Аношьян, потомственный почетный гражданин А.Д. Тер-Мануильян и мещанин О.К. Каракезьян. Однако уже в октябре 1907 г. газета была закрыта, т.к., по сведениям жандармов, «редакция неоднократно представляла свое помещение для собраний революционных сообществ, имевших здесь же так называемую явочную квартиру для преступных лиц» [11].

С мая 1907 г. на армянском языке выходила ежедневная общественно-политическая газета «XX век». Ее издателем-редактором являлся потомственный почетный гражданин Нахичевани О.М. Молхасьян. В ее программу входили правительственные сообщения, передовые статьи, внутренние и внешние обозрения, местная хроника, корреспонденции, фельетоны и т.д. 17 июля 1907 г. она изменила название на «Мер Дзайн» («Наш голос») и дополнила свою программу отделом карикатуры. В отчете Главного управления по делам печати за 1907 г. газета «Мер-Дзайн» фигурирует как издание, примыкающее к конституционно-демократической партии. В отчетах последующих лет упоминается, что газета изменила политическое направление и стала проявлять «националистические и сепаратистские тенденции» [12]. В 1907 г. временный ростовский генерал-губернатор подверг редактора-издателя «Мер Дзайн» штрафу в 500 руб., а при несостоятельности — двухнедельному тюремному аресту. Вследствие этого в марте 1908 г. газета перестала выходить. Важно отметить, что идентификация либеральных изданий на предмет их принадлежности к кадетской партии — дело непростое и трудоемкое. Сами кадеты всячески скрывали партийную принадлежность своих газет по двум причинам: во-первых, отсутствие юридической регистрации партии не позволяло этого делать открыто, во-вторых, по мнению кадетских идеологов, непартийные органы, не связанные партийной дисциплиной и жесткой идеологией, вызывали больше доверия у читающей публики, а значит, были пропагандистки более эффективными.

Армянские либеральные деятели в политической жизни Ростова и Нахичевани сыграли видную роль. Изучение деятельности политических партий приобретает сегодня важное практическое значение. В условиях становления и развития многопартийной системы построения правового государства многочисленные партии современной России, их лидеры, историки и политологи все чаще обращаются

к анализу опыта функционирования политических партий начала XX в. Особое внимание привлекают проблемы генезиса партий, восприятия их идей различными слоями общества, поскольку завоевание широкой общественной поддержки является необходимым условием превращения партии во влиятельную политическую силу.

Примечания

1. Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. 431. Оп. 1. Д. 12. Л. 25–26, 29.
2. Выборы в Государственную думу по Положению 3 июня 1907 г. СПб., 1911. С. 3.
3. ГАРО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 10. Л. 25.
4. Приазовский край. 1907. 12 сентября.
5. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. 4 делопроизводство. 1907. Д. 45. Ч. 9. Л. 4.
6. Приазовский край. 1907. 29 июля.
7. Приазовский край. 1907. 21 января.
8. Милуков П.Н. Воспоминания (1859–1917): в 2 т. М., 1990. С. 60.
9. Памятная книжка области Войска Донского на 1908 г. Новочеркасск, 1908. С. 10, 113, 114.
10. Греков А.М. Нужды Дона в трудах местных сельскохозяйственных комитетов // Сборник области Войска Донского статистического комитета. Вып. 5. 1905. С. 35.
11. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 776. Оп. 16. Ч. 1. Д. 1966. Л. 99.
12. РГИА. Ф. 776. Оп. 16. Ч. 1. Д. 1966. Л. 97.

Н.Н. Гарунова

Вклад армянского населения в развитие виноделия на Кизлярщине (XIX – нач. XX вв.)

Самым старым районом виноградарства на Северном Кавказе являлась Терская область. Виноград здесь начали разводить по низовью Терека, начиная от станицы Червленной до Каспийского моря. В дальнейшем эта отрасль сельского хозяйства распространилась далее к Моздоку, а затем проникла в другие отделы области,

но в гораздо меньших размерах. Главными причинами возникновения виноградарства именно в восточной части Терской области и его преимущественного значения в экономике региона являлись почвенные, климатические и местные особенности края [1]. Начало разведения виноградников было положено немногочисленными семьями армян и грузин, которые пришли из Закавказья. Как отмечает М. Баллас, «построив близ крепости и р. Терек саки, они высадили привезенные с собой лозы. Эта деятельность, в связи с поощрительными мерами правительства (бесплатная раздача земельных участков, почетные награды медалями и подарками от царственных особ), привлекла из Армении немало переселенцев, занявшихся почти исключительно разведением виноградников» [2]. Тогда же для поощрения возникающей сельскохозяйственной отрасли на Тереке в 1750-х гг. управляющему Астраханской садовой конторой было поручено завести на р. Терек два казенных образцовых сада. Об их судьбе, к сожалению, ничего не известно.

Исключительно благоприятные условия для развития кизлярского виноградарства, указанные выше поощрительные меры правительства, выгоды торговли, близость волжского бассейна, отсутствие конкуренции по продаже вин в России привлекли сюда множество армянских семей из разных мест Кавказа, которые занялись выращиванием винограда. Число виноградников стало увеличиваться с такой быстротой, что спустя полвека после основания Кизлярской крепости низменные, затапливаемые и покрытые камышом окрестности города были покрыты виноградниками, примерно 2 тыс. десятин [3]. По свидетельству академика И.А. Гильденштедта, посетившего во 2-й половине XVIII в. Северный Кавказ, виноградарство являлось на Тереке главным занятием населения [4].

Ежегодно Кавказ вырабатывал до 10 млн ведер вина, 40 % которого шло на экспорт. Согласно сводной ведомости о виноделии Кавказской области, здесь было выкурено 180 000 ведер спирта, и большая часть в Кизляре. Это вводило Кизляр в один из крупнейших районов виноделия России [5]. В 1815 г. общая площадь под виноградниками Кизляра (без уезда) составила уже 4500 десятин, а в числе собственников было много лиц, владевших 20–40 лет даже 100 десятинами. В 1818 г. в Кизляре выработано вина около 1,6 млн ведер [6]. В 1872 г. общая площадь виноградников в Терской области достигала более 7 тыс. десятин, а производство вина — 2,5 млн ведер. На северных

ярмарках сбывали 3–17 тыс. ведер вина (1,9–2,5 руб. за ведро) и виноградного спирта крепостью 52 градуса (по 9 руб. и выше). Самыми крупными скупщиками вина были Мамаджанов, Измиров, Фабриков: в то время на внешнем рынке они продавали до 7 тыс. бочек вина и спирта [7]. И горожане, и селяне активно занимались виноградарством и виноделием, продукция кизлярского виноделия, вина и водка поступали на всероссийские ярмарки, в Москву, на Макарьевскую (Нижегородскую), Лебединскую и Ирбитскую ярмарки [8]. По мнению Н.Н. Великой, «армянам принадлежали десятки винодельческих и спиртокурительных заводов, появившихся на Тереке во второй половине XVIII в.», «в 1836 г. в Кизляре насчитывалось 1062 частных виноградника. С армянами связано начало коньячного производства в России, спиртокурение» [9].

К сентябрю 1891 г. в Кизлярском уезде было 54 огневых завода. Первыми начали выкуривать коньячные спирты Измировы, Сараджев, Фабриковы и Серебряков, причем последний был собственником усовершенствованного завода (использовал французский аппарат Деруа), на котором вырабатывался спирт более высокого качества, и управлял садами и огневым заводом Калантаровых. Позже к ним присоединились заводчики Татосов, Комбаров, Зарубов, Баханов, братья Измировы [10], продукция которых была недорогой. Удешевлению производства, а следовательно повышению конкурентоспособности, способствовало то обстоятельство, что хозяева этих предприятий владели одновременно и виноградными плантациями.

В виноградно-винодельческой отрасли шла концентрация капитала. В пригородах Кизляра также формировались крупные имения: Ахвердовы — 320 десятин в 1754 г., Арешевы — 6591 десятина в 16 верстах от Кизляра в 1745 г., Тарумовы — 14 667 десятин в деревне Тарумовка в 1799 г., Вагановы — в 30 верстах от Кизляра в 1799 г., Серебряковы — 4423 десятин в 10 верстах от Кизляра в 1780 г., а также более мелкие — Балуевы, Калантаровы, Кочкаевы, Ходжаевы, Калустовы, Тавакеловы, Бурджаловы, Мишвеловы, Петросовы и др. Земли помещиков, виноградные сады часто переходили из рук в руки. Серебряковы получили от своих виноградников 20 550 ведер вина, а продали на рынок 18 600 ведер вина, 3200 ведер водки. Калантаров продал 6960 ведер вина, 2800 ведер водки; Качкаев — 9240 ведер вина и 5640 ведер водки, братья Ходжаевы — 18 640 ведер вина и 15 080 ведер водки [11].

Владельцы виноградных плантаций: Мамаджановы (80 десятин), Фабриков (80 десятин), Измировы (80 десятин), Калантаров (30 десятин), Попов (25 десятин) и др. — объединялись, захватывали в отрасли монопольное положение. В 1913 г. Тамазовы, Питатьянцы и Долгов создали акционерное общество по виноделию и коньячному производству с основным капиталом в 1 млн рублей. Они имели свои склады в Москве, Нижнем Новгороде [12].

По мнению Р.З. Багдасарян, в документах конца XIX — начала XX вв., касающихся Кизлярского округа, выделяются «наиболее крупные и усовершенствованные винно-водочные и коньячные предприятия с паровыми и механическими двигателями, и т.н. “огневыми”, работавшими на нефтяных горючих, которые давали значительные выработки». В большинстве своем они принадлежали армянским промышленникам, владельцами их были: Иосиф Авакимов, Мария Тамазова, Макар и Аким Агаджановы, Богдан и Яков Автандиловы, Давид Сараджев, Николай Камбаров, Артемий Багдасаров, братья Г. и М. Агабальянц, Иван Татосов, А. Якулов и его наследники, братья Измировы (Измирян), наследники Мелкона Фабрикова, Каспар Мамаджанов, Егор Эльдаров, дворяне Василий и Елена Калантаровы, Г. Зурабов, Герасим Саркисов и др. Почти все они имели собственные сады в Кизляре и его окрестностях [13].

Для 2-й половины XIX в. была характерна концентрация садов в руках сравнительно крупных садовладельцев-армян, которая осуществлялась посредством как закладки новых, так и покупки мелких садов у местного населения. Таким примером может служить Г.Д. Мамаджанов — крупный предприниматель, владелец нескольких кирпичных и спиртокурительных заводов, виноградных садов, в 1860–1880-е гг. входил в различные органы городского управления, избирался городским головой. Создал первый банк в Кизляре, занимался благотворительностью, был популяризатором и патриотом продукции Кизлярского виноделия. Имение семьи Мамаджановых находилось недалеко от г. Кизляра. Общая площадь их садов была около 45 десятин, один из виноградников, бывший казенный (около 10 десятин), представлял особый интерес. В нем сохранились казенные постройки и лучший в области каменный погреб, где хранилось лишь отборное вино. Располагавшийся за строениями сад представлял собой открытую со всех сторон площадь, несколько возвышенную, с супесчаной почвой. Посадки были произведены правильными

рядами, под кол, кроме местных сортов здесь выращивали также рислинг, пино, траминер [14].

В марте 1904 г. разрешение на открытие завода получил и Кизлярский мещанин М.Г. Фабриков. В своем прошении на имя министра финансов от 11 марта 1904 г. он писал: «Как владелец виноградного сада и винодельческого заведения, я имел также огневой садовладельческий № 100 завод, по моему ходатайству переименованный в коньячный. Ввиду этого мною произведена перестройка завода, и не позже мая 1904 года он будет образован в Кизляре. Между тем мне необходимо также выкуривать из оставшегося от виноделия винных выжимок, из каковых на коньячном заводе выкуривание спирта производить невозможно. Вследствие этого имею честь просить разрешить мне постройку нового завода в собственном саду близ Кизляра» [15].

Объективно в развитии садоводства значительную роль сыграла политика правительства, когда военным, чинам администрации, русским и закавказским предпринимателям отводились большие земельные участки в качестве «царского дара», с условием обязательного разведения там садов и виноградников. Генералу М.Т. Лорис-Меликову были предоставлены земли в Кубанской и Дагестанской областях [16].

Во 2-й половине XIX — начале XX вв. в отличие от предыдущего периода, когда армянское население Дагестана преимущественно занималось торговлей, его представители прилагали серьезные усилия для развития таких новых отраслей экономики Дагестана, как виноделие, нефтедобывающая и рыбная промышленность, внедряли новые технологии. Предпринимательская деятельность армянских переселенцев способствовала проникновению и развитию в регионе новых капиталистических отношений, интеграции Дагестана во всероссийскую экономическую систему. Армяне занимались продажей мануфактуры, нефтепродуктов, лесоматериалом, бакалейными товарами, держали табачные и винные магазины, тем самым задавали тон в процессе предпринимательской активности городов Дагестана [17]. Изучаемый период 2-й половины XIX — начала XX вв. характеризовался важными прогрессивными сдвигами, которые произошли в крае под влиянием активного включения армянского населения и их капитала в разные отрасли экономики Дагестана, особенно в развитие торговли, предпринимательской деятельности и промышленных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции.

Примечания

1. Гарунова Н.Н. Очерки истории виноделия и коньячного производства на Кизлярщине в XVIII–XX вв. Махачкала, 2009. С. 187.

2. Баллас М. Виноделие в России. Предкавказье. СПб., 1898. Ч. IV. С. 218.

3. Общий свод статистических сведений о Терской области: виноградарство и виноделие // Сборник сведений о Терской области. Владикавказ, 1878. Вып. 1. С. 146–147.

4. Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб., 2002. С. 123.

5. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 359. Оп. 1. Д. 4. Л. 5.

6. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Тифлис, 1875. Т. 6. Ч. 1. С. 653.

7. Суровикин П.Н. Кизлярский коньячный завод. Летопись в фотографиях и фактах. Махачкала, 1972. С. 27.

8. Ширяев С. Грозненская область. Грозный, 1955. С. 118.

9. Великая Н.Н. О хозяйственных занятиях армян терского левобережья В XVIII — первой половине XIX вв. // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая — 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2012. С. 237.

10. Гарунова Н.Н. Возобновление коньячного производства на Кизлярщине в 20-е годы XX века // Дагестан в кавказском историко-культурном пространстве: материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию ИИАЭ ДНЦ РАН (21–22 октября 2014 г.). Махачкала, 2014. С. 17.

11. Акопян В.З. Карабагы. Исторический очерк. Ростов н/Д, 2002. С. 32.

12. Сборник сведений о действующих в России акционерных обществах и товариществах на паях. Издание Отдела торговли Министерства торговли и промышленности / обработка ст. Л.Е. Шепелева. СПб., 1914.

13. Симанович Е.А. Развитие виноградарства и виноделия на Северном Кавказе во второй половине XIX в. — 1914 г.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. С. 114.

14. Багдасарян Р.З. Торгово-экономическая деятельность армянского купечества на Тереке (XVII — начало XX вв.). URL: <http://>

nashasreda.ru/torgovo-ekonomicheskaya-deyatelnost-armyanskogo-kupechestva-na-tereke-xvii-nachalo-xx-vv/ (дата обращения 24.01.2015).

15. Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук. СПб., 1912. Т. 12. С. 194–202.

16. Велиханова Т.Т. К вопросу об армянах в Дагестане // Новый взгляд: Основные направления социально-политического и культурного развития России и Дагестана: история и современность: материалы региональной научной конференции. Махачкала, 2009. С. 47–51.

17. Губаханова Р.А. Предпринимательство в Дагестане (1860–1917): торговый капитал. Махачкала, 2006. С. 67.

А.Д. Гомцян

Евразийский экономический союз: новые перспективы сотрудничества Армении и России

Крепкие дружеские стратегические культурные и экономические связи армянского народа со славянами имеют давнюю историю, начало которых относится к периоду, предшествующему формированию Киевского государства. С другой стороны, принятие христианства на Руси существенным образом повлияло установление более крепких отношений между двумя народами. На протяжении всей истории отношения между русским и армянским народами формировались на крепкой духовной, культурной, экономической, политической и военной основе, когда не было ни одного конфликта, и тем более — военного столкновения. Война 1941–1945 гг. явилась для армянского народа еще одним испытанием в его многовековой истории. К началу войны население Армении составляло 1,5 млн человек, в ряды Советской армии с 1941 по 1945 г. ушло более 500 тыс. человек. Почти каждый второй не вернулся с фронта. Поэтому не случайно особое место в работе историков как Армении, так и России занимает тема 70-летия победы в Великой Отечественной войне.

Армения в силу своего геополитического положения была и остается своего рода связующим транзитным звеном как между Западом и Востоком, так и Севером и Югом. С 1995 г. в Республике Армения размещена 102-я Российская военная база, которая является одним из важнейших элементов геополитического присутствия России на Южном Кавказе.

После распада СССР между Республикой Армения и Российской Федерацией было подписано свыше 100 межведомственных соглашений о сотрудничестве в торгово-экономической, социальной, энергетической, культурной, туристической и других сферах. В настоящее время в Армении зарегистрированы и действуют около 1300 предприятий с российским капиталом, что является серьезным показателем для экономики Республики Армения. Наиболее крупные из них — «Электрические сети Армении», «Арм/Росгазпром», «Армянская АЭС», «Разданская ГЭС», «Международная энергетическая корпорация», «Южно-Кавказская железная дорога» и др. Указанные компании условно можно подразделить на 2 группы: 1) компании с участием российского государственного капитала и 2) компании с участием российского частного капитала. Российские компании возглавляют список крупнейших налогоплательщиков Армении. Это свидетельствует о том, что в Армении созданы благоприятные условия для российского капитала. Россия занимает лидирующую позицию в списке внешнеторговых партнеров Армении. По итогам 2014 г. общий товарооборот составил около 1,5 млрд долларов США, в том числе экспорт 308 млн долларов США, рост товарооборота составляет около 4,5 %. Россия не только стабильный торговый, но и основной инвестиционный партнер для Армении.

Вступление Армении в Евразийский экономический союз еще раз свидетельствует о том, что Армения и Россия соблюдали и будут соблюдать взаимный интерес. Этот союз гарантирует надежность и эффективность политического, военного, социально-культурного сотрудничества между двумя союзными странами. Евразийский экономический союз — это сотрудничество во всех сферах, но одним из главных направлений является наука и образование. Генеральное консульство Армении в ЮФО способствует более широкому сотрудничеству между Арменией и Югом России и, в частности, между Ереваном и Ростовом-на-Дону. Это налаживание тесных отношений между Национальной академией наук Республики Армения и Южным научным центром РАН. Очень важным является также налаживание сотрудничества между вузами Армении и России, в частности с вузами ЮФО и Ереванским государственным университетом, Армянским государственным экономическим университетом, Национальным университетом архитектуры и строительства Армении, а также сотрудничество между Ереванской государственной консерваторией

имени Комитаса и Ростовской государственной консерваторией им. С.В. Рахманинова. Только за 2014–2015 гг. было несколько делегаций из Армении в Россию и наоборот.

Весной 2014 г. Армянский государственный экономический университет вошел в Евразийскую ассоциацию экономических университетов. Инициатива создания союза экономических вузов была обнародована ректором Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) в 2013 г. на праздновании 80-летия Белорусского государственного экономического университета. Ее поддержали 17 из 30 профильных вузов России, Армении, Беларуси, Казахстана, Украины. Также хотелось бы подчеркнуть крепкие межвузовские отношения между Национальным университетом архитектуры и строительства Армении и Ростовским государственным строительным университетом. С 27 сентября по 2 октября 2014 г. в г. Ереване проходили дни РГСУ в Армении.

Углубляются связи между Южным федеральным университетом и Армянским государственным экономическим университетом. Обсуждаются новые возможные направления сотрудничества в области образования и науки: осуществление регулярного обмена изданиями и научными разработками по профилю своей деятельности, сведениями о предстоящих научных мероприятиях в целях их координации, совместные публикации, обмен лучшими управленческими практиками, академическая мобильность студентов и сотрудников, создание совместных лабораторий и разработка совместных проектов. Имеются договоренности между вузами о подготовке студентов и аспирантов. По соглашению стороны должны развивать сотрудничество между студентами, молодыми учеными и преподавателями Южного федерального университета и Армянского государственного экономического университета. А также оказывать помощь в получении грантов, публикациях в журналах мировой цитируемости, обеспечивать прохождение научной практики и различных стажировок студентов, аспирантов, докторантов и преподавателей университетов.

На базе Южного федерального университета 29 сентября 2014 г. состоялся круглый стол, посвященный Дню независимости Республики Армения. В Институте социологии и регионоведения ЮФУ в рамках уставной деятельности Ростовского регионального отделения Межрегиональной общественной организации «Общество дружбы и сотрудничества с Арменией» при поддержке Правительства

Ростовской области и генерального консульства республики Армения в ЮФО прошел круглый стол, посвященный Дню независимости Республики Армения. Он проводился в соответствии с реализацией программы «Мы вместе: были, есть и будем», которая направлена на содействие в укреплении гражданского единства, а также формирование у населения региона миротворческого сознания, взаимопонимания, сохранения и приумножения вековых традиций дружбы народов на примере России и Армении.

При поддержке генерального консульства республики Армения в ЮФО и Правительства Ростовской области 2 декабря 2014 г. в ЮФУ прошел круглый стол «Евразийский экономический союз: новые возможности и перспективы гармонизации межнациональных отношений». Экономическое взаимодействие стран-участниц Евразийского экономического союза стало основной темой дискуссий круглого стола. Обсудить новые возможности и перспективы гармонизации межнациональных отношений в свете создания Евразийского экономического союза собрались представители дипломатических миссий Юга России, правительства Ростовской области, политики и ученые. Работа круглого стола стала теоретическим вкладом Евразийского экономического союза.

Россия и юг страны на уровне региональных властей, научных и общественных организаций готовятся к мероприятиям, посвященным 100-летию геноцида армян. В Ростове-на-Дону планируется открытие памятника «Нет геноциду». Особенно впечатляет то, что основная инициатива исходит от общественных организаций и Армении и России.

И.Г. Иванцов

**Армянский район Северо-Кавказского края
в документах районного комитета ВКП(б)
(1925 — начало 1930 гг.)**

На разных этапах советской историографии приоритеты в изучении истории национально-административной организации малых народов СССР менялись, но она всегда вызывала интерес. В Юго-Восточном, а затем Северо-Кавказском крае уже в начале 1920-х гг.

получили существование национальные административные районы как национальные автономии районного масштаба, в том числе Армянский национальный район.

Источниковая база данной статьи обладает определенными лакунами. Не удалось выявить ни одного номера районных газет описываемого периода. В конце 1990-х гг. автор статьи намеревался записать устные рассказы о жизни, в частности, хутора Афанасьевский Постик Туапсинского района, но очевидцев событий 1920–1930 гг. уже не было.

Приводимые факты из жизни района, деятельности его органов власти в архивных документах отражены скудно, но тем не менее дают возможность схематично представить панораму жизни национального района в первые годы его существования.

На Кубани одной из первых автономий подобного рода (после Шапсугского) стал Армянский район (решение было принято 10 марта 1925 г.), образованный путем выделения территорий из Горячеключевского и Хадьженского районов, включавший населенные пункты Кубанского и Майкопского округов. Центром его стала станица Елизаветпольская. Формирование района завершилось в ноябре 1925 г. образованием самостоятельной районной административной единицы, вошедшей в состав Майкопского округа. На тот момент в районе было 54 населенных пункта и населения более 6 тыс. человек [1].

По складывающемуся к тому времени положению во вновь организуемом районе формировались органы власти, райисполком и райком партии. В архивных документах не отражен количественный состав членов партии в органах советской и партийной власти на момент их формирования. Однако известно следующее: по состоянию на март 1926 г. на весь район насчитывалось 9 человек членов районной партийной организации ВКП(б), 7 членов и 2 кандидата. Из них 5 армян и 4 русских. Любопытны сведения об образовании и политическом уровне членов парторганизации. Грамотных, могущих читать и писать по-русски — 4. Малограмотных, могущих читать и писать по-русски — 4. Малограмотных, могущих читать, но не могущих писать по-русски — 1. Грамотных, могущих читать и писать по-армянски — 6. Не могущих читать и писать по-армянски — 3. Политически развитых достаточно — 2. Политически малограмотных — 4. Политически весьма слабо развитых — 3 [2].

По состоянию на март 1926 г. система народного образования функционировала не достаточно хорошо. На весь Армянский район

насчитывалось 20 школ: 2 русские и 18 армянских. Обучалось 50–55 % детей района. Остальные не посещали по религиозным мотивам или не имели такой возможности [3]. Здесь необходимо заметить, что во многих армянских школах были русские классы.

В районе была сложная криминальная обстановка. В информационном материале Майкопского округа весной 1926 г. констатировалось следующее: в Армянском районе был высок уровень преступности, и окружная организация требовала усилить борьбу с преступностью в районе как путем скорейшего рассмотрения судебно-следственными органами уголовных дел, так и путем усиления состава милиции района [4].

Кроме того, в результате обследования окружные проверяющие подвергли критике аппарат Северо-Кавказского крайисполкома, т.к. его методы подбора работников для укомплектования аппарата Армянского районного райисполкома признали недопустимыми. Это происходило потому, что «приезжающие из Армении и других мест (в основном из Нахичевани-на-Дону) являются между собой родственниками, что в сугубо серьезной степени подрывает авторитет аппарата райисполкома, особенно со стороны русской части населения и авторитет ответственных коммунистов, членов президиума райисполкома» [5].

Согласно политической сводке по Армянскому району на 20 июля 1927 г., в районе 12 июля в 20 ч был убит работник милиции. Как следует из сводки, он был русским. Убийство носило признаки межнационального конфликта. Первоначально местные русские «спецы» объясняли это преступление мезтью армян. Ситуация была сглажена соглашением усилить поиски и найти убийц, интенсифицировать работу по достижению гармонии в межнациональных взаимоотношениях [6].

С целью усиления партийного ядра района на заседании бюро Армянского райкома Майкопского округа Северо-Кавказского края от 27 октября 1927 г. было принято решение: исходя из осуществления национальной политики района и трудности национальной усиления райпарторганизации извне, поставить задание парторганизации увеличить его за счет приема в партию «коренного» населения из среды бедноты, для чего следует выполнить следующее:

1. Создать кандидатские группы в следующих сельсоветах: Гойтском, Режетском, Кунайском. Усилить существующие ячейки в сель-

советах Елизаветпольском, Садовом, Кубано-Армянском и на станции Гойтх.

2. Методом подбора должен стать индивидуальный с учетом: социального положения, службы в Красной армии, отношения к комсомуставу и участия в общественной работе.

3. В отношении поручительства, учитывая, что на местах нет партийных ячеек, допустить поручительство членов партии, находящихся в районном центре.

4. Работу поручить товарищам, прикрепленным к сельсоветам и ячейкам, которым также предстоит заняться индивидуальным подбором могущих быть принятыми в кандидаты ВКП(б), при соблюдении классового принципа подбора [7].

Надо сказать, что такие меры обозначались неоднократно. Однако коммунистов для руководства районом не хватало. Например, бюро Армянского района 14 апреля 1930 г. просило окружком срочно прислать в район 5–10 партработников-армян для постоянной работы в районе и наряду с этим прислать не менее 10 человек на временную работу [8]. Но их трудно было подыскать в немалой степени из-за бытовой неустроенности. Доказательством служит докладная записка секретаря Армянского райкома ВКП(б) Н.Я. Шляхова в бюро Майкопского окружкома ВКП(б) от 8 февраля 1928 г. с просьбой отпустить из бюджета округа 15 тыс. руб. на строительство районного общежития для служащих, поскольку их привлечению в район мешало отсутствие квартир и бытовых условий [9].

В 1928 г. выпускалась районная газета «Мурч-Мангах», где материалы давались на русском и армянском языке. Бюро райкома предлагало высылать в ее редакцию разрешенные к опубликованию протоколы райисполкома, райкома и т.д. и всячески усилить ее распространение [10]. Для русского населения на русском языке начала издаваться районная газета «Красный пахарь» [11].

Поднимался вопрос о судебной системе. 4 мая 1928 г. на заседании бюро Армянского райкома по его просьбе был организован самостоятельный судебный участок в Армянском районе (8-й судебный участок Майкопского округа), в связи с чем отмечалось увеличение поступления в производство дел и более быстрое их рассмотрение [12].

Велась борьба с оппозиционными настроениями. На закрытом заседании бюро Армянского райкома ВКП(б) 5 июня 1928 г. в присутствии секретаря окружной КК Корытного, начальника отдела ОГПУ

Гофицкого, секретаря окружкома ОГПУ Волкова и сотрудника ОГПУ Копылова было заслушано дело о контрреволюционной группировке «Кайтар» внутри районной организации ВЛКСМ. Было выяснено, что ее в районе не было и нет. Все выявленные прокламации и протоколы группы «Кайтар», послужившие поводом для ареста членов районной организации ВЛКСМ, оказались «авантюристическим измышлением» начальника административного отдела (милиции) Армянского района Гуроглянца и милиционера Адриади. Относительно арестов части комсомольского актива, в том числе 2 селькоров, было констатировано «отсутствие детальной проверки тех данных, коими располагала организация» [13].

Кандидаты в ВКП(б) из армянского населения первоначально, для укрепления партячеек нацкадрами, вступали в партию по облегченной процедуре. В протоколах о приеме в ВКП(б) прямо говорилось, что при приеме в партию нацменов необходимо учитывать национальность. Благодаря этому преимуществу, нацмены вступали туда без поручителей [14].

Не до конца в районе были преодолены межнациональные трения. Так, на II пленуме Армянского райкома 20–22 сентября 1929 г. депутат Х.А. Алвандов утверждал, что среди русской части «спецов» и ответственных работников еще живет великорусский шовинизм [15].

Охарактеризуем национальный состав районного ВЛКСМ. На 1 октября 1928 г. в Армянском районном ВЛКСМ было 238 армян и 254 русских. На 1 мая 1929 г. — 186 армян и 139 русских [16].

Языковая проблема в районе была сложной, но решаемой. Так, на IV районной партийной конференции (26 июня 1929 г.) доклады делались в основном на русском языке и в случае надобности, если кто не вполне понимал, переводились на армянский язык через переводчика [17].

О численности партийной организации района можно сказать следующее. По состоянию на 1 ноября в ячейках Армянского района состояло 32 человека: Елизаветпольская — 17 членов ВКП(б), 10 членов и 7 кандидатов; Гойтх — 8 членов ВКП(б), 5 членов и 3 кандидата; Кубано-Армянское — 4 члена ВКП(б), 3 члена и 1 кандидат; Садовая — 3 члена ВКП(б) [18].

На V районной конференции (26–29 мая 1930 г.) Армянского района депутат Оганесьян говорил: «Ранее вопросу подбора работников для района почти не уделялось внимания. Первого попавшегося

армянина, не проверив, что он из себя представляет и сможет ли он принести пользу, препровождали в Армянский район. Я в этом убедился, когда направляли меня самого в этот район» [19].

Одной из отличительных особенностей армянского населения было то, что некоторая его часть в 1920–1930 гг. сохраняла иностранное (турецкое и персидское) подданство [20].

Достижением района можно считать начало коренизации и охват всех детей начальным школьным образованием. Из доклада о работе Армянского райкома ВКП(б) за 1931 г., 7-й районной партконференции (12–15 января 1932 г.), с. Елизаветпольское (докладчик — секретарь Армянского райкома ВКП(б) Г.Б. Муратов): «В Армянском районе в 1931 году был осуществлен 100 % охват детей школьного возраста школами первой I ступени». «В 1931 году была проведена коренизация аппаратов районных и сельских организаций и перевод делопроизводства во всех сельских и большинстве районных (имеющих непосредственную связь с населением и низами) — на армянский язык» [21].

Конференция требовала «безусловно, закончить коренизацию и перевести делопроизводство на армянский язык на сто процентов» [22].

За 1931 г. подготовку на курсах секретарей партийно-комсомольских ячеек и колхозного актива прошли 355 человек. Была организована и новая районная газета «Берки-Амар» [23].

Согласно протоколу № 33 закрытого заседания бюро Армянского райкома ВКП(б) от 5 марта 1933 г. и другим документам, районная газета «Берки-Амар» с 1 марта 1933 г. по 31 декабря 1933 г. принесла доход в 12 775 руб., а расходы по ней составили 39 145 руб.

Для покрытия убытка по газете край отпускал 7 тыс. рублей, остальные 20 тыс. покрывались районным бюджетом. Фракция райисполкома обязывалась все расходы, связанные с приобретением инвентаря, оборудованием и ремонтом здания типографии, покрыть с помощью дополнительной дотации, не включая эти расходы в счет 20 тыс. рублей.

Был утвержден новый формат газеты А3, на 4 полосах с тиражом в 2 тыс. экземпляров, периодичность 10 номеров в месяц и подписной стоимостью 50 коп. в месяц. Сразу заметим, что запланированного тиража в 2 тыс. экземпляров не удалось достигнуть и к концу 1933 г. [24].

Райком Коммунистического союза молодежи обязали в течение 2 дней выделить 5 комсомольцев для работы в типографии. Секретарей

парторганизаций района обязали до 15 марта (1933 г.) закончить подписную кампанию на газету.

Районным организациям (Райтабак, Союзтабаксырьё, Райсовпроф) было предложено поставить перед краевыми властями вопрос о выделении необходимых средств на дотацию районной газеты [25]. Однако к концу года газета была в еще более тяжелом финансовом положении, поскольку запланированные дотации не были получены в полном объеме. Край не выделил 5 тыс. руб. из обещанных 7 тыс. рублей [26].

Таким образом, в течение первого десятилетия существования советской власти армяне, проживавшие в России, получили возможность проживания на территории Кубано-Черноморья и в рамках национальных районов. К сожалению, этот опыт не дал желаемого эффекта, т.к. наряду с положительными имели место и негативные тенденции, которые выражались в сложности изучения родного (армянского) языка для населения национальных районов, трудностях в ведении административной документации, в том числе и при общении с подобными национальными образованиями. Тем не менее подобный опыт был и заслуживает кропотливого его изучения [27].

Примечания

1. ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края). Ф. 1415. Оп. 1. Д. 23. Л. 63–70.
2. Там же. Ф. 1415. Оп. 1 доп. Д. 8. Л. 1.
3. Там же. Ф. 1415. Оп. 1 доп. Д. 8. Л. 3.
4. Там же. Ф. 1415. Оп. 1 доп. Д. 8. Л. 5.
5. Там же. Ф. 1415. Оп. 1 доп. Д. 8. Л. 5.
6. Там же. Ф. 1415. Оп. 1 доп. Д. 13. Л. 2, 2об.
7. Там же. Ф. 1415. Оп. 1 доп. Д. 10. Л. 1.
8. Там же. Ф. 1415. Оп. 1 доп. Д. 32. Л. 13.
9. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.
10. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 2. Л. 33.
11. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
2. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 2. Л. 34.
3. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 2. Л. 50.
4. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 2. Л. 70.
5. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.
6. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 5. Л. 39, 40.

7. Там же. Ф. 1415. Оп. 1 доп. Д. 27. Л. 11.
8. Там же. Ф. 1415. Оп. 1 доп. Д. 12. Л. 3.
9. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 8. Л. 27.
20. Там же. Ф. 10577. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.
21. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 23. Л. 5.
22. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 23. Л. 10.
23. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 23. Л. 29.
24. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 38. Л. 12.
25. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 34. Л. 59.
26. Там же. Ф. 1415. Оп. 1. Д. 37. Л. 26.
27. Сивков С.М. Армяне Кубано-Черноморья в первой половине XX в.: попытка национальной самоидентификации // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая — 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2012. С. 196.

Н.А. Казарова

Армянский вопрос на страницах донской прессы в 1914 г.

Вступление в ноябре 1914 г. Турции в мировую войну привело к усилению внимания к судьбе армянского населения Османской империи, остро встала проблема беженцев, на страницах донской прессы стал широко обсуждаться вопрос о будущем Турецкой Армении. Ежедневно газета «Приазовский край» сообщала о положении на Турецком фронте [1], о настроениях армянского населения Турции в связи с продвижением русских войск [2], информировала об организации армянскими общественными деятелями на Дону благотворительной помощи армянским беженцам [3], постоянно прибывавшим в Ростов осенью 1914 г., помещала на своих страницах материалы дискуссии и отдельные статьи по армянскому вопросу [4].

Особенно остро стоял вопрос о помощи беженцам. Под председательством Г.Х. Чалхушьяна и по его инициативе был образован Комитет кружечного сбора в пользу армян-беженцев, позже переименованный в Армянский комитет. Комитет оказывал армянским беженцам из Турции всяческую помощь: раздавались теплая одежда,

белье, обувь, предоставлялось убежище. Средства Комитета складывались из добровольных пожертвований как отдельных лиц, так и организаций, однако денег все равно не хватало. 31 декабря 1914 г. по всему Ростову и Нахичевани проходил кружечный сбор в пользу армян-беженцев [5]. В итоге за этот день удалось собрать 15 тыс. руб., из них 500 руб. дал купец Супрунов, 1 тыс. руб. — фабрикант Асмолов, 3 тыс. руб. — братья Петр и Николай Парамоновы. В этот же день М.С. Хазизовой была организована «Братская трапеза» для армян-беженцев (на 60 человек), нахичеванские купцы Кистовы трудоустроили у себя 40 человек.

Председатель Армянского комитета Г.Х. Чалхушьян через газеты обращался с просьбой о помощи армянам-беженцам, не только взывая к человеколюбию, но и убеждая, что такая помощь соответствует интересам самих ростовчан и нахичеванцев. Оборванные, голодные беженцы могут разносить болезни по городу, и тогда и Ростову, и Нахичевани придется принести больше материальных жертв [6]. Ростовским городским управлением были организованы пункты для прививки оспы всем беженцам из Закавказья и Турции. На страницах «Приазовского края» сообщалось о размещении беженцев-армян, о предоставлении домовладельцами помещений для этих целей: «Домовладелец Попов отвел обширное помещение в своем доме по 23 линии, братья Ованесовы отвели дом по 1 Федоровской улице, владельцы кирпичных заводов передали здание рабочей больницы, купец Санин отвел дом на своем кирпичном заводе, домовладелица Ефремова передала нижний этаж своего дома по Никольской улице в Ростове, и купец Чепрастов пожертвовал 100 железных кроватей» [7]. Донская пресса сообщала о помощи армянам-беженцам и в других городах: Москве, Одессе, Петрограде. Так, например, в декабре 1914 г. сообщалось о том, что московский армянский комитет отправил в Эчмиадзин для помощи беженцам 10 тыс. рублей, а также большое количество муки, чая и сахара. Кроме того, послано в Эривань 3 тыс. рублей и тифлисскому комитету — 2 тыс. рублей. В Ахалкалаки для помощи ардаганским беженцам послано 1500 рублей, дамский комитет отправил в Эривань 1 тыс. рублей. Вопрос о беженцах-армянах был самым жгучим. Тема помощи им проходит красной нитью через все выпуски газеты «Приазовский край» в ноябре-декабре 1914 г.

В донской прессе обсуждался также вопрос о будущем Турецкой Армении. В декабре 1914 г. «Приазовский край» сообщал о лекции

А.К. Дживелегова, прочитанной в Ростове-на-Дону по этому вопросу. В газете было изложено содержание лекции [8].

Лектор дал краткий обзор главных этапов рассмотрения армянского вопроса, начиная со второй половины XIX в. Принятый Турцией незадолго до войны проект (26 января 1914 г.), хоть и негласно, обеспечивал Армении автономию.

А.К. Дживелегов выражал уверенность, что после войны, поскольку влияние Германии аннулируется (а в ее поражении он не сомневался), вопрос об автономии Армении будет поставлен и рассмотрен всесторонне. Автономия Армении представлялась ему в следующем виде: территорией Армении будут 8 вилайетов и часть 9-го, который включает в себе отрезки т.н. Великой и Малой Армений.

Таким образом, автономная Армения будет состоять из вилайетов Ванского, Битлисского, Эрзерумского, Харбердского, Диарбекирского, Сивазского, Трапезундского, Аданского и северной части Алепского вилайета с выходом к Средиземному морю через Александретту и к Черному морю через Трапезунд. Крайние части этих областей, лишенные армянского населения, должны быть отрезаны. По мнению А.К. Дживелегова, армяне, составляя подавляющее большинство по отношению к каждому отдельному элементу населения края, вполне смогут справиться со своей политической изолированностью.

Суверенитет Турции будет выражаться в платеже армянами дани, а протекторат России будет гарантировать армянам невмешательство Турции в их внутренние дела. Генерал-губернатор края христианского происхождения будет предлагаться Россией и утверждаться Турцией. При генерал-губернаторе должны быть учреждены центральное правительство и законодательное собрание, избранное народом. Местное самоуправление должно быть построено на исторических основах: из турецкой административной практики может быть сохранено все то, что не противоречит историческим традициям армянского развития. Для культурных нужд должна существовать областная казна. Военская же повинность будет отбываться армянами лишь в пределах автономии. В том, что армяне сумеют справиться со своей будущей культурной ролью, Алексей Карпович не сомневался: «Тому служит порукой их многовековая история».

Другой вопрос состоял в том, могут ли армяне рассчитывать на автономию. Дживелегов считал, что Англия поддержит идею автономии, так как Армения может стать буфером и не допустить таким

образом соприкосновения границ Англии с Россией. Следует признать, что, давая такие оценки, Дживелегов впадал в ничем не оправданный оптимизм в вопросе о якобы положительной роли Англии. Он был уверен, что война создала условия для радикального решения всех вопросов, которые определяют будущее Турецкой Армении, и то, о чем в протоколе 26 января 1914 г. приходилось говорить в замаскированной форме, будет сказано открыто.

В следующем номере газеты «Приазовский край» была помещена статья П.Н. Милюкова «Судьба Турецкой Армении». Полемизируя с Дживелеговым, Милюков писал, что, выдвигая идею автономной Армении, Дживелегов исходит из двух «твердых предположений»: первое, что Турция должна будет отдаться на милость победителей; второе, что по соображениям высшего дипломатического порядка державы-победительницы признают лучшим исходом не раздел, а сохранение Оттоманской империи в ослабленном виде, чтобы в будущем восточный вопрос «не мог мутить международных отношений». В свою очередь П.Н. Милюков полагал, что «конец международным затруднениям может положить лишь возвращение Турции в ее этнографические границы, т.е. сохранение за ней лишь той части Малой Азии, в которой турецкое население является, безусловно, преобладающим». Вариант автономии, предложенный Дживелеговым, по его мнению, делал бы положение неустойчивым в обе стороны: и в сторону Турции, и в сторону России, а следовательно, вызывающим неизбежную дальнейшую эволюцию в ту или иную сторону: «Одно из двух: или суверенитет Турции над автономной Арменией будет чисто номинальный, и тогда это, в сущности, приведет к тому же разделу Турции. Или же Турция сохранит действительную власть, и тогда это будет продолжением вековых притязаний и вековой борьбы за свободу» [10]. Более политически верной (и выгодной для России) Милюков считал аннексию Армении, поскольку только полное освобождение от турецкой зависимости позволит объединить две части армянского народа под одной государственной кровлей. При этом он подчеркивал, что «условия международного положения, благоприятные для такого решения, создаются редко, а повторяются еще реже. Раз эти условия имеются налицо, ими необходимо воспользоваться для решения наиболее трудной из национальных задач — национального объединения».

Приведенные на страницах «Приазовского края» сюжеты позволяют сделать вывод о том, что еще до катастрофы 1915 г. проблема

будущего устройства Турецкой Армении вызывала полемику, в ходе которой выявились возможные варианты ее решения. Первый вариант предполагал создание автономной Армении под формальным протекторатом Турции. Второй предусматривал аннексию турецкой части Армении Россией. Дживелегов склонялся к первому, а Милюков — ко второму варианту. Оба историка понимали, что возможная реализация любого варианта столкнется с трудностями международного характера, ибо в этом регионе переплетались интересы многих стран, но считали эти трудности преодолимыми.

Примечания

1. На Турецком фронте (от военного корреспондента в Закавказье) // Приазовский край. 1914. 21 ноября. № 306. С.1. и др.
2. На Турецком фронте (от военного корреспондента в Закавказье) // Приазовский край. 1914. 16 декабря. № 329. С. 2; С. 3.
3. Там же; Приазовский край. 1914. 17 декабря. № 330. С. 1.
4. Приазовский край. 1914. 10 декабря. № 323; там же. 1914. 11 декабря. № 324.
5. Приазовский край. 1914. 31 декабря. № 342. С. 1.
6. Там же. С. 2.
7. Приазовский край. 1914. 30 декабря. № 341. С. 3.
8. Приазовский край. 1914. 10 декабря. № 323. С. 3.
9. Приазовский край. 1914. 11 декабря. № 324. С. 2.
10. Там же.

Л.А. Каранетян

Концепция национального государства в идеологии партии дашнакцутюн на рубеже XIX–XX вв.

Армянская политическая партия дашнакцутюн (Армянский революционный союз) была создана в Тифлисе в 1890 г. усилиями М. Варданяна, С. Заваряна, С. Зоряна, Б. Микаэляна.

В основе партийной структуры лежал принцип децентрализации, закрепленный в 1-м уставе, принятом на съезде в 1892 г. В нем говорилось, что все комитеты в городах и деревнях ведут свои внутренние дела самостоятельно. Объединения нескольких провинциальных

групп образовывали район, который имел свой ЦК. В 90-е гг. XIX в. внутренняя структура партии усложнилась, что нашло свое отражение в новом уставе, выработанном 2-м съездом в 1898 г. и подтвержденном съездом 1907 г. Низовой структурой партии были «хумбы» (группы, кружки), состоявшие не менее чем из 7 человек. Далее следовали подкомитеты численностью не менее 50 членов, комитеты — 200 человек, Центральный комитет — 1 тыс. членов. ЦК в зависимости от местоположения подчинялся Восточному или Западному бюро. Следующей за ЦК структурой был ответственный орган из 5 членов. Ему поручалось руководство деятельностью партии в определенном районе и несколькими ЦК. Районные собрания пользовались широкими полномочиями. Выделялись 3 района (Турецкая Армения, Кавказ, Западный район), проводящие свои собрания по мере необходимости и возможности, а на Кавказе по меньшей мере раз в год. Оно имело право выработки устава для всех организаций своего района, изменения тактики, не выходя из пределов решений съездов. Высшей инстанцией партии было общее собрание (съезд), в работе которого принимали участие представители Бюро, ЦК, ответственных органов, районных собраний.

Всего к началу 1907 г. партия объединяла 3233 группы, из которых 2311 (более 70 %) действовали в Российской империи. Из организаций, функционировавших в России, на Северный Кавказ, по нашим подсчетам, приходилось 10 % (233 группы). В это же время численность деятельных членов партии равнялась 22 631 человеку, из которых 16 177 были членами партийных организаций России. На Северный Кавказ приходилось 1635 членов партии [1].

Главным фактором возникновения партии было место нации в системе межнациональных отношений как внутри Турции, России, Персии, так и на международной арене в качестве части «восточного вопроса». Армянский народ, некогда имевший свою государственность, был разделен.

В теории наций принцип самоопределения был и остается одним из основных. Его суть сводится к тому, что в многонациональных государствах народы получают возможность свободного самоопределения, в том числе политического. Однако, чтобы этот философский принцип стал правовым, он должен быть закреплен законодательно в государстве. Этнический вопрос — явление конкретно-историческое. Но он всегда остается сложным в теоре-

тическом и острым в политических отношениях. Его практическая реализация требует, прежде всего, учитывать права человека и право государства на территориальную целостность.

В дашнакцутюн исходили из того, что государство являлось наиболее эффективным социальным институтом, где партийные идеалы могут выступать как общественные интересы, закрепленные в законодательных актах, обеспечиваться властной поддержкой, сопровождаться механизмом их реализации. Подъем национально-освободительного движения вызвал стремление к созданию собственного автономного государства, в первую очередь, в Турецкой Армении. В опубликованном в сентябре 1890 г. манифесте партии, в частности, говорилось, что дашнакцутюн будет стремиться объединить все силы, имея целью политическую и экономическую свободу Турецкой Армении. Это заняло главенствующее место в первой программе и уставе партии, принятых на учредительном съезде в 1892 г. в Женеве. Государственное начало объявлялось единственным фактором объединения армянской нации. Одним из базовых признаков государства является территория, на которой живет нация. Территория армянского государства партией определялась в контексте исторических, географических, этнических аспектов.

До 1905 г. все усилия были направлены на решение вопроса турецких армян. Партия призывала к созданию армянского автономного государства в Османской империи. В первой программе 1894 г. о российских армянах ничего не говорилось [2]. Только с ростом общественного движения в России в начале XX в. дашнакцутюн с 1905 г. становится общearмянской партией. В программе 1907 г. (в ее основе лежала программа партии эсеров) имелись специальные разделы для реформирования политической и правовой сфер Турецкой Армении, Закавказья и общий раздел для обеих стран [3]. Применительно к армянам, проживающим в Турции, по-прежнему утверждалось, что Турецкая Армения составляет неотделимую часть конституционной Турции и пользуется широкой местной автономией. В компетенцию центрального правительства, организованного на конституционных и демократических началах, входили вопросы внешней политики, обороны, денежной системы, таможенной политики, заведования почтой и телеграфом. Все другие государственные функции оставались в ведении автономных областей. Турецкая Армения, будучи составной частью Турции, пользовалась свободой во всех своих внутренних

делах. В свою очередь, такие же права сохранялись за составляющими ее областями и коммунами. Все законодательные и административные органы избирались на основе всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального права, без различия национальности, религии и пола. В этом вопросе партия надеялась и рассчитывала на помощь младотурок, с которыми у нее были более тесные контакты, чем у другой армянской партии «Гнчак».

Для Закавказья ставилась задача создания Закавказской Демократической Федеративной Республики, независимой во всех своих внутренних делах и являющейся частью Российской Демократической Федеративной Республики. Первая была связана с последней в вопросах защиты государства, внешней политики, монетной и таможенной системы. Это подтвердил и проведенный партией в 1913 г. опрос своих членов и общественных деятелей [4]. Государственный аппарат базировался на принципе разделения властей. Закавказская Федерация имела свой демократически избранный парламент. Представители во всероссийский парламент избирались тем же демократическим путем. Территориальное устройство федерации базировалось на системе кантонов, пользующихся самой широкой автономией. При определении их границ следовало учитывать географические, этнографические и культурные особенности. Местные общины в коммунальных вопросах также пользовались широкой автономией. Все представители законодательной, судебной и исполнительной власти избирались населением. Помимо парламентского законодательства программа дашнакцутюн вводила и прямое законодательство — референдум и право инициативы.

Общими для обоих государственных формирований являлись требования широких общедемократических прав и свобод личности (совести, устного и печатного слова, собраний, союзов, стачек, неприкосновенность личности, жилища и корреспонденции, свобода передвижения, всеобщее, обязательное и бесплатное первоначальное обучение, преобразование всех церковных школ в светские, бесплатное судопроизводство). Обращалось внимание на следующие коллективные права народов: право наций на свободное самоопределение; полное равенство всех национальностей и религиозных групп, отмена сословных привилегий; преподавание на родном языке, распределение бюджета на культурно-просветительные цели в государстве и кантонах между национальностями пропорционально их численности;

обязательное знание 2 главных местных языков для должностных лиц кантонов и общин и 3 местных языков — для администрации всего края.

В социально-экономической области партия формулировала меры по защите крестьян, рабочих и вообще трудящихся на основе социализации земли.

В разделе «минимум» декларировалось, что дашнакцутюн как партия революционная и социалистическая ставит своей целью защиту классовых и национально-культурных интересов армянских трудящихся, имея в виду заменить монархию народоправством, а капитализм — социализацией орудий и средств производства. Проводилась мысль о тесной взаимосвязи национального освобождения и социальной свободы. Национальный гнет, приводящий к отставанию угнетаемых наций, препятствует развитию классовой борьбы в рамках угнетенной национальности и мешает укреплению солидарности между трудящимися классами угнетающей и угнетенной национальности. И все же теоретики партии в развитии нации выделяли не экономическую и классовую основу, а культуру. Национальное освобождение делает культуру достоянием не только элиты нации, но и широких народных масс, которая становится одновременно и орудием их дальнейшего развития и борьбы за право наций на свободное самоопределение, равенство всех наций и религиозных групп. Партия, связывая с социализмом уничтожение искусственных преград и различий между нациями, одновременно отмечала, что данный общественный строй не предполагал слияние всех наций в однородную массу. Наоборот, подчеркивалось, что свободно развивающаяся нация лучшими своими чертами обогатит общечеловеческую культуру, в то время как национальный гнет задерживает ее развитие [5].

Для достижения поставленных задач использовались мирные и насильственные методы деятельности. Выбор тактических средств определялся характером государственного режима и конкретной обстановкой. Партия участвовала в переговорах и с султаном А. Хамидом, и с оппозиционной его режиму либеральной партией «Единение и прогресс» (младотурками). В 1896 г. А. Хамид предложил руководству партии начать переговоры, касающиеся улучшения положения армян в Западной Армении и прекращения вооруженной борьбы, что являлось признанием того, что армянское национальное движение стало неизбежным фактом в турецкой политической жизни.

Переговоры растянулись на 3 года (1896–1899). Представители султана предлагали дашнакцутюн выработать программу умеренных реформ. Партия в качестве условий для соглашения выдвигала свою программу, осуществление майских реформ 1895 г., а также требования, исходящие от Западного бюро партии от 25 октября 1898 г. Последние включали ряд положений: возвращение на родину беженцев-армян и их недвижимого имущества, похищенного во время погромов, гарантии безопасности жизни; амнистия армянополитзаключенным; прекращение репрессий и погромов. В итоге переговоры окончились безрезультатно. Инициатива разрыва отношений принадлежала дашнакцутюн [6].

Инициатива лидеров младотурок в установлении контактов с армянскими партиями объясняется их стремлением использовать силу этих партий в борьбе против деспотического режима А. Хамида. Деятельности младотурок и созданию единого фронта внимание уделяла и партия дашнакцутюн, хотя между ними были принципиальные различия, прежде всего, по политическим и национальным вопросам. Младотурки настаивали на восстановлении конституции Мидхата 1876 г., которая сохраняла унитарный характер территориального устройства, и не отказывались от доктрин тюркизма, пантюркизма и панисламизма. Партия Дашнакцутюн говорила о предоставлении всем народам Османской империи автономного статуса в составе демократической федеративной Турции. Дашнакцутюн приняла участие в 1-м конгрессе оппозиционных сил Турции в 1902 г. В 1907 г. дашнакцутюн явился инициатором 2-го конгресса оппозиционных сил Турции (27–29.12.1907). В принятой декларации все народы империи призывались к совместной борьбе против султанского режима, в том числе и вооруженным путем [7]. Но вне поля зрения конгресса остался главный вопрос — будущее государственное устройство Турции. Хотя важно отметить, что дашнакские комитеты в ходе событий 1906–1908 гг. в Эрзеруме, Ване, Битлисе, Муше координировали свою деятельность с младотурецкими группами, разделявшими, прежде всего, идеи организации «Общество частной инициативы и децентрализации», руководимой принцем М. Сабахедином. В дашнакцутюн приветствовали приход к власти младотурок в июле 1908 г. В сентябре 1908 г. в предвыборной платформе в ходе выборов в турецкий парламент партия повторила основные положения своей программы 1907 г. Аданские погромы весной 1909 г. показали, что

правительство младотурок знало о них. Но V съезд партии в сентябре 1909 г. принял решение о продолжении сотрудничества с младотурками, выступил против сторонников сепаратизма, отказывался от насильственных средств борьбы, и было подписано соглашение с целью защиты конституции. Однако если младотурки в национальном вопросе не отказались от политики ассимиляции малых народов (османизм, пантюркизм), то как оценить такое решение партии? В дашнакцутюн объясняли его тактическими соображениями, считая это шагом в предотвращении погромов. А младотурки больше и больше отстраняли дашнакцутюн от общественно-политической жизни, сокращая число должностных лиц от партии и армянских депутатов в парламенте. И тем не менее VI съезд в августе–сентябре 1911 г., несмотря на критику политики младотурок, решил создать благоприятные условия для сотрудничества и продолжал поиски путей для этого. В октябре того же года младотурки на съезде приняли решение об османизации всех турецких подданных, о неприемлемости децентрализации и автономии. Отношения были разорваны лишь по решению VII съезда дашнакцутюн в августе 1913 г.

Партия не питала особых иллюзий и в отношении политики великих держав, хотя и связывала с нею определенные надежды в решении армянского вопроса. Партия прилагала усилия для осуществления проекта реформ 1912 г. (и установила отношения с Англией, Францией, Россией), а также русско-турецкого договора от 26 января 1914 г.

Таким образом, идеология партии отстаивала принцип права наций на самоопределение в его широком понимании, включая и национально-культурную автономию. Относительно вопроса об армянском государстве первоначально речь шла лишь об автономии в пределах Турции и федеративном устройстве с демократической Россией. Только после Февральской революции в России 1917 г. партия дашнакцутюн внесла изменения в программу. В соответствии с ними правовой статус Российской Армении не менялся, а Турецкая Армения становилась независимой. Курс на создание объединенного единого армянского государства в дашнакцутюн взяли после того, как партия стала правящей в Армянской Республике (образована 28 мая 1918 г.) по решению IX съезда партии в 1919 г. К этому времени в России установилась власть большевиков.

Итак, партийная теория государства базировалась на принципе самоопределения наций, который рассматривался в контексте

конкретного государственного режима и социального строя. При буржуазном демократическом строе партия высказывалась за национально-государственную автономию Турецкой Армении до 1917 г., а затем за ее независимость и федеративные отношения с Россией. К идее решения национального вопроса и возрождения армянского народа в пределах единого суверенного армянского социалистического государства в форме децентрализованной демократической республики и общинного самоуправления партия пришла в 1919 г.

Примечания

1. Карапетян Л.А. У истоков российской многопартийности. Северо-Кавказский регион (конец 90-х годов XIX в. — февраль 1917 г.). Краснодар, 2001. С. 86, 126–127.

2. Оганесян Э. Век борьбы. Очерк 100-летней истории дашнакской партии и национально-освободительной борьбы армянского народа. Т. 1. Мюнхен; М., 1991. С. 82–84.

3. Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XX в. – 1917 г.). Вып. 1. М., 1996. С. 167–169.

4. Карапетян Л.А. Указ. соч. С. 196.

5. Программные документы национальных политических партий и организаций России... С. 164–166.

6. Кочар М. Армяно-турецкие общественно-политические отношения и армянский вопрос в конце XIX – начале XX вв. Ереван, 1988. С. 54, 71 и др.

7. Там же. С. 101–105, 119–124.

Н.И. Крамаров, Е.Н. Крамарова

Традиции благотворительности и меценатства донских армян в XIX — начале XX вв.

Благотворительность и меценатство в России имеют давнюю историю. Под словом «благотворительность» в старину понималось сострадание к ближнему, милосердие. Для нуждающихся строились различные богоугодные заведения — больницы, приюты, школы, училища,

богадельни. Благотворительность была одной из главнейших добродетелей христианства. В дореволюционной России благотворительность обычно не включалась в государственные программы помощи бедным, ею занимались частные лица и общества помощи нуждающимся.

Наиболее прославились своим меценатством представители купеческого сословия, которое по существовавшему в Российской империи порядку объединяло лиц недворянского сословия, занимавшихся различной предпринимательской деятельностью: и торговлей, и производством. В XIX — начале XX вв. в стране, в том числе на Юге России и Северном Кавказе, сложились целые династии предпринимателей, среди представителей которых благотворительность и меценатство не были единичными фактами.

Заметную роль в предпринимательской деятельности на Юге России играли представители армянской диаспоры. Крупным торговым центром в XIX в. был г. Нахичевань-на-Дону — поселение, основанное крымскими армянами. Известные нахичеванские предприниматели Степан (Степанос) Федорович Генч-Оглуев и Иван (Ованес) Мартынович Шапошников, основатели торгового дома «С. Генч-Оглуев и И. Шапошников», активно занимались не только торговыми делами, но и благотворительностью. С.Ф. Генч-Оглуев был членом нескольких благотворительных и просветительских обществ. Широко благотворительствовал и И.М. Шапошников.

Широкое распространение получила на Дону практика оказания благотворительной помощи детям в получении образования. Препятствий для получения образования было немало. Одно из важных — стоимость обучения.

Плата за обучение в те годы была достаточно высока, что закрывало двери учебных заведений для многих молодых людей. Обучение в ростовском Петровском реальном училище, одном из самых популярных учебных заведений города, доходило до 110 руб. в год (для сравнения: столько составлял годовой заработок станичного писаря). В 1896 г. в подготовительных и первых 4 классах Екатерининской гимназии платили 50 руб., в 5–8 классах — 60 руб. В ростовской женской гимназии А.А. Филиппьевой плата за обучение в подготовительном классе составляла 60 руб. в год, в 1–3 классах — 80 руб., в 4 — 90 руб., в 5–7 — 100 руб., в 8 — 120 руб.

В 1882 г. в Нахичевани как 6-классное перворазрядное открылось училище для армянских девиц, учрежденное на средства купца

Никиты Гогоева (Мкртыча Гогояна), впоследствии преобразованное в гимназию. Близкий друг компаньона Н. Гогоева, знаменитый тогда писатель Н.В. Кукольник, живший в Таганроге, посоветовал устроить школу для девочек в память о дочерях, которые умерли еще до своего совершеннолетия. 17 мая 1858 г. была составлена соответствующая бумага. Купец 2-й гильдии Никита Гогоев завещал капитал 103 237 руб. и доходы с 3 магазинов и кожевенного завода, на проценты с которых в его 2-этажном кирпичном доме по 28 линии, дом № 3, должно было быть открыто училище на 12 девочек из бедных армянских семей. Гогоев ставил целью «чтобы воспитанные девицы, не получая блестящего светского образования, которое не идет к быту нашего общества, готовились быть добрыми женами... способными внушить своим детям пользу просвещения». Согласно завещанию Гогоева, принимали в училище девочек с 7 лет. Прошения рассматривались попечительным советом. До 1906 г. набирала 12 пансионерок, затем — 20 [1].

Нахичеванский купец Н.Н. Аджемов, умерший в 1888 г., часть своего капитала завещал на открытие Армянского технического училища [2].

В Нахичевани-на-Дону в XIX — начале XX вв. создано несколько благотворительных обществ, деятельность которых была направлена как на вспомоществование бедным, так и на поддержку учащихся школ и гимназий. Примером может служить Армянское женское благотворительное общество пособия бедным. Общество оказывало помощь бедным женщинам г. Нахичевани, при обществе существовало женское училище-мастерская [3]. Благотворительная деятельность в XIX — начале XX вв. среди предпринимателей — представителей армянской диаспоры перестает быть личным делом и обретает новые формы, переходя на уровень торговых и финансовых объединений. Широкой благотворительной деятельностью занималось созданное в 1872 г. Общество взаимного кредита г. Нахичевани-на-Дону, регулярно жертвовавшее средства, в том числе, например, на поддержку церковно-приходских школ города [4]. В 1880 г. городской голова Г. Салтыков основывает общественный городской банк. В задачи банка входило обязательное оказание финансовой помощи в делах по благоустройству города, больницам, школам, обществу призрения, детским и женским благотворительным учреждениям.

Активной благотворительной деятельностью занимались армянские купцы, избиравшиеся городскими головами. Наибольшую

известность из них получил Минас Ильич Балабанов — благоустроитель и преобразователь Нахичевани. М.И. Балабанов, сын нахичеванского купца II гильдии, прошел курс наук в армянском Лазаревском институте в Москве. За ум, деловые качества и искреннюю любовь к родному городу неоднократно избирался нахичеванским городским головой. М.И. Балабанов возглавлял город в 1888–1898 гг., 1901–1905 гг. и с 1909 г. Он много сделал для любимого города: добился того, чтобы были замощены все улицы, площади и переулки, положил начало освещению города, завершил строительство городского водопровода, способствовал обустройству пожарного депо, доказал необходимость открытия более 10 учебных заведений различных ступеней. При нем было учреждено Николаевское благотворительное общество, открыт городской театр, заложены и обустроены городские парки — Александровский (ныне парк им. Вити Черевичкина) и Балабановский (сегодня парк Островского).

Главной площадью г. Нахичевани-на-Дону была Екатерининская. Купец I гильдии Я.М. Хлытчиев выдвинул идею установить на площади памятник императрице Екатерине II, разрешившей переселяться армянам из Крыма на Дон. Однако отсутствие средств не позволило сразу приступить к работе над проектом. Эту проблему удалось решить городскому голове М.И. Балабанову, для чего им был организован сбор пожертвований на сооружение памятника среди армян, проживающих на территории Российской империи. В апреле 1890 г. был объявлен конкурс на лучший проект, а 18 сентября 1894 г. уже состоялось открытие памятника Екатерине II.

После избрания в октябре 1901 г. на должность нахичеванского городского головы М.И. Балабанов выступил с программной речью, в которой, в частности, сказал: «Я хочу познакомить вас с нуждами нашего города и просить вас помочь мне осуществить их, ибо один в поле не воин. Нужды нашего города выражаются в следующем. Первое: нужно нам усилить ходатайство относительно мужского среднего училища, чтобы с Божьей помощью открыть с предстоящего учебного года. Второе: открыть в городе женские коммерческие курсы. Третье: открыть на первое время хотя бы еще две начальные школы, а в общем и более, чтобы в нашем городе все дети школьного возраста нашли бы беспрепятственный доступ в училище. Этим путем мы приблизимся к обязательному обучению детей. Четвертое: во всех начальных школах и других училищах города ввести, с согласия

начальства, гимнастику и пение. Пятое: открыть городскую богадельню и тем дать кровлю престарелым, одиноким и неимущим» [5].

Известный публицист конца XIX в. А.М. Греков в своей книге «Среди донских обывателей», изданной в Ростове-на-Дону в 1894 г., дал городу и его жителям следующую характеристику: «На редкость встретить теперь провинциальный город, где бы городское хозяйство так умело, искусно и энергично велось, как в этом, забытом всеми и никого не интересующем, по-видимому, Нахичеване. За время главенства в городе нынешнего головы господина Балабанова Нахичевань положительно чудеса творит, и каждый раз, как мне приходится проездом навещать этот город, мне кажется, что он, его казна не сегодня-завтра объявит себя банкротством; не тут-то было: казна цела, а город не по дням, а по часам украшается, строится...» [6].

Решить проблемы благоустройства города было бы невозможно без активного привлечения средств армянских купцов-благотворителей. Нахичеванские купцы избирались каждые 3 года на должность членов Нахичеванского-на-Дону сиротского суда. Из 57 нахичеванских купцов в 1898 г. пятеро были утверждены должностью членов Нахичеванского-на-Дону сиротского суда и 10 представителей мещанского сословия. Следует отметить, что донские купцы трудились в органах городского управления, не получая жалования за службу, работали бескорыстно во благо своего города, своего региона и своей страны [7].

Дело благотворительности и меценатства на Дону в дореволюционный период сталкивалось с различными проблемами не только материального, но и бюрократического характера. От решения Никиты Гогоева в 1858 г. выделить средства на училище в Нахичевани до его открытия прошло 24 года. Сам купец не дождался первого звонка в своем училище. После смерти Н. Гогоева лишь его вдова смогла заручиться «высочайшим покровительством» со стороны императрицы. Только в 1877 г. последовало разрешение учредить Гогоевское училище и началось строительство здания. Торжественное открытие училища состоялось в сентябре 1882 г.

Как мы видим, в конце XIX — начале XX вв. благотворительность на Дону получила широкое распространение. Как отмечает П.Я. Циткилов, многочисленные благотворительные общества и заведения, частная благотворительность, система казачьего и крестьянского общинного попечительства в определенной мере компенсировали

слабость социальной политики царской власти и частично сглаживали трудности повседневной жизни малоимущих слоев населения области Войска Донского [8].

Таким образом, в XIX — начале XX вв. благотворительность и меценатство среди представителей армянской диаспоры на Дону не только получили широкое распространение и обрели организационно-институциональные формы, но и стали доброй традицией.

Примечания

1. Сидоров В.С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону: в 6 т. Т. 4. Ростов н/Д, 1996. С. 317–318.

2. Сидоров В.С. Указ. соч. Т. 1. Ростов н/Д, 1993. С. 12.

3. Элькин Ф.С., Кулькеса П.М. Весь Ростов и Нахичеван-н/Д. Адресно-справочная книга. Нахичевань, 1914. Ч. III. С. 233.

4. Казаров С.С. Нахичеванское купечество: конец XVIII — начало XX века. Ростов н/Д, 2012. С. 87.

5. Сидоров В.С. Указ. соч. Т. 1. С. 159.

6. Цит. по: История города Ростова-на-Дону. Пособие для учащихся и учителей. Ростов н/Д, 2005. С. 40.

7. Окопная О.П. Армянское купечество на Дону // Молодой ученый. 2012. № 4. С. 329–331.

8. Донская история в вопросах и ответах. Т. 1. Ростов н/Д, 1997. С. 175.

С.С. Мирзоян

О деятельности общественных организаций Ростова-на-Дону и Ново-Нахичевани по оказанию помощи беженцам (1915–1916 гг.)

В истории Первой мировой войны проблема беженцев является особой темой, при исследовании которой важна не только статистика и территория расселения, но и анализ отношения государства и общественных организаций к этому явлению и оказания содействия населению, изгнанному из родных мест. С первых же дней войны в России наряду с национальными были созданы общеимперские организации по оказанию помощи и содействию воинам, раненым и их семьям.

Примером такой организации являлся Комитет ее высочества великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, который был учрежден 11 августа 1914 г. [1], с местными отделениями и Комитет ее императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи лицам, впавшим в нужду, вследствие бедствий, вызванных военными обстоятельствами (положение утверждено 14 сентября 1914 г.) [2]. Комитет был призван оказывать благотворительную помощь семьям тех, кто был призван на войну. Всем губерниям и градоначальствам было предложено создать местные комитеты, кроме московского и петербургского градоначальства. Исключением являлся и Кавказ, где был создан Кавказский комитет по оказанию помощи пострадавшим от войны.

Не касаясь деятельности ново-нахичеванских армянских национальных организаций, оказавших большую помощь в экипировке и отправке добровольцев на Кавказский фронт, материально поддерживавших добровольцев и др., представим некоторые эпизоды деятельности ростово-нахичеванских организаций в деле помощи беженцам, уже осевшим в регионе.

«Разразившаяся великая Европейская война налагает на все общественные организации в России прийти на помощь как пострадавшим от войны, так и семьям низших запасных чинов, призванных на действительную службу» — указывается в обращении Совета Кавказского благотворительного общества от 2 сентября 1914 г. [3].

К середине 1915 г. наплыв беженцев из Западной Армении, Карсской и Батумской областей был настолько велик, что по распоряжению принца Ольденбургского Ростов-на-Дону получил значение распределительного пункта для беженцев.

5 октября 1915 г. градоначальник Ростова-на-Дону полковник Загряжский обратился ко всем общественным организациям помощи беженцам с циркулярным предписанием о воспреещении въезда и поселения в городе Ростове, указывая на необходимость отправлять их в сельские районы области Войска Донского, а также в Ставропольскую губернию и на Северный Кавказ. Одновременно, заботясь о состоянии беженцев, градоначальник обращается с самой горячей просьбой прийти на помощь «находящимся в вагонах и добровольно едущим в сельские местности; особая нужда является в теплой одежде, хотя бы в старой и даже не вполне целой, но подвергнутой

дезинфекции, и обуви. Эти предметы следовало бы раздавать самым нуждающимся, например босым беженцам» [4].

19 октября 1915 г. Армянский комитет Ново-Нахичевани обратился к градоначальнику с просьбой «обратить благосклонное внимание на то обстоятельство, что армяне-беженцы, как выходцы из Турецкой Армении, совершенно не знают русского языка, а потому применение к ним этих мероприятий и выселение их в сельские местности» поставило бы их в затруднительное положение. В связи с этим Комитет просил градоначальника «направлять таковых исключительно в армянские селения Ростовского округа» [5]. 23 октября 1915 г. градоначальник с ведома войскового наказного атамана в области Войска Донского разрешил отправлять турецкоподданных армян-беженцев в армянские селения Ростовского округа, что создавало наиболее благоприятные условия для их интеграции в местную жизнь.

Одной из проблем общественных организаций являлась регистрация и учет беженцев. 21 декабря 1915 г. на заседании общественных организаций градоначальства Ростова-на-Дону был рассмотрен вопрос о регистрации беженцев. Поскольку в Ростове находились не только беженцы-армяне, но и представители других народов (поляки, евреи, русские), то согласно циркуляру Министерства внутренних дел было предложено всем организациям по призрению беженцев вести регистрацию беженцев, «находящихся в приютах и убежищах и на частных квартирах» [6]. Все беженцы должны были быть внесены в регистрационные списки, а регистрация беженцев должна была закончиться в течение января 1916 г. Армянский комитет Ново-Нахичевани с самых первых дней войны, начиная с 1 ноября 1914 г., вел их учет и регистрацию. Первые беженцы прибыли на Дон из Карсской и Батумской областей.

До 1 апреля 1916 г. в Ново-Нахичевани было зарегистрировано 1208 человек. В это число не были включены те беженцы, которые жили у родных или близких, и те, кто мог самостоятельно жить и прокормить себя и свои семьи [7]. Армянскому комитету было дано разрешение на выдачу удостоверений беженцам для наема на работу, для лечения и др. нужд.

Целью регистрации беженцев являлись также поиск и воссоединение семейств, потерявших друг друга при бегстве с мест постоянного проживания. С этой целью Татьянинский комитет предлагал «при розыскании малолетних детей, не могущих назвать родителей

и вообще о себе и о родных достаточных сведений», делать фотографические снимки с таких детей, которые являлись бы ценным материалом для розыска [8]. Вследствие чего предлагалось всем организациям, приютившим детей-беженцев, произвести фотографирование малолетних детей с указанием по возможности тех данных, которые помнит ребенок, вещей, которые находились при нем, особых примет. В дальнейшем предполагалось распространение фотографий в периодических изданиях и специальных альбомах для розыска родителей и родственников малолетних.

Особое внимание общественные организации оказывали беженцам-сиротам, живущим в приютах. В марте 1916 г. Татьянинский комитет обратился ко всем отделениям комитета с просьбой позаботиться о переводе приютов в сельские местности, с одной стороны, оградив их от летнего душного и пыльного города, а с другой — приобщив детей к сельскохозяйственному труду [9].

Проблема беженцев характерна для всякой войны, и одним из условий предотвращения этого явления, по мнению Татьянинского комитета, было «тщательное и всестороннее исследование его» [10]. В связи с этим Комитет предлагал всем своим отделениям, общественным и благотворительным, национальным организациям и частным лицам принять участие в «собрании сообщений очевидцев о беженском движении, временном устройстве, жизни, испытаниях и дальнейшей участи беженцев, пока еще свежи в памяти все сведения и факты, обрисовывающие это явление». Как указывал председатель Комитета гофмейстер А.Б. Нейдгарт, «материал этот может состоять из фотографий, рисунков, сообщений, воспоминаний, рассказов и очерков в беллетристической форме, различных цифровых данных о беженцах», и даже призывал «не стесняться ни формой, ни слогом изложения». Как учитывалось, главное представляли факты, которые должны были лечь в основу «Сборника материалов по истории беженского движения во время настоящей мировой войны». С этой целью уже в 1916 г. при Комитете была учреждена «Историографическая комиссия по разработке и изданию материалов по истории беженского движения» [11].

Деятельность этой комиссии и дальнейшая ее судьба являются предметом отдельного исследования, однако статьи, которые публиковались в «Известиях» и трудах Татьянинского комитета могут быть ценным материалом для изучения истории беженцев.

Примечания

1. Национальный архив Армении. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1760. Л. 2.
2. Там же. Ф. 519. Оп. 1. Д. 4. Л. 23–24.
3. Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 108. Л. 18.
4. Там же. Ф. 54. Оп. 2. Д. 134. Л. 63.
5. Там же. Ф. 54. Оп. 2. Д. 134. Л. 73.
6. Там же. Ф. 54. Оп. 2. Д. 134. Л. 163.
7. Там же. Ф. 54. Оп. 2. Д. 134. Л. 285–286.
8. Там же. Ф. 28. Оп. 1. Д. 533. Л. 5.
9. Там же. Ф. 54. Оп. 2. Д. 134. Л. 254.
10. Там же. Ф. 54. Оп. 2. Д. 134. Л. 489.
11. Подробно см.: Матханова Н.П. Бюро печати Татьянинского Комитета и собирание воспоминаний беженцев // Сибирь и войны XIX–XX веков: сборник материалов всероссийской научной конференции / отв. ред. М.В. Шиловский. Новосибирск, 2014. С. 105–112.

Н.В. Самарина

Нахичевань-на-Дону в конце XIX — начале XX вв.: особенности экономического и социального развития

Важной составляющей экономической и социальной политики эпохи либеральных реформ 1860–1870-х гг. являлась унификация условий жизни и деятельности представителей разных этносов и сословий Российской империи, ликвидация обособленности территорий проживания и привилегий некоторых из них. В конце 1860-х гг. для поселения российским подданным всех сословий стали доступны области казачьих войск Юга России. Не устояла и обособленность донской армянской колонии, возникшей в низовьях Дона в последней четверти XVIII в. Привилегии, некогда дарованные грамотой Екатерины II, формально не были отменены, но осуществление реформ обусловило их постепенное и неуклонное размывание.

Проведением земской реформы территория анклава была подчинена ведению Ростовского уездного земства Екатеринославской губернии. Последнее в 1866–1869 гг. неоднократно ходатайствовало перед столичными властями о ликвидации привилегий Нахичевани и подчинении города действию общеимперских законов.

Инициировали эти ходатайства, скорее всего, представители Ростова, равно как и принятое в 1864 г. комитетом министров России и утвержденное императором решение, по которому неармяне, желавшие открыть торгово-промышленные предприятия в Нахичевани, могли выбирать свидетельства на их содержание в Ростове в обход нахичеванского магистрата [1]. Созданию в Нахичевани городского самоуправления на основе положения 1870 г. сопутствовало упразднение особого армянского магистрата, вместе с которым ушли в прошлое судебные права этого учреждения, прекратилось и действие норм права особого судейника. В судебном отношении город и его округа оказались в ведении сначала Таганрогского, а с 1910 г. — Ростовского окружного суда. С введением всеобщей воинской повинности прекратилось действие привилегии, освобождавшей жителей Нахичевани от рекрутской повинности, что, по свидетельству Е. Шах-Азиза, оказалось для нахичеванцев самой болезненной утратой и единственной новацией, против введения которой они попытались безуспешно протестовать. Наконец в 1887 г. сельские жители анклава были обязаны выкупить у правительства земли, предоставленные им в момент поселения, казалось, в собственность. «Был назначен сорокалетний срок, в течение которого жители деревни должны были платить выкуп за землю, находившуюся в их руках, уплачивая за каждые 3/4 казенных десятины по 1 руб. 17 коп. в год» [2]. Таким образом, на протяжении чуть более двух десятилетий жизнь жителей Нахичевани и сельской округи существенно изменилась, и для традиционного патриархального сознания большинства донских армян новации были весьма болезненны.

Ликвидация обособленности и размытие привилегий Нахичевани стимулировали миграцию нахичеванцев и ростовцев на территорию соседей для организации бизнеса, учебной и трудовой деятельности, для поиска оптимальных условий проживания. В течение пореформенного тридцатилетия доля лиц армяно-григорианского вероисповедания в Ростове возросла с 0,3 % (1866 г.) до 4,1 % (1895 г.). В 1910 г. армянская община в Ростове (6,2 %) была 3-й по численности этнической группой его жителей [3].

Население Нахичевани динамично росло, в основном за счет мигрантов, и к концу 1900-х гг. по числу жителей (43,5 тыс. человек) Нахичевань почти вдвое превосходила среднестатистический город

Российской империи (24,9 тыс.) [4]. Вместе с ростом принципиально менялась сословная и этническая структура населения. Доля мещан сократилась с 82,3 % (1862 г.) до 37,8 % (1907 г.), а число крестьян увеличилось с 11,7 % (1862 г.) до 58,4 % (1907 г.) [5]. Более или менее достоверные и сопоставимые сведения об этническом составе нахичеванских жителей относятся только к 1900-м гг. Уже к началу XX в. Нахичевань перестала быть этническим анклавом, хотя армяне еще составляли почти две трети ее жителей. Быстрый рост населения города сопровождался увеличением доли русских, которая в 1910 г. достигла 54,6 %. Росло число проживавших в Нахичевани татар, поляков, немцев. Иудеи составили 2 % нахичеванцев в 1904 г., затем источник фиксирует снижение их доли в населении, не приводя абсолютных показателей численности городских этноконфессиональных общин.

Таблица 1. Этнический состав жителей Нахичевани в 1900-х гг. [6]

Этносы	1904 (доля в %)	1910 (доля в %)
Армяне	63,8	41,4
Русские	33,1	54,6
Евреи	2,0	0,8
Татары	0,4	1,4
Поляки	0,4	0,9
Немцы	0,2	0,4
Прочие	0,1	0,5

Кто-то из вновь поселившихся занялся мелким и средним бизнесом, кто-то служил в уездных, а затем окружных учреждениях, расположенных в Нахичевани из-за дефицита городской территории в Ростове, или работал по найму. В 1860–1870-х гг. здесь размещались учреждения Ростовского уездного земства, а затем — управление окружного начальника Ростовского округа со всеми его структурными подразделениями, канцелярия областного фабричного инспектора Донской области, пробирное управление Донского пробирного округа, поверочная палата торговых мер и весов, податные учреждения Ростовского градоначальства и др. [7]. С появлением в городе в конце XIX в. крупных промышленных заведений, основанных или купленными предпринимателями-неармянами (завод АО «Акса́й»,

паровая мельница братьев Парамоновых, завод сеялок ТД «Гутерман и Тихомиров», литейный завод А. Лели и Ко) увеличилось и число фабрично-заводских рабочих среди его жителей (более 3,8 тыс. или 8,9 % населения в 1910 г.) [8]. В этот подсчет вошли только рабочие предприятий Нахичевани, без учета тех, кто работал в Ростове, а жил в соседнем городе, где снять квартиру или комнату можно было вдвое и даже втрое дешевле. Формирование единой транспортной инфраструктуры на рубеже 1880–1890-х гг. (конка, а затем трамвай) облегчило и интенсифицировало ежедневное передвижение жителей в пространстве обоих городов, определявшееся потребностями службы, коммерции, учебы, организации быта и отдыха, хотя режим работы трамвая и не всегда последним соответствовал.

Примечательным явлением экономического развития Нахичевани стало перемещение крупного капитала нахичеванских армян и их предпринимательской деятельности в Ростов. Этот город не обладал привилегиями, но привлекал динамикой роста и развития, почти прямыми экономическими связями с европейскими государствами, наличием развитой банковской инфраструктуры и, следовательно, более благоприятными возможностями получения кредита. Ростов для армян, занимавшихся в основном торговлей, был значим и как рынок самого широкого спектра потребительских товаров, обладавший к тому же немалым платежеспособным спросом.

Крупный капитал нахичеванцев в Ростове инвестировался и функционировал в основном в 2 сферах деятельности: в оптовой и крупной розничной торговле товарами массового спроса и в строительстве и эксплуатации жилых многоквартирных домов — весьма доходной сфере бизнеса в крупных российских городах в начале XX в. Промышленное предпринимательство нахичеванцев было представлено небольшим числом предприятий. Наиболее значимые среди них: типографии И. Алексанова и И. Тер-Абрамиана, паровой мыловаренный завод Х. Трапезонцева, фабрика халвы товарищества «Анпетков и Унанов». Купцы-армяне доминировали в ростовской торговле бакалейными товарами и винами (товарищество «Анпетков и Унанов», братья Унановы, братья Худовердовы) и составляли значимую часть владельцев оптовых и крупных розничных предприятий мануфактурной торговли (П. Хахладжев, Л. Аладжалов, братья Черновы). Впрочем в это время армяне играли в Ростове весьма заметную роль и среди торговцев мелкой и средней руки в бакалейной, винной, ма-

нуфактурной торговле, продаже фруктов, овощей, кондитерских изделий и т.д. [9].

Активность нахичеванцев в застройке Ростова престижной недвижимостью ничем не уступала активности прочих имущих групп населения, если их не превосходила. В отчете ростовской управы за 1884–1886 гг. среди указанных владельцев наиболее ценных домов-новостроек половина — жители Нахичевани или выходцы из соседнего города (П. Хазизов, Г. Мелконов-Езекоев, Я. Кушнарев, И. Тер-Абрамиан) [10]. В 1890–1900-х гг. эта тенденция получила дальнейшее развитие. Владельцы престижных зданий, нижние этажи которых сдавались в аренду под торговые предприятия, а в верхних располагались благоустроенные квартиры, получали немалый годовой доход. По данным налогообложения городской недвижимости, число объектов ее с прибылью от 1 до 10 тыс. руб. в год в Ростове (1912 г.), было в семь раз больше, чем в Нахичевани (1293 против 174), а сооружения, годовой доход от эксплуатации которых колебался в пределах 10–150 тыс. руб., почти все (за исключением одного владения) находились в Ростове [11]. Социальной составляющей этого процесса стало превращение предпринимателей-нахичеванцев в цензовых избирателей Ростова как при выборах городского самоуправления, в котором они косвенно, а иногда и напрямую с конца XIX в. были представлены, так и депутатов Государственной думы.

В Нахичевани большинство промышленных предприятий в 1910-х гг. принадлежало предпринимателям-неармянам. По сведениям достаточно обстоятельной справочной книги Г. Чеботарева, к 1912 г. здесь размещалось чуть более 26 % предприятий (из 167), подлежащих в ростовском градоначальстве надзору фабричной инспекции, и 20,5 % мелких промышленных заведений. При этом владельцами более 61 % предприятий первой группы и 53,3 % второй были пришлые лица. Крупная торговля по всему спектру ее отраслей местом своих операций избрала исключительно Ростов. На территории Нахичевани к 1910-м гг. располагались лишь мелкие и отчасти средние по размерам торговые заведения.

Своеобразно распределилось на территории градоначальства и ремесленное производство. В Нахичевани справочная книга 1911–1912 гг. указывает адреса и телефоны только пары пекарей-ремесленников, 4 ювелиров, 3 мужских портных (все дамские ателье

и портнихи обозначены под ростовскими адресами), а также 6 парикмахеров. Все остальные (и довольно многочисленные) ремесленные заведения находились на территории Ростова. Видимо, жителям и жительницам Нахичевани приходилось прибегать к услугам ростовских ателье и мастерских при индивидуальном пошиве одежды и обуви, заказе головных уборов, при желании или необходимости сфотографироваться, при ремонте жилья и предметов бытового обихода и т.д.

Таким образом, в пореформенный период сложилось весьма своеобразное распределение предприятий, предпринимательства и экономической деятельности представителей различных этносов, сословных и социальных групп на территории образованного в 1904 г. и объединившего Ростов и Нахичевань градоначальства. Формированию единого пространства экономической деятельности способствовала унификация правовых и социальных условий развития предпринимательства в обоих центрах в период либеральных реформ. Утратив привилегии, дарованные имперской властью, крупный капитал нахичеванцев компенсировал потери, используя коммерческие преимущества Ростова, создавая здесь новые доходные предприятия или переводя сюда главные конторы предприятий, продолжавших работать в Нахичевани. Вслед за ним перемещалась в Ростов из Нахичевани и часть лиц так называемых либеральных профессий (присяжных и частных поверенных, частнопрактикующих врачей, дантистов и проч.), заинтересованных в более престижном месте для дальнейшего успешного развития своей деятельности. Стремительно росший бизнес Ростова, испытывая острый дефицит городской территории (2830,3 десятины в 1910 г. против 15 261 десятины у Нахичевани) [12], для развития производства и для поселения большого числа постоянных и временных наемных рабочих и служащих, в нем занятых, осваивал, реализуя эти задачи, городскую землю Нахичевани. Постепенно накапливались не только изменения в образе жизни и деятельности жителей двух соседствующих городов, но и определенные подвижки в их представлениях о должном и возможном, о будущем. Е. Шах-Азиз, ревнитель нахичеванской традиции, брюзгливо отмечал, что растет число смешанных браков в разных слоях нахичеванского общества, что «уличная культура» широким потоком с ростовских улиц врывается в деревни, распространяется там и свивает себе гнездо в скромных хижинах и лачугах деревенских жителей» [13]. И примерно в то

же время прагматичный городской голова Нахичевани М. Балабанов ходатайствовал перед дирекцией ростовского трамвая о том, чтобы последний трамвай отходил в Нахичевань от вокзала не в половине десятого вечера, а в 12 ночи, «дабы дать возможность рабочим и служащим Владикавказской железной дороги, проживающим в Нахичевани, вернуться домой на трамвае» [14].

Примечания

1. Самарина Н.В. Ростов-на-Дону и Нахичевань во второй половине XIX — начале XX века: формирование единого пространства экономической деятельности // Вестник РМИОН. Исторические, социально-философские и культурные аспекты модернизации России в XIX — начале XXI вв. Ростов н/Д, 2014. С. 43.

2. Шах-Азиз Е. Нахичеван и нахичеванцы. Фрагменты работы / пер. В.А. Канского // Записки общества любителей истории, древностей и культуры. Т. 2. Ростов н/Д, 1914. С. 210, 214.

3. Самарина Н.В. Указ. соч. С. 44.

4. Города России в 1910 году. СПб., 1914. С. 533; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.). Т. 1. СПб., 2000. С. 289.

5. Экономическое состояние городов Европейской России в 1861–1862 годах. Ч. 1. СПб., 1863. С. 29–31; Щелкунов З.И. Состав и рост населения ОВД. 1902–1911 // Сборник области Войска Донского статистического комитета. Вып. 12. Новочеркасск, 1914. С. 17–122.

6. Подсчет по: Города России в 1904 году. СПб., 1906. С. 246–247; Города России в 1910 году... С. 562–563.

7. Вся область Войска Донского. Адрес-календарная, торгово-промышленная и справочная книга на 1907 г. Ростов-на-Дону, 1907. С. 240, 317–320.

8. Города России в 1910 году. С. 647.

9. Самарина Н.В. Указ. соч. С. 45, 47.

10. Деятельность Ростовского-на-Дону городского общественно-го управления за 1884–1886 гг. Ростов н/Д, 1887. С. 127–133.

11. Государственный налог с городских недвижимых имуществ на 1912 год. СПб., 1914. С. 726–729.

12. Города России в 1910 году. С. 681.

13. Шах-Азиз Е. Указ. соч. С. 213.

14. Приазовский край. 1910. 30 января. № 28.

Д.В. Сень

Участие армян в пограничных контактах России, Крымского ханства и Османской империи (XVII в. — начало XIX в.)

Участие армянского населения Крыма, Северо-Восточного Приазовья и Северо-Западного Кавказа (Кубани) в пограничных и трансграничных связях России, Крымского ханства и Османской империи — один из актуальных вопросов исторического армяноведения. Он получил определенное освещение в исторической науке [1]. История пограничных территорий и пограничных сообществ на Юге России — перспективное направление современных исследований, развивающееся по нескольким направлениям [2]. Важное место в трудах по истории границ и пограничья занимает изучение состава участников *жизни на пограничье* — пограничного и трансграничного *взаимодействия* (сотрудничества, внеконфронтационных контактов) и *соперничества* государств и местных сообществ на пограничных территориях.

Среди отдельных лиц и целых групп, добровольно и принудительно вовлекаемых в пограничные процессы на Юге в описываемое время (через работоторговлю, товарообмен, набеги, контрабанду, обмен информацией и ее несанкционированное получение по различным каналам и пр.), — казаки, торговцы, номады, различные по составу изгои, метисы (тумы), нарушители той или иной системы права, шпионы, дипломаты и пр. Армянское население Крымского ханства и Османской империи было издавна вовлечено в систему торговых, политических и культурных контактов этих государств с Российским государством в Северном Причерноморье и в Северо-Восточном Приазовье — вплоть до ликвидации последних османских владений в Закубанье (1-я треть XIX в.). Среди таких армян-купцов преобладали подданные Гиреев и Османов, некоторые из них были выходцами из крымского армянского купечества. Армяне включались турками-османами в систему «пограничной дипломатии», особенно в тех случаях, когда официальные каналы между российским и османским дворами теряли свою интенсивность. Османские власти могли привлекать армян, в том числе крымского происхождения, к выполнению

дипломатических отношений, связанных, например, с попытками решения «казачьего вопроса» в русско-турецких отношениях. Армяне издавна участвовали в выкупе русских пленных, например, из крымского плена, что приносило им определенную выгоду (конечно, при наличии и других мотиваций). Такие «посредники» становились активными участниками на невольничьем рынке, например, османского Азова. Кафы и пр.

В 1670 г. «азовский армянин Ивашко» просил русских заплатить ему сумму выкупа за пленного, которую не успел в 1669 г. получить его брат Айдин [3]. Активность греков и армян в деле выкупа русских полоняников даже отмечена в царском наказе посланникам В. Елчину и Я. Чернцову, отправившимся в Крым в 1670 г. В сентябре 1699 г. армянский торговец Минас Семенов привез с Кубани в Азов воеводе С.И. Салтыкову не только 4 донских казака, плененных ранее ногайцами, но также 2 письма от пребывавшего тогда на Кубани калги-султана Шахбаз-Гирея [4]. Особое значение такого шага, как передача корреспонденции от наследника крымского престола в российский Азов, не подлежит сомнению, поскольку в условиях новой пограничной конфигурации на Юге наладить диалог надлежало, прежде всего, администрациям приграничных территорий. Поэтому фигура М. Семенова, конечно, случайной не выглядит — торговец владел несколькими языками, имел крепкие связи среди ногайцев, бывал и на Дону у казаков Войска Донского. Так, в сентябре 1699 г. его видели под Азовом вместе с работником, тоже армянином, и с двумя ногайцами, и что приезжали они «для торгу с товары в Азов и ездили они для продажи и покупки товаров в Черкасской», откуда направились было на Кубань [5]. Однако предприимчивого М. Семенова интересовал не только «красный товар», но и возможность заработать на выкупных операциях с невольниками. У него побывали разные категории ногайских пленников, в т.ч. немец Антоний Котий, имперский (цесарский) подданный, минер на российской службе. История с его выкупом разворачивалась непросто, и М. Семенов, владевший также греческим языком, сумел даже воспользоваться ситуацией вокруг А. Котия, чтобы сманить из Азова на Кубань двух греков-матросов, которых потом видели у кубанских ахреян [6].

В 1-й четверти XIX в. армянские купцы продолжали участвовать в выкупных операциях с русскими пленными и с черкесами

на Северо-Западном Кавказе. Среди таких армян указанного периода выделялся нахичеванский армянин Аксен Авганов, не только возвращавший в Черноморию русских пленных, но и наживавшийся на продаже туркам-османам полученных за них черкесов. В 1826 г. у него случился конфликт с анапским пашой Гаджи Гасан-пашой, запретившим купцу продавать в Анапе пленных горцев [7]. Оказалось, что родственники пленных горцев, попавших к А. Авганову, попросили пашу запретить купцу их продажу в Анапе, чтобы тот снизил в итоге выкупную цену. Купец пожаловался командующему Черноморской кордонной линией и атаману Черноморского казачьего войска В.А. Сысоеву. Тот написал в 1827 г. анапскому паше письмо протекционистского характера по отношению к купцу А. Авганову. В итоге паша решил, что российская администрация в подобных случаях должна снабжать армянских купцов документами, из которых было бы видно, каким образом им доставались пленные черкесы.

Мало разработан в науке вопрос об участии армян в контактах российских и османских властей, в том числе со стороны представителей пограничных администраций. Осенью 1669 г. в Москву прибыл армянин Николай Мансуров с товарищами, они озвучили там жалобу азовского Сулеймана-паши на донских казаков и предложение урегулировать с ними отношения [8]. В Посольском приказе Н. Мансуров приложил усилия для выполнения поручения азовского паши: он усердно уговаривал русскую сторону воздействовать на донских казаков с тем, чтобы те прекратили свои нападения на азовцев. По-своему уникальными являются сведения о документировании процедуры «замирения-розмирения» донских казаков и азовских турок, неотъемлемой части их культуры многовекового диалога [9], почерпнутые из письма азовского паши царю Алексею Михайловичу [10], переданного Н. Мансуровым в Посольском приказе. При этом оказалось, что подлинная войсковая «розмирная» грамота была отправлена азовским пашой с присланным от турецкого султана Усманом-агой в Стамбул, а копия — в Москву — с «послом» Сулеймана-паши Айдином, отправленным туда еще до миссии Н. Мансурова [11]. Значение такой информации подчеркивает тот факт, что до сих пор не обнаружен текст ни одной такой грамоты, даже в списке! Следы грамоты (оригинала и списка), по нашему мнению, можно искать как в РГАДА (ф. 89 и 123), так и в *Vaşbakanlık Osmanlı Arşivi* (ВОА, г. Стамбул). Этого армянина по имени Айдин (Мансуров?)

В.А. Микаелян считал братом «азовского армянина Ивашки», о котором шла речь выше. Интересно в таком случае исследовать систему родственных, а также формальных/неформальных связей торговых армян в деле сотрудничества с российскими и османскими властными структурами; попытаться изучить трансграничные «социальные сети» таких армян, слаженно функционировавшие на территориях России, Крымского ханства и Османской империи.

Наконец, интересен аспект участия армян, подданных Гиреев или Османов, в разрешении пограничных конфликтов, например, после завоевания Россией Азова и утверждения ее в Северо-Восточном Приазовье в конце XVII в. Уже знакомый нам армянин Минас Семенов выступил тогда посредником в улаживании ситуации с лошадьми из войскового и калмыцкого табунов, которых ногайцы угнали на Кубань в ночь на 17 октября 1699 г. Дело оказалось связано с тем, что донской казак С. Кочет отогнал ранее с Кубани лошадиный табун у ногайцев. К улаживанию дела оказались причастны воевода А.С. Шеин, атаман Войска Донского Ф. Минаев. Сам М. Семенов отправился в качестве посредника к кубанскому султану Шахбаз-Гирею с царским указом, чтобы лошади, угнанные на Кубань тамошними казаками (ахреями), были возвращены, а в обмен из полка конных азовских казаков на Кубань будут возвращены лошади, отогнанные С. Кочетом [12]. В следующем 1700 г. стороны продолжали выдвигать по этому делу взаимные претензии.

Рассмотренные выше случаи — часть интересного и масштабного явления, связанного с тем, что именно армяне оказались способны занять особое место в системе пограничных и трансграничных контактов России, Крымского ханства и Османской империи. Этому обстоятельству способствовал не только религиозный статус армян как подданных Гиреев или Османов. Постепенно накапливаемый опыт армян по пересечению разных границ, по открытому восприятию разнообразного Чужого, их предприимчивость, умение договариваться и опираться на поддержку не только государственных структур, но и местных сообществ снискали таким армянам репутацию опытных переговорщиков и надежных трансляторов нужной властям той или иной державы информации. Поэтому не случайно, что торговцы-армяне успешно действовали в пространстве «пограничной дипломатии», не забывая при этом о своих интересах и продолжая учиться осваивать новые пространства и новые границы.

Примечания

1. Микаелян В.А. История крымских армян. Киев, 2004. С. 46–54; Аваков П.А. Армяне на Дону в XVII–XVIII вв. (до 1779 г.) // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая — 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2012. С. 120–125.

2. Границы и пограничье в южнороссийской истории: материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 26–27 сентября 2014 г.) / отв. ред. М.Д. Розин, Д.В. Сень, Н.А. Трапш. Ростов н/Д, 2014; Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф., Урушадзе А.Т. Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона. Ростов н/Д, 2012; Мизис Ю.А., Кащенко С.Г. Проблема формирования русского фронта на юге России в XVI — первой половине XVIII в. в отечественной историографии // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2011. № 1. С. 9–16.

3. Микаелян В. Указ. соч. С. 46.

4. Государственный архив Воронежской области (далее — ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 168. Л. 4об.

5. К истории колонизации Азовского побережья: Азовские дела по сношениям с Крымом и Кубанью (1698–1701), хранящиеся в Историческом архиве Таврической ученой архивной комиссии / публ. Г.В. Вернадского // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1920. Т. 57. С. 277.

6. ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 243. Л. 15–15об.; К истории колонизации... С. 276–280. Осенью того же 1699 г. А. Котий был-таки выкуплен из плена и отправлен в Москву — за эту консультацию благодаря к.и.н. П.А. Авакова.

7. Покровский М.В. Русско-адыгейские торговые связи. Майкоп, 1957. С.106.

8. Микаелян В.А. Указ. соч. С. 46.

9. Сень Д.В. Культура диалога донских казаков и турок-османов: формы, содержание, участники // Свой-Другой-Чужой в коммуникативном пространстве контактных зон: материалы Всероссийской научной конференции / под ред. О.В. Воробьевой, Л.П. Репиной. М., 2014. С. 124–126.

10. Микаелян В.А. Указ. соч. С. 47–48. В книге В. Микаеляна документ ошибочно датирован 10 октября 1678 г.

11. Там же. С. 48.

12. Андрюшенко О.В. Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. Воронеж, 2008. С. 183.

С.М. Сивков

Коллективизация крестьянства Армянского района Майкопского округа в 1930 г.: два взгляда

Попытки построения на территории бывшей Российской империи нового типа государства неоднократно наталкивались на неприятие с той или иной стороны. Примером этому может служить позиция украинских и грузинских большевиков при образовании СССР, когда возобладала позиция «федерализации» по североамериканскому типу, противником которой выступал И.В. Сталин — сторонник автономизации.

После смерти В.И. Ленина вторая идея воплощалась в рамках регионального национально-территориального строительства. Особенно наглядно это проявилось на территории Северного Кавказа, где создается ряд национальных районов, в том числе армянский, греческий, немецкий и др.

В последнее время появилось значительное количество публикаций, прямо или косвенно затрагивающих вопросы создания национальных районов, к ним следует отнести работы В.З. Акопяна [1], И.Г. Иванцова [2], А.П. Скорика, И.М. Фединой и В.А. Бондарева [3], С.М. Сивкова [4] и др.

Более подробно постараемся остановиться на положении дел в Армянском районе Майкопского округа в период коллективизации в 1930 г.

Сама идея создания национального района была достаточно интересной, но попытка строительства социалистического сельского хозяйства являлась достаточно утопической. Объяснению этому есть множество причин, в том числе и приверженность этнических армян к ведению самостоятельного, пусть и небольшого бизнеса и отсутствие желания заниматься коллективным трудом.

Начало коллективизации и ликвидация кулачества усугубили ситуацию в Армянском районе. Повсеместно проявлялись факты протеста, а порой и бандитизма. Так, в резолюции Армянского райкома

Майкопского округа о политическом положении в районе в апреле 1930 г. указывалось, что бандитизм в районе зародился в основном как протест против работы по ликвидации кулачества как класса и проведения сплошной коллективизации [5]. В резолюции был определен состав участников бандформирований. По мнению авторов документа, в банду ушли близкие и дальние родственники сосланных кулаков и дашнаки, участвуют в банде также скрывающиеся еще до ликвидации кулачества, уголовные преступники, в прошлом бандиты [6]. Исходя из того факта, что в составе антисоветских формирований имелаась и беднота, райком констатировал, что наличие в бандах отдельных крестьян бедняков объясняется связью этой группы крестьян с кулачеством, главным образом родственной, и бешеной агитацией кулацко-дашнакских элементов против мероприятий по ликвидации кулачества как класса и проведения сплошной коллективизации, и значительным ослаблением массовой политической работы со стороны местных партийных и советских организаций, и перегибами в деле проведения сплошной коллективизации [7]. Таким образом, в данном документе, как и указывалось в известном письме И.В. Сталина, признавался факт перегибов на местах.

Характерной чертой данного периода коллективизации стал массовый выход крестьян из колхозов. Не обошло стороной данное явление и Армянский район. Местное руководство увидело в нем деятельность враждебных сил. В резолюции утверждалось, что «незадолго до появления банд в районе, вследствие чрезвычайно слабой подготовки работы в колхозах и усилившейся работы со стороны кулачества и дашнакских элементов, начались выходы из колхозов, самостоятельный вывод обобщественного скота. С появлением банд процесс ухода из пораженных дашнакским влиянием колхозов принял стихийный характер в отдельных населенных пунктах: Гунайка, Аф-постик, Садовое, Кушинке, Меретуки, Режет, как наиболее пораженных дашнакским влиянием, люди разобрали скот и 80 % бросили работу в колхозах, требуя себе отдельные наделы» [8].

Особенностью армянской части населения района стала его табководческая специализация. Поэтому массовый выход крестьян из колхозов приводил к осязаемым экономическим потерям именно в этом секторе. Как указывалось в резолюции, «прямые угрозы и требования бандитов к отдельным населенным пунктам и колхозникам об уходе из колхозов, не выполнения табачного задания, запугивание местных

работников создали чрезвычайно тяжелое состояние на местах. Обнаглевший антисоветский элемент добился местами дестабилизации работы местных организаций» [9]. Местное население, запуганное деятельностью бандформирований, практически не принимало участия в их ликвидации. Характерными чертами населения становились пассивность и запуганность. В резолюции отмечалось, что «основная масса бедняцко-средняцкого населения к бандитизму относится пассивно, участие в ликвидации банд не принимает, за исключением отдельных групп преданных советской власти бедняков и середняков, участвующих в ликвидации банд в хуторах Тубы и Кубано-Армянский и требующих физического уничтожения бандитов».

Пассивность и растерянность основной массы бедняцко-средняцкого населения объясняется угрозами со стороны бандитов, контрреволюционной агитацией кулацко-дашнакской группы, чрезвычайно слабой массовой работой со стороны сельских партийных и советских организаций, а также слабыми оперативными мероприятиями против бандитов и отсутствием карательных мер по отношению к явно враждебно настроенному элементу, отсутствием в районе уполномоченного ОГПУ, судьи, следователя и слабостью милиции.

«Партийные и комсомольские организации в целом ряде мест растерялись, а массовая политическая работа значительно ослабла и местами свелась на нет. Не было принято мер по преодолению такого положения, чтобы основная бедняцко-средняцкая масса открыто осудила бандитов и была готова с оружием в руках с ними бороться» [10]. В ряде населенных пунктов Армянского района, например в уже упоминавшейся выше Гунайке, началась паника со стороны руководителей советских органов власти. Рассматривался даже вопрос об эвакуации. В рассматриваемом документе было сказано: «Отметить как недопустимое, имевшее место в Гунайке, когда местные коммунисты, в том числе и секретарь ячейки, вместо того, чтобы мобилизовать комсомол и бедняцко-средняцкий актив и повести борьбу с бандитами, при их появлении растерялись и начали эвакуироваться. Этими действиями они создали панику, что еще больше ухудшило положение в Гунайке. Опергруппам на въезде оказывается должное внимание и помощь. Но отряд в Гунайке не мог своевременно получить пищу, и в течение нескольких часов ячейка не могла найти проводника. Кроме того, по отношению к оперотрядам не создано должного общественного мнения» [11].

Ряд партийных работников видели выход из создавшейся ситуации только во введении в район регулярных армейских частей. Другая же часть опасалась эскалации напряженности в районе и массового кровопролития. В резолюции возобладал второй путь.

«Бюро РК категорически осуждает настроения части парторганизации, сводящиеся к тому, что ликвидация бандитизма возможна только с вводом в район вооруженных сил (армейских частей)» [12].

В качестве первоочередных мер бюро райкома партии предложило: «бюро считает, что успешная борьба с бандами возможна лишь тогда, когда парторганизация сумеет по боевому мобилизоваться, организовать бедняцко-средняцкий актив и массово-политической работой создать такое положение, при котором не возможно было бы отдельным крестьянам оказывать помощь бандитам.

Признавая положение района тревожным, бюро РК предлагает всем ячейкам в кратчайший срок провести следующие мероприятия:

а) Создать коммунистические отряды там, где нет, вовлечь в них лучших комсомольцев и преданных бедняков и середняков.

б) Решительным образом улучшить работу с группами бедноты и с бедняцко-средняцким активом, создав твердую опору для проведения всех мероприятий.

в) Регулярно собирать женделегатские собрания и собрания женщин, прорабатывать вопросы колхозного строительства, льготы колхозникам, основные решения ЦК ВКП(б), всячески разъясняя необходимость скорейшей ликвидации банд.

г) Оказывать полное содействие и внимание отрядам, обеспечивая их в любое время средствами передвижения, продовольствием, проводниками и вооруженной силой из коммунистических отрядов.

д) Производственным ячейкам необходимо немедленно придти на помощь сельским парторганизациям, выделяя из своего состава коммунистов и комсомольцев на месячный срок для работы в селах.

е) Решительно борясь с перегибами, запугиванием, администрированием, развернуть широкую самокритику, мобилизовать по настоящему вокруг партии бедняцко-средняцкие массы, еще более решительно наступать на кулацко-дашнакские контрреволюционные элементы.

РК считает, что в борьбе за строительство колхозов и ликвидацию бандитизма партийная организация района держит серьезный экзамен и должна показать насколько она способна в трудный момент по боевому выполнить поставленные перед ней задачи» [13].

Так трактовал события официальный источник. Однако позиция местного населения не всегда совпадала с мнением партийной верхушки. Показательным для этого исторического периода может стать письмо, написанное на имя И.В. Сталина бедняком Геворгом Матосьяном, кандидатом в члены партии, датированное не позднее лета 1930 г.

«Дорогой тов. И. Сталин.

Я, бедняк Матосян Геворг, проживающий в селе Афанасьевские постики, Армянского района, Майкопского округа, Северо-Кавказского края, как кандидат партии, нахожу нужным сообщить тебе следующее о нашем селе. С первых дней начала коллективизации крестьянских хозяйств и до настоящего времени наше село переносит большие лишения и страдания, связанные с кампаниями коллективизации. Страдания эти заключались в следующем.

1. Во время проведения сплошной коллективизации приезжие товарищи из нашего района и края вели очень грубый подход к коллективизации, запугивали крестьян Соловками, в результате чего крестьяне все вошли в колхоз и получилась полная суматоха в коллективе, так как руководители колхоза растерялись и не знали, как регулировать работу колхоза. Внутри этого колхоза с первых же дней проведения коллективизации следующие тов. Бедняк нашего колхоза Кеджан Хачик, имеющий в своем хозяйстве пару лошадей и одну корову. Семья 7 человек, все в детском возрасте. В годы Октябрьской революции честно помогал красной армии и красным партизанам, с 1905 года находился в рядах партии, был первым активистом в нашем селе, а также проводил всякие мероприятия по улучшению быта крестьян.

2. Середняк Тикик Мартирос, имеющий в своем хозяйстве 2 коровы, пару лошадей и избу в три комнаты, с семьей 5 человек, тоже был участником помощи красным партизанам в Октябрьские дни.

3. Середняк Дебанян Геворг, имея в своем хозяйстве две коровы, пару лошадей, избу в (лакуна. – С.С.) комнаты и семью в 6 человек, был красным партизаном и активным работником на селе.

Всех этих товарищей выслали как кулаков в Уральскую губернию. Высылка произошла на чисто личных счетах со стороны одного партийца, Григорова Адама, проводившего тогда коллективизацию. Теперь высланные товарищи просят у района свои документы, но район не высылает им. Крестьяне нашего села возмущены против этого несоветского действия и просят, чтобы тов. Сталин по возможности рассмотрел все эти дела Армянского района.

После опубликования твоего письма о добровольности вступления в колхоз, некоторые крестьяне из него вышли. Из 60 дворов, бывших в колхозе, видя эти грубости, большая часть вышла из колхоза. Теперь в колхозе остались 10 дворов, в том числе и я. В результате выхода из колхоза приезжие работники по колхозу грозили дальнейшей высылкой и запугивали крестьян, кто посмеет выйти из колхоза. В результате такого запугивания большая часть бедняков убежала в лес, боясь высылки и неправильных действий над ними. На сегодняшний день вместо того, чтобы быть дома и заниматься посевами, хозяйством, все бедняки бросили землю и свои семьи, ушли в лес, где питаются кореньями, большая часть из них заболела. Грабежами они не занимаются и дружно встречают односельчан, посланных к ним правительством для переговоров, но они боятся вернуться.

Среди этих бедняков находятся и из нашего колхоза, которые ушли в лес на днях, и замечаются настроения ухода еще в лес как среди бедняков колхозников, так и среди единоличников. Все это вызвано плохой работой руководства Армянского района. Колхозу нашему грозит распад, опять вследствие недостаточного руководства со стороны нужных организаций.

Члены колхоза усердно выполняют все задания по весеннему севу, но в результате того, что членам совершенно нечего кушать, нет хлеба для колхоза — члены колхоза голодают, ввиду плохого снабжения хлебом и фуражем для тягловой силы. Колхозу грозит распад, что нежелательно для членов, и улучшения пока не замечается. Нужно быстрое исправление всех этих ошибок.

Жду ответ. С тов. Приветом. Мамосян Геворг. № кан. бил. 4445, выдан Армянской районной парторганизацией» [14].

Таким образом, взгляды на причины развала колхозного строительства и ухода в леса местного населения руководства Армянского района и рядового коммуниста не совпали. Геворг Маносян акцентировал грубость и шантаж со стороны местных партийных руководителей, голод колхозников, боязнь политических репрессий, а не политическую борьбу со стороны дашнаков.

Примечания

1. Акопян В.З. Из истории представительства армянского населения Северного Кавказа в местных органах власти в двадцатые годы XX века // Научная мысль Кавказа. 2012. № 4. С. 84–89; его же.

Проблемы национальных меньшинств в деятельности комиссии по национальной политике Северо-Кавказского крайкома (1920-е годы) // Научная мысль Кавказа. 2013. № 2 (74). С. 76–79; его же. «Великий перелом» в национально-государственном строительстве на Северном Кавказе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 3. С. 106–111; его же. Формирование и деятельность национальных структур в органах народного образования на Северном Кавказе в 1920–30-е гг. // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 1 (40). С. 101–104; его же. Северный Кавказ: государственное строительство, экономика и культура, 1920–1940 гг. Ростов н/Д, 2010; его же. Национальные сельсоветы на Юге России в 20–30-е гг. XX в. // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая — 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2012. С. 11–17.

2. Иванцов И.Г. Малоизвестные факты истории Армянского района в 1920–1930-е гг. // Армяне юга России: история, культура, общее будущее... С. 55–60.

3. Скорик А.П., Федина И.М. Миграционное перемещение армян в кубанские станицы в 1920-е гг.: опыт создания национального района // Армяне юга России: история, культура, общее будущее... С. 94–100; Бондарев В.А., Скорик А.П. Донские армяне в условиях советской действительности 1920-х гг. // Там же. С. 140–146.

4. Сивков С.М. Армяне Кубано-Черноморья в первой половине XX века: попытка национальной самоидентификации // Армяне юга России: история, культура, общее будущее... С. 192–197.

5. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее — ЦДНИКК). Ф. 1415. Оп. 1 доп. Д. 33. Л. 9.

6. Там же.

7. Там же.

8. Там же.

9. Там же.

10. ЦДНИККК. Ф. 1415. Оп. 1 доп. Д. 33. Л. 10.

11. Там же.

12. Там же

13. Там же.

14. ЦДНИКК. Ф. 2816. Оп. 1. Д. 507. Л. 60–61.

Р.Г. Тикиджьян, В.В. Мелконян

Донские казаки и армяне в XVIII–XX вв.: из истории взаимоотношений

Изучение данной проблемы в исторической и этнографической литературе дореволюционного и советского периода носило отрывочный характер. Только в последнее время в работах В.З. Акопяна, В.Б. Бархударяна, А.В. Захаревича, С.С. Казарова, А.Г. Малхасяна, Э.Г. Вартагьян, Т.Ю. Власкиной, С.М. Степанянца, Р.Г. Тикиджьяна и других авторов эта проблема стала предметом пристального внимания [1].

Краткий анализ историографии показывает, что в целом авторами выделяются внешний и внутренний факторы таких взаимоотношений в контексте данных временных и региональных рамок. Это постепенная совместная колонизация, торгово-экономическое освоение Приазовья и Нижнего Подонья казаками и армянами до последней четверти XVIII в. Затем позднее, с начала XIX в., активизировалось и внешнее военно-стратегическое содружество, связанное с постоянным участием донских казаков в войнах Российской империи с Османской Портой и Крымским ханством, Персией, началом борьбы за освобождение Восточной Армении и затяжной Кавказской войной.

Историки и этнографы, изучавшие данную проблему, неоднократно указывали, что выгодное географическое и геополитическое положение, мягкий и теплый климат, плодородные приазовские и донские земли открывали неограниченные возможности для торговли и развития ремесел, привлекали сюда армян еще задолго до их компактно организованного переселения из Крыма в последней четверти XVIII в. О фактах единичного включения армян в состав сообщества и сословия донских казаков, в том числе торговых казаков в XVI–XIX вв., говорят казачьи фамилии Армянинов, Армяков, Тумасов и др.

Отношения армян и донских казаков складывались постепенно и были связаны с совместной полезной торговлей, основой для ментального соответствия «свой — чужой» была также и единая христианская религия.

Новый период в русско-армянских отношениях наступил после победы России в Русско-турецкой войне 1768–1774 гг. Императрица Екатерина II решила продолжить экономическую борьбу с Оттоманской Портой, нанеся удар по ее главному союзнику на юге — Крым-

скому ханству. Уже 9 марта 1778 г. в указе князю Г.А. Потёмкину императрица Екатерина II повелела живущих в Крыму греков и армян, которые пожелают поселиться в Новороссийской и Азовской губерниях, всячески поощрять. Преодолевая трудности первых лет после переселения из Крыма, нахичеванские армяне сроднились с новым местожительством и своими новыми соседями — донскими казаками. По имперскому указу донские армяне-мужчины имели важную привилегию — были освобождены от воинской повинности до 1874–1875 гг.

И всё же они часто совместно и параллельно участвовали во всех событиях российской жизни, в частности, в организации отражения внешней военной угрозы стране и региону. Первым таким крупнейшим событием стала Отечественная война 1812 г., на которую широко откликнулась Донская область, в том числе и армянская колония. Так, уже в конце 1806 г., в период назревания опасности нашествия Наполеона, Александр I направляет инструкцию об организации повсюду народного ополчения или милиции. Войско Донское было мобилизовано атаманом М. Платовым в кратчайшие сроки. Одновременно и донские армяне начали организацию помощи и сбор пожертвований в пользу народного ополчения. Армянское общество Нахичевана изъявило готовность принять участие в пожертвованиях на эти цели. В краткие сроки было собрано 10 850 руб., 243 единицы разного оружия, 150 мешков продуктов и прочее. В дни вторжения неприятеля армянское общество пожертвовало еще 30 тыс. руб. Под руководством магистрата в городе и селах были мобилизованы добровольцы.

Создание отдельных отрядов ополчения таганрогский градоначальник поручил знающему военное дело майору М.О. Абрамову. «В тяжелые сентябрьские дни 1812 г., когда армия Наполеона вошла в Москву, магистрат Нахичевани специальным приказом предупредил население и потребовал: «свадьбы, различные увеселения и кутежи проводить без музыки, на кеманче не играть, в бубен не бить»» [2]. Историки А.В. Захаревич и С.М. Степанянц в своих исследованиях, основанных на богатом архивном материале, убедительно показали вклад донских казаков в освобождение Восточной Армении, их участие в Персидской и Русско-турецких войнах, Кавказской войне [3].

Армяне Нахичевана проявляли свой патриотизм множество раз и по поводу других событий. Взятием 1 октября 1827 г. Еревана ознаменовалось освобождение Армении от многолетнего персидского ига. Весть об освобождении Восточной Армении и присоединении

ее к России, активные действия на театре военных действий казаков и армянских ополченцев, нашли горячий отклик и вызвали огромную волну неподдельной радости в среде армянских колонистов. Наряду с армянами Тифлиса, Астрахани, свое ликование выразили и нахичеванцы. От имени армянского общества городской голова Х. Храмаджиев и девять именитых граждан направили 6 декабря 1827 г. Н. Аштаракеци благодарственное послание. В 1829 г. армянские церкви Дона устроили торжественный молебен по случаю победы русской армии над турками. Специалистам исследователям истории Донского, Кубанского, Терского казачьих войск будет особо интересно проанализировать вклад отдельных казачьих военных формирований в войнах Российской империи на Кавказе в XIX в., их взаимодействие с армянским ополчением и мирным населением Армении. Так, например, в новом документальном сборнике, опубликованном С.М. Степанянцем, представлены весьма интересные материалы об участии донских казаков в событиях войн XIX – нач. XX вв. на территории Армении, документы церковных православных приходов и церквей, метрические книги, которые позволяют выявить и обобщить территориальные поселения донских казаков, примерное количество их семей, решение бытовых вопросов и проблем обустройства.

Донские казаки и армяне приняли действенное участие и в Крымской кампании 1853–1856 гг. Основным театром военных действий между Турцией и ее англо-французскими союзниками и русскими войсками стали Крымский полуостров, районы Черноморского побережья и Приазовье. В первые же месяцы развертывания военных действий, в период председательства городского головы М. Аладжалова, армянские села изъявили готовность оказывать помощь армии и внесли денежные пожертвования: село Топти — 300 руб. серебром, Чалтырь, Султан Сала, Большие Салы и Несвита, все вместе — 1700 руб. серебром. Помимо пожертвований, производимых колонией в целом, высокий патриотизм проявляли и ее отдельные граждане, которые пожертвовали 2800 четвертей сухарей и еще 500 пудов сухарей испекли из государственной муки. А. Халибян передал безвозмездно Черноморскому флоту 10 тыс. пудов антрацита. Узнав о похвальном поступке армянского общества, пожертвовавшего Кавказскому корпусу 10 тыс. пудов сухарей, а также о радушном приеме 18-й пехотной дивизии в феврале 1854 г. жителями Нахичевана и села Султан Сала, Николай I особо выразил им свою императорскую благодарность.

В 1854 г. жители Нахичевана во многом содействовали переброске русских войск в Севастополь. Армянские селяне зимой на 300 подводах перевезли из Таганрога в Мариуполь сухари, а оттуда доставили их в Керчь и Еникале. Военный губернатор Таганрога и политический отдел объявили гражданам Нахичевана благодарность за радушный прием 4 батальонов московского пехотного полка, находившихся там на постое с 27 февраля по 17 марта 1854 г. Нахичеван вновь организовал сбор пожертвований и отдал на эти цели 10 тыс. рублей серебром, Таганрог — 8527 руб., Мариуполь — 2200 руб., а Ростов — 2050 руб. 2879 армянских крестьян Нахичеванского округа трудились над созданием устройств, обеспечивающих продвижение войск через реки и по дорогам. Кроме того, для организации защиты подступов к Дону они пожертвовали 2012 руб. Для укрепления порта на Дону жители Ростова и Нахичевана собрали 7750 рублей.

В годы Крымской войны ошутимой была поддержка армянской колонией раненых и, в первую очередь, оставшихся без крова и пропитания семей военных, после того как были взорваны и сданы неприятелю прибрежные военные крепости. Для ухода за ранеными солдатами Севастопольского гарнизона армянская общественность выделила 5 тыс. руб. и еще 4549 руб. в помощь семьям, пострадавшим в Севастополе. После того как неприятельский флот овладел Керчью, проживающие там многочисленные греческие семьи оказались совершенно без помощи. В Нахичеване их приняли с такой теплотой, что по просьбе этих граждан, выехавших из Керчи и Еникале, атаман Войска Донского генерал-лейтенант Хомутов сообщил военному министру о проявленной М. Аладжаловым и жителями особой сердечности и серьезной помощи. Император Николай I объявил жителям города Нахичевани-на-Дону за проявленный патриотизм и человеколюбие благодарность и наградил город золотой медалью «За усердие» и лентой ордена Владимира [4].

Необходимо отметить, что в период либеральных «великих реформ» Александра II многие привилегии донской армянской общины отменяются. Так, после военной реформы 1874 г. вводится всеобщая воинская повинность и для армянского населения края. Донские армяне неоднократно обращались к правительству и напоминали, что по грамоте Екатерины II они освобождались от воинской службы. В ответе правительства сообщалось о том, что теперь перед законом все равны. Донские армяне как законопослушные подданные России теперь и сами плечом к плечу с русскими и казаками сражались в Русско-турецкой

войне 1877–1878 гг. за освобождение болгарского народа от турецкого ига, Русско-японской войне 1904–1905 гг. Участник последней войны, житель с. Чалтырь Т.О. Бабалыхян наравне со многими донскими казаками стал полным Георгиевским кавалером. Жители Чалтыря своему герою построили новый кирпичный дом, купили пару лошадей, корову, хозяйственный инвентарь и выделили земельный надел.

Отметим, что при соседском проживании армян с казаками долгое время сохранялись и т.н. «межсословные границы», мешавшие культурному взаимодействию.

Этнолог Т.Ю. Власкина считает, что «до самого конца XIX в. армянская диаспора была отделена от казачьих поселений административной границей и перечнем сословно “дозволенного”, где речь шла преимущественно об экономических отношениях» обоих сообществ [5]. Территориально-административная чересполосица, подчинение не войсковому атаману области Войска Донского, а екатеринославскому губернатору вплоть до административных реформ 1887–1888 гг. и 1904 гг. также осложняли ситуацию взаимодействия и взаимовлияния армянской и казачьей субкультуры.

С началом Первой мировой войны (1914–1918) верная своим традициям нахичеванская община вновь постаралась оказать всяческое содействие родине в тяжелых условиях. Городское самоуправление Нахичевана принимает решение содержать до конца войны на собственные средства больницу на 150 койко-мест. Тут же были открыты еще две больницы, одна — в армянской богадельне, другую основывают братья Мелконовы-Езековы. Так, на общем собрании села Мец Сала было принято решение за счет собственных средств содержать для солдат 10 коек. Село Топти предоставляет раненым солдатам свое самое лучшее здание — 5 комнат на верхнем этаже потребительского общества «Крым». Адвокаты Ростова и Нахичевана одновременно вносят 1500 рублей и ежемесячно собирают по 5–25 руб. для нуждающихся семей воинов и для ухода за ранеными солдатами. Работники магазинов Генджогуяна и Шапошникяна на эти же цели выделяют 1–5 % от своих заработков. Во всех армянских колониях России начались митинги за освобождение Западной Армении от турецкого ига. С первых дней войны с Турцией на имя императора поступали многочисленные просьбы дать согласие на организацию добровольных армянских дружин. Такое согласие было наконец дано, и с огромным энтузиазмом встречено армянским населением России и Дона.

По всей России создаются армянские комитеты помощи армянскому фронту. Такой комитет в Нахичевани был создан во главе с Г. Чорекчяном. В комитет вошли: Г.Х. Чалхушьян (присяжный поверенный города), Е. Шахазиз, Р. Берберян, Р. Бекгульян, Г. Бахчисарайцев, П. Беделян, А. Дживелегов, С. Мясникян, Х. Поркшеян и др. Духовное правление Нор Нахичевана отпечатало 5 тыс. фотографий известного армянского полководца Андраника Озаяна и распространило их среди горожан. Вскоре был создан и Нахичевано-Ростовский добровольческий отряд. Его знамя торжественно было освящено 19 ноября 1914 г. в храме Сурб Григор Лусаворич. В Ростов и Нахичеван прибывали такие же отряды из Астрахани, Мариуполя, Крыма, Петербурга, Москвы.

В первые месяцы войны наблюдался большой поток студентов армян из разных вузов страны, и в г. Нахичевани был создан специальный комитет из женщин во главе с Е. Берберян, который занимался обеспечением добровольцев бельем, теплой одеждой, а также занимался их пропитанием. В составе русской армии на турецком фронте сражались бок о бок донские казачьи полки и армянские дружины, во главе которых стояли отважные командиры: Андраник Озаян (1865–1927), Амазасп, Дро, Кери и др. В 1915 г. для организации армянского добровольческого движения в Ростов прибыл генерал русской армии Андраник Озаян. Он побывал в с. Чалтырь и с. Большие Салы. Около 30 добровольцев из этих сел вошли в состав Нахичевано-Ростовского отряда добровольцев [6].

В Первой мировой войне 1914–1918 гг. против Германии и ее союзников сражались не только 128 тыс. донских казаков, овевших себя героическими подвигами, но и сотни донских армян. Такие, как Мартирос Бугаян, Арутюн Алавердян, Саркис Назаретян, Лусеген Арабаджиян, Мкртич Джлаухян, Егия Срапионян, которые были награждены Георгиевскими крестами. Егия Сарабашян был награжден двумя Георгиевскими крестами. В боях против турецких войск на Кавказском фронте наряду с донскими казаками участвовали и отличились в боях армяне: Манук и Давид Секизяны, Дзерон Ходжибаев, Луспарон Додохян, Хазарос Хачкинаян, Мартирос Харагезян, Агоп Бостанджян, Амбарцум Мирзоян, Сероп Тирацуян и многие другие. Боевое и героическое содружество донских казаков и армян продолжилось и в тяжелые годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., но это тема отдельного серьезного исследования.

Примечания

1. Армяне / отв. ред. Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц. М., 2012; Акопян В.З., Казаров С.С. Армяне // Энциклопедия культур народов Юга России. Т. 1. Народы Юга России / гл. ред. Ю.А. Жданов. Ростов н/Д, 2005. С. 55–58; Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичивань (1779–1917 гг.). Ереван, 1996; Вартаньян Э.Г. Взаимодействие славян и их соседей на примере армяно-русских связей (историческая ретроспектива до конца XVIII в.) // Вопросы национальной историографии и народных исторических представлений славян и их соседей (к 1150-летию славянской письменности и культуры): материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. О.В. Матвеев. Краснодар, 2013. С. 155–164; Власкина Т.Ю. Образ армянина в традиционной картине мира донских казаков // Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая — 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. Г.Г. Магишов. Ростов н/Д, 2012. С. 151–156; Захаревич А.В. Взаимодействие донского казачества и армянского населения в период осады и взятия Эривани в сентябре–октябре 1827 года // Общероссийская и национальная идентичность: материалы международной научно-практической конференции, 19–20 апреля 2012 г. / отв. ред. В.З. Акопян. Пятигорск, 2012. С. 407–411; Казаров С.С. Армянский этнос на Дону // Донская история в вопросах и ответах. Ростов н/Д, 1997; Казаров С.С., Вартанян В.Г. История Армянской апостольской церкви на Дону (XVIII – нач. XX вв.). Таганрог, 2009; Малхасян А.Г. Страницы истории анийских, крымских и донских армян. Ростов н/Д, 2010; Нигохосов М.Г. Предпринимательская деятельность донских армян на Юге России в к. XVIII–XX вв.: автореф. дис. ... к.и.н. Ростов н/Д, 2006; Степанянц С.М. История казачества в Армении: материалы нац. архива Армении и Военно-исторического архива РФ: сборник / науч. ред. С.А. Арутюнов. Ереван, 2013; Тикиджьян Р.Г. Донские, нахичеванские армяне // История и культура народов Донского края и казачества. Ростов н/Д, 2010. С. 304–348 и др.

2. Смирнов В.В. Летопись Нахичевани-на-Дону: в историческом, бытописательном, статистическом и иллюстративном интерьере с приложениями, включающими важные, полезные и интересные сведения. Ростов н/Д: Книга, 2014.

3. Степанянц С.М. Указ. соч. С. 139–209; его же. Казаки в Армении // Военно-исторический журнал. 2007. № 6. С. 70–72; Захаре-

вич А.В. Указ. соч.; Захаревич А.В. Донские казаки и армянское население в обороне русских границ от персидских войск в начальный период кампании 1826 г. // Армяне Северного Кавказа. Вып. 2. Краснодар, 1995. С. 113–115.

4. Малхасян А.Г. Указ. соч. Ростов н/Д, 2010. С. 22–37; 72–96.

5. Власкина Т.Ю. Указ. соч. С. 153.

6. Степанянц С.М. История казачества в Армении... С. 24–45, 118–122, 139–209.

Н.Д. Чекулаев

Армянский эскадрон как составная часть кизлярского гарнизона: 1735–1764 гг.

Господство шахской Персии и султанской Турции принесло армянскому народу неисчислимые лишения и страдания. Армянский народ находился под двойным гнетом: феодальная эксплуатация дополнялась чужеземным угнетением и религиозными гонениями. Завоеватели продолжали политику денационализации, стремясь уничтожить армянскую культуру. Шахская Персия и султанская Турция стояли на более низком уровне социального и культурного развития, чем Армения, поэтому господство персидских и тюркских феодалов приводило к возрождению таких явлений раннего феодализма, как прямые грабежи подвластного населения, захват людей и продажа их в неволю (пленопродавство).

К тому же Турция находилась в состоянии застоя, а Персия — в состоянии кризиса и распада, что крайне неблагоприятно отражалось на экономическом и культурном развитии закавказских христиан и не сулило им в дальнейшем ничего, кроме бесперспективного прозябания.

Армяне — жизнеспособный народ, имевший древнюю и богатую культуру, — не могли оставаться в пассивном бездействии перед лицом страшной угрозы физического истребления, денационализации и культурно-экономического упадка. Они нашли в себе силы для активной борьбы с иноземным гнетом и всеми его последствиями.

Однако деятели освободительного движения понимали, что армянский народ, ослабленный и разобщенный как турецко-персидским

господством, так и феодальной раздробленностью, был не в силах вести успешную борьбу с двумя империями — Персией и Турцией. Отсюда ориентация на помощь извне [1]. Обращения закавказских христиан к христианским государям Западной Европы оставались безрезультатными. Западноевропейские монархи выражали лицемерное сочувствие угнетенным единоверцам, но не предприняли никаких реальных мер для содействия их освобождению [2].

Единственным христианским государством, имевшим «в Закавказье непосредственные политические интересы», была Россия, причем ее политические интересы совпадали с политическими стремлениями армян: уничтожение турецко-персидского господства в Закавказье отвечало как интересам России, так и стремлениям закавказских народов. Поэтому Россия издавна оказывала закавказским христианам посильную помощь [3]. Армяне, подвергавшиеся в своем отечестве гонениям за веру и освободительную деятельность, всегда находили гостеприимное убежище в Московском государстве, которое являлось для изгнанников второй родиной. В начале XVIII в. колонии армянских эмигрантов существовали во многих местах России, в том числе в Астрахани и Москве [4].

Армянский эскадрон, созданный в июне 1723 г. путем слияния отдельных мелких групп и оказавший помощь Русской армии в ее борьбе против Персии после ликвидации Низового корпуса вследствие мира, заключенного между Российской империей и Персией, вместе с другими частями императорских войск был выведен из Дагестана [5].

По оставлении русскими войсками районов Прикаспия необходимость в существовании армянского эскадрона отпала, и он был распущен. Но по прошествии некоторого времени по ходатайству императорской канцелярии и Государственной коллегии иностранных дел после указа Сената от 5 августа 1736 г. он был восстановлен, а служившие в нем армяне сообщили о формировании военных подразделений-эскадронов и даче им при Кизляре «в пристойных местах под дворы, огороды и под пашню надлежащего места». В 1736 г. Лазарь Христофоров, бывший руководитель одного из эскадронов, отправился в Петербург с 18 армянами-военнослужащими с целью получения разрешения на строительство армянской церкви в Кизляре [6].

О кизлярском этапе существования армянского эскадрона свидетельствуют документы, хранящиеся в фонде местного госархива «Кизлярский комендант», в частности, указ Сената от 5 августа

1736 г. «О принятии бывших в российской службе, во время Персидской войны, армян снова в службу и о поселении у Кизляра, и о даче им жалования и единовременно подъемных денег для обзаведения». Согласно решению Коллегии иностранных дел было им определено жалование: генерал-майору Лазарю Христофорову — 300 руб., майору — 100 руб., поручику — 160 руб., прапорщику — 27 руб., вахмистру и капралу по 5 руб., рядовым по 10 руб., юзбашам: 1-му — 200 руб., 2-му — 120 руб., 3-му — 30 руб. [7].

В 1747 г. военные чины получали следующее жалование (годовой оклад): генерал-майору — 689 рублей 75 коп., подполковнику — 120 рублей, поручику — 40 рублей, прапорщику — 28 рублей, вахмистру — 5 рублей, капралу — 5 рублей 33 коп. 1/2, рядовым по 5 руб. По данным за 1751 г., полковнику полагалось за рационы (деньги на содержание собственных их лошадей) 26 руб. 70 коп., поручикам по 21 руб. 36 коп., прапорщику по 7 руб. 12 коп., вахмистру по 3 руб. 56 коп. Они неоднократно посылались для несения службы в форпосты Кизляра: в Урчуковском городке 17 человек, в Енкалах 7 человек, на Большой Косе 8 человек. По сведениям за 28 августа 1745 г. армянский эскадрон Петра Каспарова состоял из 1 полковника, 2 поручиков, 1 прапорщика, 2 вахмистров, 1 капрала, 55 драгун, а 22 мая 1751 г. из 1 генерал-майора, 1 подполковника, 2 поручика, 1 прапорщика, 1 вахмистра, 1 капрала и 36 драгун [8].

Фактически служащие эскадронов не были заняты военной службой как таковой, но, если поступали распоряжения военных властей, они привлекались к разведывательной и дипломатической работе как в России, так и за ее пределами. Эскадрон просуществовал вплоть до 1764 г. [9].

В ведомости, датированной 1764 г., значилось, что в этом эскадроне состояло 4 штаб-офицера, 25 обер-офицеров, 16 унтер-офицеров и только 5 рядовых. В рапортах и докладах Специальной военной комиссии и Военной коллегии говорилось о «напрасных издержках» на жалование служащим, поэтому в 1765 г. комендант Кизляра генерал-майор Н. Потапов приступил к исполнению высочайшего указа императрицы Екатерины II о расформировании этого эскадрона. Аудитором С. Суворовым был составлен документ, согласно которому 5 человек были отправлены в Астрахань для дальнейшего несения службы в Астраханском драгунском полку, 9 человек были отправлены в инвалидные роты, дислоцированные в Астрахани и Кизляре,

2 направлены в Грузинский гусарский полк, пятерым назначили пенсии по старости, двое получили назначение в секретную службу астраханского губернатора, целью которой был сбор разведывательной информации на территории Ирана и Турции [10].

Ни один из армян, служивших в эскадроне, не был оставлен без внимания, всем им назначалось денежное пособие до самой смерти. Некоторые отставные военные, проживающие в Кизляре, просили разрешения на беспошлинный ввоз вина в Астрахань, снятия с них налога, предназначенного для финансирования работ по укреплению берегов Терека, освобождения от постоя войска, предоставления в их распоряжение свободных земель в окрестностях Кизляра, освобождения от обязанности выставлять рекрутов и т.д.

Иностранный эскадрон, состоявший на русской службе (созданный еще в бытность существования на территории западного и южного побережья Каспийского моря Низового корпуса), — армянский эскадрон.

Таким образом, боевое содружество армян и русских в составе Низового корпуса было яркой страницей в истории дружбы обоих народов. Российское правительство видело в армянах не только своих надежных союзников, но и опору своей власти на Кавказе. Российская военная администрация очень высоко ценила военную службу армян, но особенно как неоценимых помощников в получении сведений о состоянии дел на Кавказе и о замыслах персов, турок и местных горских феодальных владетелей, за это выплачивая им достойное денежное вознаграждение и производя их в военные чины императорской армии.

Примечания

1. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I (1722–1723 гг.). М., 1951. С. 198–199.
2. Кафадарян Н. История армянского народа. Ч. 1. Ереван, 1944. С. 225–227.
3. Цагарели А.А. Сношения России с Кавказом в XVI–XVIII столетиях. СПб., 1891. С. 11–21.
4. Григорян З.Т. Вековая борьба армянского народа за свою независимость и свободу. Ереван, 1946. С. 11–12.
5. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. I. Т. IX. 1733–1736. СПб., 1830. С. 895–897.

6. Хачатрян А.Н. Новые архивные материалы об армянском эскадроне XVIII в. // Историко-филологический журнал. 1964. № 1. С. 193.

7. ПСЗРИ. Указ. док.

8. Центральный государственный архив Республики Дагестан. Ф. 379. Оп. 1. Д. 67. Л. 45–48.

9. Там же. Ф. 379. Оп. 1. Д. 642. Л. 3.

10. ПСЗРИ. Собр. I. Т. XLIII. Ч. 1. СПб., 1830. С. 7.

РАЗДЕЛ III. МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА АРМЯНСКОГО НАРОДА

А.Э. Айларов

Армянское национальное культурно- благотворительное общество «Эребуни» во Владикавказе: итоги деятельности и перспективы

С середины XIX в. Осетия складывается как полиэтничный регион, где формировались этнические группы представителей европейских, российских и восточных этносов: армян, грузин, евреев, немцев, греков, поляков, татар, азербайджанцев, персов — и некоторых других народов. История этих переселенческих групп связана с миграционной политикой Российской империи, войнами, экономическими проблемами и другими причинами. Они с разной степенью успешности справлялись с адаптационными и интеграционными процессами, вырабатывали свою модель жизнеустройства, что позволило им не только сохраниться в условиях различных политических режимов, но и возродить диаспорную жизнь, а главное — избежать межнациональных столкновений.

Это в своем роде уникальное явление дает основание для презентации Осетии как лаборатории по изучению межэтнических отношений прежде всего диаспоры. Успешность адаптационного процесса определяется наличием и эффективным функционированием диаспорной инфраструктуры, т.е. совокупности конфессиональных, благотворительных, культурно-просветительских, образовательных учреждений, хозяйственных объединений.

История формирования и жизнедеятельности армянской общины в Осетии показывает, что именно эти организации являются гарантом создания крепкой диаспоры, способной обеспечить своему народу комфортные материальные, этнопсихологические, культурные условия для сохранения своей самобытности за пределами Родины. Кроме своих непосредственных задач указанные организации выполняли и выполняют функцию внутриэтнической консолидации,

обеспечивают синергетические механизмы жизнеустройства, посредством которых складывается и манифестируется особый стиль жизненного поведения [1].

Армянская община одна из первых создала во Владикавказе национально-культурное общество в перестроечные годы. Очевидно, здесь сыграл свою роль исторический опыт устройства и функционирования таких организаций, который армяне накопили еще в XIX — начале XX в.

Активно действовало Владикавказское армянское благотворительное общество, а также Владикавказское отделение армянского благотворительного общества на Кавказе. Оно было подотчетно Городской думе и общему собранию армянской городской общины, ежегодно утверждавшему смету доходов и расходов. Эти собрания проходили в доме у церкви, на них решались все жизненно важные вопросы о церковной деятельности, о школах, об участии армян в городской жизнедеятельности. При владикавказской Армяно-григорианской церкви было создано «Армянское для всепомоществования учащимся общество» во главе со священником П. Кусакианцем (Гусикианцем) [2]. Церковь ежегодно выделяла 1 тыс. руб. «Армянскому для всепомоществования обществу» на содержание школ [3].

Согласно переписи 1926 г., во Владикавказе проживало 6,5 тыс. армян (по другим данным — 8 тыс.), они были самой крупной этнической группой, что обеспечило им значительное представительство в местных советах. В середине 1920-х гг. во время выборной компании избирательные участки создавались по национальному признаку. Среди депутатов было много армян — 46 человек в 1929 г. [4]. Армянская партийная секция существовала также при органах исполнительной власти.

До середины 1920-х гг. существовали и армянские национальные общества — благотворительное, культурно-просветительское, комитет помощи беженцам-армянам. Они занимались проблемами беженцев из Западной Армении и Карабаха, организацией культурно-просветительской работы. Активно действующий комитет помощи беженцам прекратил свое существование в связи с открытием армянской секции при партийном комитете. Армянская общественность сумела в годы нэпа восстановить свою школу [5].

Армянская община одна из первых в 1987 г. создала в Моздоке национальный клуб «Арагат», в 1989 г. — во Владикавказе армянский клуб «Наири», который ставил перед собой культурно-просветительские

цели, популяризацию армянской культуры. В апреле 1991 г. оно было преобразовано в национальное культурно-благотворительное общество «Эребуни». Главной задачей общества является рост общественно-политической, культурной и экономической активности армянского и других народов, проживающих в Осетии. Общество ставит перед собой цели консолидации армянской диаспоры, укрепления национального самосознания, создания условий для изучения родного языка, возрождения традиционной семейной и календарной обрядности.

«Эребуни» налаживает связи с правительственными экономическими организациями и учреждениями Российской Федерации, Республики Северная Осетия – Алания, Республики Армения, с Армянской апостольской церковью. «Эребуни» работает в неразрывной связи с Армяно-григорианской церковью, они являются организаторами многих зрелищных мероприятий. Большое внимание общество уделяет изучению родного языка, литературы, истории и культуры армянского народа. Создана богатая библиотека из произведений армянских писателей и историков на армянском и русском языках. При обществе основан хоровой коллектив «Наири», детский фольклорный ансамбль.

Консолидирующим фактором для армянской общины стало установление в апреле 1995 г. во дворе армянской церкви хачкара (в переводе — каменный крест) — памятника традиционного армянского искусства, посвященного светлой памяти армян Осетии, павших в годы Великой Отечественной войны. Для его освящения из Сочи прибыл викарий Езник Тер-Петросян. В открытии хачкара приняла участие не только армянская община, но и горожане других национальностей, среди которых много прихожан этой церкви, а также руководство республики.

Общественная автономная национально-культурная организация (далее — ОАНКО) «Эребуни» проводит ежедневную, кропотливую и, на первый взгляд, малозаметную работу. Но если посмотреть более пристально, найдутся сотни примеров активнейшей и бескорыстной работы. Так, на воспитании интернационализма и уважении к любому человеку можно воспитать самосознание и достоинство нации. Этому способствует работа, проводимая по инициативе Министерства Республики Северная Осетия – Алания по вопросам национальных отношений, Республиканским домом дружбы и общественным движением «Наша Осетия» — уникальным явлением общественной

жизни, которое консолидирует все многонациональное сообщество республики.

Приведем несколько примеров такой деятельности. Круглый стол на тему «Диалог культур как фактор развития межнациональных отношений». Подчеркивалась роль национальных культурных центров, взаимодействие с органами государственной власти и образовательных учреждений, и СМИ. В актовом зале школы № 40 прошел праздник: «Владикавказ — город многонациональный». Зрители познакомились с обычаями, традициями, кухней, историей праздников «Сурб Саркис» и театрализованным представлением «Вардавар». В зале Дома дружбы проводились мероприятия «День семьи», «День матери», вечера национальных культур, фестивали, «Мисс Армения Осетии». Ежегодно совместно с Армянской апостольской церковью проводится траурная панихида у хачкара — памяти жертв геноцида в Османской империи, в День Победы проводятся панихиды по погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Придавая большое значение приобщению молодежи к национальной культуре, Совет общества приложил много усилий к созданию фольклорного ансамбля «Эребуни». Первостепенное значение ОАНКО «Эребуни» придает изучению языка, литературы, истории, культуры армянского народа. При обществе существует богатая библиотека, книжный фонд которой насчитывает более 2 тыс. изданий и состоит из произведений армянских писателей и историков на армянском и русском языках. Она передана в дар обществу от научной библиотеки по инициативе Э.Р. Гаспарян. Большую помощь в работе Совета оказывают предприниматели. Благодаря их финансовой поддержке организация продолжает существовать и решает задачи, стоящие перед ней (П. Акопов, Т. Арутюнов, А. Манукян, Ю. Мардеян, Р. Медзерянц, В. Манасян, С. Мурадян, А. Оганесян).

Участвуя в возрождении народных традиций и обычаев, ОАНКО «Эребуни» способствует не только сохранению этнической самобытности армянского общества, но и знакомству иноэтнического окружения с национальной культурой армянского народа, а через него — большому межэтническому взаимопониманию.

Такой вариант этнокультурной адаптации стал возможен благодаря синергетическим способностям диаспорной группы армян, а также традиционной для Осетии атмосфере межэтнической толерантности и взаимоуважения.

Примечания

1. Канукова З.В. Синергетические аспекты адаптационной стратегии диаспорных групп в Осетии // Кавказский сборник. Т. 1 (33) / МГИМО(У) МИД России, Центр кавказских исследований; под ред. Н.Ю. Силаева. М., 2004. С. 241.
2. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. Ф. 12. Оп. 2. Д. 594. Л. 13.
3. Там же. Ф. 123. Оп. 1. Д. 163. Л. 8.
4. Всесоюзная перепись населения. 17 декабря 1926 г. Т. 5. М., 1928. С. 52–53.
5. Канукова З.В. Диаспоры в Осетии: исторический опыт жизнеустройства и современное состояние. Владикавказ, 2009. С. 46–47.

О.В. Баева

Особенности архитектурно-планировочной организации поселений армян Нижнего Дона (конец XVIII — начало XIX вв.)

Колония армян на Нижнем Дону появилась в результате политики, проводимой российской императрицей и направленной на переселение единоверцев с территорий, подконтрольных Османской империи. Принимая меры по переселению армян из Крыма в пределы Российской империи, Екатерина II, безусловно, преследовала несколько целей, но в силу незапланированных обстоятельств армяне вынуждены были поселиться на Нижнем Дону, являвшемся в то время малонаселенной южной окраиной империи.

Потребность включения южных земель в политическое и экономическое пространство России заставляла правительство заботиться о заселении края и планировать его градостроительную систему. А.Г. Токарев пишет, что в XVIII в. — в период целенаправленного расширения всей системы расселения государства — регулярность становится нормой. Одновременно с военным освоением земель государство проводило и их экономическое освоение, не только укрепляя тем самым границы военными методами, но и экономически интегрируя новые территории в состав государства [1]. Поэтому территории в окрестностях крепости св. Дмитрия Ростовского устроили пере-

селенцев и власть в равной мере. Известно, что А.И. Ригельман еще в 1760-х гг. призывал правительство способствовать экономическому развитию земель вокруг крепости св. Дмитрия Ростовского [2], а для этой цели торгово-ремесленная колония армян подходила как нельзя лучше. Так земли на востоке от крепости св. Дмитрия Ростовского были отданы армянам, основавшим здесь город Нахичевань-на-Дону. На 12 тыс. десятин земли, отведенных переселенцам, были основаны еще 5 сельских поселений к северу от города.

История армян насчитывает десятки свидетельств образования ими новых городов или отдельных кварталов в структуре уже сложившихся поселений. Судьба народа, связанная с добровольной и вынужденной эмиграцией, повышала значимость консолидации колонистов вокруг ценностей собственной культуры и Армянской апостольской церкви, но одновременно они быстро вливалась в культуру соседних народов. Степень и масштаб интеграции армян в экономическую и политическую культуры разных стран поистине огромны. В XVIII–XIX вв. внешние формы проявления культуры переселенцев стали подходить на распространившиеся общеевропейские стилевые формы искусства и быта. Безусловно, не последнюю роль в этом процессе играла архитектура, часто даже занимая первое место среди искусств по степени интеграции. При этом необходимо учитывать, что культурный ландшафт и организация пространства на новом месте зачастую совершенно не соответствовали традиционным пространственным ценностям армян, сложившимся на старом месте. Так случилось и с колонией Нижнего Дона: из традиционной планировочной структуры, стихийно сложившейся во всех армянских поселениях Крымского полуострова, они были переселены в регулярные города и села, застраивавшиеся в соответствии с принципами классицизма.

Несмотря на трудности адаптации, испытываемые колонистами в первые десятилетия, они все же достаточно быстро интегрировались в пеструю культуру юга страны. Подтверждением тому служит архитектура Нахичевани. Строения здесь возводились в общероссийских формах, среди которых предпочтение отдавалось классицистическим даже в период эклектики, когда жесткие законодательные ограничения были сняты и заказчики могли выбирать любые стилевые направления и ориентироваться на национальные традиции.

С позиций вышеизложенного изучение архитектуры и градостроительства армян Нижнего Дона представляется особенно актуальным.

Восстановление и анализ особенностей их градостроительства и архитектуры дают возможность постичь историю материальных и духовных ценностей народа, выявить механизмы их трансформации и, конечно, узнать традиционные пространственные ценности народа, исчезающие в современном индустриальном мире.

Самостоятельное исследование истории архитектуры и градостроительства армян Нижнего Дона предпринято О.Х. Халпахчыном [3]. Его труды [4] заложили прочный фактографический фундамент для дальнейшего изучения феномена архитектуры донских армян. В последующем архитектура Нахичевани не становилась объектом самостоятельного исследования, а рассматривалась в контексте архитектуры городов Юга России или Нижнего Дона [5]. Это объясняется тем, что авторов больше интересовали общие черты градостроительного развития южных городов, а не особенности Нахичевани. Градостроительная история сельских поселений армян, лишь в незначительной мере затронутая О.Х. Халпахчыном, стала привлекать внимание исследований лишь недавно [6]. Некоторые вопросы, связанные с градостроительством раннего периода истории армянских поселений, до сегодняшнего дня остаются без внимания исследователей.

В данной статье анализируется архитектурно-планировочная организация поселений армян Нижнего Дона с целью выявления особенностей в сравнении с другими градостроительными образованиями Юга России.

Основание армянской колонии Нижнего Дона на землях, практически не заселенных, давало неограниченные возможности для воплощения в жизнь передовых идей российского градостроительства и проводилось по всем законодательным правилам. Правовые нормы второй половины XVIII в. требовали, чтобы все города имели градостроительные планы. План Нахичевани был создан не позднее 1781 г. Он учитывал все требования градостроительства того времени. Первый план известен нам благодаря его копии, обнаруженной О.Х. Халпахчыном.

Второй план Нахичевани, датируемый 1811 г., заложил основы ее дальнейшего градостроительного развития. Был несколько изменен рисунок плана Нахичевани, созданный ранее: уменьшилось количество кварталов, а город в плане стал квадратным в противоположность прямоугольному плану 1781 г. Однако принципы орга-

низации пространства и районирования города остались прежними. Улицы, пересекаясь под прямым углом, разбивали город на прямоугольные кварталы, которые объединялись в районы с локальными доминантами — приходскими церквями. Городские элементы образовывали взаимосвязанные части, составляющие единое целое. Центром городской системы стала площадь, расположенная в центре города на пересечении важнейших магистралей. Архитектурно-градостроительной доминантой, визуальным ориентиром являлся собор св. Григория Просветителя, расположенный в центре площади. Торгово-ремесленное назначение города выразилось в расположении на центральной площади торговых и гостиничных сооружений. Сеть дорог связывала город с крепостью св. Дмитрия Ростовского, ст. Аксайской, монастырем Сурб Хач и армянскими селами. Важнейшие дороги переходили в городские магистрали, сходящиеся к центральной площади.

Территория города ограничивалась с трех сторон: с запада крепостью св. Дмитрия Ростовского, с юга — рекой Дон, с востока — балкой Кизитиринкой. Так что разрастаться город мог только на север, по направлению к монастырскому комплексу Сурб Хач и сельским градостроительным образованиям. С данным обстоятельством и связаны, на наш взгляд, особенности планировочного решения Нахичевани. Город ориентирован по оси запад-восток. Ранее такая ориентация города объяснялась тем, что он своей продольной стороной вытянулся вдоль реки Дон (т.е. с запада на восток). Кроме того, считалось, что на расположение улиц повлияло и направление господствующих ветров. Такое объяснение представляется вполне обоснованным и лежащим в рамках научного подхода. Однако если мы посмотрим на западно-восточную ориентацию города в контексте градостроительной ситуации Юга России, то заметим разительное отличие. Соседний город Ростов-на-Дону, который от Нахичевани отделяла лишь крепость, получил Высочайше утвержденный план в 1811 г. Город также граничил на юге с рекой Дон и вытягивался продольной стороной вдоль нее. Однако его ориентация по сторонам света была совершенно иной. Е.И. Кириченко указывает, что для всех южных городов характерна ориентация на юг, к морю [7]. Следовательно, Нахичевань — это город с отличной от других южных городов ориентацией по сторонам света.

На наш взгляд, данное явление можно объяснить желанием ориентировать город на крепость св. Дмитрия Ростовского, которая пред-

ставлялась разработчикам плана как идеологическая доминанта в данной системе градостроительных образований. Ориентация с запада на восток закрепляла определенное положение переселенцев в структуре Российской империи и формировала политическую и культурную иерархию данной территории. Данный идеологический прием являлся не только умозрительным представлением проектировщиков, а был вполне реален и воспринимался визуально. Так, в 1860-е гг. путешественник подчеркивает: «Четырехверстный проезд от г. Ростова в Нахичевань по гладкому и ровному пути производится просто на легковых извозчиках. И оба города, как на ладоньке, видны друг другу» [8]. В конце XVIII в. крепость, расположенная в степной местности, безусловно, являлась визуальным ориентиром. Для традиционного пространственного мышления народа, живущего в условиях стихийно возникшей планировочной структуры, очень важны визуальные доминанты, служащие путеводными «маячками», способствующими ориентации в лабиринте кривых улочек и тупиков. Поэтому такая архитектурно-идеологическая доминанта, как российская крепость, являлась весьма значительной для идеологического сознания колонистов.

Таким образом, в основу пространственной организации Нахичевани положены принципы классицизма и идеи регулярности, но значительно усложненные идеологическими задачами.

Другой градостроительной особенностью Нахичевани-на-Дону является расположение кварталов: они вытянуты с севера на юг и все примерно равны, за исключением западных кварталов, вытянувшихся с юга на восток, но более узких. О.Х. Халпахчян обоснованно замечает, что их отличие обусловлено планировкой Полуденки — поселения, располагавшегося здесь до основания Нахичевани и включенного в городской план. Отступление от формы, положенной в основу других кварталов города, на наш взгляд, можно объяснить наличием оврагов и балок в юго-западном углу города. Осуществленная планировка являлась единственно обоснованным решением.

Таким образом, план Нахичевани-на-Дону имел ряд особенностей, связанных с рельефом местности и идеологическими задачами, которые диктовали определенную иерархию градостроительных образований на данной территории.

Одновременно с городом заселились и армянские села. Их регулярная застройка, частично нарушенная в XIX — начале XX вв., позволяет заключить, что планы созданы и для них. Размер территории,

отводившейся для каждого поселения, зависел от количества жителей. Скорее всего, села проектировались с учетом будущего роста населения, поэтому сразу заселялась только часть отведенной территории. Рисунок плана и сетка улиц сельских поселений находились в прямой зависимости от рельефа местности и конфигурации водоема, вдоль которого располагалось каждое село. Кварталы «вписывались» в рельеф местности, образуя различные очертания неправильных четырехугольников.

Отличительной особенностью планировки сельских поселений является отсутствие центральных площадей и градостроительных доминант, зрительных ориентиров. Сельские церкви строились, очевидно, в том месте, которое выбирали сами жители. Поэтому их расположение отражает традиционную пространственную культуру армян. Сельский тип поселений отразили в планах и узкие продольные, и поперечные улицы, ширина многих из них не превышала 10 м. Села делились на относительно прямоугольные кварталы, размер которых зависел от состава семьи, ее материального положения и хозяйственного занятия. Типовая планировка усадьбы отсутствовала, и дворовые постройки располагались исходя из собственных предпочтений, рациональной организации дворового пространства.

План Нахичевани является примером удачного применения на практике принципов российского градостроительства последней трети XVIII в. Здесь прекрасно воплощены идеи соподчиненности и выделения архитектурных доминант, разбивка на кварталы осуществлена с учетом рельефа местности, и в целом город гармонично вписан в природно-ландшафтное окружение. Вместе с тем архитектурно-планировочная организация поселений армян Нижнего Дона имеет ряд отличительных особенностей, к главнейшим из которых относятся нетрадиционная для данной территории ориентация Нахичевани по сторонам света.

Примечания

1. Токарев А.Г. Преемственность в архитектуре и градостроительстве Ростова-на-Дону 1920–1930-х гг.: дис. ... канд. архит. Ростов н/Д, 2000. С. 17.

2. Ригельман А.И. Ведомость и географическое описание крепости святого Дмитрия Ростовского с принадлежащими и прикосновенными к ней местами. Крепость св. Дмитрия Ростовского, 1768.

3. Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону. Ереван, 1988.
4. Халпахчян О.Х. Жилье дома армян на Дону // Архитектурное наследство, 1985. № 33. С. 122–139; Его же. Культовые сооружения новонахичеванских армян // Архитектурное наследство. 1985. № 33. С. 107–121.
5. Есаулов Г.В., Черницына А.В. Архитектурная летопись Ростова-на-Дону. Ростов н/Д, 2002; Иванова-Ильичева А.М. Рационалистические тенденции в архитектуре городов Нижнего Дона и Приазовья второй половины XIX — начала XX вв.: дис. ... канд. архит. М., 2000; Поцешковская И.В. Архитектурно-градостроительное развитие городов Нижнего Дона во второй половине XIX в.: дис. ... канд. архит. М., 2005 и др.
6. Баева О.В., Хаишбашян Г.С. Архитектурно-пространственная организация поселений и жилых построек армян Нижнего Дона (конец XVIII — начало XX вв.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2015. № 2: в 2 ч. Ч. 2. С. 32–34.
7. Кириченко Е.И. Градостроительное развитие юга России в середине XIX — начале XX в. // Архитектура России: региональное своеобразие. Доклады и выступления на V Всероссийской научно-практической конференции в г. Ростове-на-Дону. М., 1995. С. 13–16.
8. Переезд в Екатеринославскую губернию. Служба и жизнь в г. Екатеринославе с мая месяца 1860 г. по май месяц 1865 г. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-359451.html> (дата обращения 15.02.2015).

Д.А. Давтян

Армянская периодическая печать Одессы (начало XX в.)

Проблема армянской периодической печати Одессы в историографии, к сожалению, остается малоизученной. Ценные источники по истории армянской колонии, общественно-политической и культурно-просветительской жизни армян Юга Российской империи и периода Гражданской войны практически не вводятся исследователями в научный оборот.

Одним из первых исследователей проблематики стал С. Боровой. Именно он в 1966 г. ввел в научный оборот армянскую газету «Вестник Армении», которая издавалась в Одессе в 1919–1920 гг. [1]. С. Боровой проанализировал содержание газеты, уделив должное внимание политической ситуации, при которой издавалась газета.

Весомый вклад в вопросе изучения журнала «Армяне и война» принадлежит Н.Б. Саруханяну. В своей работе «Освещение армяно-русских отношений, армянского вопроса и геноцида армян в изданиях “Армянский вестник” и “Армяне и война”» (1999) Н.Б. Саруханян сделал глубокий сравнительный анализ этих двух изданий, выделил их основные особенности, а также охарактеризовал место и роль данных изданий в истории армянской периодической печати [2].

Следует сказать, что первый исследователь армянской прессы Одессы С. Боровой в своей работе указывает, что в это же время в городе издавалась также армянская газета «Հըսիւր» («Осанк»), хотя ни одного номера ему не удалось обнаружить [3]. О существовании данной газеты он знал исключительно благодаря анонсам, опубликованным в «Армянском вестнике». Нам также не удалось обнаружить ни одного номера газеты в Одессе. Скорее всего, данное издание было утрачено в годы Второй мировой войны, хотя не исключено, что отдельные его номера могут находиться в хранилищах библиотек и архивов Украины как неидентифицированные издания.

Из поля зрения С. Борового выпало еще одно армянское издание — «Армяне и война», издававшееся в Одессе в 1916–1917 гг. на русском языке. Необходимо сказать, что этот журнал, который издавался с марта 1916 г., стал первым печатным органом местной общины. В период с 1916–1920 гг. в Одессе с разной периодичностью выходило в свет три армянских издания: «Армяне и война», «Հըսիւր» и «Вестник Армении».

Вместе с тем Ов. Александян в своей статье пишет, что в Одессе выходили в свет три армянские газеты: «Армяне и война» (1916–1917), «Хосанк» («Течение») (1918–1920) и «Астх» («Звезда») [4]. Высказанное мнение выглядит крайне неточным, поскольку «Армяне и война» — это ежемесячный журнал, а не газета. Далее, автору оказалось неизвестно о существовании газеты «Вестник Армении». Упомянутая же газета «Ասիւր» («Астх») нами вообще не обнаружена, собственно говоря, сам автор по непонятным причинам не предоставляет информацию даже о годах издания этой газеты, чем

вводит в заблуждение других исследователей. Не отрицая гипотетическую возможность существования данной газеты, мы должны отметить, что никакой информацией о ней мы не располагаем.

Журнал «Армяне и война», увидевший свет в марте 1916 г., стал наряду с московским «Вестником Армении» (1916–1918) одним из двух изданий этих лет, освещающих армянский вопрос. Он содержал ценные материалы, факты об общественно-политической жизни армян, политике геноцида, проводимой младотурецким режимом в Западной Армении, и т.д. Однако, в отличие от «Вестника Армении», одесское издание в качестве ценного исторического источника исследователями практически не рассматривалось. Ежемесячный иллюстративный журнал «Армяне и война» выходил один раз в месяц, а всего вышло 12 номеров: 10 в 1916 г., и 2 — в 1917 г. Считаю крайне важным сделать одно уточнение относительно редакции журнала и редактора-издателя. В очерке, посвященном истории армян Одессы (1999), Л.Х. Калустьян допустил неточности, автоматически переходящие из одного издания в другое. Так, автор по непонятным причинам указывает, что журнал начал издавать В.Е. Таиров [5], хотя в действительности редактором-издателем журнала был всегда А.Е. Унанов, а главным редактором — С.М. Газиев [6]. В действительности же журнал лишь издавался в типографии «Вестника виноделия» В.Е. Таирова.

В журнале имелись постоянные рубрики, посвященные армянскому добровольческому движению, армянским беженцам и сиротам, сводкам с Кавказского фронта, обзору армянской и европейской прессы, деятельности армянских комитетов и благотворительных организаций. В журнале публиковались также материалы, касающиеся русско-армянских, армяно-грузинских отношений, армянской самообороне, особое внимание уделялось положению самой Армении.

В свою очередь, справедливым выглядит мнение Н.Б. Сарухяня, отмечающего, что издававшийся в Одессе ежемесячник не мог иметь такого успеха, как московский еженедельник, редакционный коллектив которого был более многочисленным, вследствие чего редакция издания «Армяне и война» довольно часто перепечатывали материалы «Вестника Армении» [7]. Однако мы не столь категоричны в данном вопросе, поскольку, несмотря на небольшую подписку — 2000 человек, журнал «Армяне и война», издававшийся в третьем городе империи с полумиллионным населением, являлся единственным

подобным изданием на юге России. Не следует забывать, что в журнале размещались материалы собственных корреспондентов, сообщения, касающиеся участия армян в современной войне, письма армянских дружинников, снимки армянских лазаретов и отчеты об их деятельности, портреты героев, убитых и раненых армян. Конечно, к материалам журнала «Армяне и война» необходимо относиться с определенной критичностью, поскольку печатавшиеся материалы зачастую размещались без хронологической последовательности. Журнал имел ряд технических, материальных и кадровых проблем, и уже второй выпуск вышел с опозданием. Данная ситуация возникла вследствие отсутствия бумаги, поскольку фирма-поставщик не предоставила необходимого ее количества, не выполнив своих обязательств. Это послужило объединению апрельского и майского выпусков. Основной причиной прекращения издания журнала, по словам главного редактора, являлось «полное отсутствие в Одессе сотрудников для издательства специального журнала, и отлично понимая, что одному вести такое трудное дело одному не по силам, и не имея в Одессе ни одного сотрудника-армянина, я обратился ко многим армянским публицистам, литераторам, общественным деятелям, журналистам — обещаний было много...» [8]. Невзирая на указанные проблемы, данное издание является важным источником по истории Геноцида армян, армянской действительности тех лет и армянской общины Одессы. Некоторые иллюстративные материалы, а также ряд опубликованных материалов доступны нам лишь благодаря данному изданию.

После закрытия журнала «Армяне и война» одесские армяне на протяжении года не имели своего печатного органа. Если принять во внимание описанные С.М. Газиевым проблемы и общеполитическую ситуацию в стране и в городе (революцию и Гражданскую войну), перспективы создания нового армянского печатного органа представлялись весьма туманными. Однако местная армянская интеллигенция осенью 1918 г. смогла организовать новое армянское издание, газету «Հրապարակ». Первый номер общественно-политической и литературной газеты «Հրապարակ» вышел 5 ноября 1918 г., редактором-издателем и главным редактором выступил А.К. Багдасарянц, известный в Одессе педагог, в последующем доцент Одесского педагогического института. Редакция газеты расположилась по адресу: ул. Екатерининская, 69, т.е. в здании местной Армянской церкви (там же располагалась местная школа и здания местной общины) [9].

Газета издавалась на армянском языке, выходила 2 раза в неделю, по вторникам и субботам. Внешний вид газеты был малопривлекательным и на первый взгляд производил впечатление самиздата. В действительности газета и была самиздатом, поскольку кроме печатного названия все содержание было написано от руки. Но несмотря на подобный формат издание подвергалось военной цензуре (на это указывает печать этого ведомства), что свидетельствует об официальном характере издания.

На данном этапе исследования сложно точно определить, сколько номеров вышло. Нами рассмотрено 73 номера, из которых 17 вышло в 1918 г., 55 (17–72) — в 1919 г. и в 1920 г. — только один номер. Заметим, газета не издавалась непрерывно, поскольку после установления большевистской власти в городе вводилась цензура и большинство периодических изданий вынуждены были прекращать печать. Следует сказать, что после очередного установления в городе большевистской власти 6 апреля «Հրապարակ» сумел продержаться до 29 апреля 1919 г. [10], после чего деятельность газеты была приостановлена, хотя соответствующие директивы и решение нами не обнаружены. Газета возобновила свою работу спустя 5 месяцев после перехода власти в городе в конце августа 1919 г. к Добровольческой армии. И уже 10 сентября вышел 45 выпуск газеты. Начиная с 12 октября того же года еще одним редактором-издателем становится настоятель местной Армянской церкви — протоиерей Ов. Чубарян [11].

Газета имела постоянные рубрики: местные новости, беженцы, последние новости, политическое обозрение, армянский вопрос, официальные ведомости правительства Республики Армения и телеграммы. На страницах газеты также размещалась информация о жизни одесской общины, местных армянах-мecenатах, новости украинского правительства. К материалам, размещенным на страницах газеты, следует относиться критически, особенно к материалам личного происхождения — статьям местных армян. К сожалению, нам не известен тираж газеты, хотя на нее существовала подписка, кроме того, издание можно было приобрести в 3 магазинах местных армянских предпринимателей и, скорее всего, в церковной лавке. Разумеется, газета не имела такого успеха и значимости, как «Армяне и война», но вместе с тем является важным источником для истории местных армян.

Третье известное нам армянское периодическое издание — «Вестник Армении». Первый номер газеты был опубликован 15 марта

1919 г. Всего вышло 27 номеров, из них в 1919 г. вышло 24 номера, а в 1920 г. — 3. Следует сказать, что данный печатный орган также являлся уникальным. Поскольку и это армянское издание выходило в городе в период Гражданской войны, меньше всех номеров увидело свет в период правления большевиков в 1919 г. Газета издавалась на русском языке, в ней размещалась информация о деятельности местной армянской общины, Армянского консульства и Республики Армении, также публиковались литературные произведения. Следует сказать, что, несмотря на весьма содержательную характеристику газеты, исследователи по понятным причинам дистанцируются от материалов, освещающих деятельность местных представительств армянских партий дашнакцутюн и гнчак. Было установлено, что редактором и этой газеты был А.К. Багдасарянц. Именно он стоял у истоков издания двух армянских газет в Одессе, его заслуга как общественного деятеля, редактора и издателя просто бесценна. Благодаря ему мы имеем возможность проанализировать армянскую действительность в Одессе.

Газеты «Հոսիւր» и «Вестник Армении» являются ценными источниками истории армянских общин периода Гражданской войны и геноцида. Однако ни одно из последующих одесских армянских изданий не стало столь масштабным общеармянским изданием, как «Армяне и война». Следует отметить, что начиная с 1916 г. в наиболее тяжелые годы для армян местная армянская интеллигенция внесла неоценимый вклад в общеармянское дело, освещая и донося до общественности информацию о чудовищных преступлениях младотурецкого режима. Безусловно, данная проблематика требует более детального, всестороннего и глубокого исследования.

Примечания

1. Боровой С.Я. Армянская газета в Одессе. К истории издания «Вестника Армении» (1919–1920 гг.) // Историко-филологический журнал. 1966. № 3. С. 294–298.

2. Սարուխանյան Ն.Բ. Հայ-ռուսական հարաբերությունների, Հանգլական հարցի եվ Հայոց Ցեղասպանության լուսարանումը «Армянский вестник» եվ «Армяне и война» պարբերականներումը // Պատմաբանասիրական հանդես. 1999. № 1. էջ 109–122.

3. Там же. С. 297.

4. Алексанян Ов. Армяне в Украине в первой половине XX в. // Гуманітарний вісник. 2013. № 28. С. 578.
5. Калустьян Л.Х. Армянская диаспора Одессы. Одесса, 1999. С. 18.
6. Армяне и война. 1916–1917. № 1–12.
7. Մարտի իրադրությունները Ե. Բ. նույն տեղում... էջ 112.
8. Давтян Д.А. Геноцид армян глазами одесситов. Одесса, 2011. С. 65.
9. Давтян Д.А. История храма Св. Григория Просветителя Армянской апостольской церкви в Одессе. Одесса, 2004. С. 66–71.
10. Հնուսիր. 1919. 29 սպրիլի. № 44.
11. Տէ ու «Հնուսիր». 1919. 22 հոկտեմբերի. № 62.

С.Н. Ктиторov

Армянские учебные заведения досоветского Армавира [1]

Армавир, основанный 21 мая 1839 г. в качестве аула черкесо-гаев (черкесских, горских армян) под защитой российской крепости Прочный Окоп, в дореволюционный период приобрел значение важнейшего религиозного и образовательного центра кубанских армян. Одной из насущных задач первопоселенцев стало возрождение практически полностью утраченных в период проживания в горах Закубанья национальных традиций и церковной обрядности. Решение данной проблемы, тесно связанной с укреплением армянской этнической идентичности, лидеры общины черкесо-гаев справедливо усматривали в школьном и церковном строительстве.

Уже в аульское время в Армавире создаются 3 армянские школы — 2 мужские и 1 женская. Первое местное учебное заведение было открыто по инициативе и на средства пятигорского 1-й гильдии купца Давыда Улуханова. 2 апреля 1844 г. он подал вышестоящим властям прошение, в котором, в частности, писал: «Движимый усердием к распространению просвещения, я вознамерился открыть приходское училище за рекою Кубанью, в Армянском ауле, что против Прочно-Окопской крепости. Особенная цель учреждения предполагаемого приходского училища в сказанном ауле заключается в том, чтобы при нравственном образовании тамошнего юношества

распространить между ними первоначальные сведения на армянском и русском языках. Жители этого аула, коренные армяне, находясь неизвестное число лет в Кавказских горах, в недавнее время переселены Правительством в сказанное место. Ведя кочевую жизнь, они совершенно утратили армянское наречие, и если бы не исповедали Армяно-Григорианскую веру, то по образу жизни и усвоенным привычкам, их скорее всего можно почесть природными черкесами. Для помещения сказанного училища я предположил сначала купить дом и особый флигель для учителя, потом меблировать этот дом и построить все классные для учеников принадлежности, и наконец все эти строения совершенно пожертвовать казне» [2]. Пятигорский купец обязывался в течение первых 5 лет полностью содержать школу, выплачивать жалованье учителю, законоучителю и прислуге, а также снабжать учеников всеми положенными книгами и письменными принадлежностями. После этого срока училище поступало на содержание аульного общества. 10 июня 1844 г. военный министр А.И. Чернышов сообщил, что Император соизволил удовлетворить ходатайство Улуханова [3].

На оборудование дома для армянского церковно-приходского мужского училища всем необходимым ушло несколько лет, и его открытие состоялось 19 сентября 1848 г. [4]. В 1849 г. здесь числился 61 ученик и 3 преподавателя, в 1855 г. — 82 ученика, а в 1859 г. — уже 120 школьников, при том же количестве учителей [5]. В 1855 г. Армавирское мужское училище являлось крупнейшим среди всех начальных школ Кавказского учебного округа.

По данным за 1859 г., основными предметами в училище были русский и армянский языки, арифметика и армяно-григорианский закон Божий. Многие благотворители-армяне проявляли пристальное внимание к нуждам аульской школы. Неизменное покровительство ей оказывал «крестный отец» Армавира Петрос Патканян [6]; местный священник Илья Тер-Осипов Давыдов обязался работать в училище бесплатно; нахичеванский купец Семен Аладжалов подарил в 1849 г. неимущим школьникам 20 армянских учебников [7]. Эти примеры свидетельствуют о налаживании черкесо-гаями прочных связей с армянской диаспорой юга России. Первоначально мужское училище располагалось в деревянном доме, а на рубеже XIX–XX вв. для него было выстроено просторное кирпичное здание, сохранившееся до наших дней на углу улиц Жукова, 116 и Кирова, 5. Сегодня здесь действуют начальные классы средней школы № 6.

В 1865 г. в ауле появляется вторая мужская школа [8]. В 1871 г. азы простейших знаний здесь получали 65 мальчиков, которые изучали русский и армянский языки, элементарные арифметические действия и армяно-григорианский закон Божий [9]. В училище работали по одному преподавателю русского и армянского языка и законоучитель. В эту школу принимались дети коренных жителей черкесо-гаев. Содержалось училище на средства аульского правления. В 1877 г. оно было преобразовано в двухклассное начальное, а в 1882 г. получает название Александровского [10]. В конце XIX в. это учебное заведение являлось самым большим в Армавире. К 1889 г. здесь обучалось уже более 400 мальчиков [11]. При наличии свободных мест за плату сюда начинают принимать и детей иногородних. В связи с появлением русских школьников в 1895 г. в училище учреждается должность законоучителя православного исповедания [12]. В подавляющем большинстве контингент Александровского училища по-прежнему состоял из сыновей коренных жителей черкесо-гаев, обучавшихся тут бесплатно.

Поскольку коренные армавирицы говорили преимущественно по-черкесски, этот язык широко применялся в учебном процессе. Наиболее упорно над разработкой уроков на адыгском языке трудился преподаватель армянского языка Александровского училища Бабасин Александрович Твелов. В письме от 26 октября 1887 г. смотритель училища Иосиф Уманцев сообщил Б.А. Твелову: «Г. Попечитель Кавказского учебного округа ... просит выразить Вам благодарность Его превосходительства за участие в составлении уроков на адыгском языке. При этом Его превосходительство, выражая надежду, что вы и впредь будете относиться с тем же рвением к несомненно полезному делу — собиранию данных о языке армавирицев, указывает, что туземным языком следует непременно пользоваться при начальном обучении, а потому надеется, что Вы примените, пополните и проверите вновь те примерные уроки, кои были представлены: таким путем легко может составиться в будущем книга, весьма полезная при начальном обучении» [13]. Ранее, 7 июня того же года, распоряжением инспектора народных училищ Кубанской области Б.А. Твелову было поручено «написать существующие в Армавирском обществе сказки, предания, рассказы и проч. абхазско-абазинской азбукой» [14].

Таким образом, уже в конце XIX в. преподаватели армавирского Александровского училища вели очень важную работу по собиранию и изучению произведений черкесского фольклора, применяли

в учебном процессе адыгский язык, т.е. занимались таким благородным делом, как сохранение и развитие национальной культуры горцев Северо-Западного Кавказа. Показательно, что этому не только не препятствовала, но способствовала российская администрация. Изучая армянский язык и постулаты национальной религии, дети знакомились с традициями и духовными ценностями далекой исторической родины. Благодаря урокам русского языка и истории молодые армавирицы приобщались к великой русской культуре.

И позднее, вплоть до революции 1917 г., проходившие в Александровском училище внеклассные досуговые мероприятия отличались этнокультурной полифонией. Так, например, во время праздничных утренников здесь регулярно исполнялись русские, армянские и черкесские песни.

Несмотря на возросший контингент школьников, Александровское училище более 30 лет ютилось в тесном деревянном доме и остро нуждалось в новых удобных площадях. В феврале 1895 г. Армавир посетил католикос всех армян Мкртич I. Осмотрев армянские школы селения, патриарх был неприятно удивлен их жалким внешним видом. Пастырь бросил местным армянам упрек: «Вы сами живете в больших палатах, а дети ваши учатся в хижиноподобных школах. Постарайтесь строить школы подобно вашим домам» [15]. Это замечание не прошло даром. Вскоре для всех 3 армянских учебных заведений были сооружены новые корпуса.

В 1899 г. на средства сельского общества возводится двухэтажный кирпичный корпус для Александровского училища [16]. Все внутренние помещения здесь были просторные и светлые. На верхнем этаже находился большой актовыв зал со сценой. Во дворе разбили декоративный сад и цветник. Судьбы выпускников Александровского училища обычно были похожими. Юноши поступали на службу в магазины, склады и конторы (чаще всего к своим родственникам), исполняя обязанности продавцов, упаковщиков или просто «мальчиков» для различных поручений. Многим потом удавалось дослужиться до приказчиков, управляющих, а если повезет, то и открыть собственное дело. В здании бывшего Александровского училища сегодня размещается Армавирская государственная педагогическая академия на углу ул. Люксембург, 159 и Кирова, 44.

В 1869 г. Эмилия Яворская открыла первую в Армавире частную армянскую женскую школу [17]. В 1871 г. она преобразовывает

ся в общественную. Для обучения девочек армавирицы приглашают сюда 3 учительниц [18]. Занятия здесь проводились практически по той же программе и по тем же предметам, что и в мужских школах. Вместе с тем в договоре, заключенном 3 мая 1871 г. между армавирским обществом и учительницами Анной и Елизаветой Никольскими, говорилось, что последние обязуются также обучать девочек разным рукоделиям и танцам [19]. Весной 1895 г. на средства сельского общества начинается сооружение нового кирпичного корпуса армянского женского начального училища. Капитальное и просторное школьное здание возводилось на протяжении нескольких лет и было окончено примерно в 1903 г. [20]. Стоимость строительства составила 40 тыс. руб. [21]. Занятия в женском армянском училище начались только 25 сентября 1905 г. [22]. Школьный контингент составляли как дочери коренных жителей Армавира черкесо-гаев, так и иногородние армянки. В начале XX в. владельцем дворовой усадьбы и здания училища являлась располагавшаяся рядом армянская Успенская церковь. Содержалась школа на средства этого же храма, получая также ежегодную субсидию от сельского правления. Сегодня в здании бывшего женского училища действует средняя школа № 6 (угол ул. Осипенко, 136 и Кирова, 9).

Последнее в дореволюционный период армянское учебное заведение в Армавире появилось уже в тревожные годы Первой мировой войны. Это была начальная школа для детей армянских беженцев из Турции, которые наводнили город после известных трагических событий 1915 г. Данное училище открылось в освободившемся помещении старой армянской Георгиевской церкви, после того как в апреле 1915 г. рядом был освящен новый большой Георгиевский храм [23]. Кирпичное здание старой Георгиевской церкви сохранилось до наших дней по ул. Люксембург, 170. Ныне здесь располагаются жилые квартиры.

Следует отметить, что в рассматриваемый период образовательные запросы армян Армавира не ограничивались только лишь упомянутыми начальными училищами. Естественно, что дети многих состоятельных жителей обучались в местных гимназиях. Немало было и тех, кто поступал в высшие учебные заведения Москвы и Санкт-Петербурга. К 1 января 1916 г. в армавирской мужской гимназии обучались 192 армянина, составлявших почти треть от общего контингента школьников (611 человек); из 745 учениц женской гимназии

195 человек были от Армавирского общества попечения о детях армян [24].

Армянские учебные заведения досоветского Армавира сыграли важную роль в возрождении у черкесо-гаев элементов национальной культуры, поскольку здесь изучались армянский язык и закон Божий. Во всех школах в обязательном порядке преподавался также русский язык, что вело к интеграции армавирцев в российское общество. Однако гораздо большее значение в деле приобщения черкесо-гаев к передовой русской культуре имели контакты с иногородними переселенцами.

Примечания

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках базовой части государственного задания высшим учебным заведениям и научным организациям в сфере научной деятельности в рамках проекта № 944 «Этнолокальные сообщества в поликультурном пространстве России: проблемы универсализма и идентичности».

2. Российский государственный исторический архив. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 623. Л. 3–4.

3. Там же. Л. 8–8об.

4. Государственный архив Ставропольского края (далее — ГАСК). Ф. 15. Оп. 2. Д. 501. Л. 62об.; Погосян Л.А. Армянская колония Армавира. Ереван, 1981. С. 150.

5. Данные за 1849 г.: ГАСК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 501. Л. 62об.–63; за 1855 г.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 11. Тифлис, 1888. С. 722; за 1859 г.: Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. 774. Оп. 1. Д. 216. Л. 57.

6. Именно Петрос Паткянян предложил для армянского аула название Армавир.

7. ГАСК. Ф. 15. Оп. 2. Д. 179. Л. 1, 3.

8. Щербина Ф.А. История Армавира и черкесо-гаев. Екатеринбург, 1916. С. 135; Погосян Л.А. Указ. соч. С. 155.

9. Щербина Ф.А. Указ. соч. С. 135.

10. Кубанские областные ведомости. 1877. № 41; Погосян Л.А. Указ. соч. С. 157.

11. Северный Кавказ. 1889. № 84.

12. Шамрай В.С. Хронология достопримечательных событий, фактов и законоположений, имеющих отношение к истории Кубанской

области и Кубанского казачьего войска // Кубанский сборник на 1913 год. Т. 18. Екатеринодар, 1913. Паг. 2. С. 1.

13. Армавирский краеведческий музей. Ф. 3. Д. 19. О.Ф. 1423.

14. Там же. О.Ф. 1424.

15. Шаган-Симон. Памятник армавирскому четырехголосному хору. Тифлис, 1914. (На арм. яз.). С. 110; Погосян Л.А. Указ. соч. С. 160–161.

16. Извлечение из отчета начальника Кубанской области и наказного атамана Кубанского казачьего войска о состоянии области и войска за 1899 год // Кубанский календарь на 1901 год. Екатеринодар, 1900. Паг. 2. С. 38.

17. ГАКК. Ф. 449. Оп. 2. Д. 1865. Л. 1, 4.

18. Там же. Л. 5–5об.

19. Там же. Л. 9–9об.

20. Архив армавирского филиала Государственного унитарного предприятия Краснодарского края «Крайтехинвентаризация — краевое БТИ». Довоенные фонды. Поквартальный журнал № 29. Подворная ведомость домовладения на углу улиц Первомайской № 7/7 и Бухарина № 116/110.

21. Шаган-Симон. Указ. соч. С. 111.

22. Там же. С. 113.

23. Отклики Кавказа. 1915. № 89, 91; 1916. № 229; 1917. № 117.

24. Кавказский календарь на 1917 год. Тифлис, 1916. Паг. 2. С. 284–285, 286–287.

И.В. Поцешковская

К вопросу формирования культурного ландшафта Нахичевани-на-Дону в последней четверти XVIII — I-й половине XIX вв.

В современных условиях реконструкции исторически сложившихся городов особую значимость приобретает проблема гуманизации среды. Культурный ландшафт является результатом материально и духовно преобразующей деятельности человека. Как отмечает Т.А. Смолицкая, «основное развитие города как феномена культурного ландшафта отражается в его планировочной структуре, раз-

мещении основных функциональных зон, характере городских улиц и даже в самом выборе территории для города» [1]. Угроза агрессивного изменения сформировавшихся городских культурных ландшафтов обозначила актуальность выявления их пространственно-временной динамики и исторической стадийности.

Начальным импульсом развития армянского города в низовьях Дона стала миграционная политика Российской империи на южных рубежах в последней четверти XVIII в., направленная на скорейшее освоение присоединенных земель. В жалованной грамоте от 14 ноября 1779 г. «вышедшим из Крыма Христианам Армянского закона» говорилось: «... Для удобнейшаго поселения вашего отвесь в Азовской Губернии особенную от прочих селений округу крепости Святаго Димитрия Ростовскаго... По заселении вами особаго города при урочище Полуденки с названием Нахичевана и с дачею на выгон онаго 12.000 десятин...» [2]. Среди административных и торговых льгот разрешалось «учредить Магистрат и в нем производить суд и расправу по вашим правам и обыкновениям... пользоваться вечно и потомственно... свободою торговлею вне и внутрь Государства... позволяется строить из собственного вашего иждивения купеческия мореходные суда, разводить нужныя и полезныя фабрики, заводы и фруктовые сады... всякаго звания промыслы распространять по собственной воле и достатку каждаго» [3]. Армянские переселенцы освобождались от всех «податей и служб» на десятилетний период. Пояснялось, что «неимущие же снабдены будут из казны... на построение им домов, лес и прочие припасы отпустятся из казны безденежно; имущественные же на отведенных им землях имеют строить дома, лавки, анбары, фабрики и все, что сами пожелают, из собственного своего иждивения... строить церкви и колокольни с вольным отправлением в оных по законам их всех церковных чиноположений» [4]. Многочисленные привилегии содействовали скорейшему обустройству и развитию Нового Нахичевана. Необходимо отметить длительную обособленность жизни армянского города, имевшего автономность административно-судебного управления и населенного нерусскоязычными гражданами, прибывшими из Крымского ханства и общавшимися на родном языке. Освоение пожалованных Екатериной II земель продолжилось закладкой армянских селений по рекам Дону, Чалтырю, Чулеку и Самбеку. В семи верстах к северу от города был основан армянский мужской монастырь Сурб Хач.

Особенностью стал единовременный процесс освоения пространства будущего города, включавший составление эскизного проекта планировки, проведение землемерных и строительных работ. Первый генеральный план города, датированный 1781 г., был основан на принципах регулярности, характерных для русского градостроительства 2-й половины XVIII — начала XIX вв. Прямоугольная форма плана с главной городской площадью в центре соответствовала относительно ровному, с незначительным уклоном к Дону рельефу местности. В рукописи Е.А. Шахазиза сказано, что освящено было «основание города и четыре угла его...» [5]. Дальнейшее развитие градостроительной структуры Нового Нахичевана было возможно только в северном направлении: с юга городские кварталы ограничивала река Дон, с востока — малая река Кизитеринка, с запада — граница крепости Св. Димитрия Ростовского. Освоение кварталов началось с юго-западной части города вблизи прибрежных водных источников и на месте лучшего предградия Ростовской крепости — Полуденного стана, вошедшего в планировочную схему Нахичевана. Это определило меньшие по ширине размеры западных кварталов нового города. По описанию, относящемуся к 1782 г., из предместий крепости «в особенности растет вновь построенная Нахичевань с ее трудолюбивым армянским населением» [6]. Торгово-ремесленному назначению города отвечала разветвленная сеть дорог, подходивших с севера, запада и востока. Также в начале XIX в. Нахичеван был соединен с заречными землями деревянным наплавным мостом с раздвижной средней частью для судоходства.

Крупное купечество активно занималось строительством и благоустройством. В 1793 г. академик П.С. Паллас отмечал, что армянский асессор Аврамов построил на левом берегу Темерника в нескольких верстах от Нахичевана ферму и гостиницу, а рядом в самой узкой части этой реки — каменную плотину и мельницу [7]. Однако следует уточнить, что данные гидротехнические работы усилили обмеление Темерника, начавшееся после возведения в 1773 г. первого каменного моста через реку в нескольких верстах от ее устья.

В 1790-х гг. наблюдалось перемещение административных функций в центральные кварталы, а территория вблизи Дона включала торгово-промышленную зону и сады. Единым городским центром являлась полифункциональная прямоугольная в плане площадь Гостиная (позже Соборная) с собором (первоначально деревянным, смещенным

в северном направлении), административными и торговыми зданиями (сначала деревянным, затем — двухэтажным каменным магистратом, полицией, гостиним двором с торговыми лавками, постоялым двором), жилыми строениями (как правило с торгово-складской функцией по фасаду). К концу XVIII в. относится упоминание, что жители армянского города «построили на собственный счет городскую думу с красивой квадратной площадью перед ней, окруженную лавками» [8]. Неоднократная перепланировка площади вносила коррективы в конфигурацию зданий гостиних рядов. Построенный в 1783–1807 гг. каменный собор Сурб Григора Лусаворича с трехъярусной колокольной (снесен в 1963 г.) являлся главной архитектурно-градостроительной доминантой окружающей застройки, осевым ориентиром основной магистрали — улицы 1-й Соборной и композиционным ядром всей планировочной структуры города. Улица 1-я Соборная была продолжением дороги из Святодимитриевского укрепления, выходила по оси на площадь Соборную и сохранила функциональную значимость как связующее звено между соседними городами в период после упразднения крепости. Дальнейшее градостроительное развитие Нахичевана сохраняло полную преемственность с проектным решением, заложенным в первом генеральном плане города.

На основе классицистических принципов складывалась система пространственных ориентиров, обогащая речной «фасад» Нового Нахичевана. Среднюю зону городской территории формировали почти радиально расположенные от центра приходские церкви, выступавшие внутриквартальными доминантами: Сурб Аствацацин (1780 г. — деревянная, 1781–1787 гг. — каменная), Сурб Никогос (1781–1783 гг. — деревянная, позже — каменная), Сурб Амбарцум (1781–1783), Сурб Теодорос (1783–1786), Сурб Георг (1783–1787), все ныне утрачены. Церковь во имя Сурб Георга на западной окраине являлась визуальным ориентиром для соседних Доломановского и Солдатского форштадтов (будущего Ростова) и крепости Св. Димитрия. Армянские переселенцы, вышедшие из одной местности (Каффы, Бахчисарая, Карасу-Базара, Гезлева, Ак-Мечети, Эски-Крыма), селились вместе и принадлежали к одному приходу.

Градостроительный каркас был дополнен церковью монастыря Сурб Хач (1783–1792), с 1862 г. — и колокольной (не сохранилась), отличавшейся по стилистике от сложившегося ранее ансамбля. Архитектурный пейзаж монастырского ансамбля был решен в соответствии

с принципами классицизма. Расположение храма на вершине холмистой местности в окружении архиерейского дома, служебных построек и пятимаршевой каменной лестницы, спускающейся к Темернику, определяло доминирующее значение культовой вертикали в окружающем пространстве. Около подножия лестницы начинался деревянный (в 1900 г. замененный на железобетонный) мост, связывавший церковный двор с монастырским парком, в котором «были открыты правильные аллеи... посажены плодовые деревья... заложены цветник и питомник» [9]. При монастыре имелась водяная мельница, функционировали типография (1790 г., переведена в Астрахань в 1796 г.) и общеобразовательная школа (1791 г., здание сгорело в 1891 г.). Учебное и книгопечатное заведения при монастыре Сурб Хач, для которых возвели строения на его восточной стороне, являлись важным научно-просветительным центром и должны были «средством книг и образованных молодых людей распространить знания среди российских армян» [10]. Кроме того, в самом Нахичеване были открыты приходские школы (при церкви Сурб Теодорос — одноклассная, при церквях Сурб Амбарцум и Сурб Никогос — двухклассные для мальчиков и девочек соответственно), а также — начальное приходское училище (1811) и общеобразовательная школа (1837). Следствием влияния национальной культуры армянского народа стало возведение в 1862 г. на расстоянии нескольких десятков метров от основания каменной лестницы каптажного строения родника «Чорхах». Сохранение культурных традиций отразилось в привнесении в наружный и внутренний облик церковных зданий Нового Нахичевана и монастыря Сурб Хач привезенных с собой из Крыма священных хачкаров.

Особенностью формирования застройки Нахичевана стали быстрые темпы строительства. Иностранец Колли в 1817 г. отмечал: «этот цветущий город был построен с 1779 по 1790 г.» [11]. В конце XVIII — начале XIX вв. кварталы в центральной и южной частях города имели в основном деревянную застройку. На севере городской территории, удаленной от Дона, находились временные строения из земляного кирпича. Каменные здания располагались, главным образом, вокруг центральной площади. [12]. В начале 1790-х гг. сохранились лишь «некоторые первоначальные... жалкие хижины, построенные наскоро... но большая часть жителей Нахичевани живут теперь в хороших каменных домиках, крытых черепицею... Дома

поставлены довольно далеко один от другого и снабжены всеми необходимыми удобствами; деревянные дома обмазаны глиною, покрыты черепицею и, таким образом, гарантированы от огня» [13]. Внешний облик города, построенного выходцами из Крыма, контрастировал в отношении соседнего Ростова. Из описания Нахичевани 1809 г. следует: «Сей город знатнее, правильнее расположен и богаче Ростова...» [14]. Граф И.А. Безбородко в начале XIX в. указывал на национальные предпочтения в жилой застройке Нахичевана: «Строения в армянском вкусе. Дома чистые, но б. ч. крыты черепицею. Есть и хорошие каменные дома. Церквей каменных несколько, довольно огромные...» [15]. В конце XVIII — начале XIX вв. у нахичеванских жителей наблюдалось привнесение национальных традиций и в функциональную организацию жилых домов (группировка жилых комнат вокруг прихожей с «cheminсе» — очагом и развитие плана дома в глубину участка. Интересен фрагмент письма Н.Н. Раевского-старшего, датированный 1820 г.: «... За крепостью есть другой форштат, или город армянский, Нахичевань называемый, пространный, многолюдный и торговлей весьма богатый. Образ жизни, строенье, лица, одеянье, все оригинальное» [16].

Армянские переселенцы привнесли на Юг России технологические достижения национальной культуры. Например, при осмотре Нахичевана П.С. Паллас замечал: «В округности видно несколько ветряных мельниц, круглых, построенных на азиатский манер с горизонтальным жерновом; они могут молоть при всяком направлении ветра... Эти мельницы — Армянское изобретение (invention)...» [17]. В начале XIX в. встречается упоминание об использовании для строений города Таганрога черепицы, сделанной новопахичеванцами. Для отделочных строительных работ в Новочеркасск среди прочих специалистов приглашали «знающих мастеров из Нахичевана».

В 1838 г. город был переименован в Нахичеван на Дону [18], между ним и Ростовом была закреплена межа 2 монументами (разобраны в 1933 г.), симметрично установленными по сторонам дороги. До 1852 г. нахичеванцы продолжали пользоваться некоторыми льготами и привилегиями, когда были приравнены к прочим гражданам Екатеринославской губернии и стали облагаться земским сбором [19].

К середине XIX в. застройка Нахичевана на Дону включала множество примеров реализации образцовых проектов, составленных в Таганрогском строительном комитете в соответствии с альбомами

«Собрания фасадов, е. и. в. высочайше апробированных для частных строений в городах Российской империи» 1809–1812 гг. и позже — с образцами из тетрадей фасадов 1838 г. и 1840-х — 1-й половины 1850-х гг. В декорировании фасадной плоскости жилых зданий распространение получил лепной орнаментальный или растительный декор. Климатические особенности южного региона позволили внедрить в функциональные схемы зданий общественно-административного и жилого назначений галереи, балконы, террасы, веранды, парадные крыльца с навесом. И если культовые, общественно-административные здания и парадные особняки Нахичевана на Дону отвечали классицистической стилистике, то фоновая архитектурная среда середины XIX в. стала примером синтеза образцового проектирования и национальных историко-культурных традиций, что сформировало неповторимый колорит армянского города. Архитектурно-художественные ценности исторически сложившейся застройки Нахичевана на Дону (ныне — Пролетарского района Ростова) требуют бережного отношения при реконструкции или создании наполненных культурным содержанием новых пространств.

Примечания

1. Городской культурный ландшафт. Традиции и современные тенденции развития / под ред. Т.А. Смолицкой. М., 2012. С. 59.
2. Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). СПб., 1830. Т. XX. С. 878–879.
3. Там же. С. 879.
4. Там же. С. 879.
5. Шахазиз Е.А. Монастырь Сурб Хач Нового Нахичевана / перепечатано из вестника «Лума», пер. с арм. Ш.М. Шагинян. Тифлис, 1901. (Рукопись). Л. 3–4.
6. Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. Р.-2613. Оп. 1. Д. 19. Л. 23.
7. ГАРО. Ф. 697. Оп. 2. Д. 175. Л. 6.
8. Там же. Ф. 697. Оп. 2. Д. 175. Л. 3.
9. Шахазиз Е.А. Монастырь Сурб Хач Нового Нахичевана ... Л. 9.
10. Там же. Л. 28.
11. Нахичевань в 1817 г. по описаниям иностранца Колли (исторические разыскания по данным Ростовского на Дону Городского музея). Ростов н/Д, 1912. С. 4.

12. Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 3/л. Оп. 23. Д. 960. Л. 16.

13. ГАРО. Ф. 697. Оп. 2. Д. 175. Л. 4.

14 Сватиков С.Г. Ростов на Дону и Приазовский край в описаниях путешественников XVIII века и первой половины XIX века // Записки Ростовского-на-Дону общества истории, древностей и природы / под ред. А.М. Ильина. Ростов н/Д, 1912. Т. 1. С. 89.

15. Там же. С. 86.

16. Архив Раевских. СПб., 1908. Т. I. С. 520.

17. ГАРО. Ф. 697. Оп. 2. Д. 175. Л. 5.

18. ПСЗРИ. Собрание II. СПб., 1838. Т. XIII. Отд. I. С. 114–115.

19. ПСЗРИ. Собрание II. СПб., 1853. Т. XXVII. Отд. I. С. 751.

К.Б. Садым

Основные направления деятельности армянской секции клуба Нацмен на Кубани

Первые годы советской власти характеризуются активной деятельностью различных самодеятельных национально-культурных объединений. По подсчетам Т.А. Коржихиной, до конца 1930-х гг. в стране существовало около 30 национальных организаций, в основном в центральной части СССР [1]. Среди них Всероссийская еврейская трудовая организация «Гехолуц» (1917–1928); Польское культурно-просветительное общество «Труд» (1922); Союз корейцев на территории СССР (1918–1925); Петроградское немецкое культурно-просветительное общество и др. [2]. История большинства из этих организаций еще не написана [3]. Что касается Кубани, то информация о последней из национальных общественных организаций, действовавших с дореволюционного времени (имеется в виду украинская «Просвита»), есть лишь за 1920 г. Больше на Кубани национальных общественных организаций в их прежнем понимании в этот период выявлено не было.

Просвещение национальных меньшинств рассматривалось большевиками как дело государственного значения. 11 мая 1918 г. было принято постановление о создании Народного комиссариата национальностей (Наркомнац), а в октябре 1919 г. окончательно разработан

«Проект положения об организации при комитетах РКП(б) отделов агитации и пропаганды среди национальных меньшинств». В 1918–1920 гг. под эгидой РКП(б) и ее национальных секций как новая форма культурно-просветительных учреждений создавались рабочие и коммунистические национальные клубы. По мнению С.Т. Калтачана, опыт специалистов дореволюционного периода, в том числе в области культуры и просвещения, отрицался, они не были привлечены к сотрудничеству с советскими органами в полной мере, поскольку потребительский подход новой власти к беспартийным деятелям национальных культур исключал возможность их использования для идеологического обоснования проводимой политики [4].

С окончательным установлением власти большевиков на Кубани и Черноморье здесь начинается процесс национализации и советизации всех общественно-культурных и образовательных учреждений. В 1920 г. при областном отделе народного образования был организован подотдел Просвещения национальных меньшинств (Нацмен), главной задачей которого стала борьба с неграмотностью. Была разработана программа в области просвещения этнических меньшинств, в которой одним из основных критериев являлось право обучения на родном языке [5]. В апреле 1920 г. вышло постановление Кубчероблревкома о создании школ национальных меньшинств, подписанное Я. Полуянном. Граждане всех национальностей, проживающих в области, получили право организации обучения родному языку в Единой трудовой школе (ЕТШ). Все расходы на содержание школ брали на себя подотделы просвещения нацменьшинств, в ведении которых к июню 1920 г. находилось 313 школ. Школы открывались там, где было не менее 25 учащихся одной национальности [6].

Следует отметить, что в рамках советской многоукладной школьной системы, именно ЕТШ стала центральным звеном довузовского образования. В ЕТШ обучались дети в возрасте от 8 до 17 лет. Существовали школы I и II ступеней. Школа II ступени состояла из двух законченных циклов обучения (3 года и 2 года) [7]. Согласно «Положению об организации просвещения народов нерусского языка», обязательным стало введение в школах преподавания на 1–2-м году обучения на родном языке, привлечение в детские учреждения национальных работников просвещения, введение в школах учебников на родном языке и перевод самых распространенных из них, открытие национальных детских учреждений, созыв национальных съездов,

конференций, издание газет [8]. В Кубано-Черноморском Нацмене первоначально были образованы украинская, немецко-латышско-эстонская, армянская, польская, греческая, еврейская, литовская, чешская, грузинская, азербайджанская секции. В 1921 г. были организованы бюро, которые руководили работой секций, информировали обо всех событиях, проводили мероприятия среди национальных меньшинств [9].

Развитие сети национальных учебных заведений можно считать приоритетным направлением в деятельности Нацмена. Согласно отчету, в 1921 г. Отделу народного образования региона подчинялась 291 национальная школа. Все расходы на содержание этих школ брали на себя подотделы просвещения нацменьшинств. В последующем сеть национальных общеобразовательных учреждений в регионе продолжала расширяться. Во все населенные пункты Кубани постоянно посылали инспекторов из подотдела национальных меньшинств, которые следили за количеством обучающихся, уровнем подготовки педагогов, материальным и техническим обеспечением учебных заведений. В своих отчетах они писали о необходимости открытия большего числа школ, недостаточном количестве учебников на национальном языке, низкой подготовке педагогического состава и в целом слабой материальной поддержке учебных заведений [10].

Как следует из отчетов инспекторов Нацмена, в Новороссийске существовали культурно-просветительные организации среди украинцев, греков, армян, мусульман, евреев, где периодически устраивались спектакли, интернациональные вечера и митинги для развития общественно-политического сознания населения. Особенно отмечается работа армянской театральной труппы, которая состояла из 24 артистов и за первый год существования устроила 15 спектаклей [11].

В это же время активно работал клуб Нацмен в многонациональном Армавире. Здесь существовали секции ассирийцев, армян и немцев. При армянской секции функционировал театр под руководством известного в городе режиссера из Армении А.К. Гюльназаряна. Театр до начала 1950-х гг. пользовался популярностью среди местных жителей [12].

Как отмечалось в отчете за 1927 г., деятельность армянской секции клуба была наиболее активной. Так, в ней работали драматический, антирелигиозный, литературный, политический, спортивный и шахматный кружки, кружок стенкоров, профкружок, кружок

друзей клуба. При материальной поддержке секции в клубе работало делегатское собрание армянок [13].

Как свидетельствует из протокола заседания коллегии Севкавказного, прошедшего в 1927 г., «культурно-просветительская работа среди национальностей нерусского населения Кубанского округа за последние годы приняла значительные размеры. Для национальностей, которые живут компактными массами (армяне, греки, украинцы, немцы), и четырех мелких национальных групп (татары, поляки, латыши, айсоры) имеется 260 школ (в том числе 7 школ повышенного типа), что составляет около 30 % от всей школьной сети. В 1927 г. работало 46 национальных ликпунктов в 40 избах-читальнях. В Краснодаре существует ряд культурных учреждений Нацмен, таких как: украинское отделение Пединститута, греческое отделение Педтехникума, армянские и украинские девятилетние школы» [14].

Регулярно проводились краевые методические конференции по делам Нацмен. На них обсуждались вопросы повышения квалификации учителей, важности русского языка в деле просвещения народов Кубани, издательской деятельности. Одним из самых важных видов всей политпросветработы признавалась антирелигиозная работа с населением, а также разъяснение политики советской власти [15].

Секции клуба Нацмен посещало практически одинаковое количество рабочих, служащих и учащихся (18, 16 и 17 %), тогда как основной контингент секций состоял из граждан, записанных в графе «прочие» (40 %). Основной формой массовой работы в секциях были доклады на общие темы и научные лекции. Также были распространены постановки спектаклей (часто на национальных языках). Что касается деятельности библиотеки Нацмен, то в ее фондах имелось более 2,5 тыс. книг, для читателей выписывали 27 газет и 25 журналов. За 1927–1928 гг. библиотеку посетило более 14 тыс. читателей.

Клубы Нацмен функционировали в Армавире, Краснодаре, Майкопе, Новороссийске, Туапсе и Сочи. Сфера деятельности национальных секций была разноплановой: на общих собраниях зачитывались лекции по национальной проблематике, доклады на общественно-политические темы, проходили беседы, ставились спектакли и концерты, проводились показы кинофильмов.

На рубеже 1920–1930-х гг. активность в работе Нацмен снижается. Как позже вспоминал профессор И.Э. Акопов, один из членов армянской секции Нацмен, «ослабление работы среди национальных мень-

шинств, в частности армян, можно было предвидеть, так как многие уехали в свои республики, но прекращение этой работы привело к тому, что национальные меньшинства искали место встречи друг с другом. По этой причине... чаще стали собираться в армянской церкви, которая была на углу Красной и Советской улиц. Однако после того как церковь была ликвидирована... не стало места, где можно было собираться армянам, плохо владеющим русским языком или тем, которые жаждут услышать родную армянскую речь. Таким образом, большая и очень важная работа по политическому и культурному воспитанию национальных меньшинств была постепенно прекращена» [16].

С конца 1930-х гг. клубы Нацмен стали закрываться, т.к. власти решили, что основная их функция — борьба с неграмотностью — была реализована, а дальнейшая деятельность могла перерасти в поиск новых форм национальной государственности. На Кубани закрываются и культовые учреждения, являвшиеся центрами коммуникации.

Примечания

1. Коржихина Т.П. К вопросу о взаимоотношениях государства и общественных организаций СССР в условиях государства диктатуры пролетариата // Государственные учреждения и общественные организации СССР. История и современность. М., 1985. С. 57.

2. Там же. С. 126.

3. Ильина И.Н. Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000. С. 33.

4. Там же.

5. Калтахчан С.Т. Марксистско-ленинская теория нации и современность. М., 1983. С. 184.

6. Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 570. Л. 2.

7. Рожков А.Ю. Реформирование системы образования // История Кубани: XX век: Очерки. Краснодар, 1998. С. 57.

8. ГАКК. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 408. Л. 31.

9. Там же. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 570. Л. 3.

10. Там же. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 571. Л. 1–3.

11. Там же. Ф. Р-365. Оп. 1. Д. 812. Л. 10–15.

12. Там же. Д. 579. Л. 18об., 23.

13. Ованесов А. Армавирцы в единой семье народов России. Армавир, 2000. С. 126.

14. ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 5. Д. 201. Л. 1.
15. Там же. Д. 204. Л. 5.
16. Акопов И.Э. Все так и было... (наброски воспоминаний). Ростов н/Д, 2003. С. 157.

Т.Э. Саргсян

Армянское архитектурное наследие в Крыму и проблемы его сохранения

Армянский переселенческий очаг Крыма по долголетию и масштабам культурно-экономической деятельности занимает особое место среди армянских колоний Восточной Европы и Северного Причерноморья. Он возник в результате нескольких миграций, ставших особенно многолюдными после падения Армянского царства Багратидов в середине XI в., и, пережив расцвет в XIV–XV вв., а также сменивший его спад, перешагнул в новейшее время, изрядно убавившись в численности, но сохранив дух созидания.

Армяне Крыма сыграли видную и во многом определяющую роль в формировании поликультурной среды региона. Они привнесли свой многовековой опыт и древние традиции в развитие здесь торгово-экономических отношений, сельского хозяйства, ремесленного производства и культуры. Особенно значителен вклад армян в строительное искусство, в значительной степени повлиявший на местные архитектурные предпочтения. И хотя это наследие, широко представленное в источниках и включавшее культовые, общественные, гидротехнические и фортификационные сооружения, равно как и обилие образцов декоративной резьбы по камню, ныне большей частью утрачено, уцелевшие его составляющие говорят о высоком мастерстве создавших их строителей, каменотесов и резчиков.

Крайне разрушительными для архитектурного ландшафта полуострова, в том числе и армянских построек, стали переломные моменты установления турецкого (1475) и российского (1771–1783) господств. Очевидец событий 1475 г. Нерсэс Кафаеци пишет, что выстрелы турецких пушек много вреда нанесли городу Кафе (ныне Феодосия), много домов и храмов разрушили [1]. В свою очередь М. Бжишкян, монах из Конгрегации мхитаристов в Венеции, ситуацию

в той же Кафе после ее взятия русскими войсками описывает так: «После вхождения русских в Кефэ 29 июня 1771 г., а затем переселения оттуда в Россию 1200 армянских семей город основательно видоизменился, вплоть до того, что пришел в соответствие со своим прозвищем “Новое Кефэ”, поскольку там и камня на камне не осталось не порушенным. И не только далеко простирающиеся стены большой армянской крепости под Франк-хисаром (некогда цитадель генуэзцев — Т.С.) и под внутренней крепостью были до основания развалены, но и почти все дома, магазины и церкви при монастырях были переменены в облик» [2]. Но не только военные действия стали причиной уничтожения армянских построек в Крыму. Вхождение в состав Османской, затем Российской империй сопровождалось резким снижением численности армян. Принадлежавшие им сооружения, оставшись без хозяев, либо переходили к другим и видоизменялись, либо со временем разрушались. Депортация же 1944 г. стала последним аккордом в этой печальной череде.

Обратимся к памятникам зодчества крымских армян, сохранившимся в той или иной мере. Особое место среди них занимают культовые здания, большинство которых относится к XIV–XV вв. Исключение составляют храмы Св. Рипсима в Ялте и Св. Никогаяса в Евпатории, являющиеся постройками российского периода. Уцелели также редкие образцы жилых зданий, несколько фонтанов, остатки фортификационных и гидротехнических сооружений. Каменная пластика представлена более чем 100 хачкарами XIV–XVIII вв., надгробиями, сюжетными и орнаментальными рельефами.

Памятники зодчества крымских армян составляют солидный пласт культурного наследия полуострова. Они распределены следующим образом:

1. Большая часть памятников каменной пластики, а именно хачкаров, сохранилась в стенах храма Св. Саргиса в Феодосии. Их здесь около 90 образцов. Подавляющее большинство сюжетных рельефов находим в храмах Св. Спасителя близ с. Богатое и Иоанна Предтечи в Феодосии. Роскошная орнаментальная резьба отличает храм Св. Рипсима в Ялте. Памятники каменной резьбы встречаются также в других армянских храмах Феодосии, Бахчисарая, Белогорского района (в с. Тополевка, Грушевка, Курское), в монастыре Сурб Хач (Св. Креста), в различных музеях и экспозициях Феодосии, Старого Крыма, Симферополя. В общей сложности численность памятников

этой категории, включая и хачкары, достигает 120 экземпляров. В это число не входят снятые со своих мест резные архитектурные детали.

2. Средневековых армянских фонтанов сохранилось пять. Два в Феодосии, два — на территории монастыря Сурб Хач и один в Алуште — на территории санатория «Утес». Водоток к ним осуществляется по глиняным трубам, чередующимся с очистительными колодцами. Каменные тумбы, пристроенные к водозаборным резервуарам, украшены декором и надписями.

3. Среди армянских культовых зданий Крыма преобладают небольшие однефные залы. Таковые встречаются в Феодосии (церкви Св. Стефана, Св. Пятницы), в с. Тополевка (церкви Св. Пятницы и Св. Саргиса) и Грушевка (церковь Св. Богородицы), в крепости Фуна близ Алушты. К некоторым из однефных залов с запада пристроены гавиты. Это церкви в Старом Крыму, Бахчисарае, Феодосии, Двужерной бухте, Щebetовке, на горном массиве Кара-Даг. Более просторными среди однефных залов являются их трехапсидные варианты — церковь Св. Саргиса в Феодосии и церковь монастыря Св. Стефана близ монастыря Сурб Хач. Уникальным образцом однефного зала является церковь Спасителя у с. Богатое, стрельчатое перекрытие которой в центре переходит в крестовый свод на нервюрах.

Примечательны купольные постройки: церковь Св. Знамения монастыря Сурб Хач, церкви Иоанна Предтечи, Св. Геворга, Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии, храмы Св. Рипсима в Ялте и Св. Никогоаса в Евпатории.

Среди армянских культовых памятников Крыма известен монастырский комплекс Сурб Хач близ Старого Крыма, сохранившийся в относительно целостном виде. В 2002 г. он передан в бессрочное пользование местной религиозной общине Армянской апостольской церкви (ААЦ). Местным общинам ААЦ переданы и церкви Св. Саргиса, Св. Геворга, Св. Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии, храмы Св. Рипсима в Ялте и Св. Никогоаса в Евпатории. Верующим иных конфессий переданы церкви Иоанна Предтечи, Св. Стефана, Св. Пятницы в заповедном участке «Карантин» в Феодосии, являющемся частью бывшей армянской крепости, и Св. Богородицы в с. Грушевка.

Помимо перечисленных объектов, существуют армянские культовые постройки, не имеющие пользователя. Это, в первую очередь, приклонившиеся церковные здания Св. Пятницы и Св. Саргиса в с. Тополевка, церковь разрушенного монастыря Св. Спасителя на окраи-

не с. Богатое, скальная церковь близ с. Курское, церковь в Старом Крыму и церковь Иоанна Евангелиста на территории феодосийского «Карантина». Известны также остатки армянских церквей, представляющих собой памятники археологии. Расположены они в Балаклаве, Феодосии (безымянная церковь), Бахчисарае (полускальная церковь Св. Богородицы), крепости Фуна. К той же категории относятся бывшие монастыри в Двужорной бухте, с. Щебетовка (Отузский), на горном массиве Карадаг, а также монастырь Св. Степаноса близ монастыря Сурб Хач и некоторые другие, в том числе и скальные.

Из наиболее известных жилых построек следует упомянуть кельйные корпуса монастырей Сурб Хач и Св. Степаноса, старый дом Спендиаровых в Белогорске и отцовский дом Айвазовских в Феодосии. Из фортификационных сооружений известны отрезок армянской крепости в Феодосии вместе с воротами, стены и дозорная башня монастыря Сурб Хач, крепость Фуна, остатки монастырской крепости у с. Щебетовка. По мнению ряда исследователей, некоторые крепости в Юго-Западном Крыму, в том числе и Мангуп, также имеют отношение к армянам. Единственной в своем роде ныне является доковая башня на территории армянской крепости в Феодосии.

К сожалению, перечисленные памятники, чудом дошедшие до наших дней, находятся в плачевном состоянии. Часть их из-за отсутствия финансирования погибает, не дождавшись противоаварийных и реставрационных работ. Вследствие этого за счет памятников архитектуры с каждым годом растет число памятников археологии. Последние в свою очередь, будучи открытыми и исследованными, погибают из-за отсутствия консервации и должной охраны. Проблематичны и сооружения, переданные в пользование различным религиозным общинам. Они или не восстанавливаются, или, «восстановившись», обрастают новоделами и теряют дух столетий, национальное лицо, а значит — историческую ценность. Из памятников каменной резьбы наиболее уязвимы выполненные из местных хрупких пород образцы, по тем или иным причинам оказавшиеся под открытым небом.

Сохранение памятников зодчества и каменной пластики крымских армян подразумевает следующие срочные мероприятия:

1. Проведение противоаварийных работ и комплексной научной реставрации по спасению приклонившихся церквей Св. Пятницы, Св. Саргиса в с. Тополевка, Св. Спасителя близ с. Богатое, Св. Геворга и Св. Архангелов Габриела и Микаела в Феодосии, церкви в Старом Крыму.

2. Археологические изыскания вокруг церкви Св. Геворга в Феодосии, монастырских церквей Св. Спасителя близ с. Богатое и Св. Пятницы в с. Тополевка. Консервация культурного ландшафта.

3. Консервация некогда культовых очагов, превратившихся в памятники археологии: церкви в феодосийском «Карантине» и Балаклаве, церковь Св. Богородицы в Бахчисарае, монастыри в с. Щебетовка, Двужорной бухте, на горном массиве Карадаг, Св. Степаноса близ монастыря Сурб Хач.

4. Реставрация сооружений двух фонтанов в Феодосии и одного в Алуште, восстановление их водоснабжения и армянских надписей на фасадах.

5. Закрепление памятников каменной резьбы из хрупких пород. Создание благоприятных условий для мраморных хачкаров и очистка их от плесени.

6. Соблюдение норм научной реставрации. По возможности устранение урона, нанесенного памятникам пользователями при их ремонте.

Примечания

1. Матенадаран им. Месропа Маштоца. Рукопись 7709. Л. 57–58.

2. Бжишкян М. Путешествие в Польшу и другие места, обитаемые армянами, произошедшими от предков из города Ани. Венеция, 1830. С. 344 (на арм. яз.).

А.Ш. Саркисян

Новонахичеванские анекдоты в контексте юмористических миниатюр армянского народа

В 1799 г. по особому приказу Екатерины II около 12 600 крымских армян были переселены на Юг России и осели в новых местах проживания — в Новом Нахичеване (сейчас — Ростов-на-Дону) и 5 смежных селах: Чалтыр, Топти (сейчас — Крым), Мец (Большая) Сала, Султан Сала, Несвита. Расселившиеся на этих территориях армяне продолжили созидать и передавать грядущим поколениям сбереженные, пронесенные сквозь бурные события тысячелетий армянский язык, фольклор и другие национальные культурные ценности.

Богат и многожанров фольклор новонахичеванских армян, в котором своей самобытностью выделяется один из самых любимых и жизнестойких видов наших дней — народные юмористические истории [1]. Согласно имеющимся у нас материалам [2], они имеют следующие характеристики:

1. Развернутые сюжетные юмористические истории, например: «Поминки Халиба» [3], «Как селянин пари держал» [4], «Хитрый человек» [5].

2. Юмористические миниатюры:

а. Развернутые сюжетные юмористические миниатюры, например: «Новая невестка» [6], «Картавые» [7], «Три магарыча» [8], «Праздник всех святых» [9].

б. Короткие сюжетные юмористические миниатюры: «Наш хлеб не улетит» [10], «Умри спокойно» [11], «Хитрый селянин» [12], «Жадный поп» [13], «Привычка» [14], «Селянин и священник» [15], «Полотенца всегда мокрые» [16], «Скупой парень» [17], «Поминки» [18] и др.

3. Юмористические приговорки:

а. Бессюжетные, в форме диалогов: «Шел дождь» [19], «Друг поверит» [20], «Поневоле» [21], «Невозможная вещь» [22] и др.

б. В форме монологов: «Бог в помощь» [23], «Жалоба бедняка» [24], «Примирение» [25] и др.

4. Имеющие смысловую глубину притчи, юмористические миниатюры-басни («Наше тело — мы» [26]) и юмористические поговорки-пословицы в форме диалогов («И наверх, и вниз» (проклинает) [27]).

Юмористические истории с развернутым сюжетом являются правдоподобными народными юмористическими произведениями, в некоторой степени основанными на базе реально произошедших случаев. Например, прототипом Халиба, упомянутого в истории «Поминки Халиба», является четырежды избиравшийся мэром Нор Нахичевана Арутюн Халибян. При его руководстве были незаконно присвоены земли многих селян, из-за чего из 3 сел — Чалтыр, Топти и Мец Сала — в Петербург были отправлены депутаты с жалобой на незаконность [28]. В столице один армянский студент, повстречав наивных земляков, приглашает их на поминки Халиба. Заказывает много еды, наедается, пьет до отвала и, не закрыв счет, незаметно исчезает. Сюжет этой истории напоминает встречу наивного селянина

одного из сел Лори, отвезшего сельские продукты в Тифлис, с кинто (франтом), который назвался «сыном сестры» и сыграл над ним ту же шутку [29].

Как бы народ в юмористических историях языком юмора и сатиры ни критиковал и ни высмеивал отрицательные явления в реальной жизни — зависть, обман, жадность и прочее — тем не менее такие произведения не имеют присущих анекдотам неожиданных, вызывающих смех «новелльных» концовок, следовательно, не могут относиться к жанру юмористических миниатюр.

Некоторые новонахичеванские юмористические миниатюры сохранили смутные отголоски византийской, затем — татарской власти в Крыму (Крымское ханство) и их отражение в фольклоре местных армян. В историях «Праздник всех святых» и «Хитрый человек» эти отголоски отражаются как в сюжетах о межрелигиозных отношениях — армяне и итальянцы (католики) или армяне и татары (мусульмане), — так и в языке. В диалекте новонахичеванцев наличествуют множество тюркских, меньше итальянских и греческих слов, а в последнее время заметно влияние русского языка.

Некоторые юмористические истории локализованы в новонахичеванской среде и носят названия основанных после миграции армянских поселений. Так, например, действия в истории «Как селянин пари держал» происходят в армянском селе: «В одном селе, не то Шалгын, не то Топти, жил один жадный поп...» [30], или в истории «Хитрый селянин» рассказывается: «Один селянин пошел в город Нахичевань...» [31]. Из локализованных произведений стоит отметить также миниатюру «Половина лошади» и, несмотря на то что вместо Новой Нахичевани используется новое название «Ростов», все же подчеркивается, что поселение сохранило свои национальные черты благодаря используемому диалекту, наименованию армянского поселка (Шалгыр-Чалгыр), а также наличию в народно-разговорном языке коротких оборотов речи: «Эй ты, спустишь с арбы, кончилось твое сидение на лошади, теперь мой черед» [32].

Упоминание в одной из историй чисто армянского святилища, как и наличие множества аналогичных сюжетов в областях, населенных армянами, свидетельствуют об армянском происхождении нарратива. Варианты истории «Смени дорогу» [33], где рассказывается, что, для того чтобы появился аппетит, идут в святилище Сурб Карапет (Святой Иоанн Предтеча), есть и в среде амшенских армян Красно-

дарского края (Адлер) [34], где идут к известному в фольклоре Востока врачу Лохману, и в среде джавахских армян, как в истории «Идет паломником к Богородице Матабац», опубликованной в сборнике С. Малхасянца [35].

О том, что новонахичеванские юмористические миниатюры имеют армянское происхождение, свидетельствует и тот факт, что ряд героев имеет сугубо армянские имена, часто с народно-разговорным укороченным звучанием: Асвадур-Аствацатур, Хачуг-Хачатур, Галуст, или имеют распространенные среди армян и укороченные библейские имена: Матеос-Матос, Йоханес-Ованес, Симеон-Симон. Варианты многих новонахичеванских анекдотов-приговорок и юмористических историй встречаются как на территориях исторической Армении, так и в диаспорах, что однозначно свидетельствует об их армянской принадлежности. Из таких можно отметить историю сватовства 3 картавых сестер («Картавые»), известную как из опубликованных [36], так и неопубликованных [37] источников.

Достаточно широки тематические рамки новонахичеванских анекдотов. Они относятся к следующим темам:

1. Религиозная тематика.

Возникшая на основе иноверия конфронтация отражена в ранее упомянутых крымских историях, в одной из которых во время обеда «сталкиваются» армянский и православный («хором») священники [38]. А если гостеприимец — обыкновенный армянин и мусульманин, то условие гостеприимства последнего — не осенять крестом обеденный стол [39]. Схожий сюжет имеет ерзнкийский вариант, где султан приглашает в гости армянского патриарха и патриарх так незаметно осеняет крестом и благословляет обеденный стол, что никто не замечает этого [40]. Во всех случаях благодаря своей смекалке из трудного положения выходят и обычный армянин, и высокопоставленный армянский священник.

Духовенство в новонахичеванских юмористических историях предстает в основном в отрицательных чертах (хитрость — «Поминки» [41], жадность — «Жадный поп» [42], непристойное поведение — «Новая молитва» [43]).

2. Отражение обрядовых действий, которые подразделяются на следующие комплексы:

а. Свадебный обряд (сватовство — «Картавые», раннее замужество — «Невозможная вещь», плач невесты перед свадьбой — «Не

обращайте внимания на мой плач» [44], первый визит новобрачной в дом родителей («дарц»), связанный с темой лени — «Платки всегда влажны» [45]).

б. Похоронный обряд (советы перед смертью, исповедание верности жены перед смертью, похоронная процессия, плач, поминки — «Плач чужого» [46], поминки [47]).

в. Церковный церемониал (богослужение и молитва — «Джигармигар» [48]), паломничество в связи с обжорством — «Смени путь» [49], исповедь и отпущение грехов, связанные с описанием безнравственного поведения — «Исповедь» [50] и т.д.).

г. Народный быт, обыденные взаимоотношения (невестка-свекровь-свекор — «Новая невестка», жена-муж — «Покойся с миром», отец-мать-ребенок — «Ребенок с изъяном» [51] и т.д.).

д. Моральные вопросы (жадность — «Жадный поп» [52], пьянство — «Примирение» [53], «Три магарыча» [54], легкомысленное поведение, супружеская неверность — «Исповедь», многоженство — «Две половинки делают одну целую» [55], лень — «Поминки» и пр.).

е. Детство: школьная жизнь («Ребенок с изъяном», «Остроумный мальчик» [56]).

Среди около пятидесяти новонахичеванских юмористических миниатюр основная масса тематически приходится на истории о духовенстве и взаимоотношениях селянина и горожанина. Во взаимоотношениях сельского и городского жителей центральным мотивом является жадность горожанина. В историях на тему «гостеприимство» городской житель находится в оппозиции к селянину с его сердечностью. Так, например, вариант истории «Наш хлеб не улетит» [57] был издан еще в 1877 г. [58]. Другой вариант, на ахалцихском диалекте, «Крылья отрезаю, чтоб не улетел», издал Ст. Малхасянц [59]. А в алашкертском варианте гостеприимный селянин говорит горожанину: «Ешь, брат, я так отрезал крылья хлеба, что он взлететь не сможет» [60]. Наличие вариантов этой истории в различных историко-этнографических регионах Армении свидетельствует в пользу армянского происхождения сюжета.

В наличных материалах отсутствуют политические темы, что, возможно, является следствием отношения советской системы к такого рода произведениям народного творчества и запретом на их издание.

К слову, в имеющихся у нас под рукой новопахичеванских миниатюрах отсутствуют каламбуры, возникшие на почве переводов. Почти не встречаются такие произведения, которые настолько национальны, чтобы их перевести и распространить среди других народов было невозможно. «Непереводимые» миниатюры — это миниатюры и диалоги об армянской природе, климатических условиях, исторических перипетиях, географических названиях, с применением народных слов и фразеологизмов, вокруг соотношения разных диалектов, их фонетических вариантов и о тонкостях произношения.

Таким образом, как показали структурные, языковые, тематические и иные проявления вариантов, записанных у нахичеванских армян, и их сравнение с вариантами, наличными в других населенных армянами регионах, большая часть имеющихся материалов либо армянского происхождения, либо являются локализованными — арменизированными произведениями. Преваляют короткие юмористические миниатюры с сюжетным строением.

Как и все юмористические миниатюры, новопахичеванские народные юмористические истории, выявляя и критикуя на языке смеха всевозможные пороки, имеют также большую историко-познавательную ценность: содержат в себе историческую, этнографическую, языковую, философскую и др. информацию. Большинство этих произведений, являясь чисто национальными, несут на себе печать историко-политических реалий нескольких веков. Некоторая часть наличных материалов отражает времена греко-византийской, итальянской, татарской, позднее — русской власти. Эти влияния заметны также в языке юмористических миниатюр и анекдотов.

Примечания

1. В данной работе разграничены два термина для различных жанров: юмористическая миниатюра и юмористическая поговорка. Для юмористической миниатюры в качестве характерной особенности избран именно сюжет, нарративный характер, для характеристики поговорки — ее бессюжетность, а также в определенных случаях диалоговый характер.

2. Поркшеян Х.А. Армянская народная словесность Нор-Нахичевана // Армянская этнография и фольклор (далее — АЭФ-2). Т. 2. Ереван, 1971 (на арм. яз.). Шагинян Ш. Вековые корни (далее — ШВК). Ереван, 1980 (на арм. яз.).

3. АЭФ-2. С. 87.
4. ШВК. С. 182–183.
5. Там же. С. 184–185.
6. АЭФ-2. С. 85.
7. Там же.
8. АЭФ-2. С. 91.
9. ШВК. С. 183–184.
10. АЭФ-2. С. 85.
11. Там же.
12. Там же. С. 86.
13. Там же. С. 87.
14. Там же.
15. Там же. С. 88.
16. Там же. С. 89.
17. ШВК. С. 181.
18. Там же.
19. АЭФ-2. С. 88.
20. Там же. С. 89.
21. Там же. С. 86.
22. Там же. С. 87.
23. Там же. С. 88.
24. Там же.
25. Там же. С. 89.
26. Там же. С. 90.
27. Там же. С. 88.
28. Там же. С. 60.
29. Записано автором в г. Кировакан-Ванадзор.
30. ШВК. С. 182–183.
31. АЭФ-2. С. 86.
32. ШВК. С. 180.
33. АЭФ-2. С. 86.
34. Ищущий лекарства для аппетита // Огненный конь / сост. С. Вартамян. Ереван, 1980. С. 64–65.
35. Притчи, легенды, анекдоты / зап. С. Малхасянц. Ереван, 1958. С. 128–129.
36. Картавые девушки // Смеются ванцы. Ереван, 2006. С. 129.
37. Три девушки // Архив Института археологии и этнографии НАН Республики Армения. Фонд В. Казаряна. П. 87. Л. 73.

38. Праздник всех святых // ШВК. С. 183–184.
39. Хитрый человек // ШВК. С. 184.
40. Азнавурян С. Сказки, забавные рассказы. Мичиган, 1971. С. 91.
41. ШВК. С. 184.
42. АЭФ-2. С. 87.
43. Там же. С. 90.
44. Там же. С. 91.
45. Там же. С. 89.
46. Там же.
47. ШВК. С. 184.
48. АЭФ-2. С. 89.
49. Там же. С. 90.
50. Там же. С. 89.
51. ШВК. С. 184.
52. АЭФ-2. С. 87.
53. Там же. С. 90.
54. Там же. С. 91.
55. Там же. С. 86.
56. Там же. С. 89.
57. Там же. С. 85.
58. Назарян О. Анекдоты. Т. 1. Тифлис, 1877. С. 21.
59. Притчи, легенды, анекдоты... С. 124.
60. «Отрезал крылья хлеба». См.: Мадатян К. Говор Алашкерта. Ереван, 1985. С. 157.

А.Е. Тер-Саркисянц

Этнокультурный облик амшенских армян (по полевым материалам 1990-х гг.)

Амшенские армяне — одна из субэтнических групп армянского народа. Первое упоминание об этой группе относится к концу VIII в., когда Армения страдала под властью Арабского халифата. Современник этих событий армянский историк Гевонд сообщает о том, как до 12 000 мужей с женами и детьми во главе с Шапухом Амадуни и его сыном Амамом, добровольно оставив свое имущество и дома, переселились с согласия императора Константина в византийскую область

Понт, где, по преданию, Амам построил новый город Амамашен. По названию этого города и области поселившаяся там группа армян стала называться *амшенцами*. В дальнейшем эту группу пополняли несколько волн армянских беженцев из Ани, покидавших город под давлением тюрок-сельджуков, монголов и других завоевателей. После раздела Армении в 1639 г. между Ираном и Турцией Амшен вошел в состав Трапезундского вилайета Османской империи. В начале XIX в. численность амшенцев составляла не менее 200 тыс. человек. Часть из них была насильственно обращена в мусульманство, хотя продолжала долгое время сохранять, помимо языка, христианские обычаи, обряды и даже имена.

С 1860-х гг. амшенцы начали переселяться из Турции на Черноморское побережье России, включая Абхазию. Переселение шло с поощрения царского правительства в целях освоения этой территории, опустевшей после ухода по окончании Кавказской войны в 1864 г. части адыгов, абазин, абхазов и убыхов в Турцию. Кроме армян, в этих районах разрешалось селиться представителям и других христианских народов, в результате чего на побережье возникли общины греков, немцев, чехов, поляков, молдаван, эстонцев и других. Особенно много армян расселилось по Черноморью и другим областям Юга России в 1915–1916 гг., после известных событий в Турции; в 1918 г. увеличился поток армян из Закавказья. К 1920 г. армянское население Кубанской области и Черноморской губернии возросло до 45,3 и 13,0 тыс. человек, из которых 65,1 и 41,8 % были жителями городов, где они занимались главным образом торговлей и ремеслами. Наиболее крупные массивы армян были в Майкопском и Екатеринодарском отделах (16,7 тыс.), а также в Сочинском и Туапсинском (8,5 тыс. человек). С 1926 по 1953 гг. в составе Майкопского округа существовал национальный Армянский район, в котором имелись национальные школы, велись радиопередачи на армянском языке, выходила газета.

Компактное расселение амшенских армян, особенно в сельской местности (хотя внутри существует деление на трапезундцев, орудуйцев и джаникцев — по названию мест, откуда они когда-то переселились), а также продолжающаяся изоляция от основного этнического ядра — армян Армении — всё это во многом способствовало консервации их этнокультурной специфики. В то же время на их повседневный быт, безусловно, повлияли традиции местного населения.

Основным занятием сельских армян-переселенцев было земледелие и скотоводство. Значительное развитие получили традиционные для них садоводство, виноградарство, виноделие, а также высокая культура разведения табака, которую они привезли сюда со своей родины.

При устойчивости амшенского диалекта западноармянского варианта языка подавляющее большинство современных армян, особенно мужчин, свободно владеет русским, который для горожан зачастую становится родным.

В первое время после переселения амшенцы строили такие же дома, которые были характерны для местного населения, а не двухэтажные срубные дома, оставленные ими на родине. Как правило, это были небольшие одноэтажные жилые постройки из самана, вначале даже без фундамента, с земляным полом, под камышовой или черепичной кровлей, с одной-двумя комнатами и маленькой кухней. В 1990-е гг. в одних селах, например, в Анапском районе, их дома были в основном одноэтажные под двух- или четырехскатными крышами из шифера, в других селах, например, в Адлерском районе, они жили в двухэтажных домах с балконами, под четырехскатными крышами из шифера или жести. Во всех домах была городская мебель.

Традиционный костюм амшенских армян давно заменился обще-европейской одеждой даже у пожилых. В то же время по-прежнему у них сохранялись многие блюда традиционной кухни — *хашлама*, *хаши*, *шашлык*, *толма*, *танов* с пшеницей, *плав* с изюмом, курицей, *каурма*, *лоби*, *гата*, *халва*, *хавиц*; одновременно были приняты густая мамалыга с маслом и сыром (*абыста*), разного рода пироги, которые выпекали, например, под Новый год, с 7 начинками (из творога, фасоли, тыквы, гороха, сухофруктов, лука с яйцами — *хороч*, повидла). В памяти старшего поколения трапезундцев сохранялись традиционные пироги с хамсой. Амшенцы употребляют много овощей, фруктов, зелени, виноградное вино; они любят особые соленья (*тнурши*) — стручковую фасоль с чесноком, зеленью и перцем, огурцы, арбузы; из напитков — кофе. Традиционные молочные продукты (*мацун*, домашний сыр) и хлеб (выпеченный на металлическом листе — *садже* из кукурузной муки — *лазди хац*, а позднее из пшеничной муки — *йокка*) в наше время заменены покупными. Как правило, в 1990-е гг. еще продолжали готовить масло из сметаны в традиционной маслобойке.

Обработанный мною в Краснодарском крае материал похозяйственных книг сельских администраций 7 населенных пунктов, в ко-

торых проживали амшенские армяне (с. Терзиян и Дефановка Туапсинского района, Сукко и Гайкадзор Анапского района, Верхнее Лоо и Горное Лоо Лазаревского района и хутор Оазис Северского района), показал, что из общего числа обследованных в них 1072 хозяйств армян 150 хозяйств (14,0 %) принадлежали одиночкам, а остальные — семьям (922, или 86,0 %). Из общего числа семей более четверти (29,3 %) были малочисленны, т.е. включали в свой состав 2 или 3 человека (наибольший процент их был в х. Оазис — 88,9 %, наименьший — в селе Горное Лоо — 20,3 %). Семьи большего численного состава преобладали главным образом в с. Горное Лоо, где их было почти 80,0 %. Наибольшую долю составляли семьи из двух поколений — 56,9 %; за ними следовали трехпоколенные семьи (32,9 %), наибольшая доля которых была отмечена в селе Горное Лоо (43,4 %). По родственному составу свыше 40 % семей были простыми, в них жили родители с не вступившими в брак детьми. Наибольшая доля их была отмечена в с. Дефановка (49,1 %). Сравнительно много семей представляли собой брачную пару, чаще всего пожилую, например, в селах Сукко, Терзиян и Дефановка их было соответственно 28,6; 20,4; 18,6 %, а в х. Оазис — 55,6 %. Наибольшая доля сложных семей была в селе Горное Лоо, где 12,1 % семей состояли из родителей, женатого сына, внуков и 7,8% — из родителей, их женатых и неженатых детей и внуков.

Для амшенских армян, как и армян в целом, оставался характерным традиционный подход к определению главы семьи, т.е. большинство семей возглавлял старший в доме мужчина, который ими назывался смешанным армяно-русским термином *донэхозяйин* (*дон* — у местных армян означает «дом»). Таких семей было зафиксировано 60,4 %.

В основе взаимоотношений старшего и младшего поколений у амшенцев по-прежнему сохранялось (хотя уже не в той степени, как в прошлом) глубокое уважение к старшим, признание их жизненного опыта, трудовых заслуг. В то же время у них уже не наблюдалось традиционное, строго регламентированное распределение домашних обязанностей между членами семьи, в частности, между свекровью и невесткой. Игравший в прошлом большую роль в семейных отношениях древний обычай избегания (*хайснутюн*, *хайснутин*) оставался у них главным образом в памяти старшего поколения.

При вступлении в брак местные армяне по-прежнему придерживались традиции строгой экзогамии, запрещавшей браки между бли-

жайшими родственниками до 5-го, а иногда и до 7-го колена. В то же время брачный круг в наше время значительно расширился за счет социально неоднородных и национально смешанных браков, браков между городскими и сельскими юношами и девушками, между местными армянами и армянами из других регионов, не поощрявшихся, как известно, в прошлом.

Немало традиционных моментов сохранялось в семейной обрядности. Так, для свадьбы оставались характерными основные ее этапы: стговор (*хоск дрел, хнамутюн*), обручение (*нишандеуш, нишандал*), само свадебное торжество (*хайсник, харсаник*) и послесвадебные обряды. Но в каждом из этих этапов появились и новые черты. Так, при определенной живучести традиционного выбора невесты родственниками юноши в наше время молодые люди всё чаще сами знакомились и решали вступить в брак, не забывая однако предварительно поставить в известность родителей, в первую очередь, мать. Во время сватовства обычай по-прежнему требовал не давать согласия сватам с первого раза. Только во время 3-го прихода сватов в доме невесты накрывали стол, а невеста в знак согласия преподносила отцу жениха на большом подносе полотенце с вышитыми петухом и цветами — яглух, за что тот должен был дать денежный выкуп. В этот день сторона жениха преподносила невесте в качестве залога какое-нибудь украшение, чаще кольцо.

Обычно обручение устраивали через 15 дней после стговора. В дом невесты приходили жених, его родители, родственники, посаженный отец (*гнкяр, гнкаһайр*) и его жена (*гнкагин, гнкамайр*). В доме невесты готовились к приходу гостей, там собирались родственники, но стол заранее не накрывали. По-видимому, это было связано с сохранением у амшенцев утраченной остальными армянами старинной традиции: во время обручения сторона жениха должна была принести в дом невесты все необходимые продукты. Через некоторое время после того, как все гости садились за стол, *гнкагин* выводила невесту и сажала ее рядом с женихом и с «сестрой невесты» — *хайснкуйр*. Центральный акт обручения — когда жених дарил невесте обручальный подарок, обычно кольцо, а невеста ему — рубашку или вышитый ею яглух. Торжественное застолье сопровождалось музыкой, песнями и танцами.

Свадьба начиналась с отправки в ночь с пятницы на субботу в дом невесты *тһилки* («лисиц»), обычно 3–4 мужчин из числа близких жениху родных или соседей. Там они должны были забраться в курятник и украсть курицу. При этом хозяева не должны были показать

вида, что заметили их. Когда же «кража» была совершена, «лисиц» ловили и инсценировали наказание, но после того, как они сообщали, что прибыли сказать о начале свадьбы и подтвердить готовность жениха взять невесту, их отпускали. Визит *тһильки* сопровождался шутками. Сторона невесты посылала с ними жениху и посаженному отцу рубашки, носки, носовые платки, полотенце (*пһэшкир*). Украденную курицу *тһильки* отдавали матери жениха, а она одаривала их вышитыми полотенцами.

Свадебную одежду для невесты покупала сторона жениха, а фату и венец — *гнкаһайр*. Обряд одевания невесты происходил в кругу ее подруг под музыку и сопровождался характерными песнями и шутками. Пояс невесте повязывал ее брат (*һайснахпар*), после чего отец невесты со словами напутствия передавал ее отцу жениха. По завершении застолья невеста прощалась с родительским домом. Начинался приуроченный к этому моменту круговой танец, исполняемый участниками свадьбы вместе с невестой. Мать невесты повязывала на грудь отцу жениха, а иногда и братьям жениха, *гнкаһайру* по одному или по два полотенца. Когда свадебная процессия покидала дом невесты, отец жениха обсыпал невесту мелкими монетами, а ее мать лила вслед ей воду «на счастье».

Перед домом жениха новобрачных торжественно встречали его родители. Мать жениха целовала молодых, набрасывала на плечи невесты отрез ткани на платье, а жениху — яглух; отец жениха сыпал им на головы конфеты, пшеницу, рис, мелкие монеты. Брат невесты требовал от матери жениха живого петуха, которого он сначала трижды обносил вокруг молодых, а затем резал в качестве жертвы у их ног на пороге дома, после чего кровью мазал дверной косяк, лбы и подбородки новобрачных и чертил крест на правой туфле невесты. По традиции под ноги молодым клали две тарелки, которые они должны были разбить одним ударом, причем первым это должен был сделать жених, чтобы быть «хозяином» в доме; при входе в дом невесте сажали на колени маленького мальчика в знак пожелания ей первенца — сына. Затем отводили ее в отдельную комнату, где она немного отдыхала вместе с *һайснакуйр* и где ее кормили обрядовой яичницей. После этого невесту вели к накрытым во дворе в палатках столам, где начиналось застолье с множеством тостов за здоровье и благополучие молодых и их близких, продолжавшееся до глубокой ночи. Застолье перемежалось игрой на народных инстру-

ментах, танцами, в том числе круговыми. Для невесты исполнялся специальный танец — *harsci bar*.

В качестве подарков невеста получала от близких родственников золотые украшения, от других гостей — отрезки материи, посуду, а в наши дни — чаще деньги. Полагалось, чтобы число подарков было четным, если же оно получалось нечетным, то *гнкаһайр* должен был что-нибудь еще подарить. Первую ночь в доме жениха невеста ночевала вместе с *һайснакуйр*, а вторая ночь была брачной. Хотя по обычаю полагалось, чтобы на следующее утро свекровь сама убрала постель молодоженов, чтобы удостовериться в «честности» невестки и одарить ее за это кольцом, в 1990-е гг. об этом уже широко не оповещалось.

На следующий день после свадьбы молодая преподносила родным мужа принесенные из родительского дома подарки. Вечером она по традиции должна была вымыть ноги свекрови и всем мужчинам, начиная со свекра, за что те ее одаривали. Через неделю после свадьбы в дом молодых приглашали мать невесты, других старших родственников, которые приносили с собой повседневную одежду новобрачной, а иногда и ее приданое. Этот визит амшенцы называли *мераһурь*. После этого молодые, *гнкаһайр* и близкие родственники, взяв с собой подарки для родных невесты, впервые шли в дом ее родителей. Через неделю ее брат шел в дом жениха, а утром вместе с молодыми приходил в дом родителей. Здесь молодая оставалась на 1–2 недели, после чего муж уводил ее домой. Эти визиты назывались *һерунц* или *герииша*, т.е. «встреча».

Хотя похоронно-поминальная обрядность местных армян в 1990-е гг. в целом сохраняла свои традиции, определенные изменения в ней происходили. В доме, где находился покойник, по-прежнему было принято открывать двери и окна, чтобы не мешать «выходу души» из тела. Покойника обмывали прохладной водой, одевали в его лучшую или новую одежду и оборачивали белым саваном. Если в прошлом умерших хоронили без гроба и несли на кладбище на сделанных из 7 досок носилках — *сал*, то с 1930-х гг. амшенцы стали хоронить умерших сначала в самодельных, а позднее — в специально заказанных гробах. При выносе из дома гроб по традиции трижды поднимали на руках и опускали, затем ударяли им по закрытой двери и только после этого выносили ногами вперед. В то время кое-где сохранялась традиция приносить в дом покойного по одному полотенцу, но все же

чаще это были деньги. Эти полотенца повязывали на руку участникам траурной процессии, привязывали к венкам, раздавали тем, кто рыл могилу, а также родственникам и друзьям. После погребения под кровать, на которой лежал покойник, клали камень, а ночью его заменяли кружкой воды и ложкой. Первые поминки (*хогуһац*) у амшенцев было принято устраивать в день похорон, но до погребения. На стол ставили разнообразные блюда — куриный бульон с домашней лапшой, борщ, *люля-кебаб*, *толму*, рыбу, кур, пирожки. Поминки обязательны также на 7-й, 40-й дни и через год после смерти, когда на могиле устанавливали памятник.

Амшенцы отмечали и некоторые традиционные праздники — Рождество (*Дзунд*), Пасху (*Задик*). *Вардавар* (*Вардэвор*) и особенно Новый год (*Нор Дари*), сохраняли обряды жертвоприношения (*мадах*), вызывания дождя и др.

В.О. Халпахчян

Рукопись книги О.Х. Халпахчяна «Архитектура крымских армян» и ее судьба

Книга «Архитектура крымских армян» — последний труд историка армянской архитектуры академика О.Х. Халпахчяна (1907–1996), моего отца. На окончательном варианте рукописи поставлена дата «1995 год», но папа продолжал свою работу, в том числе и над этой книгой, до последнего дня своей жизни (5 мая 1996 г.): будучи уже прикованным к постели, почти лишенный зрения, ученый сохранил свою феноменальную память и каждый раз, прослушав кусок текста, указывал, что и куда нужно добавить, что исправить и что проверить. Все его указания скрупулезно фиксировались, и конечный результат одобрялся автором после прослушивания.

Книга открывалась посвящением: «Светлой памяти предков своих — уроженцев Крыма Алмаст и Гукаса Халпахчи (Халпахчян) посвящает автор свой настоящий труд». Рукопись книги, подготовленная автором к печати, состояла в текстовой части из 378 страниц машинописи. Весь иллюстративный блок будущей книги, как сообщила мне в личной беседе арменовед Татевик Саргсян, которая имела возможность ознакомиться с рукописью, судя по последней по но-

меру отметке на стр. 318, составлял 206 фотоснимков и чертежей. В комплект входила также нарисованная на большом листе ватмана контурная карта Крыма, на которую он нанес силуэты построек в населенных пунктах (главным образом — церкви и монастыри). Материал для этой книги собирался много лет и включал розыски в архивах, центральных и местных, России и Украины.

В 1995 г., последнем в рабочей жизни О.Х. Халпахчяна, забрезжила возможность публикации книги «Архитектура крымских армян» в самом Крыму. В связи с этим автором был подготовлен и переправлен в Крым 2-й экземпляр комплекта рукописи. Предыдущую книгу О.Х. Халпахчяна «Национальное в архитектуре Армении», завершённую и переданную в московское издательство «Стройиздат», так и не довели до печати, хотя макет был уже готов, и был отпечатан пробный вариант цветной глянцевой суперобложки с фотографией главной площади Еревана. Это было в конце 1980-х гг., а в 1995 г. рукопись всё ещё лежала в издательстве, которое пока существовало, а суперобложка хранилась у папы. Дальнейшая судьба как первой, так и второй мне не известны.

Полагаю, что возможность опубликовать книгу «Архитектура крымских армян» — результат упорного труда последних лет — много значила для папы. Впервые он обратился к теме архитектуры крымских армян ещё в 1950-х гг. в своей монографии «Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре», которая вышла в свет в Ереване в 1957 г. Затем последовали 14 статей, опубликованных с 1976 по 1996 гг. в различных журналах России, Армении, Украины и даже Италии. Все они были посвящены архитектуре крымских армян. Ещё 4 публикации были осуществлены в журнале «Архитектурное наследие» уже после смерти О.Х. Халпахчяна по его рукописям с авторской правкой.

Итак, основной комплект рукописи в нескольких картонных советских папках (текстовая часть, иллюстрации — фотографии, схемы, собственноручные чертежи памятников и варианты реконструкций), к которым прилагалась контурная карта Крыма в полный ватманский лист, хранился в Москве, у нас дома. После смерти мамы (через неполных 2 месяца после ухода папы) пустовавшую большую часть года квартиру (родителей и мою) использовали для своих нужд близкие родственники, и весь папин архив оказался в их руках. Однако, к глубокому сожалению, этот комплект рукописи был

уничтожен вместе с другими предметами (в том числе и книгами), которые «не пригодились» людям, в руки которых попало наше имущество.

Утрата рукописи книги «Архитектура крымских армян» была одной из самых болезненных потерь для меня, но память подсказывала, что были копии материала, отправленные — то ли целиком, то ли частично — в Крым. Я узнала, что в Крыму есть Крымское армянское общество (КАО), и мне удалось (из Италии, где я живу) раздобыть его координаты. Настоящим подарком судьбы считаю знакомство с Татевик Саргсян. Она написала мне, что в 1995 г. папа переписывался с главным редактором газеты крымских армян «Голубь Массиса» Ваганом Вермишняном и затем передал ему при встрече в Ереване копию рукописи своей книги (с авторской правкой) для публикации в Крыму, к чему В. Вермишнян от имени КАО долго склонял О.Х. Халпахчьяна и давал гарантии скорейшего издания книги. При этом, как свидетельствует Татевик Саргсян, имея вполне понятные опасения, автор отказался дать фотоматериал, а также собственноручно сделанные планы и чертежи до решения вопроса о финансировании издательских работ.

Таким образом, след копии рукописи, пускай лишь текстовой ее части, обнаружился в Крыму, а затем, благодаря поискам Т. Саргсян и ее мужа Меружана Петросяна, архитектора-реставратора, была обнаружена и спасена сама рукопись! Наряду с работой О.Х. Халпахчьяна, как вспоминает Т. Саргсян, КАО намеревалось издать книгу Эммы Корхмазян по миниатюре крымских армян, а также монографию академика Вардгеса Микаеляна по истории крымских армян. Но вскоре героические настроения угасли, и все высланные в Крым ценнейшие рукописи оказались в сыром и грязном подвале. Я в Симферополе обосновалась в 1998 г. и обо всем этом знаю по рассказам очевидцев. Как-то в 2001 г. мой муж спустился в подвал КАО, случайно обнаружил эти рукописи и, возмущенный, принес их домой. Стали сушить отдельно каждый лист. Затем работу Э. Корхмазян (с 64 широкими цветными слайдами миниатюр!) отправили в Ереван. Оказалось, что автор ее давно искала...

Я готовилась сообщить Т. Саргсян, кому и как присылать в Москву драгоценную находку (стараясь по возможности не посвящать ее в ситуацию с родственниками). Однако бандероль, отправленная из Крыма по почте на бывший папин адрес в Москве на мое имя, была

вскрыта теми же людьми и превращена в объект шантажа. И вот мне пришлось вторично оплакивать потерю, а кроме того — огорчить Татевик и открыть ей правду об обстоятельствах утери рукописи. К счастью, оказалось, что находившийся в Крыму текст был отсканирован для подготовки его к публикации. Мои крымские друзья разыскали и это, а через некоторое время, постепенно и не без труда, отсканированный материал прибыл и в мое распоряжение.

В начале 2000-х гг. у КАО снова появилась возможность выпускать книги: в 2004 г. была издана «История крымских армян» В. Микаеляна, а в 2008 г. — «Крымская армянская миниатюра» Э. Корхмазян. «Я не вернула в КАО рукопись Вашего отца, — писала мне Татевик. — Казалось бы, что плохого, если книга будет издана? Но дело в том, что другие авторы, приславшие рукописи годы назад, теперь сами руководили окончательным редактированием своих работ и обеспечивали соответствующий уровень их научности. В случае же с книгой О.Х. Халпахчяна всё намного сложнее. Во-первых, сейчас негде искать отсутствующий иллюстративный материал. Поставить несколько фотоснимков и чертежей общих планов, снять все сноски и ссылки и так опубликовать?» И я подтверждаю, что папа никогда бы не согласился с половинчатым, научно неубедительным воплощением своего труда. Действительно, над книгой предстояла долгая и серьезная работа: набор текста на компьютере, научная редакция в виде редакционных примечаний и разъяснений в свете исследований уже 2000-х гг., обеспечение иллюстративным материалом должного уровня — фотоснимками и чертежами. Часть их можно было восстановить по опубликованным работам автора, а часть необходимо было заново подготовить.

Сейчас комплект рукописи представляет собой текстовую часть с незначительными потерями. Не хватает страниц 301 и 315, а также всей главы о монастыре Сурб-Хач. Последняя существует в виде статьи в журнале «Сурб-Хач». Исходя из формата журнала, редакторы отказались от сносок и ссылок, которые, однако, можно добавить из рукописи самой монографии — из стоящего в конце блока сносок. Структурно книга О.Х. Халпахчяна «Архитектура крымских армян» состоит из предисловия, 2 частей, каждая из которых разделена на 3 главы, заключения и приложения.

Весь сохранившийся текст, уже переведенный в файл, насчитывает 360 страниц. Пробелы в тексте можно будет частично восполнить,

используя опубликованные автором статьи. Но для издания книги «Архитектура крымских армян» на должном уровне следует не только восстановить иллюстративный материал, включавший фотографии архитектурных памятников, архивные чертежи, но также восполнить по мере возможностей пробел от утерянных обмеров и проектов реконструкции разрушенных сооружений, выполненных автором. Это отметил М. Петросян, записавший всю историю находки рукописи этой книги. Важно также дополнить текст результатами исследований по истории и культуре армян Крыма, осуществленных за последние 15 лет: новые данные в некоторых случаях противоречат положениям, высказанным в книге.

Такова проблематика замысла издания в виде книги рукописи О.Х. Халпахчьяна «Архитектура крымских армян».

В.А. Чолахян

Из истории строительства армянской церкви Святой Богородицы в Саратове

Знаменательной вехой в истории армянской общины «Крунк» стало строительство армянской церкви Святой Богородицы. Интерес к предстоящему строительству появился в армянских общественных кругах задолго до создания самой армянской общины. Об этом как о заветной цели армян постоянно говорили на собраниях и встречах общенности. Церемония освящения места будущей армянской церкви (ул. Орджоникидзе, 3) состоялась 18 декабря 2001 г. по случаю проведения торжеств, посвященных 1700-летию принятия христианства в Армении. Глава Ново-Нахичеванской и Российской епархии Армянской апостольской церкви епископ Езрас и многочисленные гости из Армении, Москвы и других городов России заложили первый камень в строительство церкви и установили крест на месте будущего храма.

Одним из обязательных условий для строительства церкви является наличие в регионе местной религиозной организации. С этой целью группа единомышленников 30 июня 2003 г. зарегистрировала Местную религиозную организацию «Церковь Святого Саркиса» г. Саратова централизованной религиозной организации Ново-

Нахичеванской и Российской епархии Армянской апостольской церкви. Духовным пастырем организации (настоятелем церкви) стал Н.А. Авагян (отец Тадеос), старостой — Д.М. Пучиньян, секретарем — А.Г. Григорянц. Членами религиозной организации «Церковь Святого Саркиса» г. Саратова являются К.Ц. Асатрян, Р.А. Давтян, Р.И. Капрелов, Э.П. Пучиньян и В.А. Чолахян.

29 октября 2003 г. президент армянской общины «Крунк» А.Х. Навасардян в письме к мэру г. Саратова Ю.Н. Аксененко и начальнику управления землепользования администрации города обратился с просьбой выбрать новый земельный участок (поскольку прежний был уже занят) и предварительно согласовать проектирование и строительство храмового комплекса в Кировском районе г. Саратова по ул. Аэропорт.

2004–2005 гг. ушли на согласование выбора земельного участка, проекта его границ, а также межевание со всеми заинтересованными сторонами. Общественно-политическая газета «Саратовская панорама» от 25–31 августа 2004 г. проинформировала о предварительном согласовании места размещения церкви в Кировском районе г. Саратова на ул. Аэропорт [1].

Глава Ново-Нахичеванской и Российской епархии Армянской апостольской церкви епископ Езрас 16 сентября 2004 г. благословил перенос строительства армянской апостольской церкви из Заводского района на ул. Аэропорт в Кировском районе г. Саратова.

В соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ, законом Саратовской области от 21.05.2004 № 23-ЗСО «О земле», постановлением Правительства Саратовской области от 05.10.2004 № 216-П, на основании распоряжения комитета по управлению имуществом Саратовской области от 27.03.2006 № 426-р распоряжением комитета по управлению имуществом Саратовской области от 10.04.2006 Саратовской областной организации «Армянская община Саратовской области “Крунк”» был предоставлен в аренду сроком на 49 лет земельный участок из земель поселений с кадастровым номером 64:48:03 02 19:0111, расположенный по адресу: г. Саратов, ул. Аэропорт, площадью 13 286 кв.м для строительства церкви в границах.

На основании распоряжения комитета по управлению имуществом Саратовской области от 10.04.2006 № 560-р армянская община Саратовской области «Крунк» заключила 18 апреля 2006 г.

с комитетом по управлению имуществом Саратовской области договор аренды и приняла названный земельный участок для строительства церкви.

В связи с тем что аренда данного земельного участка составляла около 900 тыс. руб. в год, 15 мая 2006 г. Саратовская областная организация «Армянская община Саратовской области “Крунк”» заключила договор замены сторон и передачи обсуждаемого участка местной религиозной организацией “Церковь Святого Саркиса” г. Саратова централизованной религиозной организации Ново-Нахичеванской и Российской епархии Армянской апостольской церкви.

Однако ввиду отказа комитета по управлению имуществом Саратовской области предоставить указанный земельный участок, 13.02.2007 состоялось заседание Арбитражного суда Саратовской области, признавшего право безвозмездного срочного пользования «Местной религиозной организацией “Церковь Святого Саркиса” г. Саратова централизованной религиозной организации Ново-Нахичеванской и Российской епархии Армянской апостольской церкви» земельным участком из земель поселений, с кадастровым номером 64:48:03 02 19:0111, находящимся по адресу: г. Саратов, ул. Аэропорт, площадью 13 286 кв.м для строительства церкви на срок строительства церкви. Именно данное решение считается окончательным завершением вопроса оформления и выделения земли под строительство армянской церкви в Саратове.

Место на Соколовой горе прельщает многим: церковь красуется над всем Саратовом и видна далеко с Волги и почти изо всего города. В свою очередь, из церкви открывается чудесный вид на Волгу и Заволжье. Очень важно и то, что территория позволяет построить и церковь, и культурный центр в одном месте.

Предлагались различные проекты строительства армянской церкви. Одна часть членов Совета армянской общины предлагала проект небольшого храма с минимальными затратами. А.А. Мартиросян со своими единомышленниками настоял на необходимости принятия проекта строительства храмового комплекса, включающего церковь Святой Богородицы высотой 25,7 м, общей площадью 408 кв.м, а также двухэтажное здание культурного центра, в котором должны были располагаться воскресная армянская школа, музей, выставочные помещения, библиотека, пищеблок, конференц-зал. Некоторые члены армянской общины предлагали отложить строительство церкви

до накопления необходимых средств, но А.А. Мартиросян с единомышленниками настояли на скорейшем начале строительных работ. Поэтому, невзирая на трудности, на свой страх и риск они приступили к строительству, не имея даже полностью готового проекта. Тогда же генеральным подрядчиком был единодушно назначен заслуженный строитель России Агван Мисакович Чавушян. Он пользуется большим уважением и любовью местных армян. Именно этому человеку, его таланту и патриотизму саратовские армяне обязаны рождению замечательного замысла, превосходно воплощенного в жизнь.

Первый проект армянской церкви Святой Богородицы разработал Акоп Дживаян, бывший главный архитектор г. Гюмри. Вскоре, по рекомендации архитектурного Совета Св. Эчмиадзина, архитектор А.Б. Гулян подготовил новый проект, согласованный 04.12.2006 с членами Совета армянской общины «Крунк» и утвержденный католикосом всех армян Гарегином II. Проект церкви Святой Богородицы, соединивший традиции армянской церковной архитектуры, по замыслу его авторов, должен был напоминать каждому армянину покинутую им Родину.

Строительство армянской церкви Святой Богородицы началось в торжественной обстановке 20 мая 2007 г. с закладки в основание церкви капсулы, в которой отмечалось: «2007 г. 20 мая с благословения Святого Эчмиадзина, религиозного центра всех армян, и на добровольные пожертвования армян Саратова началось строительство церкви “Святой Богородицы” как армянского духовного центра во имя сохранения веры и национального самосознания».

По приглашению А.М. Чавушяна 25 мая 2007 г из г. Гюмри в качестве прораба приехал Ашот Мкртчян. Под непосредственным руководством А.М. Чавушяна и А.С. Мкртчяна в начале июня 2007 г. вырыли котлован круглой формы и провели все необходимые подготовительные фундаментные работы: засыпали песок и щебенку, провели трамбовку, изготовили армированный каркас на глубину 1 м из 4 рядов арматуры. Когда один из меценатов-благотворителей, А.М. Кишоян, проверил качество первого бетона для фундамента церкви, то попросил приостановить строительные работы. Дело в том, что бетон на основе местной щебенки не подходит для фундаментных работ и с годами разрушается. Для сооружения фундамента церкви нужен был бетон, изготовленный из гранитной щебенки марки 400, который производили только на заводе ЖБИ № 6 в Энгельсе,

директором которого и являлся А.М. Кишоян. Для освящения фундамента и 16 священных камней 1 июня 2007 г. в Саратов приехал епископ Ерзас. 16 камней, расположенных в основании церкви, символизируют Григория Просветителя, 3 евангелистов и 12 учеников Христа. Заложение этих миропомазанных камней всегда было прерогативой епископов Армянской апостольской церкви.

К 15 августа 2007 г. фундаментные работы были полностью завершены, и строители приступили к возведению бетонного монолитного каркаса церкви. Прораб А.С. Мкртчян предложил параллельно заливать бетонный каркас стен и вести кладку туфом, что, по его мнению, было бы дешевле и быстрее. Однако руководство армянской общины решило сначала возвести бетонный монолит здания церкви, а потом уже приступить к облицовке туфом. В скором времени покрытая бурьяном территория на глазах у многих саратовцев стала превращаться в строительную площадку. Для ускорения начатого дела при армянской общине «Крунк» под председательством ее президента Г.О. Шарояна была образована строительная комиссия. В ее состав вошли многие армяне-строители. Энергично трудились и все члены Совета общины, почти ежедневно можно было встретить среди рабочих А.А. Мартиросяна, Г.О. Шарояна, С.Г. Кагияна, А.К. Косняна, А.М. Кишояна, М.О. Казаросяна, братьев Размика и Владимира Агаббянов и др.

Неожиданным препятствием стали претензии торговой компании «Метро» на территорию, выделенную для строительства церкви. Однако армянская общественность сумела отстоять свою территорию. Погодные условия не всегда благоприятствовали строительным работам: частые дожди и ранние морозы нередко приостанавливали работы. Однако руководство армянской общины рассматривало строительство церкви как святое дело, и люди продолжали работать. В первый год строительства работы велись до середины октября 2007 г. и бригаде А.М. Чавушяна удалось поднять бетонные стены на 6,5 м, в апреле–мае 2008 г. — еще на 2 м.

Однако в начале июня 2008 г. строительная комиссия по согласованию с А.М. Чавушяном решила приостановить работы. Расходы на строительство церкви оказались непосильными. Дело в том, что производственная база А.М. Чавушяна располагалась в г. Пугачеве (в 200 км от Саратова) и приходилось технику и рабочих перевозить на длительные расстояния. По этой причине было принято решение использовать

производственные мощности саратовских армян-строителей. Было принято решение пригласить фирму Д.В. Мкртчяна для продолжения строительства. Строители-монтажники Д.В. Мкртчяна под руководством заслуженного строителя России В.М. Антонова в 2008 г. подняли монолитный каркас церкви еще на 5 м до больших арок. В апреле 2009 г. строительная комиссия решила организовать строительно-монтажные работы хозяйственным способом и вновь пригласила А.С. Мкртчяна работать прорабом на стройплощадку церкви. В 2009 г. залили колонны церкви от больших арок до купола.

Строительный сезон 2010 г. начался в апреле с изготовления купола диаметром 14 м и его установки на каркас церкви. Купол церкви также залили бетоном 350 марки. В целом в 2010 г. бетонные работы были закончены. К 2011 г., благодаря усилиям В. Барегамяна, А. Есяна и А. Мартиросяна стали осуществляться регулярные поставки туфа и базальта из Армении и начались работы по облицовке наружных стен церкви под руководством Р.П. Паносяна. Для него саратовская церковь Святой Богородицы — 5-я в строительной биографии. К этому времени он со своими сыновьями построил церкви в Арташате, Мармарашене, Каначуте и Шаумяне. По предложению Г.О. Шарояна и А.С. Мкртчяна Р.П. Паносян вместе с бригадой каменщиков приехал из Армении в Саратов. В октябре 2012 г. строители установили главный крест на куполе церкви, а в мае 2013 г. — еще один. В 2013 г. завершили облицовку внешних стен церкви и приступили к внутренним работам. Для прочности и теплопроводности мастера-каменщики прикрепляли туф специальной проволокой к бетонной стене и заливали керамзито-бетонным раствором.

К 100-летию геноцида армян в Османской империи в Саратове возведены стены храма Святой Богородицы, на куполах водружены кресты и установлены колокола. Крестово-купольная форма храма с четкими и строгими формами типичной армянской церковной архитектуры даже в незавершенном виде вызывает неподдельное восхищение и гордость. И это не случайно. Здесь все армянское: строительный материал (туф и базальт), скульптор А. Адамян и прорабы А.С. Мкртчян и Р.П. Паносян со своими мастерами и рабочими, приехавшие из Армении, даже многие фруктовые деревья и виноград, привезенные с далекой Родины. Ведь все наши строительные работы отличаются обширностью и размахом, обилием света и продуманностью общего и внутреннего расположения. Все сооружения

выстроены с большим запасом помещений для будущего развития культурно-просветительской и образовательной деятельности армянской общины.

Примечания

1. Саратовская панорама. 2004. 25–31 августа.

К. Хамада

Роль «Исповедания христианской веры Армянской церкви» Иосифа Аргутинского в русской богословской науке

Иосиф Аргутинский весьма известен не только как выдающийся политический деятель, но и как один из первых представителей и покровителей армянской духовной и интеллектуальной культуры в России. Целью данной работы является пересмотр и переоценка его роли как богослова и апологета на основе анализа его «Исповедания христианской веры Армянской церкви» (далее — «Исповедание») [1], опубликованного в 1799 г.

Как следует из предисловия самого Аргутинского к данной книге, он написал ее не только с целью духовного образования молодых армян, проживающих в России и имеющих затруднения при чтении на армянском, но и защиты Армянской церкви от «неподобающего же порицания, несправедливости и напрасной клеветы» [2]. Хотя Иосиф Аргутинский успешно установил дружеские отношения с русскими политическими деятелями, его предисловие к «Исповеданию» подразумевает многообразные предубеждения и несправедливые обвинения по отношению к Армянской церкви со стороны русской интеллигенции. По всей вероятности, это богословское сочинение Аргутинского как главы Армянской церкви и защитника ее веры имело большую актуальность и значение, для того чтобы доказать правоту армянского вероисповедания и защитить его от несправедливой критики.

С таким апологетическим намерением Аргутинский составил свою книгу из русского перевода исповедания веры Армянской церкви и примечаний к нему. В примечаниях он ссылается на отрывки из сочинений таких средневековых армянских богословов, как Григор Нарекаци, Нерсес Шнорали и Нерсес Ламбронаци. Надо отметить, что книга

«Исповедание» имеет характер небольшой антологии цветов армянского богословия. Разумеется, это первая попытка введения интеллектуального наследия Армянской церкви в русскую богословскую науку.

К тому же Аргутинский основывается на сочинениях не только армянских, но и греческих церковных отцов, как Атанасий Александрийский, Кирилл Александрийский и Григорий Назианзин. Кроме этого его широкие богословские знания подтверждает тот факт, что он упоминает сирийского богослова Севира Антиохийского и критически ссылается на послание папы римского Феликса III. Однако, несмотря на такой высокий научный уровень текста, оказалось, что «Исповедание» не привлекало внимания русских богословов того же периода, скорее всего, из-за малого тиража книги и низкого интереса к Армянской церкви в русском научном обществе вообще.

Почти через полвека после своего выхода в свет книга «Исповедание» стала объектом рассмотрения в публичной сфере. После присоединения Восточной Армении в 1828 г. управление Армянской церковью всегда было актуальной задачей для внутренней и внешней политики российского самодержавия. Поэтому проблема ортодоксальности армянской веры начала обсуждаться русскими политическими и научными деятелями с целью определения юридического статуса Армянской церкви в законодательстве империи. Такое политическое положение в 1-й половине XIX в. вызвало потребность в источниках, объясняющих историю и учение Армянской церкви на русском языке. В данной ситуации Нерсес Аштаракец, тогдашний католикос всех армян, принялся за переиздание сочинения Аргутинского. В 1841 г. католикос представил министру внутренних дел ходатайство о разрешении переиздания книги «Исповедания». Как видно из исторических документов [3], прошение подавалось не один раз, но долгое время на него не было четкого ответа. Наконец в переиздании «Исповедания» было категорически отказано в 1855 г., потому что Синод после рассмотрения данной книги пришел к выводу, что «по силе коренных церковных правил, не может разрешить к печатанию догматических и богослужебных книг иноверных исповеданий» [4]. Хотя в XIX в. богослужебную книгу Аргутинского было разрешено переиздать, богословская часть его сочинений, т.е. «Исповедание», после 1-го издания оставалось неопубликованным до 2001 г., когда оно было переиздано в Ростове-на-Дону.

Так как церковная цензура не разрешила переиздание сочинения Иосифа Аргутинского, изучение армянского вероучения в России

развивалось на основе других источников. В 1851 г. в качестве официального изложения веры Армянской церкви Синоду была представлена книга А.М. Худобашева «Исторические памятники вероучения армянской церкви, относящиеся к XII столетию», изданная в Санкт-Петербурге в 1847 г. Она является русским переводом сборника посланий армянского католикоса Нерсеса Шнорали, написанного в XII в. Нерсес Шнорали, на которого ссылается в своем богословском сочинении Аргутинский, был выдающимся богословом, и его письма к византийскому императору Мануилу I считаются одной из наилучших апологетических работ в Армянской церкви. Благодаря этой книге, которая удачно защищает армянское вероучение от обвинения в ереси, во 2-й половине XIX в. среди русских богословов сложилось сравнительно нейтральное отношение к Армянской церкви.

Однако возникла другая проблема. Дело в том, что Худобашев был опытным переводчиком и языковедом, который служил в Министерстве иностранных дел, но он не был специалистом в богословской науке. Поэтому в его книге встречаются неточные переводы некоторых богословских терминов. Самая серьезная проблема заключается в его использовании слова «смешение» для перевода богословского термина, объясняющего, каким образом соединяются Божественное и человеческое естества Христа.

Что касается проблемы соединения Божественного и человеческого естества Христа, т.к. в армянском исповедании веры изложено «едино естество» Христа Богочеловека, Православная и Католическая церкви издавна считали армян еретиками-монофизитами. Однако армянские апологеты строго отличают свое вероучение от монофизитства. В монофизитском богословии «одно естество Христа» означает единственное Божественное естество, с которым человеческое естество слилось и полностью исчезло. С другой стороны, «едино естество» в армянском вероучении означает соединенное естество, в котором не теряются свойства обоих естеств — Божественного и человеческого. Соединение такого образа в армянской богословской мысли выражается армянским словом «харнумн». Это слово переводится буквально как «смешение», но в богословском тексте так же, как греческое слово «миксис», имеет особое значение, а именно, что 2 противоположных элемента или явления составляют гармоническое единое целое. С другой стороны, что касается «смешения» в монофизитском смысле, т.е. слияния двух естеств, при

котором одно совершенно поглощено другим и исчезает, армянские богословы пользуются другим словом – «шпотумн».

Таким образом, в армянском богословии существует строгое различие между двумя словами «харнумн» и «шпотумн», хотя в буквальном смысле оба переводятся русским словом «смешение». Однако Худобашев в своей работе пользуется словом «смешение» для перевода слов «харнумн» и «шпотумн» без примечания. Это вызвало серьезное замешательство у русских богословов, которые изучали армянское вероучение на основании перевода Худобашева.

Профессор Московской духовной академии И.Е. Троицкий, докторская диссертация которого была издана под названием «Изложение веры Церкви Армянские, начертанное Нерсесом, католиком армянским, по требованию боголюбивого государя греков Мануила» [5], анализируя богословскую терминологию армянского вероисповедания на основании перевода Худобашева, сделал вывод, что вероучение Армянской церкви происходило из монофизитства. Троицкий, который не знал армянского языка, считал слово «смешение» в армянском исповедании монофизитским термином, но, как отмечено выше, в армянском богословии слово «харнумн», переведенное словом «смешение», является выражением православной идеи соединения двух естеств и отличается от «смешения» в монофизитском смысле.

Таким образом, недоразумение, возникшее в результате неточности перевода слова «харнумн», препятствовало правильному пониманию армянского вероучения русскими богословами во 2-й половине XIX в. Здесь надо отметить, что Иосиф Аргутинский, как выдающийся богослов, хорошо сознавал важность этой проблемы.

В своем толковании армянского вероисповедания Аргутинский обращает особое внимание на изложения о соединении божественного и человеческого естества Христа. В примечании к выражению, что Христос-Богочеловек соединен «в едином естестве», богослов отличает это выражение от монофизитской идеи, которая объясняет, что естество Христа стало одним в результате смешения двух естеств, т.е. поглощения человеческого естества Божественным. Для подкрепления своего мнения он объясняет слово «харнумн», идею, характерную для армянского богословия, следующим образом: «Слова армянскія, харніель и харнумень, имѣющія иногда, *растворенія* или *смѣшенія* значеніе, о соединеніи двухъ во Христѣ естествъ... употребляемая, *соединять, соединеніе, и тѣснѣйшій соединенія союзъ, означаютъ*» [6].

Данное объяснение доказывает высокую апологетическую способность Аргутинского, который хорошо понимал опасность возникновения недоразумения из-за особенностей терминологии и старался объяснить богословские слова в православном смысле по отношению к русским читателям.

К сожалению, книга «Исповедание» с давних пор остается малоизученной. Однако, поскольку она является не только интеллектуальным наследием, которое передает средневековую армянскую богословскую мудрость из исторической Армении в Россию через Крым, но и доказательством предусмотрительности и высокой способности Иосифа Аргутинского в богословской дискуссии, данная работа достойна рассмотрения современных ученых.

Примечания

1. Аргутинский И. Исповедание христианской веры Армянской церкви [Репр. изд. СПб., 1799]. Ростов н/Д, 2001.

2. Там же. С. 5–7.

3. Российский государственный исторический архив. Ф. 797. Оп. 11. Д. 28250.

4. Там же. Ф. 797. Оп. 11. Д. 28250. Л. 107.

5. Троицкий И. Изложение веры церкви армянской, начертанное Нерсесом, кафеликосом армянским, по требованию боголюбивого государя греков Мануила: Историко-догматическое исследование в связи с вопросом о воссоединении армянской церкви с православною. СПб., 1875.

6. Аргутинский И. Указ. соч. С. 65–66.

В.С. Яновский

Воспоминания М.Х. Эльдаровой в серии «История семьи в истории Кисловодска» (об одном библиотечном издательском проекте)

Судьба рукописей нередко бывает совершенно непредсказуемой. Порой обстоятельства могут складываться таким образом, что, казалось бы, обреченные на утрату исторические источники вдруг обретают вторую жизнь. История, представляющая собой яркий пример

такой ситуации, произошла в городе-курорте Кисловодске в 2013–2014 гг.

Известно, что некоторые люди, а иногда даже и целые семьи, записывают свои воспоминания, фиксируя яркие или другие субъективно-значимые события своего жизненного пути, некоторые известные исторические события, происходившие в их населенном пункте, регионе и т.д. Степень детальности и исторической значимости таких мемуаров бывает различна, но в любом случае такого рода источники обладают определенной исторической ценностью. В свое время такие мемуары, весьма значимые для любого современного историка-краеведа, а также для любого исследователя истории армянского народа, написала Маргарита Христофоровна Эльдарова — человек удивительной судьбы, прошедший без малого 90-летний жизненный путь.

Маргарита Христофоровна Эльдарова (урожденная Сергеева) родилась в 1877 г. в Астрахани, в богатой, довольно патриархальной, но высококультурной армянской семье. Отец Маргариты Христофоровны — Христофор Григорьевич Сергеев — был купцом, имел чин коллежского секретаря. Мать Маргариты Христофоровны — Магдалина Григорьевна Будагова — происходила из небогатой, но уважаемой семьи астраханских армян. Будаговы принадлежали к дворянскому сословию.

Детство и юность Маргариты Христофоровны прошли в родной Астрахани. Но семья часто отправлялась отдыхать на курорты или же совершала путешествия по России и за рубеж, что впоследствии было также зафиксировано в мемуарах. Затем последовала учеба в Женевском университете, защита тезы (диссертации) по естественным наукам, возвращение в Астрахань, где Маргарита Христофоровна работала на ихтиологической станции. В тот же период она вышла замуж за успешного предпринимателя Ивана Георгиевича Эльдарова, родила двух дочерей. Незадолго до начала Первой мировой войны семья уехала в Москву. А в 1917 г. в связи с необходимостью курортного лечения Маргарита Христофоровна приехала с дочерьми в Кисловодск, как оказалось, навсегда. Революционные события 1917 г. и Гражданская война не позволяли думать о возвращении в Москву или Астрахань, где Эльдаровых и Сергеевых знали многие, а отношение к бывшим богачам стало особенно враждебным. Маргарите Христофоровне было суждено прожить в Кисловодске 50 лет, сначала учительствуя в школе, а затем находясь на пенсии. Здесь же она и скончалась в 1967 г., всего две недели не дожив до своего 90-летия.

На склоне лет Маргарита Христофоровна на основе своих дневников написала воспоминания. Основная ценность мемуаров заключается в том, что они прекрасно иллюстрируют особенности быта обеспеченной астраханской семьи 2-й половины XIX — начала XX столетий, а также советского учительского быта. Кроме того, в воспоминаниях М.Х. Эльдаровой содержится много ценных сведений, которые будут, несомненно, интересны всем, кто изучает историю Астрахани, Кисловодска, Кизляра и ряда других городов. Особый интерес представляют личные впечатления Маргариты Христофоровны, полученные ею в годы обучения в Женевском университете, когда она много путешествовала по различным странам Европы. Своего рода изюминкой мемуаров является то, что они написаны по дневникам, а соответственно, каждый жизненный период отличается особенным восприятием окружающего мира автором. В детские и юношеские годы ее интересуют практически исключительно семья и дом, широкий круг родственников и друзей семьи. Проживая в Европе, где она окончила университет и получила степень доктора естественных наук, Маргарита Христофоровна интересовалась также и искусством, и наукой, и жизнью людей в тех странах, где ей доводилось бывать. Учительствуя в Кисловодске, она подробно фиксировала многие события, происходившие в системе народного образования в городе Кисловодске с начала 1920-х гг. и до гитлеровской оккупации. Послевоенные воспоминания — это уже домашний уют и тихая жизнь в кругу небольшой, но любящей семьи.

Уже после смерти Маргариты Христофоровны внучка автора — Маргарита Дмитриевна Эльдарова — оформила ее воспоминания в виде 60-страничной машинописной рукописи в твердом переплете. И все последующие годы рукопись хранилась у нее. Маргарита Дмитриевна жила одиноко, уединенно, мало общалась с родственниками. Вероятно, в какой-то момент она стала опасаться, что столь ценные для нее мемуары бабушки так и останутся неизвестными историкам, краеведам. Потому ей хотелось поделиться имевшимся у нее бесценным материалом с людьми, которые могли бы его по достоинству оценить. Летом 2013 г. меня познакомила с Маргаритой Дмитриевной наша общая знакомая — профессор Санкт-Петербургской консерватории, кандидат искусствоведения Эра Суменовна Барутчева. Маргарита Дмитриевна показала мне рукопись, дала мне ее на некоторое время для ознакомления, высказала пожелание о том, чтобы эти

воспоминания были частично или полностью опубликованы. Но тогда об этом было еще сложно говорить с определенностью. Ведь предстояла большая работа по подготовке текста к публикации. Но еще большую сложность представляло издание этих воспоминаний. Ведь здесь все упиралось в вопросы финансирования — традиционно весьма болезненные в нашей действительности.

Я сделал цифровую копию машинописного текста воспоминаний, после чего оригинал был возвращен Маргарите Дмитриевне. После ознакомления с текстом стало понятно, насколько большую историческую ценность имеет и для краеведов, и для исследователей истории армянского народа попавший ко мне материал. В связи с этим созрело решение обратиться в Центральную городскую библиотеку им. А.И. Солженицына (г. Кисловодск) с предложением об издании воспоминаний М.Х. Эльдаровой под эгидой библиотеки. С большим интересом идею поддержала заместитель директора библиотеки, кандидат педагогических наук Ирина Николаевна Петросова. Она высказала идею о том, что этими воспоминаниями можно начать целую серию библиотечных изданий, которую можно назвать «История семьи в истории Кисловодска».

Длительное время ушло на поиски спонсора. Муниципальное бюджетное учреждение, конечно же, не располагает собственными средствами, достаточными для книгоиздательской деятельности, столь дорогостоящей в настоящее время. Однако спонсор все же нашлся. Им выступила армянская национально-культурная автономия «Крунк» г. Кисловодска в лице ее председателя Сурена Артаваздовича Манукова. В это же время я начал работу по подготовке текста к публикации. Когда эта часть работы была выполнена, предстояло написать комментарии к устаревшим терминам и географическим названиям, на что ушло также продолжительное время. Затем мною была подготовлена вступительная статья.

Однако в то время, когда упомянутая кропотливая работа еще выполнялась, произошло печальное событие. Осенью 2013 г. скоропостижно ушла из жизни Маргарита Дмитриевна Эльдарова. Ей не суждено было увидеть изданную книгу мемуаров ее бабушки. В связи с неожиданной смертью Маргариты Дмитриевны у издательского проекта возникла неожиданная проблема — отсутствие фотографического материала. Поэтому в качестве иллюстраций к книге нам пришлось использовать виды Астрахани, Женева и Кисловодска, датированные концом XIX — началом XX вв. Большую помощь оказал

житель Кисловодска, заслуженный художник России Юрий Арамович Багдасаров, который безвозмездно предоставил для оформления книги свои графические работы «Старый Кисловодск. Армянский поселок» и «Старый Кисловодск. У фонтана (Старые птички)». Также им был разработан дизайн обложки книги.

Когда все было подготовлено, в феврале 2014 г. материал отдали в издательство «МИЛ» в г. Кисловодске. Была произведена верстка, а затем и печать небольшого тиража в 100 экземпляров. В апреле 2014 г. тираж был готов. 25 апреля в рамках «библиотечной ночи» была проведена презентация издания, открывшего серию «История семьи в истории Кисловодска». Тираж был направлен в учреждения культуры Кавказских Минеральных Вод, крупнейшие библиотеки страны и Ставропольского края, один экземпляр передан в Национальную библиотеку Республики Армения.

После презентации в газете «Кавказская здравница» вышла статья И. Сtryжковой, посвященная выходу книги воспоминаний М.Х. Эльдаровой. После того как статья эта была размещена в интернете, о выходе книги узнали дальние родственники Маргариты Дмитриевны Эльдаровой, о которых нам прежде ничего не было известно. На связь с библиотекой им. А.И. Солженицына вышли правнучка Маргариты Христофоровны — Надежда Владимировна Жованик из г. Люберцы Московской области и внук Маргариты Христофоровны — Михаил Васильевич Чумак из Усть-Лабинского района Краснодарского края. Они были очень рады тому, что книга воспоминаний издана, а бесценная рукопись не затерялась в безвестности. Михаил Васильевич предоставил библиотеке копии ценных фотографий из домашнего архива купцов Сергеевых и семьи Эльдаровых. Также потомки М.Х. Эльдаровой оплатили повторное издание воспоминаний с дополнениями, исправлениями и новым иллюстративным материалом, представленным уже не отвлеченными видами городов, а фотопортретами М.Х. Эльдаровой и ее близких. Уже в ноябре 2014 г. увидел свет повторный тираж мемуаров Маргариты Христофоровны Эльдаровой.

Реализация этого скромного издательского библиотечного проекта внесла неоценимый вклад в историческую науку и историческое краеведение города Кисловодска и Ставропольского края, а также в сохранение исторической памяти как одной конкретной семьи, так и, думается, всего большого, распространившегося по различным частям и регионам земного шара армянского народа.

РАЗДЕЛ IV. ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕДСТАВИТЕЛИ АРМЯНСКОГО НАРОДА

Н.С. Авдулов

О гражданственности в творчестве М.С. Шагинян

В год литературы естественно обратиться к наследию выдающихся писателей, в творчестве которых заметное место занимают история и культура армянского народа. В их ряду выделяется литературная деятельность Мариэтты Сергеевны Шагинян. Многотомное художественное наследие писательницы включает яркие, глубокие описания армян, постижение их характера, национальной самобытности, трудолюбия, жизнелюбия и дружелюбия. В дневниковых записях, очерках, статьях она с глубоким проникновением представила красоту армянской природы и доблестный труд талантливого армянского народа. Так, в отчет за 1951 г. о проделанной работе она записала: «Прежде всего — переработала на 30 %, изменив почти каждую страницу, убрав до 5 листов и вписав до 10 новых, свое “Путешествие по Советской Армении”, чтобы подготовить его второе издание. На это у меня ушло несколько первых месяцев 1951 года». Кроме того, написано 29 газетных статей, 9 рецензий, 4 «открытых письма». Сделано 16 выступлений на различных собраниях, 4 больших доклада, в том числе для ереванского студенчества в Государственном университете Армении, для комсостава в Доме офицеров г. Еревана» [1]. В этой записи содержатся сведения количественного порядка о выполненной работе. По ним можно судить о месте армянской тематики в ее творчестве.

Более важную, существенную сторону ее деятельности составляет содержание, направленность, общественная значимость ее произведений. Наиболее выраженной особенностью является их гражданственность, ее включенность в общие дела своего народа. Гражданственность в понимании М.С. Шагинян есть служение своему народу, ответственность и долг перед ним, умение чувствовать себя неотрывно от массы, видеть и слышать ее нужду, как свою, ее интерес, как свой интерес.

«Писатель, желающий реалистически отразить нашу жизнь, не может сделать это “гладко” и “пассивно”. Изображая борьбу, он становится ее участником, занимает определенную точку зрения на события, проводит эту точку зрения в книге, выступает за передовое и правильное, борется против отсталого и неверного». По ее словам, писатель — это борец, все равно, как назвать эту борьбу — «новое со старым», «передовое с косным», «правильное с неправильным». Она высоко ценила те книги, которые возбуждали бодрые, боевые, оптимистические чувства, и сила их заключалась в прямом, оперативном влиянии на действительность, в укрепляющем, цементирующем действии на нее. Она постоянно беспокоилась о том, чтобы слово писателя не превращали в холостой выстрел, а огонь очищения — в тление.

Критикуя макет «Очерки истории советской литературы», Мариэтта Сергеевна отмечала, что грубый недостаток макета — это его «мирнообновленческий» тон. Не показан боевой характер советской литературы, не показано развитие ее в борьбе и через борьбу. «Каждый шаг завоевывался нами в борьбе, мы боролись с пережитками капитализма и в своей среде, и своим собственном сознании, боролись со старыми творческими методами, которые висели, как колодки, на наших руках, боролись с ошибочными направлениями в нашей литературе...» [2].

Она была глубоко убеждена в том, что писатель, познавая жизнь для описания, не смеет превращаться в пассивный «аппарат восприятия», в человека, который смотрит и не видит, слушает и не слышит, добру и злу внимая равнодушно, проходит мимо зла и неправды. Мариэтта Сергеевна объездила всю страну вдоль и поперек не как путешественник, а как активный деятель, которому до всего есть дело, включаясь непосредственно в процесс изучения и решения многих проблем. И повсюду она активно, заинтересованно не только смотрит и слушает, но и вопрошает, стремится докопаться до первопричин как положительных, так и порочных явлений в жизни. Каждое ее слово, каждая строка обладает высоким эмоциональным накалом, искренней взволнованностью, жгучим желанием поправить, устранить, преодолеть, ускорить, улучшить положение общественно значимых дел. Своим зорким взглядом она выявляет появление нового, светлого, передового и их влияние на жизнь простых людей.

«В Армении, — пишет она в дневнике, — сейчас меняют все старые названия, оставшиеся от арабских, турецких, персидских

завоевателей, на новые, чисто армянские; меняет их сам народ, сама жизнь. У некоторых деревень были просто оскорбительные названия — завоеватели давали их в насмешку. Другие названия порождены нуждой, бедствием, бесплодием земли — сейчас на месте этих деревень цветущие колхозы-миллионеры. Переименования не только необходимы, они отображают историю, политически важны. Ведь, например, переименование “Улуханду” (имеющий хана) и “Сухой фонтан” — дело политическое, — и хана нет, и воды сейчас в “Сухом фонтане” сколько угодно» [3]. В деревне Арени она собирает сведения о колхозе, встречается с Героем Социалистического Труда Анант Багдасырян. В Микояновском районе она интересуется тем, сколько лет живут в данной местности. Ей рассказывают о стопятилетнем старике, который прошел пешком 28 км, чтобы первым проголосовать на выборах. Волосы у него черные, слух хороший, зрение хорошее. Морщинист, весь сморщен, а имеет 100 трудодней. В районном центре Мартуни Маризтта Сергеевна расспрашивает о проблемах животноводства, со знанием дела рассказывает о костромском опыте. Это не просто праздное любопытство. Ее гражданский пафос не имел границ. За все хорошее и плохое, что встречала в жизни, она испытывала свою личную ответственность. Обо всем хорошем она талантливо рассказывала на страницах журналов и газет, все нерешенное, недодуманное и испорченное она страстно обличала, звонила во все колокола, стучала во все двери и не успокаивалась до тех пор, пока не были приняты соответствующие меры.

На глубокие размышления навело ее посещение собрания армянских писателей с участием Аветика Исаакяна. По этому поводу она писала: «Когда видишь старшее поколение писателей, зная при этом уже отстоявшуюся индивидуальность каждого, невольно хочется сказать молодежи: посмотрите на этих людей — писание для них — профессия, дело жизни; вы видели каменщиков-скоростников, как они тешут и кладут камень на цементную прокладку, как искусно вяжут камни друг с другом, чтоб было прочно, на века, чтоб сцепились наружными гранями, вплотную — это искусство; а старые писатели именно так орудут со словом, выбирают, тешут, вяжут, чтоб слово сцепилось прочно. Для них нет и не может быть такого неуважения к слову, чтоб “сунуть” его “как попало”, ведь слово — это кирпич здания. Чего еще не хватает молодым писателям, так это *нравственного* понимания своей профессии и ее труда» [4]. В этих словах выражена

еще одна грань гражданственности литературной деятельности. Гражданственность — это нравственная позиция, когда писатель передает себя другим, служит словом людям.

М. Шагинян была активным и последовательным участником движения за мир, помогала людям «чувствовать бессмысленную чудовищность войны, ее дикость», «осознать всю антинародность войны» и тем самым укрепляла «в сознании основные человеческие истины». Любимой темой ее творчества был поиск нового, источников новаторства, выявление связей и зависимостей. Она с увлечением пишет о стахановском движении, о движении за улучшение качества на каждой операции, в каждом звене единой технологической цепи. Многие факты, по ее словам, «увлекли тем, что мысль стала работать вперед, обгоняя их, показывая новые пути и обобщения. Проверка на последующую стадию, проверка своей работы у того, кто будет эту работу делать дальше, вплоть до проверки законченной работы на самом потребителе, — какой это грандиозный, новый, действенный принцип, связывающий наше производство и нашу экономику в один великий нравственный узел: не для выгоды, не для выколачивания прибыли, а для удовлетворения потребностей общества — вот в чем цель нашего труда и общества» [5]. В этих словах выражена подлинно гражданская позиция писателя, помогающего осознать общенародный смысл любого нового конкретного дела. Она была противником всего отжившего, консервативного, старого, мешающего людям жить свободно, достойно и радостно. «Еще не исчезла, — отмечала она, — старина в архитектуре и планировке домов, в делении на мужскую и женскую половину. Есть семьи, где, пригласив вас к себе в гости, вам не покажут жену и детей. Когда вас угощают в армянской деревне, да кое-где и не только в деревне, хозяйка дома подает, но не садится с вами за стол. Эти черты быта и психологии людей сейчас терпят коренную ломку, но следы их еще долго остаются» [6].

Неслучайно героями ее художественных произведений, очерков, статей всегда были люди неординарные, поборники нового, бескорыстные творцы и борцы за передовое, за лучшую, чистую жизнь людей. Она с восторгом пишет о жизни М. Налбандяна, заполненной страстной борьбой «против своих темных сил, поповского мракобесия, невежественных армян-капиталистов, их грубых финансовых махинаций» [7].

В блестящем очерке «Микаэл Налбандян» она подробно описывает жизненные подвиги героя, его огромное литературное наследие, вклад в армянскую культуру. «Работы М. Налбандяна, — писала она, — отмечены страстью публициста, свежестью и стремительностью мысли и той цельностью, которая присуща передовым борцам человечества» [8]. Нельзя без волнения читать ее романы и повести о Гете, Т. Шевченко, И. Мысливчике, очерки и статьи об А. Пушкине, Н. Гоголе, Л. Толстом, М. Шолохове, А. Ширванзаде, А. Исаакяне. В них раскрывались художественные заслуги, творческие достижения, свободолобие и устремленность в будущее — к лучшей жизни людей.

С юных лет Мариэтту Сергеевну, привыкшую «всякое открытие в мысли тотчас переводить в практику, в действия», терзала мысль: «как строить и как понимать взаимоотношения между старым и новым, культурой и революцией? Как поступать самому, если жизнь ставит тебя перед выбором между консервативностью и революционностью? Всякий ли консерватизм плох, всегда ли революция хороша? И если я буду решать этот вопрос конкретно, всякий раз исходя из условий времени, обстоятельств, целей, один раз — так, а другой — этак, не превращусь ли я в отвратительного философа-релятивиста, спекулятора, жонглера идеями, для которого абсолютной истины нет?» [9]. И всякий раз она выбирала то решение, то действие, которое служило росту нового в интересах общего дела.

Литературное наследие М.С. Шагинян есть своего рода хрестоматия гражданственности, арсенал средств и приемов художественного служения своему народу.

Примечания

1. Шагинян М.С. Дневник писателя. М., 1953. С. 347.
2. Там же. С. 442.
3. Там же. С. 21.
4. Там же. С. 50.
5. Там же. С. 325
6. Там же. С. 344.
7. Шагинян. М.С. Человек и время. М., 1982. С. 19.
8. Шагинян М.С. Микаэл Налбандян. Собрание сочинений в 9 т. Т. 7. М., 1953. С. 417.
9. Шагинян М. Человек и время... С. 208.

А.Г. Асатрян

Деятельность композитора Александра Спендиарова в Крыму

Вековая дружба между армянским и русским народами нашла отражение в искусстве. Настоящим символом армяно-русских музыкальных связей является композитор, дирижер и музыкально-общественный деятель Александр Афанасьевич Спендиаров (Спендиарян, 1871–1928). Классик армянской музыки, он был учеником Н.А. Римского-Корсакова. Трудно переоценить роль последнего в творческой судьбе А.А. Спендиарова. В своей автобиографии А.А. Спендиаров напишет: «...мечты мои осуществились: в большом волнении весной 1896 г. я предстал перед Николаем Андреевичем с кипой своих работ, просмотрев которые, Н.А. признал во мне наличие всех данных для посвящения себя самым серьезным занятиям композицией и выразил согласие стать моим учителем. Великую радость и несказанное удовлетворение испытал я — и только с тех пор уверовал в свои силы» [1]. Кстати, Н.А. Римский-Корсаков очень высоко ценил творчество своего талантливого ученика. А портрет учителя долгие годы висел в просторном кабинете А.А. Спендиарова [2].

Прошли годы... В ночь с 7 на 8 июня 1908 г. Н.А. Римский-Корсаков скончался. Его смерть глубоко потрясла А.А. Спендиарова. Под впечатлением от безвозвратной потери армянский композитор сочиняет «Траурную прелюдию на смерть Римского-Корсакова», премьеры которой состоялась ровно через месяц после кончины его учителя. В Ялте 10 июля 1908 г. был организован симфонический вечер, посвященный памяти Н.А. Римского-Корсакова, в программу которого были включены только его произведения. Перед началом концерта дирижер Антон Эйхенвальд предложил почтить память скончавшегося композитора вставанием, после чего впервые была исполнена проникнутая строгим настроением «Траурная прелюдия на смерть Римского-Корсакова» А.А. Спендиарова.

3 июля 1901 г. А.А. Спендиаров с семьей переезжает в Ялту — в дом № 3 по улице Екатерининской [3]: начинается ялтинский период творческой деятельности музыканта, который длился до 1916 г. и был весьма бурным, активным и плодотворным. Именно в Ялте

состоялись встречи и дружба с Чеховым, Горьким, Шаляпиным, Глазуновым, Лядовым, Кюи, Аренским, Блюменфельдом и другими представителями русской культуры. Многие ялтинские старожилы рассказывали, что видели «Чехова, Горького и Спендиарова прогуливающимися в хорошую погоду по набережной. Чехов посередине, Горький и Спендиаров с двух сторон» [4].

Результатом творческого содружества с Максимом Горьким стало создание в 1902 г. баллады «Рыбак и фея» для баса с сопровождением симфонического оркестра (ор. 7), которую композитор посвятил М. Горькому. Премьера состоялась 21 апреля в Ялте, в зале Общественного собрания во время концерта известного пианиста А.Б. Гольденвейзера. Аккомпанировал ему автор музыки. А в 1911 г. А.А. Спендиаров сочиняет мелодекламацию «Эдельвейс» (ор. 21, № 2) на текст одноименного стихотворения в прозе из пьесы М. Горького «Дачники».

В 1910 г. на текст монолога Сони из пьесы «Дядя Ваня» А.П. Чехова композитор сочиняет мелодекламацию с сопровождением оркестра «Мы отдыхаем», премьеры которой состоялась 4 февраля 1910 г. в Городском театре Новикова, во время мероприятия, посвященного 50-летию со дня рождения А.П. Чехова, в исполнении И. Мальской и А.А. Спендиарова и имела громадный успех. «С удивительной чуткостью г-н Спендиаров переложил на музыку чеховские стоны. Струны рояля тихо плакали и вторили музыке надежд бедной Сони “Мы отдыхаем”...» [5]. И неслучайно в 1912 г. за этот опус композитор удостоился премии имени Глинки.

В Ялте А.А. Спендиаров сочинил многие из своих лучших произведений, которые принесли автору мировую славу. Здесь же состоялись премьеры многих опусов композитора. В 1903 г. композитор создает первую серию «Крымских эскизов», которую посвятил памяти своего соотечественника, всемирно известного художника-мариниста И.К. Айвазовского. 4 сентября в Ялте, в городском саду, во время бенефиса симфонического оркестра состоялась премьера «Крымской сюиты» А.А. Спендиарова, которая имела огромный успех. Кстати, именно в Ялте композитор активно занимался собиранием и изучением музыкального фольклора местных народов, записал и обработал множество украинских и крымскотатарских народных песен.

Ровно 110 лет назад в письме, адресованном Г.А. Меликенцову, от 7 июня 1905 г. А.А. Спендиаров пишет: «В конце мая я закончил

симфоническую картину для большого оркестра на стихотворение Лермонтова «Три пальмы». Пока не услышу ее в оркестре, не берусь о ней судить. Размеров моя симфоническая картина довольно солидных: около 100 страниц партитуры. Продолжительность исполнения — 20 минут» [6]. В оркестровку А.А. Спендиаров впервые включил бас-кларнет и контрафагот. Премьера симфонической картины «Три пальмы» (ор. 10) состоялась 25 августа 1905 г. под управлением автора [7].

О петербургской премьере «Трех пальм», которая состоялась 2 марта 1906 г. под управлением автора и восхитила слушателей своей свежестью и мелодичностью, тонкой гармонией и оркестровкой, композитор в своей автобиографии написал: «Сочинение это было не только весьма сочувственно принято публикой, но удостоилось лестного одобрения больших музыкальных авторитетов — Римского-Корсакова, Глазунова, Лядова и др., принявших меня с этого времени в свою семью» [8]. Кстати, Н.А. Римскому-Корсакову особенно понравился эпизод прибытия и ухода каравана с сопровождением колокольчиков, которые он в шутку назвал «спендиарфоном» [9], а также заключительная мелодия гобоя под сурдинку. 27 ноября 1908 г. «Три пальмы» удостоились премии имени Глинки.

Среди ялтинских опусов композитора выделяются симфонические произведения: «Концертный вальс» для оркестра (ор. 18, 1907) и сюита для симфонического оркестра «Крымские эскизы» (2-я серия, ор. 23, 1912), вокально-симфонические произведения: элегия «Несжатая полоса» (ор. 8, 1902, сл. Николая Некрасова) для смешанного хора и баса-соло с сопровождением оркестра, романс «Озимандия» (ор. 12, № 4, 1904, сл. Перси Биши Шелли, рус. пер. Константина Бальмонта), легенда «Бэда-проповедник» для контральто с оркестром (ор. 19, 1907, сл. Якова Полонского, премия имени Глинки, 1910), героическая песня «Туда, туда – на поле чести» (ор. 24, 1914, сл. А.А. Спендиарова, навеянные эпилогом романа основоположника новой армянской литературы и нового литературного языка Хачатуря Абовяна «Раны Армении») и концертная ария «К Армении» (ор. 27, 1915, сл. Ованеса Ованесяна, рус. пер. Константина Бальмонта).

Среди вокальных произведений знаменательны вокальный квартет «Ветка Палестины» (1901, сл. Михаила Лермонтова) для смешанных голосов с сопровождением оркестра и кантата «Памяти

В.В. Стасова» (ор. 16, 1907, сл. Владимира Лихачева) для хора с сопровождением фортепиано, а также вокальные сочинения с сопровождением фортепиано, в том числе написанные в 1906 г. на стихи Афанасия Фета: «Веселись о сердце-птичка», «Только встречу улыбку твою» и «Песнь Гафиза», «Восточная легенда» (1906, сл. Самуила Маршака) и т.д.

Именно в Крыму, в Севастополе, состоялся дебют Спендиарова-дирижера: 6 июня 1902 г. в городском театре состоялся симфонический концерт В.С. Терентьева при участии А.А. Спендиарова. В 1-м отделении прозвучала «Концертная увертюра» А.А. Спендиарова под управлением автора [10]. За дебютом последовали многочисленные выступления А.А. Спендиарова в качестве дирижера, а позже, уже после переезда в Армению, А.А. Спендиаров активно участвует в создании Армянского симфонического оркестра. Кстати, в Ялте А.А. Спендиаров развернул и активную общественную деятельность: под его председательством здесь было учреждено Армянское благотворительное общество, он всемерно способствовал организации музыкальной и концертной жизни этого курортного города.

В 1924 г. А.А. Спендиаров переезжает на родину — в Армению, где спустя несколько лет, 7 мая 1928 г., внезапно и безвременно прервался творческий полет композитора, ушедшего из жизни в полном расцвете сил.

Прошло 87 лет со дня смерти великого композитора, но он продолжает оставаться одним из немеркнущих символов армяно-русских музыкальных связей. Об этом свидетельствует Дом-музей музыкальной культуры имени Александра Спендиарова в Ялте, памятник — бронзовое полуфигурное изображение (1971, скульптор — А. Карапетян), ялтинская детская музыкальная школа имени А.А. Спендиарова и одна из названных в его честь улиц города.

Примечания

1. Слово о Спендиарове: К 100-летию А.А. Спендиарова, 1871–1971. Ереван, 1971. С. 17.
2. Спендиарова М. Летопись жизни и творчества А.А. Спендиарова. Ереван, 1975. С. 178.
3. Спендиарова М. А. Спендиаров. М., 1964. С. 72.
4. Спендиарова М. Летопись жизни и творчества А.А. Спендиарова... С. 87.

5. Там же. С. 187.
6. Там же. С. 114.
7. Программа. Музей литературы и искусства имени Чаренца, музыкальный отдел. Фонд А.А. Спендиаряна. № 2217.
8. Спендиарова М. Летопись жизни и творчества А.А. Спендиарова... С. 124.
9. Там же. С. 123–124.
10. Там же. С. 82.

Г.Д. Базиева

Межнациональный диалог в театральной культуре (о творчестве династии Каграманян в Кабардино-Балкарии)

Театр как синтетический и коллективный вид искусства, обладая ярко выраженными национальными чертами и характеристиками, является интернациональной и международной площадкой. Особенно ярко театральный интернационализм проявляется в смешанных труппах, когда люди различных вероисповеданий и национальностей, следуя единому сценарию и выполняя целостный режиссерский замысел, создают произведение искусства, нерасчленимое на части.

Русский драматический театр им. Горького в г. Нальчике открыл занавес в 1936 г. и был первым профессиональным театром в Кабардино-Балкарии. На его открытие прислали поздравления артисты МХАТа И.М. Москвин, В.И. Качалов, артистка Малого театра А.А. Яблочкина. Значительное влияние на развитие театральной культуры в республике оказал приезд в Нальчик в августе 1941 г. эвакуированной из Москвы большой группы театральных деятелей, среди которых были народные артисты СССР В.И. Немирович-Данченко, М.М. Тарханов, О.Л. Книппер-Чехова, В.И. Качалов, И.М. Москвин, А.К. Тарасова. М.М. Тарханов консультировал постановки спектаклей Русского драмтеатра «Человек с ружьем», «Кремлевские куранты», «Шел солдат с фронта», под его руководством была поставлена пьеса А.М. Горького «Мещане». В.И. Немирович-Данченко, просмотрев пьесы Кабардинского театра «Женитьба», «Таланты и поклонники», «Каншоубий и Гошаях», тщательно проанализировал игру актеров, убедил их в важности шлифования актерского

мастерства. «Не ожидал, что увижу в Нальчике такую школу, такое хорошее направление реального искусства... Национальное вливается в большое русло искусства» [1].

Долгое время труппа Русского драматического театра формировалась из приезжих русских актеров, только в конце 1960-х — начале 1970-х гг. в театре начинают работать представители как титульных этносов, так и диаспор, проживающих на территории КБР. Станислав Каграманян (уроженец г. Георгиевска Ставропольского края, выпускник режиссерского факультета МГУКИ) работает в Русском драматическом театре им. М. Горького с 1976 г. За долгий период разнообразной художественной деятельности в театре (как в роли актера, так и режиссера) С. Каграманян продемонстрировал широкий диапазон творческого дарования, был удостоен звания «Заслуженный артист КБР», стал лауреатом премии народного артиста РФ известного кабардинского актера А. Тухужева. Такие «знаковые» постановки театра, как «Ханума», «Женитьба Бальзаминова», «Вдовый пароход», «Рядовые», «Живи и помни», «Поминальная молитва» и др., трудно представить без исполнителя главной роли заслуженного артиста КБР Станислава Каграманяна.

Несмотря на то что амплу артиста можно определить как комедийное, он сыграл ряд острохарактерных ролей, наполненных глубинным драматизмом. В 2002 г. в Русском драмтеатре была поставлена пьеса Г. Горина «Поминальная молитва», в которой актер сыграл главную роль молочника Тевье. По мнению народного артиста КБР Б. Кулиева, «история жителей деревни Апатовка имеет общечеловеческие корни: такое случалось множество раз еще с библейских времен. Мы помним, что происходило в Армении, в Азербайджане, в Средней Азии. Мы видим ситуацию с некоренными гражданами в бывших союзных республиках. Я сам в шестилетнем возрасте был депортирован в “телячьем” вагоне, меня, как и десятки тысяч других людей, увезли с моей земли» [2].

При работе над постановкой спектакля «Поминальная молитва» в Русском драматическом театре режиссер Б. Кулиев, а также актерская труппа театра внимательно просмотрели видеокассету спектакля, поставленного М. Захаровым в театре «Ленком». В результате была выстроена такая режиссерская концепция, которая не повторяла, а дополняла и обогащала первоначальную постановку пьесы удивительно точной и выразительной передачей этнографического

материала (свадебный обряд, свадебный танец жениха и невесты и др.). По мнению Б. Кулиева, «оптимизм и тонкий юмор — естественная принадлежность еврейского характера. Именно этими чертами отличается мой спектакль от спектакля Марка Захарова» [3]. Спектакль «Поминальная молитва» Г. Горина, поставленный Б. Кулиевым, получил Золотую медаль и Диплом с присуждением «Лауреата седьмой Артиады народов России».

Примером интернационализма может служить также фильм «Дорога на край жизни» (1995 г.) о депортации балкарского народа (режиссер Р. Мурадян, который является также и автором сценария (совместно с Г. Бокаревым), и сопродюсером фильма (второй продюсер М. Кабардиков)). В пронзительной киноленте в одной из главных ролей снялся сын Станислава Каграманяна — Грант. Три сына актера и режиссера С. Каграманяна (Артем, Грант и Вазген) связали свою жизнь с искусством. Артем и Вазген работают режиссерами на телевидении, а Грант Каграманян (ныне работающий в театре «Et cetera» А. Калягина) более 10 лет проработал в качестве режиссера и актера на сцене Русского драматического театра им. М. Горького. Играл в спектаклях: «Моя профессия — синьор из общества», «Декамерон», «Поминальная молитва», «Золушка», «Блез, или Любовь по-французски», «Ограбление в полночь», «Невеста из Имеретии», «Женитьба» и многих других. В спектакле «Любовь по-французски» по пьесе Клода Манье Грант Каграманян выступил и режиссером спектакля, и автором музыкального оформления, и исполнителем главной роли.

Артем Каграманян — театральный режиссер, прозаик и поэт. Из наиболее интересных работ последнего периода — спектакль «Гоген. Драма и комедия одной души», премьера которого состоялась в Центре-музее В. Высоцкого в 2013 г. Вазген Каграманян — режиссер отдела кино дирекции оформления эфира Первого канала — снимает документальные и художественные фильмы. В 2009 г. в документальном фильме В. Каграманяна «Провинциальные театры России» принимали участие С. Безруков, В. Стеклов, Г. Каграманян и др.

В изучении вопроса соотношения национального и общемирового в культуре в последнее время исследователи все чаще обращаются к термину «диалог» (еще М. Батхин отмечал, что национальная культура взаимодействует с другими культурами на основе диалога культур [4]). Так, В. Библер рассматривает культуру как «трагедию

трагедий», «когда одна в другую (как в китайской костяной головоломке) вточены многообразные шаровые поверхности драматического действия и катарсиса, когда реальное общение и взаиморазвитие отдельных персонажей осуществляется как общение и диалог культур» [5]. Настоящий период характеризуется кризисом универсального сознания, дроблением духа, в этом смысле театр призван заполнить духовную нишу, проповедуя идеалы добра и гуманизма, воспитывая культуру межнациональных отношений, способность находить общее в частном, общечеловеческое в национальном.

Примечания

1. Немирович-Данченко В.И. Избранные письма. М., 1954. С. 430–431.
2. Эльдаров М. Пьесу предложил спонсор // Газета Юга. 2002. № 5 (414). 31 янв. URL: <http://www.gazetayuga.ru/archive/2002/05.htm> (дата обращения 02.02.2015).
3. Кулиев Б.Х. В поисках третьей реальности. Нальчик, 2007. С. 45.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
5. Библер В.С. Культура. Диалог культур // Вопросы философии. 1989. № 6. С. 36.

Ю.Н. Герасимова

Гусар из Лазаревского института: поворот в судьбе М.Т. Лорис-Меликова

Интерес к личности Михаила Тариеловича Лорис-Меликова (1824–1888), генерала от кавалерии, графа, в первую очередь, связан с его военно-административной деятельностью и участием в реформе государственного управления России. Однако в исследованиях о М.Т. Лорис-Меликове почти не освещался период, предшествующий началу его карьеры и имеющий отношение к выбору его жизненного пути. Впрочем, для дворянина путь был один — служба государю. Введение в оборот новых источников и переосмысление прежних позволило прояснить некоторые фрагменты его жизни в ранний период.

М.Т. Лорис-Меликов родился в Тифлисе. Долгое время точная дата его рождения оставалась неизвестной; Впрочем, справочные

издания почти единогласно называют 1825 г. В справочной статье Д.Н. Шилова это 19 ноября 1824 г., 21 ноября 1825 г. или 20 декабря 1825 г., в статье И.Е. Дронова — 1825 г. или 1 января 1826 г. [1]. 1825 г. называют годом рождения Лорис-Меликова и авторы его биографий, а именно Г.Г. Даниелян в книге «Генерал граф Лорис-Меликов: его жизнь, военная и государственная деятельность», а также Б.С. Итенберг и В.А. Твардовская [2]. К.А. Бороздин, автор воспоминаний о графе [3], также придерживается этой датировки. Но достоверной следует считать дату, указанную в копии свидетельства из Тифлисского армянского духовного правления, выданной «сыновьям дворянина Тариела Лорис-Меликова Михаилу и Василию, в том, что они действительно суть сыновья законвенчанных супругов, происходящего из дворян Тариела Лорис-Меликова и супруги его Екатерины Ахвердовой, первый родился 1824 года октября 19-го дня, а второй 1831 года августа 3-го дня, и по обряду восточной Армянской Церкви крещены тех же годов и месяцев армянским протоиереем Тер-Иоанесом Паронбековым в Тифлисской Могнинской церкви ...» [4]. В подтверждение этому Л.А. Бабаян ссылается также на надпись, сделанную на надгробной плите памятника во дворе церкви Сурб-Геворк в Тбилиси, из которой следует, что ребенок родился 21 октября 1824 г. Косвенным подтверждением этой даты служат и воспоминания врача Н.А. Белоголового [5].

Детские годы мальчика прошли в Тифлисе. Его отец, Тариел Зурабович, был из старинного рода армянских дворян [6] и занимался торговлей с Лейпцигом; ребенок больше общался с матерью, чем с отцом, и Михаил рос «привольно, но без всякого воспитания». В источниках и в биографической литературе неизменно отмечается «полудикый характер отца, который едва умел подписать свою фамилию по-армянски, а по-русски ничего не знал» [7], хотя он сделал все, чтобы сын получил образование. Впрочем, сам Михаил Тариелович эту заботу почитал случайной, и решающую роль в этом отношении он отводил случаю — встрече отца с горным офицером В.В. Клейменовым, который уговорил его не жалеть денег на образование [8]. Из воспоминаний К.А. Бороздина известно, что к братьям был приставлен русский воспитатель, а затем Лорис (прозвище М.Т. Лорис-Меликова) продолжил обучение в Тифлисском пансионе Арзановых и армянском Нерсесовском училище. Со слов Н.А. Белоголового мы узнаем, что к мальчикам также был приглашен наставник, но на 11-м году жизни старшего брата отвезли в Москву. Еще в Тифлисе Лорис обнаружил

прекрасные способности к учебе, при этом он обладал высокой работоспособностью, хорошей памятью и знанием иностранных языков.

В Москве Михаил поступает в Лазаревский институт восточных языков. Но окончить полный курс в этом престижном учебном заведении ему не удалось. Источники называют несколько версий его ухода из института. Первая связана с признанием и утверждением рода Лорис-Меликовых в русском дворянстве, что, в свою очередь, стало поводом для отца направить мальчика в военное училище. Эта версия выглядит неубедительной, поскольку утверждение рода Лорис-Меликовых в русском дворянстве произошло задолго до поступления Михаила в Лазаревский институт. Более убедительна вторая версия, Н.А. Белоголового. Со слов М.Т. Лорис-Меликова, тот был исключен из института за шалость (вместе с товарищами он приклеил учителя к стулу). Этот проступок сделал реальной угрозой его возвращения домой, и только благодаря заступничеству влиятельных армян «начальство смилоствивилось и, удалив мальчика из института, позволило ему для продолжения образования переехать в Петербург» [9]. В столице подросток определяется в приготовительный пансион горного инженер-полковника Вержбицкого, а затем начинает обучение в школе гвардейских подпрапорщиков и юнкеров. Обстоятельства выбора и поступления Лориса в школу до сих пор остаются неизвестными. Можно лишь предположить, что к решению вопроса о будущем — военной службе — он подходил отчасти самостоятельно. С другой стороны, точно не известно, был ли этот выбор осознанным желанием самого Лориса.

Но выбора, в сущности, не было; все дворяне стремились служить! Это, во-первых, было почетно, а во-вторых, сделать карьеру можно было исключительно на военной службе. Г.Д. Щербачев, в частности, отмечал, что «все высшие государственные должности министров, сенаторов, губернаторов давались военным, которые были более на виду у государя, чем чиновники гражданского ведомства» [10]. Выбор же учебного заведения был определен его статусом: в качестве «вознаграждения» за окончание школа обеспечивала «... выпуск в тот или иной гвардейский полк на имеющиеся вакансии». Немаловажную роль в устройстве Михаила сыграли и связи отца.

В школе для юноши началась новая жизнь; все было распланировано по часам и минутам. Подъем — в 6 ч утра, молитва, завтрак — стакан чаю с молоком и булка. В 9 ч утра начинались занятия: две лекции до обеда и две — после. После второй лекции — завтрак из булки с мясом

и капустой. Затем следовали «фронтные занятия или фехтования, продолжавшиеся до половины второго», переодевание и обед. После обеда полагался отдых до 3 ч, с 3 до 6 ч — вечерние классы. Наконец наступало свободное время. Но «в 8 часов все обязаны были усаживаться около своих коек для приготовления уроков на следующий день; причем всякие разговоры строго воспрещались. В 9 часов занятия оканчивались, учащихся вели к ужину, а в 10 полагалось ложиться спать...» [11]. Наказания состояли «в лишении чая, обеда или ужина, в оставлении без отпусков в праздничные дни и в содержании под арестом в карцере на хлебе и воде в течение 1–3-х суток».

О времени, связанном с пребыванием Лорис-Меликова в стенах школы, практически нет свидетельств. Известно, что подросток всегда был исправен в учении и кавалерийской езде. В школе процветало «цуканье» среди новичков: каждый старшекласник имел право командовать учеником из младшего класса, «колотить его, помыкать, как вздумается, и облагать приношениями разных съедобных вещей и лакомств». Сумел ли избежать подобной участи Лорис — сказать трудно, известно лишь, что он оказался в кружке богачей и благодаря деньгам отца ни в чем не отставал от них и вскоре сделался общим их любимцем. Источники раскрывают нам также часть досуга юнкера. В воспоминаниях К.А. Бороздина, в частности, говорится о чтении поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», которое устраивалось с участием Михаила в лазарете во время его болезни. Тот же Бороздин — однокашник Лорис-Меликова — так описывал свои впечатления от этой книги: «Все поэтические произведения Пушкина, рассказы, повести, романы других классических писателей — все это уступило место преклонению нашему перед тем поразительным реализмом и юмором, которыми обдавал нас Гоголь, и мы со страстью его зачитывались» [12]. Во время обучения в училище Лорис познакомился с поэтом Н.А. Некрасовым, с которым делил все свое свободное время и даже несколько месяцев жил с ним на квартире. Своеобразной формой проявления гусарства — неотъемлемой черты военной жизни — были пирушки, которые давались в ресторане Лерхе на Невском.

Наконец 2 августа 1843 г. Лорис-Меликов был выпущен из школы и произведен в корнеты лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, где прослужил четыре года [13]. Сведения об этом периоде его жизни сообщает в своих воспоминаниях Г.Д. Щербачев, немного знавший Лориса. Это «был скромный молодой человек, — вспоминал Щербачев

чев, — весьма любимый товарищами; в гусарских кутежах он не участвовал и весьма редко приезжал в Новгород. С некоторыми артиллерийскими офицерами он был в наилучших отношениях; я помню, что у одного из моих товарищей князя Волконского он купил лошадь, которую звали Веллингтон. Умением себя держать он приобрел общие симпатии не только среди своих однополчан, но и среди офицеров других полков. Я его мало знал, но очень хорошо помню, что, несмотря на его скромность, во всех его словах и действиях просвечивал недюжинный ум и самостоятельный образ мыслей. Приехав в Новгород на масленицу, я обедал с несколькими драгунскими офицерами в почтовой гостинице; некоторые из офицеров остались недовольны обедом и, чтобы доказать, как он был малопитателен, предложили пари по бутылке шампанского, что тотчас после обеда они съедят по дюжине блинов; в числе предложивших пари был и я. Во время этих разговоров в комнату вошел Лорис-Меликов; узнав, в чем дело, он мне сказал, смеясь, что если бы он имел неосторожность держать такое пари, то признал бы себя побежденным на первом же блине и не стал бы расстраивать свой желудок, чтобы выпить на чужой счет» [14]. Этот сюжет как нельзя лучше демонстрирует такую черту Лориса, как умение полагаться на здравый смысл, ставший неотъемлемой частью его кредо. Он не верил ни в какую науку, ни в какой опыт, если только они противоречили этому смыслу [15].

Подведем итоги. В целом, сведения о детстве и годах ученичества Лорис-Меликова немногочисленны. Причиной этого могло стать отсутствие интереса у него к воспоминаниям о первых шагах своей жизни и отсутствие желания делиться с кем бы то ни было. Тем не менее имеющиеся в нашем распоряжении материалы дали возможность установить, что центральными событиями в жизни юноши стали уход из гражданского института и поступление в школу гвардейских подпрапорщиков и юнкеров. Отсутствие сведений делает невозможным установление внутренней логики этого поступка М.Т. Лорис-Меликова. Основной мотив его выбора будущего носит случайный характер и связан с конкретными жизненными обстоятельствами (исключение из института). Следует при этом отметить, что детство и подростковый возраст оказались периодом социализации мальчика в интеллектуальном смысле. Занятия и специальная подготовка в кавалерийском училище стали для юноши настоящей школой жизни. За время пребывания в нем он составил представление о будущей

службе, воочию убедился в непритязательности военного быта и — сделал окончательный выбор. По собственному признанию Лориса, именно в училище он получил урок, который усвоил на всю жизнь: «Я воспитывался в военной школе и привык думать, что если меня бьют палкой, то надо вырвать палку из рук. Если неприятель занял выгодную позицию, то надо выбить его именно из этой позиции» [16].

Примечания

1. Шилов Д.Н. Лорис-Меликов Михаил Тариелович // Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений (1802–1917): библиографический справочник. СПб., 2002. С. 428; Дронов И.Е. Лорис-Меликов // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. М., 2000. Т. 3. С. 396.

2. Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис-Меликов: его жизнь, военная и государственная деятельность. Ереван, 1997. С. 34; Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Генерал граф Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 9.

3. Бороздин К. А. Воспоминания о графе. М.Т. Лорис-Меликов // Исторический вестник. 1889. № 2. С. 452.

4. Национальный архив Армении. Ф. 151. Оп. 1. Д. 387. Л. 12; Бабаян Л. Лорис-Меликов: герой Кавказа — «бархатный диктатор» России. Ереван, 2004. С. 57; Костянян Ю. Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1824–1888). СПб., 2004. С. 26.

5. Белоголовый Н.А. Лорис-Меликов // Воспоминания и другие статьи. М., 1897. С. 203.

6. Подробнее о происхождении рода Лорис-Меликовых см.: История родов русского дворянства: в 2 кн. Кн. 2. М., 1991. С. 117–119; Кузьминов П.А. М.Т. Лорис-Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т. 2 (34). М., 2005. С. 109–128; Абрамян Р. Герб графов и дворян Лорис-Меликовых // Арагаст. 2009. № 5. С. 157.

7. Кони А.Ф. Граф М.Т. Лорис-Меликов // Кони А.Ф. Собр. соч.: в 8 т. Т. 5. М., 1968. С. 195.

8. Белоголовый Н.А. Указ. соч. С. 203.

9. Там же. С. 205.

10. Щербачев Г.Д. Двенадцать лет молодости: Воспоминания Г.Д. Щербачева // Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 87.

11. Там же. С. 210–211.

12. Бороздин К.А. Указ. соч. С. 453–454.
13. Российский государственный исторический архив. Ф. 866. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1об.; Исторический очерк Николаевского кавалерийского училища. Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. 1823–1873. СПб., 1873. С. 81.
14. Щербачев Г.Д. Указ. соч. С. 94.
15. Николадзе Н.Я. Из воспоминаний о гр. М.Т. Лорис-Меликове // Костянян Ю. Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов (1824–1888). СПб., 2004. С. 140.
16. Цит. по: Ибрагимов З.Х. Чеченская история: политика, экономика, культура второй половины XIX века. М., 2002. С. 31.

Ю.Н. Герасимова, Т.И. Любина

Биографические документы об армянах в составе фондов Центрального государственного архива Московской области

Центральный государственный архив Московской области (ГКУ МО ЦГАМО) — крупнейший из областных архивов России: здесь сосредоточено свыше 4 тыс. фондов (их объем превышает 1,2 млн единиц хранения). Архив, который ведет свою историю с 20 мая 1937 г., содержит немало ценнейших исторических документов, в том числе документы биографического характера о государственных политических и военных деятелях армянского происхождения, жизнь и активная деятельность которых так или иначе связаны с Югом России. Эти документы отложились в нескольких фондах: Московский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (далее — Моссовет). 1917–1931 гг. (Ф. 66), Московский областной совет народных депутатов и его исполнительный комитет (Исполком Мособлсовета, Мособлсполком, МОИК). 1929–1993 гг. (Ф. 2157), Московская областная и городская комиссия по делам бывших дружинников 1905 г., красногвардейцев и красных партизан. 1930–1935 гг. (Ф. 2169) и Хижняк Иван Лукич (1893–1980) (Ф. 402).

В фонде Моссовета сохранились два пространных доклада видного советского государственного и политического деятеля Анастаса Ивановича Микояна (1895–1978). Доклад на расширенном заседании

Пленума Московского совета 9 декабря 1926 г. о значении рынка для народного хозяйства [1] и доклад на Пленуме Московского совета 2 июля 1929 г. о продовольственном положении Московской губернии [2].

В этом же фонде отложились документы советского государственного деятеля Варлаама Александровича Аванесова (Сурена Карповича Мартиросяна) (1884–1930), освещающие его деятельность в качестве члена Президиума Исполнительного комитета Московского совета рабочих и солдатских депутатов в 1917–1918 гг. [3].

Сведения о служебном продвижении Петра Георгиевича Арутюнянца (1892–1938), советского административного работника, начальника строительства, директора Бобриковского (Сталиногорского) химкомбината, (г. Новомосковск Тульской области) содержатся в документах фонда за 1919–1930 гг. [4].

О судьбах армян — членов Московской губернской коллегии защитников (В.А. Гаспаряна, Н.А. Микиртумянца, А.М. Тер-Мкртчана, С.Я. Тер-Оганесова) свидетельствуют их анкеты, заполненные в 1927 г. [5]. Высшее образование они получили в Москве — в Лазаревском институте или МГУ.

В фонде «Московского областного совета народных депутатов и его исполнительного комитета» содержится часть документов о трагической участи П.Г. Арутюнянца. Один из них — Постановление от 21 июля 1937 г. о выведении Петра Георгиевича Арутюнянца из состава членов Пленума МОИКа как врага народа [6].

Документы фонда позволяют узнать, в каких отраслях управления Московской областью в 1929–1941 гг. ответственные посты занимали армяне. Ашот Атаевич Мкртумов был назначен председателем Областной плановой комиссии [7], ответственный работник по фамилии Амбарцумян занимал должность заместителя председателя Московской областной плановой комиссии при Президиуме облисполкома и Моссовета [8]. В.Б. Мосьян работал заместителем председателя Московского областного совета народного хозяйства [9], Мартиросян — заведующим Культпросветотделом Московского комитета ВКП(б) [10]. Вопросами районирования области на своем посту занимался заместитель председателя оргкомиссии по Коломенскому округу Лазьян [11]. В управлении строительством Московской области работник по фамилии Айрапетов занимал должность руководителя группы стройконтор [12], Мирзоян — место директора Крекингстроя (строительная организация, работавшая на территории

современного г. Дзержинский Московской области) [13]. В области сельского хозяйства председателем колхоза «Смычка» (г. Москва) трудился В.Р. Аветисян. Его колхоз был кандидатом в участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки на 1941 г. [14]. Другой кандидат в участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки на 1940 г. — секретарь комитета ВЛКСМ совхоза им. Горького (г. Москва) П.М. Манукян [15]. В области пищевой промышленности управляющим Московским трестом «Союзмясо» работал К.И. Каратыян [16], в лесном хозяйстве начальником финансового сектора треста «Мослеспром» — Петросян [17]. В области культуры должность управляющего трестом «Москино» занимал Гурген Сергеевич Айкуни [18]. В сфере образования Московским областным педагогическим институтом руководил директор Д.А. Алахвердян [19], Хрустовским детским домом Веневского района директор Горевьян [20]. В сфере коммунального хозяйства в должности главного инженера акционерного общества «Зеленый город» (ст. Правда Северной железной дороги) трудился Гондагсазян [21].

В фонде «Московской областной и городской комиссии по делам бывших дружинников 1905 г., красногвардейцев и красных партизан» хранятся дела о регистрации бывших красногвардейцев. В составе каждого дела содержится подробная анкета участника революционных событий в Москве в 1917 г., его автобиография, справки с места работы, анкеты-рекомендации свидетелей. В делах имеются сведения об армянах, активно участвовавших в событиях октября 1917 г. и Гражданской войны в России, в том числе и на юге. Среди них — Г.С. Айкуни [22], Ш.М. Амирханян [23], Б.А. Борьян [24], М.И. Карапетян [25], А.А. Соловьян [26].

Среди фондов личного происхождения, содержащих информацию о видных представителях армянской диаспоры в Московской области, личный фонд Ивана Лукича Хижняка. И.Л. Хижняк — участник Гражданской и Великой Отечественной войн — в течение всей жизни собирал документы об участниках боевых действий, которые вели Российская империя и СССР. Среди собранных им досье есть несколько интересных дел об армянах-военнослужащих. По данным И.Л. Хижняка, Г.С. Айкуни (1889–1966 гг.) участвовал в Гражданской войне на Северном Кавказе, состоял членом президиума ЦИК и народным комиссаром по делам национальностей Северо-Кавказской Советской Республики. Как председатель комитета обороны руководил разгромом

белогвардейцев в Кисловодске. В 1935 г. был необоснованно репрессирован и только в 1954 г. вернулся в Советскую Армению [27].

Шиварша Мегабович Амирханян (1894–1946?) в 1916–1917 гг. работал народным учителем в селе близь Эривани, затем в районе Нового Афона Сухумского округа. Принимал активное участие в работе Гудаутского совета рабочих солдатских депутатов. В 1918 г. состоял в партизанском отряде, боровшемся против белогвардейцев на Северном Кавказе. Выполнял поручения Северо-Кавказского крайкома партии и Реввоенсовета. В 1919 г. редактировал газету «Красные дни» на армянском языке, был председателем Особого отдела Реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта, участвовал в борьбе против Деникина. В 1921 г. — начальник Особого отдела и член трибунала Кабардинского фронта. С 1921 по 1926 гг. — народный комиссар внутренних дел Армении. В 1931–1946 гг. работал в Народном комиссариате путей сообщения СССР [28].

Амаяк Николаевич Ахназаров (1898–1954?) в январе 1918 г. добровольно поступил в вооруженные силы Республики Армения, в 6-ю горную батарею. Участвовал в боях против турецких войск, в Сардабадских боях на подступах к Еревану, в войне между Турцией и дашнакской Арменией. После разгрома дашнаков советскими войсками (11-й Армией) в 1920 г. и образования Армянской Советской Республики был назначен начальником артиллерии советского бронепоезда «Аватшарт». В 1925–1930 гг. учился в Артиллерийской академии. С 1930 по 1947 гг. работал в оборонной промышленности [29].

Арменак Маркович Багдасаров (1892–1942) в 1914 г. призван в Императорскую армию, участвовал в Первой мировой войне, в 1918 г. демобилизован. С 1919 г. работал в большевистском подполье, до установления советской власти в Азербайджане. В г. Баку Багдасаров сформировал особый армянский полк, который вместе с частями 11-й Армии участвовал в освобождении Еревана. В 1924–1927 гг. учился в Военной академии Рабоче-крестьянской Красной армии (далее — РККА) им. Фрунзе, после окончания которой служил в РККА на командных должностях. 29 августа 1938 г. необоснованно репрессирован. Погиб в 1942 г. Посмертно реабилитирован [30].

Артем Давидович Багдасарян (1892–1963?) в сентябре 1914 г. поступил добровольцем в 25-й Сибирский стрелковый полк, в команду конных разведчиков. За участие в Первой мировой войне награжден Георгиевским крестом. После октября 1917 г., в Самарканде, участво-

вал в разоружении возвращавшихся с турецкого фронта белоказаков. В марте 1918 г. был назначен командиром взвода разводчиков 1-го Самаркандского отряда по борьбе с контрреволюцией. В 1923 г. демобилизован. До выхода на пенсию работал в народном хозяйстве [31].

Артак Арменович Вартанян (1896 — после 1959 г.) — прапорщик Русской императорской армии. В РККА — с 1920 г. В 1920–1921 гг. — начальник и комиссар радиодивизиона и управления связи, воевал против дашнаков. В 1923–1928 гг. — слушатель Военно-инженерной академии РККА, по окончании которой занимал различные должности в Генеральном штабе РККА. С 1948 г. — на педагогической работе в военных учебных заведениях. В 1957–1959 гг. — начальник Центрального научно-исследовательского института «ОСНАЗ» № 18. С 1959 г. — в запасе [32].

Таким образом, документы архива Московской области содержат многоаспектную информацию о присутствии армян, в том числе и Юга России, и роли ее отдельных представителей в культурной, экономической, политической жизни российской столицы и региона, а также в исторических событиях и процессах союзного и международного масштаба (Гражданской и Великой Отечественной войнах, общесоюзных стройках и т.д.). В фондах отложилась информация о жизни и деятельности армян, подвергшихся репрессиям в конце 1930-х гг. Выявление и анализ этих источников открывают дальнейшие перспективы научно-исследовательской работы.

Примечания

1. ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 11. Д. 4349. Л. 12–41, 57–71.
2. Там же. Д. 8234. Л. 36–93, 101–111.
3. Там же. Оп. 3. Д. 22. Л. 16; Д. 166. Л. 58; Д. 207. Л. 1; Оп. 11. Д. 103. Л. 15; Оп. 12. Д. 232. Л. 7; Д. 253. Л. 9.
4. Там же. Оп. 14. Д. 9. Л. 29; Оп. 11. Д. 8566. Л. 1; Д. 8084. Л. 1; Оп. 19. Д. 391. Л. 4; Д. 392. Л. 362.
5. Там же. Оп. 11. Д. 3733. Л. 482, 490–490об., 369, 403–403об., 145, 195–196, 508–508об.
6. ЦГАМО. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 25. Л. 16–17; Д. 693. Л. 75, 81; Д. 1648. Л. 241; Д. 1605. Л. 183.
7. Там же. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 2078. Л. 164; Д. 2008. Л. 111.
8. Там же. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 781. Л. 20.
9. Там же. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 785. Л. 12.

10. Там же. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1617. Л. 172.
11. Там же. Ф. 2157. Оп. 11. Д. 7130. Л. 5.
12. Там же. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1649. Л. 379.
13. Там же. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1577. Л. 129.
14. Там же. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 2180. Л. 350.
15. Там же. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 2027. Л. 156.
16. Там же. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 994. Л. 10.
17. Там же. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1658. Л. 303.
18. Там же. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1170. Л. 175–176.
19. Там же. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1724. Л. 314–315; Д. 2133. Л. 200.
20. Там же. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 1644. Л. 105.
21. Там же. Ф. 2157. Оп. 1. Д. 73. Л. 190.
22. ЦГАМО. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–9об.
23. Там же. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–9.
24. Там же. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 72. Л. 1–3об.
25. Там же. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 248. Л. 1–11об.
26. Там же. Ф. 2169. Оп. 1. Д. 594. Л. 1–3об.
27. ЦГАМО. Ф. 402. Оп. 2. Д. 74. Л. 1–5.
28. Там же. Ф. 402. Оп. 2. Д. 181. Л. 1–5.
29. Там же. Ф. 402. Оп. 2. Д. 372. Л. 1–3.
30. Там же. Ф. 402. Оп. 2. Д. 394. Л. 1.
31. Там же. Ф. 402. Оп. 2. Д. 395. Л. 1–7.
32. Там же. Ф. 402. Оп. 2. Д. 978. Л. 1–3.

М.А. Камалян

Константин Аладжалов: жизнь и творчество

Известный американский художник Константин Иванович Аладжалов родился в России, в Ростове-на-Дону (по другим сведениям, в Баку), 18 ноября 1900 г. в армянской семье. Желание стать художником побудило выпускника Ростовской гимназии в 1917 г. поступить в Петроградский университет (1917–1918). После революции Константин начал писать портреты вождей революции и агитплакаты, участвовать в художественных выставках. Переломным в жизни художника стал 1921 г.: Константин уехал из России в Константинополь, а в 1923 г. оказался в США, где и прожил всю оставшуюся жизнь.

К. Аладжалов прославился как блестящий иллюстратор газет, журналов и книг. Он иллюстрировал модные журналы “Vogue”, “Life”, “Fortune” и т.д. Ему одному было дано эксклюзивное право работать одновременно в двух изданиях: “The New Yorker” и “The Saturday Evening Post”. К. Аладжалов иронично, полунасмешливо-полусерьезно представлял жизнь американцев, знаменитую «американскую мечту». Индивидуальные выставки художника были организованы в Голливуде (1936), Нью-Йорке (1942), Далласе (1951). Его произведения хранятся в Музее искусств Далласа, в Бруклинском музее Нью-Йорка, в Институте современного искусства Филадельфии, в Музее города Нью-Йорка и т.д. К. Аладжалов занимался также педагогической деятельностью. Мастер карикатуры умер в возрасте 86 лет, в 1987 г., признанный и высоко оцененный в Америке, однако почти забытый на своей родине – в СССР, в России и Армении.

Примечателен тот факт, что Константин был старшим братом Семена (1902–1997) и Степана Аладжаловых (1903–1969) — широко известных в СССР художников. В годы Великой Отечественной войны они исполнили серию плакатов-лубков на военную тему, изображая сражения и призывая к патриотизму, за что были награждены медалями и премиями. Заслуженный деятель искусств Армянской ССР (1962) Семен Иванович оформил более 100 театральных постановок, выставок и интерьеров. Его кисти принадлежат портреты известных деятелей армянской и русской культуры — поэтов, писателей, режиссеров, актеров, художников: Рубена Симонова, Георгия Якулова, Вардана Аджемяна, Костана Заряна, Ваана Терьяна и т.д. Семен Аладжалов известен также как автор монографии об искусстве выдающегося художника-декоратора и сценографа Георгия Якулова.

С.А. Манукян

Донской дашнак Погос Чубар

В своих воспоминаниях известный деятель партии дашнакцутюн С. Вращян повествует об одном любопытном эпизоде. Он принял участие в выборах делегатов в состав Всеармянского собрания в Эчмиадзине, созываемых по инициативе католикоса всех армян Мкртича (Айрика Хримяна). В развернувшейся борьбе за депутатские

места прослеживалось участие 3 политических сил: либералов, не желавших идти на конфликт с самодержавием; социал-демократов, возглавляемых А. Мясникяном, поменявшим к тому времени политическую ориентацию, и насчитывающих всего несколько человек; дашнаков и сочувствующих им, которые составляли подавляющее большинство. Выборы проходили в 2 тура. Сначала прямым голосованием избирались выборщики, которые уже затем во втором туре выбирали депутатов на собрание в Эчмиадзин. Для поддержки дашнаков из Одессы прибыл уроженец Трабзона Г. Овсепян, а из Москвы бывший уроженец с. Топты юрист Погос Чубар. Прибытие последнего, по словам С. Врацяна, спутало все карты дашнакам. П. Чубар в ультимативной форме потребовал внести его кандидатуру в партийный список от дашнакцутюн, в противном случае он угрожал выдвинуть свою кандидатуру автономно от Центрального комитета. После ожесточенных споров было решено не выдвигать П. Чубара от партии. От дашнаков баллотировались сам С. Врацян (который, по собственному признанию, был против выдвижения своей кандидатуры из-за недостатка опыта) и А. Тертерян. Однако подсчет голосов привел к ошеломляющим результатам: избранными оказались П. Чубар, от социал-демократов — Ю. Сургатян и от либералов — дьякон Геворг Чорекчянц (будущий католикос всех армян Геворг VI). Дашнаки потерпели сокрушительное поражение [1].

Кем же был этот загадочный Погос Чубар? К сожалению, об этой личности известно очень мало и сведения о нем приходилось собирать буквально по крупицам.

Погос Хачатурович Чубарян (Чубар) родился в с. Топты (ныне с. Крым Мясниковского района) в 1878 г. После окончания духовной школы в Нахичевани-на-Дону он учился в Эчмиадзинской духовной семинарии Геворкян, а затем получил юридическое образование [2]. Скорее всего, именно тогда он стал членом партии дашнакцутюн и взял партийный псевдоним Чубар, под которым и стал широко известен.

Уже в 1903 г. в возрасте 25 лет П. Чубар принял деятельное участие в народных волнениях против царизма в связи с закрытием армянских школ и конфискацией церковного имущества. В 1906 г. он более месяца проживал в селении Караван-сарай Казахского уезда, откуда разъезжал по близлежащим армянским селам и инспектировал боевые позиции армянских федаинов. Согласно донесению начальника Казахского уезда Реута, П. Чубар был направлен сюда по заданию партии дашнакцутюн.

Сюда же на его имя от другого деятеля партии Д. Завриева из Петербурга поступали денежные переводы (27 января 1906 г. — 1 тыс. руб., 7 февраля того же года — 3 тыс. руб.). Из обнаруженных при обыске у Д. Завриева записок следовало, что при посредничестве П. Чубара было приобретено 2 ружья Пибоди, 6 ружей Бердана, 4 ружья Винчестера и более 400 боевых патронов [3]. Когда в июле 1906 г. по обвинению в принадлежности к партии дашнаков был привлечен к ответственности архидиакон Эчмиадзинского монастыря Мкртич Мурадян, именно П. Чубар внес за него залог и в выданной по этому случаю подписке указал, что М. Мурадян будет проживать у него на квартире.

Воспоминания С. Врაცяна об избрании П. Чубара в качестве делегата на Всеармянский съезд от Нахичевани-на-Дону в 1906 г. и участия в его работе успешно дополняются документальными свидетельствами. Кроме того, согласно имеющимся сведениям, по неизвестной нам причине П. Чубар досрочно покинул съезд, и его подпись отсутствует на подписном листе делегатов съезда [4]. Именно П. Чубар был одним из инициаторов митинга у стен Эчмиадзинского монастыря, когда толпа нанесла оскорбления архиепископу Сукиасу Парзянцу, выступавшему за изоляцию Армянской апостольской церкви от партии дашнакцутюн.

В 1907 г. П. Чубар на короткое время поселился в г. Пятигорске, где принял активное участие в преследовании известного «оппортуниста» Г. Кешишьяна. В Пятигорске он проживал в одном доме с Амбарцумом Оганджяном («Каро») и Карапетом Аваковым, принимавшими непосредственное участие в убийстве Г. Кешишьяна. В августе 1907 г. он был направлен в Ялту для устранения племянника Г. Кешишьяна Каспара Казанджяна [5]. Личного в устранении названных лиц он не участвовал, но успешно координировал действия непосредственных ликвидаторов.

В 1907 г. Погос Чубарян приступил к работе в качестве преподавателя в Ереванской духовной школе, где учил истории армянской и русской церквей. В 1909 г. он работал в качестве помощника присяжного поверенного в Эриванском и Бакинском уездах. В 1912 г. он также упоминается в качестве помощника присяжного поверенного в Баку. В 1910–1911 г. П. Чубар, к глубокому прискорбию представителей армянской интеллигенции во главе с О. Туманяном, был арестован следователем Лыжиным, руководившим уголовным процессом над дашнаками. В приговоре Правительствующего сената в Особом присутствии 17 января — 20 марта 1912 г. помощник присяжного

поверенного Погос Хачатурович Чубарьянц (он же Чубар) был осужден за то, в 1907 г. в г. Пятигорске, «достоверно зная, что известный ему, именованный “Каро”, принимал участие в качестве члена сообщества, описанного в разделе “А” сего приговора, в преследовании лица, противодействовавшего тому сообществу, без уважительной причины не донес о нем надлежащей власти» [6]. Попросту говоря, он был осужден за недоносительство. В итоге П. Чубар был приговорен к заключению сроком на один год, причем ему была зачтена половина срока его предварительного заключения [7]. Примечательно, что виновным себя П. Чубар так и не признал.

К сожалению, в его биографии имеются значительные пробелы, которые пока не удается заполнить. Известно, что в 1917 г. в Бакинском уезде он уже работал в качестве присяжного поверенного. В ноябре 1918 г. от фракции дашнакцутюн, насчитывавшей 6 человек, вошел в состав Парламента ставшего независимым Азербайджана. В 1919 г. Карабах пережил самый тяжелый период в своей истории. Благодаря открытой помощи англичан Азербайджан решительно настроился завоевать армянскую землю. Однако, столкнувшись с непокорностью карабахцев, тысячелетиями живших самостоятельно, враг решил сломить их, поставить на колени с помощью террора. В результате зверской резни в с. Хайбали, произошедшей в том же году 4–6 июня, из 700 жителей в живых остались всего 11 мужчин и 67 женщин и детей. Для расследования данного происшествия Парламентом Азербайджана была назначена Государственная комиссия, в состав которой вошли 4 парламентария (по 2 человека от армян и мусульман). В качестве представителя от армян был выдвинут П. Чубар, который активно взялся за решение поставленных задач. Он всячески старался предупредить армянское население о том, что нужно быть начеку, и любым способом затягивал переговоры с Азербайджаном для прояснения положения. В этой трудной ситуации не было сомнений в том, что присутствие английских интервентов — это временное явление и русские вскоре должны были вернуться. Поэтому важнейшей задачей армян было во что бы то ни стало отстоять Карабах до возвращения русских.

Вскоре после этого П. Чубар прибывает в Баку и принимает активное участие в проходящих в Парламенте Азербайджана слушаниях о событиях в Карабахе. Он выступил с критикой выступления депутата Карабекова (от мусульман), который после освещения итогов расследования всячески старался выгородить азербайджанцев.

Несмотря на выступление П. Чубара, разбившего в пух и прах доводы предыдущего оратора, а также представившего публике неоспоримые доказательства совершенного злодеяния, Азербайджанский парламент единодушно оправдал случившуюся резню.

С конца июля 1919 г. и до его трагической гибели сведений о нем пока обнаружить не удалось. Последующие данные касаются времени большевизации Азербайджана, когда неугодные люди (армяне как раз и оказывались таковыми) подвергались аресту и уничтожению. В июле 1920 г. в письме дипломатического представительства Республики Армения, отправленном в адрес правительства, подтверждалась полученная из проверенных источников информация о расстреле первых пяти из списка арестованных, среди которых был и П. Чубар [8]. Так правительство Советского Азербайджана избавлялось от своих потенциальных противников. Остается надеяться, что в дальнейшем будут обнаружены новые документы, которые позволят полнее раскрыть деятельность этого истинного патриота армянского народа.

Примечания

1. Вращян С. Дорогами жизни. Бейрут, 1967. С. 122 (на арм. яз.).
2. Варданян Х., Навоян В. Короткая, но беспокойная и плодотворная // Армянская Республика. 2005. 25 января. № 2. К сожалению, в каком учебном заведении П. Чубар получил юридическое образование, установить не удалось.
3. Национальный архив Армении. Ф. 1457. Оп. 3. Д. 2. Л. 76.
4. Там же. Л. 64.
5. Там же. Л. 76.
6. Там же. Л. 285.
7. Там же. Л. 311.
8. Варданян Х., Навоян В. Указ. соч.

Г.А. Матвеев

Армяне Юга России в автобиографической книге М.С. Шагинян «Человек и время»

Проблематика, связанная с изучением истории появления армян на Юге России, опыта их успешной адаптации и динамики сообщества

в условиях полиэтничного края, определением их роли в экономическом, социальном и культурном развитии этого региона страны, давно стала предметом научных исследований [1]. Одной из граней этой проблематики является научное освоение истории переселения анийских армян на Донскую землю, особенностей формирования донской армянской общины и ее современного состояния [2].

В последнее время реанимируется научный интерес к изучению богатейшего литературного наследия выдающегося советского писателя Мариэтты Сергеевны Шагинян, начинается процесс его переосмысленного освоения в свете опыта исторического развития нашей страны в конце XX — начала XXI вв. [3].

М.С. Шагинян по образованию и воспитанию принадлежала к русской и армянской культурам, писала все свои произведения на русском языке. Но умела читать и переводить армянские тексты, в том числе на древнеармянском грабаре. В ее творческом наследии проблемы истории, культуры, судеб армянского народа занимают очень большое место. Она прожила больше 5 лет, с 1915 по 1920 гг., в г. Нахичевани-на-Дону. В 1910–1920 гг. активно сотрудничала в газетах Юга России «Приазовский край», «Баку», «Кавказское слово», работала в период Гражданской войны лектором в Ростовском музыкальном училище Авьерино, превратившегося в Донскую консерваторию. В г. Нахичевани-на-Дону произошли важные события в жизни М.С. Шагинян: свадьба с Яковом Самсоновичем Хачатрянцем (25 мая 1917 г.), рождение единственной ее дочери Мирэль (17 мая 1918 г.). Здесь она написала свою известную повесть «Перемена». Жизнь в г. Нахичевани-на-Дону в годы Февральской и Октябрьской революций, осмысление процессов, происходивших в годы Гражданской войны на Юге России, положили начало мировоззренческому перелому в сознании М.С. Шагинян, переосмыслению ею своего отношения к Октябрьской революции, принятию советской власти.

Особое место в ее творчестве занимает последняя книга «Человек и время. История человеческого становления» (М., 1982), в которой она в 80-летнем возрасте осмысливала опыт и уроки своей долгой творческой жизни (1888–1982). В этой книге воспоминаний значительное место занимают размышления о событиях на Юге России, анализ характерных черт ментальности, образа жизни, культуры, исторических судеб армян.

Начиная повествование о своей жизни, М.С. Шагинян обращается к ее истокам, к своему происхождению, своим генам, которые повлияли на ее судьбу. «Отправными точками в этом разборе, — пишет она, — стали два семейных рода: матери Пепронэ Яковлевны Хлытчиевой, из армянской колонии в Нахичевани-на-Дону, и отца, Сергея (Саркиса) Давыдовича Шагинянца, из армянской колонии в Григориополе на Днестре» [4].

Ю.А. Жданов в своей статье «Размышления о проблемах диаспоры» обращал внимание на то, что диаспора формируется различными путями и включает в себя «мирную миграцию, торговое освоение, военную экспансию, религиозное миссионерство, культурное проникновение» [5]. М.С. Шагинян, перед тем как начать свою повесть о себе, «прочитала с огромным интересом все, что относится к армянским колониям на Руси» [6]. Она обратила внимание на огромную разницу в характере и последствиях таких 2 типов колонизации, когда «могучие государства, колонизируя далекие отсталые страны, используют их *отсталость*. Но те же могучие государства, приглашая к себе селиться группы иноземцев, используют их *культурные навыки, их умение*» [7]. В первом случае эти государства, как правило, варварски эксплуатируют дешевые рабочие руки, вывозят природные богатства колонии, во втором случае они приглашают группы иноземцев, даруя им большие льготы: денежную помощь, свободу от налогообложения, свое самоуправление и судопроизводство, школы на родном языке. «В истории России, — замечает М.С. Шагинян, — такой способ заселять и поднимать завоеванные земли встречается часто» [8]. Она пишет, что армянские колонисты по приглашению Екатерины II построили города Новый Нахичевань и Григориополь, они участвовали в застройке Феодосии, Армавира, Кизляра, строили Астрахань, Петербург, Москву и оседали в них. Переселившимся в Россию армянам были даны значительные привилегии: освобождение от налогов, воинской повинности, им были отведены значительные земельные участки для обустройства и освоения, разрешено учредить органы самоуправления, собственный суд, полицию на основе сложившихся этнических традиций [9].

М.С. Шагинян, выясняя причины массовой эмиграции армян за пределы своей исторической родины, обращает внимание не только на постоянные кровавые нашествия могущественных соседей: арабов, иранцев, сельджуков, турок, их стремление навязать армянам

«чужие идеологии» — зороастризм, ислам, язычество, — вместе с тем она объясняет их непоседливость и другой причиной: древнейшей способностью быть мастерами, умением строить. «Строительная, как и пастушья, профессия связана с вечным передвижением» [10]. Ссылаясь на исследование И. Стрижиговского, она отмечает, что еще во времена переселения народов армяне считались в странах Средиземного моря лучшими каменщиками. «Вот эта древнейшая способность, живущая как бы в крови народа, подобно строительной способности пчел, муравьев, бобров, делала армян желанными колонистами в пустынных просторах Юга России» [11].

Обращаясь к своим истокам, связанным с историей донских армян, писательница повествует о древней столице средневековой Армении г. Ани, которая, по ее словам, была одним из «великолепнейших центров Закавказья» [12], о том, что с XI в., когда город захватили сельджуки, а затем монголы, другие завоеватели, «началось великое рассеяние анийских армян, которых разбросало по лицу чуть ли не всей Земли» [13], в частности, в Крым, в турецкий Измаил, откуда родом были ее далекие предки.

Повествуя о своих нахичеванских родовых корнях, М.С. Шагинян отмечает: «До первого десятилетия нашего века (речь идет о XX в. — Г.М.) потомки крымских армян, построившие при Екатерине город Нахичевань-на-Дону, сохранили и свой пропитанный татаризмами стол, и свой диалект, где армянский язык обрел немало татарских словечек» [14]. Она пишет о характерных чертах местной народной педагогики, когда детей обязательно привлекали к приготовлению национальных блюд, причем так организовывалось их участие в этом процессе, что эта работа становилась для них заразной.

М.С. Шагинян выделяет как важную черту социального поведения своих предков по материнской и отцовской линии гены «ганзейской независимости» [15]. Она с особым чувством описывает, как в 1866 г. в г. Нахичевани-на-Дону армяне организовали похороны своего земляка, выдающегося просветителя, революционера-демократа М. Налбандяна, который как политический узник провел последние годы жизни в Петропавловской крепости, а затем под строгим надзором полиции — в г. Камышине. «В Нахичевани гроб встречен был с необыкновенным триумфом и почетом, с образами, хоругвями, музыкой, при стечении почти всего населения города, потом перевезен в армянский Крестовоздвиженский монастырь, на 5 версте от города, и там погребен,

хотя в этом монастыре никого не хоронят. Архимандрит монастыря в надгробном слове именовал покойника невинным страдальцем...» [16]. Приведя эти слова из донесения жандармского подполковника Янова, писательница отмечает, что, объясняя причины этих крамольных похорон, представитель полиции указывал: «Город Нахичевань управляется армянским магистратом, руководствующимся древним римским судебником и, не имея русской полиции, составляет как бы особое государство в государстве... ссылаясь на высочайше дарованные грамоты и превратно толкуя изложенные в оных привилегии» [17]. Комментируя эти слова представителя жандармерии, М.С. Шагинян восклицает: «отсутствие русской полиции! — вот она крамола! Государство в государстве. Ганзея, чистая Ганзея, заноза в жандармском сердце подполковников яновых, капитанов белоцерковских» [18]. Одним из организаторов похорон М. Налбандяна был дед М.С. Шагинян Яков Матвеевич Хлытчиев [19].

М.С. Шагинян отмечает эти же «ганзейские гены свободомыслия» и в предках со стороны отца, пишет о своем дедушке Давиде Шагинянце, жившем в г. Григориополе, по инициативе которого в 1868 г. в этом городе была открыта одна из первых женских приходских школ в России. Писательница выделяет его мысли, изложенные в статье в журнале «Арагат», в которой он вслед за Н. Налбандяном обосновывает крамольную по тем временам идею о необходимости дать образование армянским женщинам «дабы стали они со временем грамотными матерями», при этом Д. Шагинянц обращает внимание на печальное, по его словам, явление: григорианские армяне, выходцы из турецкой крепости Измир, зачастую утрачивают родной язык, говорят по-турецки. В организации начального женского образования он видел возможность для подрастающего поколения местных армян вновь обрести родной язык [20].

М.С. Шагинян отмечает «два потока “генов” с материнской и отцовской стороны. «Мирное национальное культур-трегерство — и, на другом конце России, неукротимый ганзейский дух боевого национального предпринимательства» [21]. Видимо, эта генетика сыграла не последнюю роль в формировании неустрашимого темперамента М.С. Шагинян. Подводя итоги своему большому жизненному пути, она отмечала: «скажу о себе очень честно: я никогда не знала страха» [22].

В уже упомянутой статье о проблемах диаспоры Ю.А. Жданов отмечал, что «этническая диаспора является одним из путей развития

интернациональных связей народов и культур. Следует подчеркнуть, что интернационализация означает становление межнациональных, а не безнациональных форм отношений... » [23]. Это теоретическое положение убедительно иллюстрирует М.С. Шагинян, говоря о своих родителях, о взаимопроникновении русской и армянской культур в их духовном мире. Характеризуя начальный период в жизни своей семьи, М.С. Шагинян писала: «Наша семья была частью московской армянской колонии, но практически жила интересами и жизнью московско-русской интеллигенции. Русское начало проникало во все поры нашего дома: русские кормилицы вскармливали нас с Линой своим молоком... русская няня была главным звеном нашей связи с внешним миром», научным руководителем отца в клинике был русский профессор, его ассистентом также русский [24].

Вместе с тем ее отец и мать, вся ее родня всегда помнили о своих национальных корнях. Писательница приводит характерный эпизод из жизни ее отца, «когда после защиты диссертации он был выдвинут на кафедру диагностики внутренних болезней в Московском университете и ему было предложено, для ускорения дела, перейти из армяно-григорианства в православие, он ответил министру: “Я атеист. Но моя церковь связывает меня с моим народом, и отказаться от нее считаю отступничеством”. После этого он долго был под негласным надзором полиции» [25], очень осложнил себе продвижение в профессиональной карьере.

В книге «Человек и время» М.С. Шагинян талантливо, любовно воссоздала обычаи, традиции нахичеванских армян, их повседневный быт, одежду, педагогику, культуру, занятия, характерные черты их внешнего облика.

Известно, что на путях взаимодействия национальных культур возникают наиболее значительные духовные ценности. Анийские армяне, переселившиеся на Юг России, на Дон, наследники трехтысячелетней национальной культуры, активно включились во взаимодействие с русской культурой, культурой этого региона. И это взаимодействие оказалось исключительно плодотворным как для русской и армянской культур, так и для регионального культурного пространства Юга России, Донского края.

Книга воспоминаний М.С. Шагинян «Человек и время» является ценным историческим материалом для изучения этих процессов.

Примечания

1. Акопян В.З., Казаров С.С. Армяне // Энциклопедия культур народов Юга России: в 9 т. Т. 1. Народы Юга России. Ростов н/Д, 2005; Тер-Саркисянц А.Е. Армяне в России // Армяне / отв. ред. Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц. М., 2012; Овсепян Ю.Л., Тер-Саркисянц А.Е. Развитие профессиональной культуры в XIX — начале XXI века // Там же; Тер-Саркисянц А.Е., Худавердян В.Ц. Армянская диаспора Юга России. Положение и перспективы. М., 1993; Шагинян М.С. Путешествие по Советской Армении // Собрание соч.: в 9 т. Т. 3. М., 1972; Жданов Ю.А. Размышления о проблемах диаспоры // Жданов Ю.А. Избранное: в 3 т. Т. 2. Ростов н/Д, 2009; Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая — 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. Г.Г. Матишов. Ростов н/Д, 2012 и др.

2. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917) / пер. с арм. Н. Григорова. Ереван, 1996; Патканян Г. История Новой Нахичевани. Нахичевань-на-Дону, 1917 (на арм. яз.); Шах-Азиз Е. Нор-Нахичеван и норнахичеванцы. Тифлис, 1903 (на арм. яз.); Казаров С.С. Нахичеванское купечество (конец XVIII — начало XX века). Ростов н/Д, 2012; Багдыков Г.М. Краткая история Нахичевани-на-Дону. Ростов н/Д, 2012; Сидоров В.С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 1–5. Ростов н/Д, 1994–1999; Смирнов В.В. Летопись Нахичевани-на-Дону: в историческом, бытописательном, статистическом и иллюстративном интерьере с приложениями, включающими важные, полезные и интересные сведения. Ростов н/Д, 2014; Донская Армения. Ростов н/Д, 2007; Рязанов В.В. От первого приюта до наших дней. Из истории изобразительного искусства Нахичевани-на-Дону. Ростов н/Д, 2011.

3. Авдулов Н.С., Мирзабекова Н.В. М.С. Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов н/Д, 2013; Культура в жизни и творчестве М.С. Шагинян: материалы I Шагиняновских чтений (г. Ростов-на-Дону, 3 апреля 2014 г.). Ростов н/Д, 2014 и др.

4. Шагинян М.С. Человек и время. История человеческого становления. М., 1982. С. 9.

5. Жданов Ю.А. Указ. соч. С. 276.

6. Шагинян М.С. Указ. соч. С. 68.

7. Там же. С. 9.

8. Там же. С. 10.

9. Там же. С. 10.
10. Там же. С. 12.
11. Там же.
12. Там же. С. 14.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же. С. 23.
16. Там же. С. 21.
17. Там же. С. 22.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же. С. 67–68.
21. Там же.
22. Там же. С. 277.
23. Жданов Ю.А. Указ. соч. С. 277.
24. Там же. С. 53.
25. Там же. С. 53–54.

К.А. Папазян

К вопросу о партийной принадлежности Г.Х. Чалхушьяна

Известный общественный деятель Нахичевани-на-Дону, юрист и гласный городской думы Григорий Христофорович Чалхушьян (1863–1939) всегда находился в гуще общественно-политических событий, происходивших не только на Дону, но и в Армении в конце XIX — начале XX вв. В этой связи весьма интересен и сложен вопрос о его партийной принадлежности, который никогда не становился предметом специальных исследований. Сложность вопроса в том, что на разных этапах своей общественно-политической деятельности Г.Х. Чалхушьян сотрудничал с различными партиями и движениями, но проблема заключается в том, насколько тесным было это сотрудничество.

Как армянин, патриот и общественный деятель он не мог не сотрудничать с партией дашнакцутюн. Об этом свидетельствуют следующие факты. В 1906 г. для решения насущных общеармянских вопросов по инициативе католикоса всех армян Мкртича (Айрика

Хримяна) было предложено созвать Всеармянский съезд, для чего местным армянским общинам было предложено избрать депутатов для участия в нем. В выборах на Донской земле участвовали либералы, социал-демократы во главе с А. Мясникяном и дашнаки, находившиеся в большинстве. Как общественный деятель, пользовавшийся в г. Нахичевани-на-Дону огромным авторитетом, Г.Х. Чалхушьян, естественно, выставил свою кандидатуру на выборы в делегаты съезда. В 1-м туре голосований определяли выборщиков, а во 2-м выборщики баллотировали депутатов для собрания в Эчмиадзин.

Известный деятель партии дашнакцутюн С. Врацян в своих мемуарах впоследствии писал, что была дашнаки допустили ошибку, потому что известный юрист и общественный деятель Г.Х. Чалхушьян очень хотел избираться депутатом по спискам дашнаков, но ему было отказано, в основном со стороны председателя Центрального комитета партии О. Тертеряна [1]. В этих условиях Г.Х. Чалхушьяну ничего не оставалось, как баллотироваться по спискам либералов. Результатом голосования стала победа П. Чубара, избранного независимым депутатом, Ю. Сургатяна — от социал-демократов и Г. Чорекчиянца — от либералов. Из-за личных амбиций руководства местных дашнаков их партия проиграла выборы, Г.Х. Чалхушьян не получил нужного количества голосов. Вполне вероятно, что как квалифицированный юрист он консультировал по юридической части некоторых прибывающих на Дон членов партии дашнакцутюн или их родственников. Так, прибывшая из Тифлиса в ноябре 1909 г. Мария Васильевна Манасянц, жена сидевшего в ростовской тюрьме по обвинению в принадлежности к партии дашнакцутюн некоего Саркиса Манасянца, после отказа в просьбе о свидании с мужем, отправилась на квартиру Г.Х. Чалхушьяна в дом № 174 по Большой Садовой в г. Ростове-на-Дону [2]. Другой факт на этот счет более красноречив. Один из убийц Миграна Арсен Атабеков после свершения приговора партии отбыл за границу и о своем отъезде дал телеграмму не кому-нибудь, а именно присяжному поверенному Г.Х. Чалхушьяну [3]. Либо информация об этом была очень важна, либо этой телеграммой А. Атабеков не боялся его скомпрометировать, но сам факт не может не свидетельствовать о связях Г.Х. Чалхушьяна с дашнаками.

Наиболее рельефно взгляды Г.Х. Чалхушьяна прослеживаются в написанной им «Красной книге». Для него дашнаки — это «единственные защитники армянских интересов, единственные и офици-

альные представители армян» [4]. Но в целом для него армянский народ и партия дашнакцутюн — одно неразрывное целое, и вся борьба, которую вел армянский народ против разного рода захватчиков, будь то турки, курды или грузины, велась исключительно под знаменем дашнаков. Прекрасная осведомленность и знание всех последних событий, происходящих в Закавказье, как нельзя лучше свидетельствуют о том, что Г.Х. Чалхушьян поддерживал тесные отношения с дашнакским руководством, находящимся в этот момент у власти в Армении. Но если говорить о его приверженности взглядам дашнаков, то они не носили социалистического революционного характера, не были направлены против существующего строя в России, а главным его приоритетом было освобождение армянского народа от турецкого гнета и построение им свободного демократического государства.

Также он был либералом, сторонником разрешения всех конфликтов законными средствами и одновременно противником всяческих революций. В условиях подъема революционной стихии его волновали проблемы соблюдения конституционных прав и интересов не только местного армянского населения, но и всего населения без различия национальности и вероисповедания. Все это свидетельства о приверженности Г.Х. Чалхушьяна и к идеалам кадетов — идеалам конституции, свободы слова, печати собраний, выборности. К тому же нельзя не учесть еще один факт: Григорий Христофорович окончил юридический факультет Московского университета, ставший рассадником идей кадетской партии. К осени 1906 г. кадеты начали приспособляться к новым условиям, стараясь проводить свою работу под флагом беспартийности. Организации с четкой структурой, например, ростово-нахичеванская, перестроили свою работу по подобию тех комитетов, деятельность которых разворачивалась лишь на период думских выборов [5]. В списке ростово-нахичеванских кадетов за 1906 г. имя Г.Х. Чалхушьяна не значилось, но он присутствовал на собрании кадетов 13 марта 1906 г., шел в списке выборщиков по Ростову и Нахичевани-на-Дону от конституционно-демократической партии, утвержденном собранием партии кадетов от 13 марта 1906 г., по 6 участку [6]. Во время выборов в III Государственную думу Г.Х. Чалхушьян шел по партийному списку от кадетов, участвовал в определении выборщиков [7]. Однако, скорее всего, этим его контакты с кадетами и были ограничены, и в дальнейшем никаких фактов о его сотрудничестве с кадетами мы не находим.

Как общественный деятель он все более осознает себя выше узких рамок, какой-либо партийности. В его работе «Мысли, думы, лица» находим подтверждение того, что ему важно «иметь счастье — взять в руку ручку, в то время когда сердце хочет открыться и говорить» [8]. Это в конечном итоге и привело его к идее созыва в Ереване т.н. «Съезда беспартийных», которые в экстремальных для молодой Армянской Республики обстоятельствах должны были решать вопросы о перспективах ее дальнейшего существования. В условиях утраты находившимися у власти дашнаками доверия у значительной части армянского населения и отсутствия какой-либо иной политической силы таким путем Г.Х. Чалхушьян надеялся привлечь широкие народные массы к решению государственных вопросов. Из протокола от 16 мая 1920 г. следует, что «беспартийные» созвали собрание во главе с Г.Х. Чалхушьяном, на котором решили:

- 1) составить единение беспартийных и принять конституцию, предложенную руководителем;
- 2) принять призыв единения при данных обстоятельствах;
- 3) выбрать из представителей потенциальных министров.

На съезде были избраны: Г.Х. Чалхушьян, А. Шахатуни, А. Атабекян, Ц. Абехьян, Ч. Баласаян, Н. Карагозян, заменяющие — Г. Амирян, С. Казарян. Глава — Г.Х. Чалхушьян. И далее приводился список беспартийных, «которые принимают идею независимости Армении», 50 лиц [9].

В письме от 20 мая 1920 г. некий Нерсес Тер-Оганесян, уроженец г. Лори, который представляет себя защитником правительства, работавшего в рядах дашнаков, передает привет Г.Х. Чалхушьяну от некоего дашнака Тер-Акопян. Далее Н. Тер-Оганесян пишет, что сам он держится подальше от разных партий, во-первых, потому что жил вдали от Родины (во Владикавказе) и, во-вторых, когда приехал в Армению и познакомился с партийными организациями, в дальнейшем стал сторониться разных партий. О том, что Г.Х. Чалхушьян выступит от имени беспартийных и поддерживает главу правительства, прочитал в газете «Арач» («Вперед»), и то, что Г.Х. Чалхушьян объявил себя беспартийным, которые представляют незначительную часть населения страны, его восхитило. В письме он просит сообщить ему программу либо рассказать об организации, возникшей под руководством Г.Х. Чалхушьяна. По мнению Н. Тер-Оганесяна, спрос в таких организациях очевиден, особенно в селах [10].

В уже упомянутой работе «Мысли, думы, лица» Г.Х. Чалхушьян указывает, что с 1890-х гг. он пишет в «Мшаке» сначала как журналист, не принадлежащий к какой-либо партии. Потому что знал только одну партию — армянскую. Григорий Христофорович говорит, что те деятели, которые «стремятся восстановить наш разрушенный очаг — мои близкие, мои родные и на данный момент патриотизм — вопрос самозащиты» [11].

Все это еще раз подтверждает то, что Г.Х. Чалхушьян был авторитетным общественным деятелем, патриотом, и беспартийность для него — это способ найти соратников и единомышленников для того, чтобы защитить сирот, беженцев и интересы всего общества.

Примечания

1. Врацян С. Дорогами жизни. Ч. I. Бейрут, 1967. С. 57. (на арм. яз.).
2. Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. 826. Оп. 2. Д. 51. Л. 118.
3. Там же. Ф. 826. Оп. 2. Д. 51. Л. 70.
4. Чалхушьян Г.Х. Красная книга. Ростов н/Д, 2008. С. 165.
5. Панкова-Козочкина Т.В., Скорик А.П. Первые шаги Донской организации кадетской партии // Вопросы истории. 2004. № 12. С. 135–142.
6. Панкова-Козочкина Т.В. Образование и деятельность кадетской партии на Дону (1905–1907): дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 1993. Приложения.
7. ГАРО. Ф. 434. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 и сл.
8. Чалхушьян Г.Х. Мысли, думы, лица. Тифлис, 1914. С. 2 (на арм. яз.).
9. Национальный архив Армении (НАА). Ф. 314. Оп. 30. Д. 4. Л. 2. Судя по приведенным фамилиям, практически все «беспартийные» — уроженцы Закавказья.
10. Там же. Ф. 314. Оп. 30. Д. 4. Л. 10.
11. Чалхушьян Г.Х. Мысли, думы, лица... С. 3.

Ю.А. Пирумян

Пирумяны в Российской империи и бывшем СССР

Фамилия «Пирумян» или ее русифицированный вариант с заменой окончания *-ян* на окончание *-ов* не самая распространенная

в армянской среде. Тем не менее семейные группы носителей этой фамилии встречались не только в крупных городах Российской империи и бывшего СССР, но и в сельской местности, особенно на Кавказе.

На сегодняшний день мне известны около 600 представителей этой фамилии в различных профессиональных категориях, в частности, военнослужащие, политические и общественные деятели, деятели науки. Биографии отдельных представителей этих категорий и будут кратко рассмотрены в настоящей статье.

Уже первые годы существования Российской империи отмечены появлением на ее окраине некоего Артемия Пирумова (Пирюмова), ставшего в 1726 г. эскадронным драгуном при Кизлярской крепости и уволившегося со службы в 1754 г. в возрасте 63 лет [1].

В 1819–1820 гг. при покорении некоторых областей Дагестана под руководством князя Валериана Мадатова отличился владделец деревни Нахичеваник Аскеранского района нынешней Нагорно-Карабахской Республики Асри-бек Пирумов, произведенный в чин подпоручика, хотя и без жалования [2].

Среди потомков Асри-бека Пирумова и его родных братьев есть и военнослужащие, достигнувшие высоких офицерских званий. Это Даниэл-бек Абисогомович Пирумов, Погос-бек Караманович Пирумов, Ремаль Николаевич Пирумов и Владимир Семенович Пирумов.

Даниэл-бек Абисогомович Пирумов (1861–1922), уроженец деревни Нахичеваник, выпускник Тифлисского пехотного юнкерского училища, полковник Русской армии, активный участник Эрзерумской и Эрзинджанской операций на Кавказском фронте Первой мировой войны, Георгиевский кавалер, общий командир отряда в судьбоносной Сардарapatской битве в мае 1918 г., генерал-лейтенант армии Первой Армянской республики, Национальный герой Армении.

Погос-бек Караманович Пирумов (1856–1921), также уроженец деревни Нахичеваник и также выпускник Тифлисского пехотного юнкерского училища, полковник Русской армии, участник Русско-японской войны, участник боев за Ван и Муш на Кавказском фронте Первой мировой войны, командир ударного 5-го Карабахского полка в Сардарapatской битве в мае 1918 г., генерал-майор армии Первой Армянской республики, Национальный герой Армении.

Ремаль Николаевич Пирумов (1925 г.р.), уроженец Баку, генерал-майор, выпускник Военной инженерной артиллерийской академии им. Ф.Э. Дзержинского, окончивший с отличием курсы переподготовки

инженеров для зенитных ракетных войск. В составе комиссии Главного командования зенитных ракетных войск занимался выбором позиций для вновь образованных зенитно-ракетных комплексов полков и бригад, проверкой их боевой готовности, оценкой стрельбы на полигонах.

В 1988–1998 гг. Ремаль Николаевич — профессор кафедры социологии и культурологии в МГТУ им. Н.Э. Баумана. Он разработал цикл лекций «Военное дело и культура», который пользовался у студентов большой популярностью. После отставки из армии Ремаль Николаевич — профессор кафедры информационной безопасности, подготовивший новые учебные курсы, например, «Основы информационной безопасности» и «Организационно-правовое обеспечение информационной безопасности». Ремалем Николаевичем опубликовано 55 научных и методических работ, в том числе 5 учебников и 8 учебных и методических пособий.

Владимир Семенович Пирумов (1926–2014), уроженец Караклиса (ныне Ванадзор в нынешней Республике Армения), контр-адмирал, окончил Высшее каспийское военно-морское училище им. С.М. Кирова в Баку. В 1948–1960 гг. служил на надводных кораблях Балтийского флота, в 1965 г. окончил Военно-морскую академию и адъюнктуру при ней, в 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию и посвятил себя преподавательской работе, создав новую для того времени кафедру Военно-морской академии «Радиоэлектронная борьба (РЭБ) Балтийского морского флота» и руководя ею. Кроме того, он разработал научно-методические основы подготовки кадров флота по проблемам РЭБ и информационной войне на море.

В 1974 г. Владимир Семенович — начальник Управления РЭБ при Главном штабе Военно-морского флота СССР, получил звание контр-адмирала, а в 1978 г. защитил докторскую диссертацию.

В 1985–1990 гг. он профессор и слушатель Высших академических курсов при Академии Генштаба Вооруженных сил, потом — начальник кафедры РЭБ Академии Генштаба Вооруженных сил, а после ухода в отставку — профессор этой кафедры в 1990–1998 гг.

Владимиром Семеновичем опубликовано около 180 научных работ и подготовлено 17 соискателей ученых степеней, в том числе 6 докторов наук.

Из политических и общественных деятелей можно упомянуть Варсеник Джавадовну Пирумову и Феликса Ашотовича Пирумяна.

Варсеник (Варвара) Джавадовна (1888–1941 гг.), правнучка владельца Нахичеваника Асри-бека Пирумова, в 1904 г. вступила в ряды большевистской партии и была хорошо знакома со Степаном Шаумяном. Свое гимназическое образование она дополнила, став в 1907 г. слушательницей физико-математического факультета Санкт-Петербургских высших женских бестужевских курсов. До 1917 г. Варсеник Джавадовна находилась в эмиграции в Женеве вместе с мужем, большевиком Славой Каспаровым, который вскоре после Февральской революции умер, а Варсеник Джавадовна вернулась в Россию в одном вагоне с Лениным. Она внесла значительный вклад в переговоры по карабахскому вопросу в Москве в июле 1920 г., когда армянская делегация во главе с Леоном Шантом и карабахская делегация (Арамаис Ерзнкян, Симоник Пирумян) вначале встретились с Варсеник Джавадовной и при ее непосредственном посредничестве вступили в переговоры с Г.В. Чичериным и Л.М. Караханом. Это событие в свое время отметила армянская пресса: «... Есть также очень влиятельная дама, Гаспарова, дочь карабахского Джавад-бека, которая имеет сильное влияние даже на Ленина» [3].

Работая заместителем заведующего отделом Центрального комитета партии, она была делегатом XIV съезда ВКП(б) в декабре 1925 г. В 1928 г. Варсеник Джавадовну исключили из партии, затем арестовали и Военной коллегией Верховного суда СССР 10 апреля 1937 г. приговорили к 10 годам тюремного заключения с поражением в правах на 5 лет. Позднее, в 1941 г., по обвинению в антисоветской агитации, распространении клеветнических измышлений о мероприятиях партии и советского правительства Варсеник Джавадовна была приговорена Военной коллегией Верховного суда СССР (заочно, по указанию ГКО от 6 сентября 1941 г., подписанному Сталиным) к расстрелу.

Феликс Ашотович Пирумян (1954 г.р.), уроженец Тбилиси, выпускник Ереванского политехнического института, в 1993–1995 гг. занимал должность министра строительства Республики Армения, в 1995–1999 гг. был министром городского строительства, а в 1999–2003 гг. — губернатором Ширака. В годы губернаторства Феликсом Ашотовичем были достигнуты серьезные успехи в строительстве. Например, в Гюмри было построено много жилья, и люди, лишенные во время землетрясения крова, переехали в новые квартиры. Много внимания уделял Феликс Ашотович и восстановлению объектов культурного значения этого города. Его заслуги были оценены мэрией Гюмри, вручившей ему

в 2005 г. городской герб. Некоторое время Феликс Ашотович занимал должность президента совета директоров концерна «МонАрх», а в последние годы он член президентского совета по строительству.

Среди деятелей науки получили широкую известность академик Ульян Гайкович Пирумов и профессор Геворг Петросович Пирумян.

Ульян Гайкович Пирумов (1931–2015), уроженец Москвы, окончил школу с золотой медалью, выпускник Московского физико-технического института, который окончил с отличием. Работая в НИИ тепловых процессов, Ульян Гайкович в 1960 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1969 г. — докторскую и получил звание профессора. В 1976 г. профессор Ульян Гайкович стал заведующим кафедрой вычислительной математики и программирования Московского авиационного института. Он известный ученый в области газовой динамики, неравновесных физико-химических процессов в высокотемпературных газовых потоках и двухфазных смесях, проектирования оптимальных сопел реактивных двигателей и математического моделирования технологических процессов. Им предложены современные методы проектирования сопел, развит и внедрен в промышленность ряд технологических процессов. За комплекс теоретических, расчетных и экспериментальных исследований по соплам реактивных двигателей Ульян Гайкович в 1979 г. был удостоен Государственной премии СССР, а за новый цикл работ по созданию газодинамических и математических моделей высокотемпературных технологических процессов и другие исследования Ульян Гайкович в 1987 г. был удостоен 2-й Государственной премии СССР. Результаты исследований Ульяна Гайковича внедрены в промышленность и народное хозяйство, он имеет 14 авторских свидетельств, является автором более 100 научных работ и руководителем 4 докторов и более 30 кандидатов наук. В 1996 г. Ульян Гайкович был избран академиком Российской академии естественных наук, а 30 мая 1997 г. стал членом-корреспондентом Российской академии наук по отделению проблем машиностроения, механики и процессов управления.

Геворг Петросович Пирумян (1954 г.р.), уроженец Еревана, окончил школу с золотой медалью, выпускник химического факультета Ереванского государственного университета, который окончил с отличием. В 1979 г. защитил кандидатскую диссертацию по специальности «Физическая химия», а в 1997 г. — докторскую диссертацию по специальности «Гидрология суши, водные ресурсы, гидрохимия».

Он профессор Ереванского государственного университета, заведующий кафедрой экологической химии, а также руководитель созданного им самим в университете Центра экологической безопасности. Геворг Петросович избран академиком Нью-Йоркской академии наук, действительным членом Национального географического общества США, академиком Российской академии естественных наук и национальным экспертом Международной ассоциации «Вода — экология — медицина». Он является членом научно-технического совета Министерства чрезвычайных ситуаций Республики Армения и членом редколлегии международных научных периодических журналов «Вода: химия и экология», «Вода и экология: проблемы и решения».

В 2008 г. Геворг Петросович получил звание почетного магистра в области экологии, а в 2011 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Армения». Он автор 5 монографий, более 270 научных статей, 15 патентов и разработчик около десятка технологий. В 2014 г. за вклад в развитие изобретательства Геворг Петросович награжден медалью им. А. Нобеля. Со времени основания в октябре 1992 г. Союза армянских дворян Геворг Петросович является его бессменным председателем.

Примечания

1. Армянское войско в XVIII веке: Из истории армяно-русского военного содружества (исследования и документы) / подгот. к изд. А.Н. Хачатрян. Ереван, 1986. С. 283–284.
2. Российский государственный исторический архив. Ф. 1343. Оп. 27. Д. 3101. Л. 15.
3. Мшак. 1920. 4 августа.

С.М. Саядов

С.Н. Глинка — историк армянского народа: историография вопроса

Писатель и общественный деятель Сергей Николаевич Глинка (1776–1847) был известен со времен 1812 г. как издатель журнала «Русский вестник», видный представитель консервативно-патриотического движения. Его имя встречается в исследованиях

по истории русской литературы, журналистики. Вместе с тем в исторической литературе почти не упоминаются его работы по истории Армении, не рассматриваются обстоятельства, обусловившие его обращение к арменистике, его вклад в русскую историографию армянского народа. Тогда как его работы по истории армянского народа, а также мемуары сохраняют свое значение и в наше время.

Прежде чем обратиться к работам С.Н. Глинки по армянской тематике, необходимо остановиться на характеристике его мировоззрения и исторической концепции в современной историографии. Исследователи обращали внимание на то, что, оставаясь в целом приверженцем консервативного направления, С.Н. Глинка так же, как и декабристы, увлекался всемирной историей, идеализировал Древнюю Грецию, республиканский период римской истории, из современных событий выделяя национально-освободительные движения народов. Соединение, казалось бы, несовместимых черт в мировоззрении С.Н. Глинки в литературе объясняется спецификой воспитательной системы кадетского корпуса, в стенах которого он прожил 12 лет (1783–1795). Сочетание просветительского гуманизма с идеей незыблемости существующего миропорядка, с мыслью о государстве как семье, где подчинение покоится на взаимной любви монарха-отца к детям-подданным, стало характерной чертой мировоззрения и творчества С.Н. Глинки. Для С.Н. Глинки была свойственна идеализация реальности, вера в изначальное верховенство добра над злом, стремление изменить мир с помощью слова, просвещения, примера нравственной жизни. Все его произведения и не в меньшей степени сочинения по армянской истории несут в себе эти черты мировоззрения и личности автора.

Обстоятельный историографический обзор работ о жизни и деятельности С.Н. Глинки дан в монографии Н.Н. Лупарёвой [1]. Книга представляет собой первое обобщающее исследование жизни и деятельности этого представителя консервативно-националистического лагеря периода царствования Александра I. Опираясь на многие работы С.Н. Глинки, Н.Н. Лупарёва выясняла его отношение к восточному направлению внешней политики России 1820-х гг. В результате анализа работ С.Н. Глинки она пришла к выводу о том, что он «распространял свой идеал общественно-политического устройства и представления о справедливых с его точки зрения основах миропорядка вообще на всю историю человечества, считая их универсальными для всех народов и всех эпох» [2].

Эта мировоззренческая и культурно-историческая концепция С.Н. Глинки нашла свое выражение и в его арменоведческих трудах. Последовательная национально-патриотическая позиция писателя, его постоянное внимание к истории народа российского — всё это предполагало уважительное отношение к истории и других народов.

Работы С.Н. Глинки представляют собой определенный рубеж в изучении истории Армении в России. В них история Армении, наполненная духом борьбы за свободу и независимость, изображена как одна из ярких страниц всемирной истории. Его книги и сегодня используются теми, кто изучает историю русско-армянских отношений, армянской освободительной борьбы, историю Армении в целом.

Цель нашего исследования определить вклад, который внес Сергей Глинка в русскую историографию Армении на основе анализа оценок, которые давались его сочинениям в публикациях современников, в последующих исследованиях его творчества.

Жизнь и деятельность С.Н. Глинки рассматривалась нами главным образом с точки зрения объяснения истоков его интереса к Армении. В пору творческой зрелости им были написаны сочинения, вобравшие в себя последние достижения исторической науки 1-й трети XIX в. и подводившие определенные итоги изучению истории Армении в России. С одной стороны, в воспоминаниях современников, трудах исследователей он обычно представлялся как автор, придерживающийся консервативных, национально-патриотических взглядов. Когда речь идет о новом предмете внимания писателя, вероятно, можно говорить не только о новой тематике его сочинений, но и об изменении его политических и историософских взглядов. С.Н. Глинка — консерватор и монархист, но в своих арменоведческих работах выступил как представитель передовой интеллигенции того времени. Это, по-видимому, было связано не только с «романтическим консерватизмом» писателя, но и главным образом с его увлечением армянской историей и культурой.

В обширном списке справочных изданий XIX–XX вв. сочинения С.Н. Глинки армянской тематики или не упоминаются, или же носят неполный характер. Например, в книге С.А. Венгерова [3], а также в статье Б.М. Федорова [4], в списке работ Глинки называются только «Две повести» и «Обозрение истории». В других справочно-библиографических изданиях, таких как «Русский биографический словарь» [5], словарь А. Старчевского [6], энциклопедический

словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [7], отсутствуют сведения о его работах по армянской тематике.

Впервые вопрос о необходимости специального исследования интересующего нас аспекта творчества С.Н. Глинки поставила С.Г. Арешян. Анализируя освещение темы «Армения и армяне» в истории русской литературы, она отмечала, что в XIX в. публикации на эту тему заметно расширились в связи с включением Кавказа и Закавказья в сферу интересов России. Среди таких имен, как Н.М. Карамзин, А.А. Бестужев-Марлинский, А.С. Грибоедов, А. Араратский, Д. Давыдов, внесших свой вклад в этот процесс, С. Арешян упоминает и С.Н. Глинку [8].

В истории русско-армянских литературных отношений 1830-х гг., по мнению С.Г. Арешян, С.Н. Глинка занимает свое достойное место. Она высказала, на наш взгляд, важную мысль о том, что Глинка не просто один из русских авторов, писавших об Армении. Его патриотизм проявлялся и в отношении к народам, проживающим в пределах Российской империи, особенно в отношении армян. До сих пор на эту грань деятельности Глинки не обращали должного внимания, между тем это особенно интересно, т.к. Глинка выступил как армянофил в период реакции, после разгрома декабристов.

В.Н. Парсамян в историографическом обзоре «Историография Армении первой половины XIX в.» отводит произведениям по истории Армении С.Н. Глинки особое место [9]. Наиболее интересные страницы в труде Глинки, на его взгляд, посвящены новой истории Армении, где автор сообщает об армянских колониях, беженцах, армянской торговле, об участии армян в русско-персидских и русско-турецких войнах, о присоединении Армении к России.

К.Н. Григорьян связывал предысторию русской школы арменоведения с деятельностью Лазаревского института, именами Якова и Давида Арзановых, а также с работами Сергея Глинки. Книги Глинки рассматриваемой тематики, считает исследователь, «являются первыми историческими работами об Армении, написанными русским исследователем» [10].

Высокую оценку Глинки-историка, в том числе его книг армянской тематики, дала З.О. Гукасян. Она полагает, что «Обозрение истории» относится к романтическому направлению в литературе и историографии [11].

М.А. Мурадян справедливо отмечает, что в дореволюционной русской историографии вопрос о присоединении Восточной Армении

к России одним из первых осветил именно С.Н. Глинка. Труды С.Н. Глинки ценны тем, что они давали русскому обществу четкое представление о богатой истории армянского народа, о его многовековой культуре. Мурадян делает вывод, что, хотя труды Глинки и вообще всей официальной историографии не свободны от апологетики монархических порядков в России, однако несомненно и то, что в целом они имеют большое значение для изучения истории армянского народа и событий, связанных с присоединением Восточной Армении к России, и не утратили своей актуальности и сегодня [12].

Сведения об истории Армении в русской исторической литературе всесторонне исследованы и систематизированы Р.Г. Хачатряном. Благодаря большому фактическому материалу, накопленному к началу XIX в., полагает он, в России с начала 2-й четверти XIX в. стало возможным создание специальных работ, целиком посвященных истории, культуре, языку армянского народа. Во многом благодаря работе С.Н. Глинки «Описание переселения», в русской исторической литературе закрепилось положение об узурпации армянских земель турецкими захватчиками и тезис о русской ориентации армян [13].

В исследовании Э.А. Акопяна «Арменоведение в России» обобщены некоторые аспекты творчества С.Н. Глинки в связи с тенденциями «развития русской романтической историографии и литературы», представители которой отличались обостренным интересом к «национальным культурам и их историческому прошлому». Романтик и «литературный историограф», имеющий отношение к школе Карамзина, С.Н. Глинка, считает Э.А. Акопян, сыграл значительную роль в становлении армянской историко-филологической науки в России [14]. Одним из достоинств сочинений С.Н. Глинки является то, что факты армянской истории он расцвечивал нравственно-философскими рассуждениями и романтической трактовкой явлений, это способствовало беллетризации исторического материала, поскольку его произведения изначально были обращены к широкой читательской аудитории.

А. Оганесян отмечает важность и перспективность специального изучения сочинений С.Н. Глинки по истории Армении. Он подчеркивает общедоступный, просветительский характер «Обозрения истории». Повторы, хронологические неточности, встречаемые на страницах книги, он объясняет особенностями тех исторических источников, которыми пользовался С.Н. Глинка. Рассматривая вопросы

присоединения Восточной Армении к России, Глинка, по мнению А. Оганесяна, остается поборником имперской политики царизма, отсюда его особое воодушевление в оценке исторического значения этого события. С.Н. Глинка заложил основу развития русской школы арменоведения [15].

Итак, обзор исторической литературы, содержащей упоминания, отзывы, оценки сочинений С.Н. Глинки по истории Армении, и, прежде всего, исследования С.Г. Арешян, К.Н. Григоряна, Э.А. Акопяна позволяют заключить, что работы С.Н. Глинки не укладываются в общепринятую в советской историографии периодизацию. По своему содержанию, по той исторической концепции, которая реализована в них, они выходят за рамки «дворянского периода» историографии, примыкая к передовой публицистике того времени, открывают новый этап, заложивший основы научного изучения истории Армении в России.

Примечания

1. Лупарева Н.Н. «Отечестволюбец»: общественно-политическая деятельность и взгляды Сергея Николаевича Глинки. Воронеж, 2012.
2. Там же. С. 162.
3. Венгеров С.А. Источники словаря русских писателей. Т. I. СПб., 1900. С. 771.
4. Федоров Б.М. Пятидесятилетие литературной жизни С.Н. Глинки. СПб., 1844. С. 22, 23.
5. Сивков К.В. Глинка Сергей Николаевич // Русский биографический словарь. М., 1995. С. 290–297.
6. Справочный энциклопедический словарь / под ред. А. Старчевского. Т. 3. СПб., 1854. С. 427–428.
7. Мазаев М. Глинка (Сергей Николаевич) // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Т. VIIIа. СПб., 1893. С. 854–855.
8. Арешян С.Г. Армения в русской литературе // Советская литература и искусство. 1944. № 4–5. С. 75–79 (на арм. яз.).
9. Парсамян В.Н. Историография Армении первой половины XIX в. // Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. М., 1955. С. 628.
10. Григорьян К.Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X — начало XX вв.). Ереван, 1974. С. 175.

11. Гукасян З.О. Русско-армянские литературные связи дореволюционного периода. Ереван, 1961. С. 8–9 (на арм. яз.).

12. Мурадян М.А. Присоединение Восточной Армении к России в оценке дореволюционной русской историографии и общественной мысли // Присоединение Восточной Армении к России и его историческое значение: сборник статей. Ереван, 1978. С. 70–71.

13. Хачатрян Р.Г. Русская историческая мысль и Армения (XVII — нач. XIX вв.). Ереван, 1987. С. 341, 335.

14. Акопян Э.А. Арменоведческие взгляды А.Н. Радищева и С.Н. Глинки (К изучению русско-армянских литературных и научных связей. XVIII — нач. XIX в.) // Литературные связи: исследования и материалы. Ереван, 1981. Т. 3. С. 93–125.

15. Оганесян А. Первое исследование истории Армении в России // Эчмиадзин. 2001. Январь С. 81–82, 90 (на арм. яз.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аваков Пётр Ашотович — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Авдулов Николай Степанович — кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Южный федеральный университет.

Айларов Алан Эльдарович — аспирант, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук.

Акопян Виктор Завернович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, Пятигорский государственный лингвистический университет.

Асатрян Анна Григорьевна — доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель искусств Армении, заместитель директора, Институт искусств Национальной академии наук Республики Армения.

Багаева Елена Михайловна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и музееведения, Краснодарский государственный университет культуры и искусств.

Баева Ольга Владимировна — доцент кафедры истории архитектуры, искусства и архитектурной реставрации, Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета.

Базиева Гульфия Джамаловна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского центра Российской академии наук.

Балановская Елена Владимировна — доктор биологических наук, профессор, заведующий лабораторией, Медико-генетический научный центр Российской академии медицинских наук.

Балановский Олег Павлович — доктор биологических наук, заведующий лабораторией, Институт общей генетики им. Н.И. Вавилова Российской академии наук.

Братолобова Мария Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета.

Вартумян Арушан Арушанович — доктор политических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт сервиса, туризма и дизайна Северо-Кавказского федерального университета.

Гарунова Нина Нурмагомедовна — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России XX–XXI вв., Дагестанский государственный университет.

Герасимова Юлия Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора, Центральный государственный архив Московской области.

Гомцяц Арат Двинович — доктор экономических наук, Генеральный консул Республики Армения в Южном федеральном округе.

Давтян Давид Альбертович — глава комитета по вопросам историко-культурного наследия, Союз армян Украины.

Дибирова Хадиджат Дибировна — кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Медико-генетический научный центр Российской академии медицинских наук.

Епископосян Левон Михайлович — доктор биологических наук, профессор, заведующий лабораторией, Институт молекулярной биологии Национальной академии наук Республики Армения.

Женетль Нурбий Хазретович — кандидат исторических наук, доцент, Майкопский государственный технологический университет.

Иванцов Игорь Григорьевич — кандидат исторических наук, доцент, Краснодарский государственный университет культуры и искусств.

Казаров Саркис Суренович — доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет.

Казарова Нина Акоповна — доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет.

Камалян Маргарита Арсеновна — кандидат искусствоведения, ученый секретарь, Институт искусств Национальной академии наук Республики Армения.

Канукова Залина Владимировна — доктор исторических наук, профессор, директор, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук.

Карапетян Лева Александрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Краснодарский государственный университет культуры и искусств.

Касьянов Валерий Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, Кубанский государственный университет.

Крамаров Николай Иванович — кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета.

Крамарова Елена Николаевна — аспирант, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Ктиторов Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, Армавирская государственная педагогическая академия.

Любина Татьяна Ивановна — директор, Государственный архив историко-политических документов Московской области.

Магарамов Шарафетдин Арифович — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук.

Магомедов Назим Абдурахманович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук.

Манукян Сурен Альбертович — кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Матвеев Герман Аронович — кандидат исторических наук, профессор кафедры евразийских исследований и регионалистики, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Матишов Геннадий Григорьевич — академик, Председатель Южного научного центра Российской академии наук.

Мелкоян Валерий Владимирович — студент, Донской государственный технический университет.

Минасян Смбат Альбертович — кандидат исторических наук, преподаватель, Ереванский государственный университет.

Мирзоян Соня Суреновна — кандидат исторических наук, заместитель директора, Национальный архив Армении.

Молодов Олег Борисович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук.

Папаян Кристина Лерниковна — старший лаборант, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета.

Пирумян Юрий Леонович — научный сотрудник, Московский государственный технический университет им. Баумана.

Поцешковская Ирина Витальевна — кандидат архитектуры, доцент кафедры основ архитектурно-художественного проектирования, Академия архитектуры и искусств Южного федерального университета.

Садым Каринэ Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, психологии и педагогики, Кубанский государственный медицинский университет.

Самарина Наталья Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета.

Саргсян Татевик Эдуардовна — кандидат исторических наук, главный специалист, Научно-исследовательский центр памятниковохранных исследований.

Саркисян Армен Шаваршович — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения.

Саядов Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, исполнительный директор РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община».

Сень Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор кафедры специальных исторических дисциплин и документоведения, Южный федеральный университет.

Сериков Антон Владимирович — кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе и экспертной деятельности, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Сивков Сергей Михайлович — кандидат исторических наук, ведущий кафедрой философии и истории, Южный институт менеджмента.

Суций Сергей Яковлевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук.

Тарасова Тамара Тихоновна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра Российской академии наук.

Тер-Саркисянц Алла Ервандовна — доктор исторических наук, действительный член Российской академии естественных наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

Тикиджьян Руслан Геннадьевич — кандидат исторических наук, доцент, Донской государственный технический университет.

Халпахчян Вардуи Оганесовна — ученый секретарь, Centro internazionale di studi “Pavel Muratov” (Международный научно-исследовательский центр им. Павла Муратова).

Хамада Карен — магистр искусств, докторант Токийского государственного университета.

Хатламаджиян Акоп Срабионович — независимый исследователь.

Чекулаев Николай Дмитриевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук.

Черноус Виктор Владимирович — кандидат политических наук, профессор, заведующий кафедрой конфликтологии и национальной безопасности, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Чолахян Вачаган Альбертович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской цивилизации и методики преподавания истории, Институт истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Чухряева Марина Игоревна — научный сотрудник, Медико-генетический научный центр Российской академии медицинских наук.

Яновский Вячеслав Сергеевич — кандидат исторических наук, старший преподаватель, Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки.

Научное издание

**Армяне Юга России:
история, культура, общее будущее**

Материалы II Международной научной конференции
(Ростов-на-Дону, 26–28 мая 2015 г.)

Корректор И.В. Бобякова
Оригинал-макет Н.А. Власкина
Перевод Т.Л. Батиева

Подписано в печать 10.04.2015
Бумага офсетная. Печать цифровая
Формат 60×84/16. Гарнитура Arno Pro. Усл. п.л. 17,67
Тираж 100 экз.

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41
Тел. (863) 250-98-21, факс (863) 266-56-77

Отпечатано в типографии
Таганрогского института управления и экономики
347900, г. Таганрог, ул. Петровская, д. 45/47